

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Том 10, № 1 (2023)

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2023

Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific journal

ISSN 2409-1030

Volume 10, No. 1 (2023)

Published four times a year

Stavropol
2023

Журнал «Гуманитарные и юридические исследования» – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий работы, изучающие различные проявления многообразия восточной и западной цивилизаций.

Миссия журнала «Гуманитарные и юридические исследования» – способствование развитию исследований, посвященных цивилизациям Запада и Востока, специфике их взаимоотношений; публикация оригинальных статей, обзоров по истории цивилизаций, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств, рецензий монографий, сборников статей, материалов международных и всероссийских конференций. Важное место в деятельности журнала отводится расширению международного сотрудничества с научным сообществом государств дальнего и ближнего зарубежья в рамках актуальных проблем истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных стран.

Цель журнала заключается в выявлении и публикации научных исследований высокого уровня по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии России и зарубежных стран, опирающихся на современные теоретико-методологические подходы, максимально широкий круг источников и соблюдающих этику издания научных публикаций. Значительное внимание в редакционной политике уделяется анализу сложных и дискуссионных тем истории, филологии, юриспруденции России и зарубежных государств, цивилизационного взаимодействия и межкультурного диалога, специфики развития различных цивилизаций и их культурных кодов, интеллектуального наследия западных и восточных цивилизаций.

Редакционная коллегия поддерживает междисциплинарные исследования и академическую полемику, рассматривая его как основу для представления различных точек зрения научных школ, мировоззренческих концепций, методологических подходов в современной гуманитаристике.

В журнале «Гуманитарные и юридические исследования» публикуются научные работы по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств. Журнал вводит в научный оборот архивные и другого рода документы; публикует информацию о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах, юбилеях известных российских и зарубежных ученых.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Разделы журнала:

Исторические науки (всеобщая история, отечественная история, источниковедение); юридические науки (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; финансовое право; налоговое право; бюджетное право; земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; административное право; административный процесс); филологические науки (теория языка).

ISSN 2409-1030

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Выходит 4 раз в год

Дата выхода первого номера: 16.05.2014.

Сведения о переименовании: журнал «Юридические исследования» (свидетельство ПИ № ФС7751091 от 4 сентября 2012 года) в 2014 году был переименован и ныне выходит под названием «Гуманитарные и юридические исследования»

Тираж 500 экз.

Свободная цена

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Телефон: (8652) 75-28-64.

E-mail: gujournal@ncfu.ru; сайт: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

Адрес издательства Научной библиотеки ФГАОУ ВО «СКФУ»:

355029, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2023

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Научно-теоретический журнал

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Ответственный секретарь

Амбарцумян К. Р. – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Редакционный совет

Исмаил Тогрул – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор факультета международных отношений Университета Экономики и Технологий Торговых Палат и Бирж Турции (г. Анкара, Турция);

Мамонов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Россия);

Мелконян А. А. – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения, директор Института истории НАН Армении (г. Ереван, Армения);

Мюллер В. – д-р ист. наук, профессор, профессор института восточно-европейской истории Венского университета (г. Вена, Австрия);

Репина Л. П. – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);

Саваи Ф. – д-р ист. наук, профессор, профессор Капошварского университета (г. Капошвар, Венгрия);

Фролов Д. Д. – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор, директор института истории и международных отношений Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Анисимов А. П. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград, Россия);

Артамонова Е. А. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет, профессор (г. Ставрополь, Россия);

Бакаева О. Ю. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Беликов А. П. – д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Блинов А. Г. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Борисова Т. Г. – д-р. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой родных языков и лингводидактики Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь, Россия);

Бредихин С. Н. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Булыгина Т. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гладышев А. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия);

Грязнова В. М. – д-р. филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гусаренко С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Демченко Т. И. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

- Дроздова А. М.** – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Ежова Е. Н.** – д-р. филол. наук, профессор, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Каменский М. В.** – д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Каширина Т. В.** – д-р. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Россия);
- Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Клычников Ю. Ю.** – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия);
- Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Кузьминов П. А.** – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х. М. Бербекова (г. Нальчик, Россия);
- Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону);
- Мехди Хоссейни Тагиабад** – профессор, директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (г. Тегеран, Иран);
- Мирошниченко Н. В.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь, Россия);
- Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Позднышов А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону, Россия);
- Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);
- Радбиль Т. Б.** – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия);
- Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Россия);
- Савина В. С.** – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова (г. Москва, Россия);
- Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Старилов Ю. Н.** – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия);
- Цихорацкий П.** – д-р. ист. наук, профессор, профессор Вроцлавского университета (г. Вроцлав, Польша);
- Чаннов С. Е.** – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой служебного и трудового права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина-филиал РАНХиГС (г. Саратов, Россия);
- Чичман Л.** – д-р полит. наук, профессор института международных, политических и региональных исследований Будапештского университета Корвина (Будапешт, Венгрия);
- Шварц И.** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (г. Вена, Австрия);
- Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор, директор института сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета (г. Пятигорск, Россия);
- Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков для гуманитарных и естественнонаучных специальностей Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);
- Ширяева Т. А.** – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск, Россия).

Переводчик-редактор

Марченко Т. В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия).

«Humanities and law research» journal

«Humanities and law research» journal is a peer-reviewed open access academic journal that publishes papers analyzing various manifestations of the diversity of Eastern and Western civilizations.

The mission of «Humanities and law research» journal is to contribute to the development of research on the civilizations of the West and the East, the specifics of their relationships; publication of original articles, reviews on the history of civilizations, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries, reviews of monographs, collections of articles, works of international and All-Russia conferences. An important area in the journal's activities is the development of international cooperation with the scientific communities in foreign countries in the framework of topical issues of the history of civilizations of the East and the West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries.

The purpose of the journal is to identify and publish top-level research works on the history of civilizations of the East and West, philology of Russia and foreign countries which are based on modern theoretical and methodological approaches as well as a wide range of sources and follow the academic publication ethics.

Considerable attention in the editorial policy is paid to the analysis of complex and controversial topics of history, philology, jurisprudence of Russia and foreign countries, civilizational interaction and intercultural dialogue, the specifics of the development of various civilizations and their cultural codes, the intellectual heritage of Western and Eastern civilizations. The Editorial Board supports interdisciplinary research and academic discussions, considering it as a basis for presenting various points of view of scientific schools, concepts, methodological approaches in modern humanities.

«Humanities and law research» journal publishes academic papers on the history of civilizations of the East and West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries. The journal introduces archival and other documents into academic circulation; provides information about new publications, scientific congresses, conferences, seminars, jubilees of prominent Russian and foreign scholars.

The journal publishes papers in Russian and English.

Sections of the journal:

Historical sciences (World History, National History, Source Studies); Legal sciences (theory and history of law and the state; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; civil law; business law; family law; international law; financial law; tax law; budget law; land law; natural resource law; environmental law; agrarian law, criminal law and criminology; penal law; administrative law; administrative process); Philological sciences (theory of language).

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

ISSN 2409-1030

Published four times a year

Release date of the first issue: 05.16.2014.

Information about the renaming: the journal «Legal research» (certificate PI No. FS77-51091 dated September 4, 2012) was renamed in 2014 and is now published under the name «Humanities and law research».

Circulation: 500 copies

Free price

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

The address of the editorial office: 1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

E-mail: gujournal@ncfu.ru; website: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

The address of the publishing and printing complex of the North-Caucasus Federal University:

2, Kulakov Street, Stavropol 355029.

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific journal

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution
for Higher Education "North-Caucasus Federal University"

Editor-in-Chief

Igor V. Kryuchkov – Doctor of History, Professor, Head of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Vice Editor-in-Chief

Dmitrii A. Smirnov – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of Administrative and Financial Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Executive editor

Karine R. Ambartsumyan – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Editorial Council

Togrul Ismail – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Associate Professor, University of Economics and technology chamber of Commerce and stock exchanges of Turkey (Ankara, Turkey);

Vadim V. Mamonov – Doctor of Law, Professor, Head of State Law Department, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia);

Ashot A. Melkonyan – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia, Director of Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Erevan, Armenia);

Wolfgang Müller – Doctor of History, Professor, East European History Department, University of Vienna (Vienna, Austria);

Lorina P. Repina – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Ferenc Szávai – Doctor of History, Professor, Professor of the Kaposvar University (Kaposvar, Hungary);

Dmitrii D. Frolov – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland (Helsinki, Finland).

Editorial Board

Viktor Yu. Apryschenko – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Alexey P. Anisimov – Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch, Russia);

Elena A. Artamonova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Olga Yu. Bakaeva – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Alexandr P. Belikov – Doctor of History, Associate Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandr G. Blinov – Doctor of Law, Professor, Head of Criminal and Criminal Executive Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Tatiana G. Borisova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Native Languages and Linguodidactics Department Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russia);

Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamara A. Bulygina – Doctor of History, Professor, Professor of History of Russia Department, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Andrey V. Gladyshev – Doctor of History, Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);

Violetta M. Gryaznova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian as a Foreign Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

- Tamila I. Demchenko** – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Alexandra M. Drozdova** – Doctor of Law, Professor, Professor of Legal Culture and Protection of Human Rights Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Elena N. Ezhova** – Doctor of Philology, Professor, Head of Advertising and Public Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Mikhail V. Kamenskii** – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Romano-Germanic Philology and Linguistics, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Tatiana V. Kashirina** – Doctor of History, Professor, Head of International Relations and Foreign Policy of Russia Department, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia);
- Irina N. Klyukovskaya** – Doctor of Law, Professor, Head of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Yurii Yu. Klychnikov** – Doctor of History, Professor, Professor of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology Department, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);
- Marina E. Kolesnikova** – Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, Director of the Humanitarian Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Irina A. Krasnova** – Doctor of History, Professor, Professor of Foreign History, Political Science and International Relations Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Petr A. Kuzminov** – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia);
- Marina V. Laskova** – Doctor of Philology, Professor, Head of Translation and Information Technology in Linguistics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);
- Nadezhda V. Miroshnichenko** – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State and Municipal management of Stavropol State Agricultural University (Stavropol, Russia);
- Igor V. Mukhachev** – Doctor of Law, Professor, Head of Constitutional and International Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Mehdi Hosseini** – Professor, Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Tehran, Iran);
- Eleonora S. Navasardova** – Doctor of Law, Professor, Head of Environmental Law, Land and Law of Employment Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Alexey N. Pozdnyshov** – Doctor of Law, Professor, Head of Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINKH) (Rostov-on-Don, Russia);
- Vasilii V. Popov** – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);
- Timur B. Rudbil** – Doctor of Philology, Professor, Head of theoretical and applied linguistics Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia);
- Anatolii Ya. Ryzhenkov** – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil and International Private Law, Volgograd State University (Volgograd, Russia);
- Victoriya S. Savina** – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Civil Law Disciplines Department, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia);
- Svetlana V. Serebriakova** – Doctor of Philology, Professor, Head of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Yurii N. Starilov** – Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Head of the Administrative and Administrative Procedural Law Department, Voronezh State University (Voronezh, Russia);
- Piotr Cichoracki** – Doctor of History, Professor of Wrocław University (Wrocław, Poland);
- Sergey E. Channov** – Doctor of Law, Professor, Head of Service and Labor Law Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin (Saratov, Russia);
- László Csicsmann** – Doctor of Political Sciences, Professor of International, Political and Regional Studies Institute, Budapest University "Corvinus" (Budapest, Hungary);
- Iskra Schwarcz** – Doctor of History, Professor, Professor of Vienna University (Vienna, Austria);
- Tatiana A. Shebzuhova** – Doctor of History, Professor, Director of Service, Tourism and Design Institute (branch of the "North-Caucasus Federal University" Pyatigorsk, Russia);
- Ludmila M. Shcherbakova** – Doctor of Law, Professor; Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Oksana S. Shibkova** – Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Languages for Humanities and Natural Sciences Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
- Tatiana A. Shiryaeva** – Doctor of Philology, Professor, Head of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia).

Translator-editor

Tatiana V. Marchenko – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Theory and Practice of Translation and Interpreting Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Акопян З. В. Минеральные Воды: столица Северо-Кавказского края – решение, оставшееся в проекте	11
Булыгина Т. А., Романова Н. В. Попытка реализации проекта «новый советский человек» в контексте региональных потребностей. на материале политпросвета Ставропольского округа в 1924–1925 гг.	19
Гранкин Ю. Ю., Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. К вопросу о реконструкции службы и быта священно-церковнослужителей Кавказской области в первой половине XIX века	29
Дугинец С. М. Десять лет истории Северо-Кавказского краевого музея горских народов им. большевика Муссы Кундухова (1926–1936 гг.).....	35
Журтова А. А., Колесникова М. Е., Кринко Е. Ф., Пономарева М. А. Проблема интеграции и формирования российско-кавказского социокультурного единства в конце XVIII–XX вв.: историографический аспект.....	42
Иванцов И. Г., Дубинин И. В. «Любезный сын мой Иоанн». из писем Диомиды Нестеровича Попко Ивану Диомидовичу Попко (1857–1870 гг.).....	50
Кузнецова Е. В. Географический и хозяйственный факторы как условия «иммунитетности» в жизни народов Северного Кавказа первой половины XIX века	57
Кукленко О. М. Развитие женского духовного образования в России во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Кавказской (Ставропольской) епархии).....	64
Кушнерёв В. В., Майоров В. А. Специальная подготовительная школа ВВС в Краснодаре (1941–1955 гг.).....	71
Младенович М., Томич М. Одностороннее провозглашение независимости Косово и Метохии – прецедент в международной политике	77
Сахаров С. А. Коррупция в системе социально-политических ориентаций Аврелия Августина	88
Любезный И. В., Смагина С. М. Процесс чистки студенческого состава высшей школы Юга России в 1924 году: приоритеты и итоги	98
Стрекалова Е. Н. «Инструменты» национальной политики в развитии высшей школы на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг.	106

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Волков А. А., Ряснянская Н. А. К вопросу об условиях формирования правовой культуры и правосознания современного молодого поколения в Российской Федерации	116
Дудкин Д. А. Гражданско-правовые проблемы договорных отношений в рамках взаимодействия между детективами и правоохранительными органами.....	123
Подройкина И. А. Особенности преступности и противодействия ей в Северокавказском федеральном округе.....	130
Рукавишников С. М. Административно-правовые средства организации получения высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров.....	136

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Каменский М. В. Дискурсивные маркеры как когнитивные доминанты речевого взаимодействия в разносистемных языках	142
Манасян Л. Ю., Грушевская Т. М. Актуализация вестиментарного кода в контексте советского дискурса моды 1960-х гг. (аксиологический аспект).....	150
Мирошникова Е. А. Лексические особенности рекламных текстов как маркер культурной специфики.....	159
Серебрякова С. В., Суетина О. Г. Типы аргументативных фреймов, структурирующих тексты судебных решений.....	166

CONTENTS

HISTORY

Akopyan Z. V. Mineralnye Vody: the capital of the North-Caucasus region – the solution remaining in the project.....	11
Bulygina T. A., Romanova N. V. An attempt to implementation «the new soviet man» project in the context of regional needs. on the material of political education of the Stavropol district in 1924–1925	19
Grankin Yu. Yu., Klychnikov Yu. Yu., Lazaryan S. S. On reconstruction of the service and life of the church priests of the Caucasus region in the first half of the XIX century	29
Duginets S. M. Ten years of history of the North-Caucasus Regional Museum of Mountain Peoples named after Bolshevik Mussa Kundukhov (1926–1936).....	35
Zhurtova A. A., Kolesnikova M. E., Krinko E. F., Ponomareva M. A. The problem of integration and the formation of Russian-Caucasian socio-cultural unity at the end of the 18th – 20th centuries: a historiographical aspect.....	42
Ivantsov I. G., Dubinin I. V. «My dear son John» from the letters of Diomid Nesterovich Popko to Ivan Diomidovich Popko (1857–1870).....	50
Ekaterina V. K. Geographical and economic factors as the conditions of «immunity» in the life of the peoples of the North Caucasus in the first half of the 19th century	57
Kuklenko O. M. The development of education of women of the clergy by the example of the Caucasian (Stavropol) diocese in the second half of the XIX – early XX centuries	64
Kushnerev V. V., Mayorov V. A. Special Air Force Preparatory school in Krasnodar (1941–1955)	71
Mladenovich M., Tomic M. The unilateral declaration of independence of Kosovo and Metohija is a precedent in international politics.....	77
Sakharov S. A. Corruption in the system of social and political views of Aurelius Augustine.....	88
Lyubeznyi I. V., Smagina S. M. The process of purification of the student structure of the higher school of the South of Russia in 1924: priorities and results	98
Strekalova E. N. «Instruments» of national policy in the development of higher education in the North Caucasus in the 1920s – 1930s.....	106

LEGAL SCIENCES

Volkov A. A., Rysanyanskaya N. A. On the conditions for the formation of legal culture and legal awareness of the modern young generation in the Russian Federation	116
Dudkin D. A. Civil law problems of contractual relations in the framework of interaction between detectives and law enforcement agencies.....	123
Podroykina I. A. Features of crime and counteraction to it in the North-Caucasus federal district.....	130
Rukavishnikov S. M. Administrative legal means for the organization of getting higher education and the training of scientific and teaching staff.....	136

PHILOLOGICAL SCIENCES

Kamensky M. V. Discourse markers as cognitive dominants of communication in different language systems.....	142
Manasyan L. Yu., Grushevskaya T. M. Actualisation of the vestimentary code in the context of the soviet fashion discourse of the 1960s (axiological aspect).....	150
Miroshnikova E. A. Lexical peculiarities of advertising texts as a marker of cultural specificity	159
Serebriakova S. V., Suetina O. G. Types of argumentative frames structuring the texts of court decisions	166

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORY

УДК 94(470.61)"1920/1930"(047)
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.1>

З. В. Акопян

МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ: СТОЛИЦА СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ – РЕШЕНИЕ, ОСТАВШЕЕСЯ В ПРОЕКТЕ

Настоящая статья посвящена обсуждению вопроса о новом административном центре Северо-Кавказского края (СКК), образованного в январе 1934 года, после выделения из него Азово-Черноморского края. Тогдашнее руководство страны приняло решение разместить столицу СКК в городе Георгиевске, но в результате дальнейшего обсуждения, спустя два месяца, – в Минеральных Водах. Планировалось вместе с тем, что до строительства административных зданий в новом центре краевые власти будут находиться в городе-курорте Пятигорске.

В статье автор раскрывает основные причины принятия решения в пользу Минеральных Вод. Этот город в качестве центра Северо-Кавказского края имел следующие преимущества: 1) Минеральные Воды являлись самым крупным в крае железнодорожным транспортным узлом. 2) Здесь находился крупнейший на Юге России аэропорт. 3) В городе динамично развивалась промышленность, а рабочий класс составлял доминирующее население – для государства «диктатуры пролетариата» это имело важное значение. 4) Близость к курортному городу позволяла руководству края проживать в Пятигорске, а работать в Минеральных Водах.

В статье приводятся некоторые причины, почему центральные и краевые власти пересмотрели решение построить административный центр Северо-Кавказского края в Минеральных Водах. Во-первых, необходимость вложения в строительство центра значительных финансовых средств. Во-вторых, нежелание краевых чиновников покидать временный центр края г. Пятигорск. В-третьих, центральные власти страны продолжали поиск оптимального, с их точки зрения, административно-территориального устройства, что могло в очередной раз изменить решение о региональном центре. Выход из этого положения был найден в официальном закреплении за Пятигорском статуса постоянного центра Северо-Кавказского края.

Ключевые слова: Юг России, Северо-Кавказский край, Кавказские Минеральные Воды, Всесоюзная коммунистическая партия большевиков, административно-территориальное строительство, курорты, центр.

Для цитирования: Акопян З. В. Минеральные Воды: столица Северо-Кавказского края – решение, оставшееся в проекте // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 11–18. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.1

Zaven V. Akopyan

MINERALNYE VODY: THE CAPITAL OF THE NORTH-CAUCASUS REGION – THE SOLUTION REMAINING IN THE PROJECT

The article is devoted to the discussion of the issue of the new administrative center of the North-Caucasus Region (NCR), formed in January 1934, after the separation of the Azov-Black Sea Region from it. The then leadership of the country decided to place the capital of the NCR in the city of Georgievsk, but as a result of further discussion, two months later – in Mineral Waters. At the same time, it was planned that before the construction of administrative buildings in the new center, the regional authorities were to be located in the resort city of Pyatigorsk.

The author reveals the main reasons for making a decision in favor of Mineralnye Vody. This city as the center of the North-Caucasus Region had the following advantages: 1. Mineralnye Vody was the largest railway transport hub in the region. 2. The largest airport in the South of Russia was located there. 3. Industry was developing dynamically in the city, and the working class was the dominant population – this was important for the state of the «dictatorship of the proletariat». 4. Proximity to the resort town allowed the leadership of the region to live in Pyatigorsk, and work in Mineralnye Vody.

The article provides some reasons why the central and regional authorities reconsidered the decision to build the administrative center of the North-Caucasus Region in Mineralnye Vody. Firstly, there was the need to invest significant financial resources in the construction of the center. Secondly, it was the reluctance of regional officials to leave the temporary center of the region, Pyatigorsk. Thirdly, the central authorities of the country continued to search for the optimal, from their point of view, administrative-territorial structure, which could once again change the decision on the regional center. A way out of this situation was found in the official consolidation of the status of the permanent center of the North-Caucasus Region for Pyatigorsk.

Key words: South of Russia, North Caucasus region, Caucasian Mineralnye Vody, All-Union Communist Party of Bolsheviks, administrative-territorial construction, resorts, center.

For citation: Akopyan Z. V. Mineralnye Vody: the capital of the North-Caucasus region – the solution remaining in the project // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 11–18 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.1

В начале января 1934 г. политическая элита Дона и Северного Кавказа с удивлением узнала о коренном переформатировании (разделении на две части) просуществовавшего десять лет Северо-Кавказского края (СКК) с центром в Ростове-на-Дону. А зимой-весной того же года в Москве и в крае обсуждался вопрос, где должен находиться постоянный центр СКК, принявшего новую территориальную конфигурацию, но сохранившего старое название. История выбора столицы СКК, в частности выявление причин, по которым решением Москвы ею не стали города Георгиевск и Минеральные Воды, осталась без внимания исследователей. В данной статье основное внимание обращено на «Минводский» проект центра СКК¹.

10 января 1934 г. было принято короткое по объему постановление ВЦИК СССР «О разделении территории существующего Северокавказского края на Азово-Черноморский край с центром в г. Ростове-на-Дону и Северокавказский край с центром в г. Пятигорске, с последующим перенесением краевого центра в г. Георгиевск» [21]. Этому постановлению законодательного советского органа РСФСР предшествовало решение на партийном уровне.

Методом опроса членов Политбюро (ПБ) ЦК ВКП(б) от 1 января 1934 г. партийная восьмерка (И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, М. И. Калинин, В. В. Куйбышев, В. М. Молотов, Г. К. Орджоникидзе и кандидат в члены ПБ А. И. Микоян) приняла постановление (п. 92/73) «О разделении Северо-Кавказского края». В соответствии с документом, прежний СКК разделялся на два: а) Азово-Черноморский край – в его состав входили районы Дона (с Северной областью) и Кубани и Адыгейская АО; б) СКК – в его составе оставались Черкесская, Карачаевская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Чечено-Ингушская автономные области, Дагестанская АССР и 17 преимущественно русских районов [16; 17, л. 70–88], которых в результате разукрупнения вскоре стало 43 [2].

Партийное постановление о разделении СКК, как и другие решения, принятые методом опроса, датированы не только январем 1934 г., но и декабрем предшествующего года. Все они вошли в общий протокол заседания ПБ ЦК ВКП(б) с итоговой датой 20 января 1934 г. [16; 17, л. 1 – 88; 18, л. 160–183].

Территория нового СКК (более 170 тыс. кв. км) превышала площадь многих европейских государств. Центром его устанавливался г. Георгиевск, «а временно до возведения в Георгиевске помещений – Пятигорск (на год)» [16].

1 Причины отказа от г. Георгиевска как центра СКК рассматриваются в статье Апопьяна В.З. и Пахомовой Е. В. Георгиевск: Несостоявшаяся столица Северо-Кавказского края // Философия права. Научно-теоретический журнал Ростовского юридического института МВД России, 2022. № 3 (102). С. 159–169.

Политбюро утвердило Оргбюро по созыву конференции нового СКК в составе Е. Г. Евдокимова², В. М. Путнина³, Б. Э. Калмыкова⁴ и И. Я. Дагина⁵. При этом постановлялось «наметить первым секретарем Северо-Кавказского края т. Евдокимова, вторым секретарем – т. Путнина, predisполкома края – т. Калмыкова» [16; 19, л. 160–173].

Опять же посредством опроса членов ПБ 6 января 1934 г. «во изменение постановления» Бюро от 1 января на должность председателя Крайисполкома (КИК) СКК предложен М. Д. Горчаев⁶, его заместителя – И. П. Нудьга. Этим же протоколом 7 января во главе политического представительства (ПП) ОГПУ СКК утвердили И. Я. Дагина. На следующий день, 7 января, то есть ровно через неделю после решения ЦК о создании нового СКК, состоялось заседание Оргбюро по созыву Северо-Кавказской краевой конференции ВКП(б) [8, л. 2].

На этом же заседании Оргбюро Крайкома приняло постановление, в соответствии с которым ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) СКК, Краевая милиция, Оргбюро Крайисполкома (КИК), Краевой отдел народного образования (КрайОНО), Краевая контора связи, Краевой отдел снабжения (Крайснаб) обязывались в срок до 15 января выехать в Пятигорск – временный центр СКК. Оргбюро КИК поручалось установить порядок и очередность «перебросок» работников советско-хозяйственных органов в Пятигорск [8, л. 3].

Итак, постоянной столицей нового СКК был определен город Георгиевск, который в период утверждения России на Кавказе некоторое время выполнял функцию крупного регионального центра. После восстановления 15 ноября 1802 г. Кавказская губернии (выделена из Астраханской губернии), ее центром был определен город Георгиевск. Кавказская губерния 24 июля 1822 г. была преобразована в область, состоявшую из уездов (с 1827 г. – округов). Георгиевск по разным причинам не привлекал царских чиновников и военных

2 Евдокимов Ефим Георгиевич (1891–1940). С 1923 по 1929 г. – полпред ОГПУ по СКК. В 1929–1932 гг. в руководящих органах ОГПУ СССР и полномочный представитель ОГПУ в Средней Азии. С ноября 1932 г. – полпред ОГПУ по СКК. С 1 января 1934 г. по 7 января 1937 г. – первый секретарь СК Крайкома.

3 Путнин Владимир Маркович (латыш. Putniņš Voldemārs) (1896–1938). В январе 1934 г. – секретарь СК Крайкома по снабжению; в январе 1934 г. – августе 1935 г. – второй секретарь СК Крайкома [22].

4 Калмыков Бетал Эдыкович (1893–1940). В 1929–1938 гг. – первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б).

5 Дагин Израиль Яковлевич (1895–1940) – руководящий сотрудник ВЧК-ГПУ-НКВД СССР, комиссар госбезопасности 3-го ранга. С марта 1933 г. – заместитель полпреда ОГПУ по СКК. В январе 1934 г. – апреле 1937 г. – полпред ОГПУ и начальник УНКВД по СКК [15].

6 Горчаев Михаил Дмитриевич (1881–1961). В 1932–1934 гг. – член Президиума ЦК ВКП(б), одновременно в 1933–1934 гг. – председатель СК КК, председатель Оргкомитета Президиума ВЦИК по СКК [22].

в качестве административного центра. 6 сентября 1824 г. командующий Отдельным Кавказским корпусом (1816–1827) генерал от инфантерии А. П. Ермолов в своем рапорте Александру I предложил перевести все присутственные места из Георгиевска в Ставрополь.

Желание краевой номенклатуры воспользоваться всеми прелестями курортного Пятигорска, комфортными условиями проживания, целебными водами источников, прекрасным климатом обусловило стремление руководства Крайкома и Оргбюро КИК превратить временный центр края в постоянный. Вот почему одним из самых важных вопросов, которые находились в центре внимания руководства, была забота о благоустройстве краевых работников на курорте. Так, 22 января 1934 г. на заседании бюро крайкома слушался вопрос о жилищном строительстве и благоустройстве г. Пятигорска. Бюро поручило И. П. Нудье (зампредседателя Оргкомитета ВЦИК по СКК), Д. А. Готлоберу (председатель Крайплана СК) и А. Н. Лебедеву (зам. управляющего Коммухозом СКК) с «привлечением специалистов изучить и дать заключение о приспособленности г. Пятигорска и строительства г. Георгиевска для краевого центра в течение 15-ти дней» [7, л. 2 об].

Для изучения вопроса о планах строительства центра СКК в Георгиевске в Пятигорск прибыл начальник планово-финансового отдела Наркомата коммунального хозяйства РСФСР, заместитель наркома коммунального хозяйства И. И. Нейбах. Познакомившись с городами Кавказских Минеральных Вод (КМВ) и Георгиевском, 18 февраля он выступил на заседании бюро крайкома с докладом «О строительстве краевого центра».

Бюро, приняв к сведению сообщение Нейбаха, создало комиссию, которой поручалось не позднее чем в одномесячный срок «завершить изыскательные работы» по Георгиевску и составить общий план строительства на 1934 г. [7, л. 5–5 об]. Однако не прошло и месячного срока, отведенного для завершения «изыскательных работ», как был вынесен отрицательный вердикт в отношении строительства в Георгиевске.

Об итогах работы комиссии 15 марта на заседании бюро крайкома доложили Горчаев, Евдокимов и Путнин. В постановлении по вопросу «О краево́м центре» констатировалось: 1) вследствие крайне неблагоприятных почвенных условий для строительства краевого центра в Георгиевске, что установлено комиссией Нейбаха и дополнительными исследовательскими работами, просить ЦК партии о пересмотре решения о Георгиевске и об определении строительства краевого центра для СКК в Минеральных Водах; 2) принимая во внимание трудности размещения краевых организаций в Пятигорске и необходимость форсирования строительства нового города (Минеральные Воды, так же как и Георгиевск, не имеют ни одного здания для размещения краевых организаций), просить ЦК партии об отпуске в текущем 1934 г.

специальных средств на строительство города в размере 40 миллионов рублей и лимитов на дефицитные строительные материалы; 3) просить ЦК обязать Наркомхоз выделить группу специалистов, строителей-коммунальников, которые бы немедленно приступили к проектированию работ и организации строительства. Кроме того, бюро просило дать указания Наркоматам и хозяйственным объединениям об ассигновании специальных средств своим краевым организациям для строительства в новом краевом центре зданий под учреждения и жилища [7, л. 49 об].

На том же заседании бюро по вопросу «О размещении краевых учреждений», с которым выступил Горчаев, принято постановление, содержавшее одобрение решения Оргбюро СКК об изъятии из курортного фонда зданий, ранее принадлежавших властям окружного исполкома и занятых Курортным Управлением (КУ) после упразднения округа. В них должны были разместиться «руководящий ответственный состав и специалисты». Взамен КУ получало в Кисловодске роскошное здание гостиницы «Эльбрус» и бывший Дом отдыха Уполномоченных комсовхозов, принадлежавшие – первая Кисловодскому горсовету и второй Мало-Карачаевскому району [7, л. 49 об].

После указанного выше решения вопрос о Георгиевске как центре крупного территориального образования больше не поднимался.

Краевые власти, не получив тогда добро на утверждение постоянной столицей СКК г. Пятигорска, могли довольствоваться более приемлемым вариантом по сравнению с Георгиевском – городом Минеральные Воды, ставшим после подведения к нему Владикавказской железной дороги (ВЖД) в 1875 г., а в 1894 г. отведения двух линий – одной до Кисловодска, другой до Железноводска – «воротами Кавминвод». Как известно, до середины XIX века эту роль выполнял несостоявшийся центр нового СКК – г. Георгиевск.

История города Минеральные Воды (в различных источниках – Минводы, Мин-Воды) непосредственно связана с ВЖД [11]. В 1878 г. в полосе отчуждения ВЖД на участке, где железнодорожные пути поворачивают в сторону Пятигорска и Кисловодска, была построена станция. При станции образовался поселок Султановский, получивший свое название по имени владельца земли Султан-Джанибек Гирея, позволившего часть своих земель занять за высокую арендную плату под расселение работников, обслуживавших станцию. В 1906 г. поселок переименовали, назвав Илларионовским, в честь кавказского наместника генерал-адъютанта графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова (1837–1916).

В октябре 1921 г. станция и поселок были объединены и стали одной административной единицей под общим названием город Минеральные Воды. Его население тогда составляло 14 тыс.

человек. В 1924 г. город стал центром образованного Минераловодского района. В 1923 г. в Минеральных Водах проживало 13,6 тыс., в 1931 – 22,7 тыс., в 1939 г. – 31,3 тыс. жителей [1; 23; 26].

Минеральные Воды являлись самым крупным транспортным узлом в пределах созданного в 1934 г. СКК. С учетом такой роли Минеральных Вод была подготовлена реорганизация СКЖД, которую осуществили в 1935 г., когда вопрос о краевом центре в Минеральных Водах уже был снят с повестки. В соответствии постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 июня 1935 г. и приказом НКПС СССР № 144Ц от 11 июня 1935 г. Северо-Кавказские железные дороги (СКЖД) разъединили на Азово-Черноморскую (г. Ростов-на-Дону) и СКЖД. Управление последней должно было размещаться в Минеральных Водах. Однако в 1937 г., когда СКЖД получила название Орджоникидзевская (до 50-х гг.), и ее управление было размещено в Орджоникидзе (Владикавказ), в Минеральных Водах фактически остались основные управленческие структуры СКЖД [9; 12].

Минеральные Воды железной дорогой были связаны со всеми крупными городами СССР. Уполномоченный ЦИК СССР по курортным вопросам на КМВ М. И. Ганштак в своей книге, изданной в 1935 г., информировал: «Ст. Минеральные Воды находится на главной магистрали Северо-Кавказской железной дороги Москва – Ростов – Тифлис, Москва – Ростов – Баку – Дербент. Помимо этого, летом и зимой курсируют специальные поезда Ленинград – Минводы, Москва – Минводы, а летом существуют прямые линии Свердловск – Минеральные Воды, Киев – Минеральные Воды и Сочи – Минеральные Воды. Пути сообщения и время, затрачиваемое на проезд до курорта от столиц Союзных республик, определяются: от Москвы через Ростов-на-Дону – Кисловодск 44 часа. От Ленинграда через Москву – Ростов-на-Дону – Кисловодск 56 ч. <...> От Минска через Москву и Ростов-на-Дону – Кисловодск 57 ч. От Киева 38 ч. От Тифлиса 45 часов» [4, с. 93–94].

За десять лет до образования нового СКК Минеральные Воды стали и воздушными воротами КМВ – здесь находилась крупнейшая воздушная гавань на Юге России. 15 июня 1925 г. в Минеральных Водах была открыта одна из первых воздушных станций. Воздушные линии связали КМВ с Ростовом-на-Дону и Харьковом, а затем Тифлисом и Баку. Полеты осуществлялись на французских самолетах «Дорнье-Комета-3» и «Дорнье-Меркур». В 1929 г. на самолете немецкой фирмы «Юнкерс» открылась почтово-пассажирская воздушная линия, связывающая Москву с Харьковом, Ростовом, Минеральными Водами, Грозным, Баку и Тифлисом. В 1930 г. в связи с запланированным строительством большого аэропорта Минераловодский райисполком (РИК) выделил аэропорту 400 га земли. Постановлением

СНК от 3 октября 1931 г. его строительство было отнесено к первой группе ударныхстроек. В 1933 г. аэропорт Минеральные Воды вступил в строй. Воздушная гавань включала взлетно-посадочную площадку, аэровокзал, ангар, мастерские, общежитие, радиомаяк. Минераловодский аэропорт в то время обслуживал пассажирские самолеты «К-5» и «АНТ-9», сельскохозяйственные «ПО-2», грузовые «П-5». Время перелета Москва – Тифлис равнялось 20-ти часам. За январь 1933 г. было перевезено 7 пассажиров, в 1934 – 12, в 1935 – 21 [10].

В 1936 г. краевая газета сообщала: «В Минводском аэропорту закончен ремонт и переоборудование приемного зала-салона и нижнего этажа с комнатами отдыха. Ежедневно через аэропорт проходят 15 – 17 самолетов». Время полета из Минеральных Вод в центр ЗСФСР – Тифлис составляет 2,5 часа [19]. В аэропорту работали Курсы высшей лётной подготовки (переведенные из Батайска), которой руководил уроженец г. Шуши Нельсон Степанян – в годы ВОВ дважды Герой СССР (второй раз – посмертно) [5].

Таким образом, наличие аэропорта стало еще одним аргументом в пользу Минеральных Вод как центра края.

Центр нового СКК не мыслился без промышленности. Такова была логика эпохи индустриализации. Для сохранения благоприятной экологии курортные города не должны были развивать промышленность, способную негативно повлиять на целебные воды и климат. Для этого вполне подходили Минеральные Воды, отделенные от курортных городов горами-лакколитами, в первую очередь Змейкой и Кинжалом. Увы, от последней, имевшей живописную скальную вершину, сложенную бештаунитами и напоминающую лезвие кинжала, из-за добычи ценных строительных материалов, осталась только невысокая подошва – рукотворный памятник антиэкологическому мышлению. И это далеко не единственный пример на КМВ.

Промышленная направленность Минеральных Вод определилась еще на рубеже XIX–XX веков. Около 125 лет назад, в 1898-м начал выпускать бутылки стекольный завод, благодаря продукции которого целебную минеральную воду могли употреблять во многих городах Российской империи. Впрочем, основатель этого завода купец Егор Киреев планировал бутылковать знаменитое вино из Святого Креста.

Изготавливавшиеся в Минеральных Водах кирпичи и другие строительные материалы отправлялись по железной дороге в курортные города, тем самым ограничив использование в строительстве уникального машукского камня.

Хотя между Пятигорском, Георгиевском и Минеральными Водами было не очень большое расстояние, это даже без учета железнодорожной ветки по КМВ, все же Минеральные Воды имели больше преимуществ, по сравнению с Ге-

оргиевском. Расстояние от Минеральных Вод до Пятигорска составляет 20 км, от Георгиевска до Пятигорска – 41!

Минеральные Воды активно развивались, росло и население, причем преимущественно за счет рабочего класса. А это немаловажное обстоятельство для государства «диктатуры пролетариата». Впрочем, по проекту Конституции, принятой в 1936 г., советское государство сменило свою «социальную вывеску», став государством всех трудящихся.

Для краевых чиновников важным преимуществом Минеральных Вод по сравнению с Георгиевском было то, что можно было жить в престижном Пятигорске, а в Минеральные Воды приезжать на работу. В середине 30-х гг. XX века уже было достаточно служебных автомобилей («Фордов» и ее копии – ГАЗа) для руководителей высшего и среднего звена. Рядовые работники вполне могли обойтись общественным транспортом или курортными поездами, курсировавшими через каждые полчаса между Минеральными Водами и городами КМВ [4, с. 93–94]. И главное, планировалось в ближайшее время пустить в эксплуатацию, впервые на Юге России, электрички до Кисловодска. Работы над этим начались в конце 20-х гг. В ноябре 1936 г. от перрона Минераловодского вокзала отошел в первый рейс электропоезд на электрифицированном участке Мин-Воды – Кисловодск – Бештау – Железноводск. Это был один из первых участков на электрической тяге в СССР [12].

Спустя ровно месяц после обнародования решения о строительстве краевого центра в Минеральных Водах, Е. Г. Евдокимов на заседании бюро 15 апреля еще раз подтвердил, что данный вопрос решен в пользу Минеральных Вод. Бюро поручило М. Д. Горчаеву в «пятнадцатидневный срок представить план развертывания строительства на 1934 г. в Минводах, предусмотрев одновременно и затраты других хозяйственных Наркоматов» [7, л. 84]. Одновременно крайком обратился к И. И. Нейбаху с просьбой оказать всемерное содействие и «принять участие в разработке этого плана» [7, л. 84].

Через неделю поручение было выполнено, и план в общих чертах был представлен. Рассмотрев его, бюро крайкома 25 апреля приняло постановление «О постройке краевого центра», в котором был утвержден состав Комитета по строительству нового центра в составе: Горчаева (председатель), Евдокимова, Путнина, Кабанова, Осипова (зам. председатель КИКа), Алексеева, Зуева-Ратникова (зам. финанс. управления КИКа) и Готлобера. Комитету поручалось в трехдневный срок представить в СНК все заявки и практические предложения «по вопросу строительства нового города» в Минеральных Водах. Для реализации этого проекта предлагалось организовать Строительный трест, директором которого тогда же утвердили Алексеева [7, л. 114].

Таким образом, решение о краевом центре в Минеральных Водах являлось в какой-то степени компромиссным. Руководящая краевая номенклатура могла на постоянной основе поселиться в Пятигорске (или в других курортных городах), а на работу отправляться в Минеральные Воды (когда там будут построены административные здания), который являлся самым удобным местом для прибытия в край как представителей из Москвы, так и всех автономий и районов СКК.

В самом Пятигорске временно лучшие здания города заняли краевые учреждения. Например, Крайком ВКП(б) располагался по адресу: ул. Голая, 1 (бывш. Армянская улица) в здании гостиницы «Эрмитаж»; Крайисполком (Оргкомитет) СКК – по ул. Крайнего, 27 в бывшей гостинице Сеферова «Метрополь» (в настоящее время на этом месте – Деловой центр); Крайсовпроф – на Советском проспекте, 38; Управление НКВД – на Советском проспекте, 32 [13; 4, с. 131]. Заметим, что Советский проспект (с 1920 до 1952 г.) – главный в современном Пятигорске проспект Кирова, до того несколько раз менявший название: в досоветский период – Царская улица, переименованная в Романовский проспект (1913 г.).

Для проживания краевых служащих, как уже упоминалось выше, в Пятигорске (не в Георгиевске и не в Минеральных Водах!) стали в ускоренном темпе строить дома в самых престижных районах, в том числе в центре курортной зоны.

Сразу же после принятия решения о временном переводе руководства СКК в Пятигорск в городе начался капитальный ремонт старых зданий и строительство новых домов для руководства края. Первый дом для высшего руководства, в котором завершался капитальный ремонт, находился в историческом центре города, по улице Карла Маркса, 4 (бывшая Дворянская улица), по соседству с Пушкинским домиком, между Домом-музеем М.Ю. Лермонтова и курортным парком Цветник. Два других дома находились: первый – по Советскому проспекту, второй – по ул. Анджиевского.

Ответственность за окончательное строительство этих домов была возложена на Пятигорский горсовет (Туманович), Крайкоммунхоз (Кабанов) и Гражданстрой (Войлок). Ход строительства этих домов волновал руководство края больше, чем какой-либо другой важный для страны и края объект периода «Великого перелома».

Приведем только один документ, принятый Крайкомом и Оргкомитетом КИК СКК по вопросу строительства жилья для высшей краевой номенклатуры.

В середине апреля 1934 г., когда вопрос о центре в Минеральных Водах был решен «окончательно», крайком и оргкомитет рассмотрели вопрос «О ходе строительства домов для размещения краевого руководящего актива центра». На этом заседании выступили Евдокимов, Горчаев, Семякин¹, Дагин, Шацкий.

1 Семякин Андрей Андреевич (1896–1938?) – в 1933–1935 гг. – зав. культуры и пропаганды СК Крайкома.

Накануне этого заседания Евдокимов, Горчаев, Шацкий¹ лично осмотрели ход строительства трех домов. Причем основное внимание было обращено на первый, самый престижный дом по ул. К. Маркса, 4.

Хотя имелись распоряжения, говорили докладчики, «Крайкоммунхоз, Пятигорский горсовет и Трест Гражданстрой, производящие данное строительство, несмотря на всю остроту положения с размещением руководящих работников, эти организации проявили неповоротливость и близорукость в выполнении поставленных перед ними срочных работ по завершению строительства. Фактически на деле отсутствовало повседневное оперативное руководство со стороны Крайкоммунхоза и Гражданстроя указанным строительством. Работа проводилась самотеком. При достаточности наличия рабочей силы, последняя в виду недостатка строительных материалов полностью не использовалась и прогуливалась» [7, л. 102].

«Установлено личным осмотром, – отмечали докладчики, – что задержка указанного строительства происходит потому, что в доме № 4 по ул. К. Маркса отсутствуют дрова для топки печей и сушки отремонтированного здания, отсутствует кирпич, мел, алебастр, клей, стекло, которые имеются <...> у краевой организации “Севкавснабсбыт” и к которой никто не обращался за отпуском недостающих строительных материалов» [7, л. 102].

Также неудовлетворительно оценивался вопрос с финансированием двух других новых строящихся домов. «Отпущенные Оргкомитетом 40 т. р. в оборотные средства Гражданстроя специально для достройки домов фактически в большинстве были использованы не по прямому назначению», а со стороны Крайкоммунхоза и Гражданстроя «не было предпринято решительных мер к приобретению недостающих строительных материалов и оборудования в других городах края и за пределами его» [7, л. 102 об].

Крайком и Оргкомитет КИК в своем постановлении «за срыв строительства двух домов, за халатность, проявленную в деле строительства этих домов», объявил выговор замначальника Крайкоммунхоза Головащенко и директору Гражданстроя Войлоку. Одновременно начальнику Крайкоммунхоза Кабанову поручено «немедленно организовать все строительные работы этих домов оперативными темпами, обеспечить получение от “Севкавснабсбыта” в кратчайшие сроки всех имеющихся в наличии строительных материалов и командировать своих работников для приобретения недостающих строительных материалов и оборудования» [7, л. 102 об].

Устанавливались жесткие сроки окончательного строительства: по ул. К. Маркса – 25 апреля, по Советскому проспекту и ул. Анджиевского – 1 мая. Номенклатура хотела майский праздник встретить по-праздничному!

Оргкомитету поручалось «закупить 15–20 стандартных домов для города Пятигорска» (а не для Минеральных Вод!), то есть для служащих краевых органов власти [7, л. 102 об].

Номенклатура обосновывалась в курортном Пятигорске всерьез и надолго. За невнимательное отношение к организации их жилищных условий и других бытовых потребностей следовали серьезные организационные выводы. Так, бюро крайкома в апреле 1934 г. приняло следующее решение: «Т. Решетникова, как не справившегося с задачами обеспечения сотрудников Краевого комитета элементарным обслуживанием бытовых нужд (жилье, питание и т. д.) с работы снять» [7, л. 95 об].

Все же в Минеральных Водах велась подготовка по созданию нового краевого центра – с учетом большого объема работ произошло полное обновление городского руководства – райкома ВКП(б) и райисполкома. В середине марта председателем Минераловодского РИКа утвердили опытного руководителя – бывшего старшину п. Илларионовского Ивана Григорьевича Дикого (род. 1893)², члена РКП(б) с 1919 г. Его заместителем назначили Г. К. Науменко. До своего назначения в родной город И. Г. Дикой находился на должности председателя РИКа Александровского района [7, л. 53].

Однако к началу лета 1934 г. вопрос о центре СКК в г. Минеральные Воды без какого-либо обоснования был снят с повестки и больше не поднимался. Желание краевого руководства остаться в Пятигорске на постоянной основе совпало с мнением Центра, считавшего непозволительной роскошью выделить 40 млн. рублей на строительство новой столицы с «нуля». С учетом сложившейся практики, эта сумма могла удвоиться.

Самую главную проблему дефицита земли в курортном городе и вреда, который мог быть нанесен природоохранительной зоне строительством краевого центра, решено было преодолеть за счет пятигорских окраин. За железнодорожным полотном – в районе горы Пост, где компактно проживало армянское население, было запланировано масштабное строительство краевого центра. О Пятигорске как столице СКК не только де-факто, но уже и де-юре материал в следующей нашей публикации.

В качестве заключения к данной статье назовем несколько основных причин отмены решения о центре СКК в Минеральных Водах. Они, на наш взгляд, заключались в следующем:

Во-первых, отмена принятого решения о Минеральных Водах, как и в случае с Георгиевском, была связана со сложным финансово-экономическим состоянием страны в условиях разворачивавшейся индустриализации и губительной коллективизации, приведшей к миллионам жертв. Запрашиваемые 40 млн. рублей были явно недостаточны для строительства центра и потребовали бы дополнительных вложений.

1 Шацкий Абрам Григорьевич (1900–1937) – заведующий отделом руководящих партийных органов СК Крайкома ВКП(б).

2 Правнучка И. Г. Дикого – Лидак Людмила Валентиновна – профессор кафедры межкультурной коммуникации, лингводидактики, педагогических технологий обучения и воспитания в Пятигорском госуниверситете.

Во-вторых, это связано с настойчивым желанием краевого руководства не только на постоянной основе проживать в Пятигорске, но и официально превратить город-курорт в административный центр СКК.

В-третьих, очень презентабельное и деидеологизированное название города Минеральные Воды в конкретный период советской власти становилось недостатком как по причине узорегионального характера топонима, так и отсутствия необходимого идеологического содержания в его названии, что, по логике не только краевых, но центральных властей, мало подходило для «столичного статуса» города. Впрочем, переименовать город не составляло больших трудностей. Наглядным примером служит переименование Ставрополя в Ворошиловск, Святого Креста – в Буденновск, Владикавказа – в Орджоникидзе, Баталпашинска – в Сулимов (с 1937 г. – Ежово-Черкесск), а еще раньше Екатеринодара – в Краснодар, Порт-Петровска – в Махачкалу...

В-четвертых, политическая элита национальных регионов как в 1920-е годы, так и в наступившие 1930-е гг. проявляла недовольство любому непрямому подчинению автономии Центру, тем более находящемуся в «русской части» Северного Кавказа, которому необходимо было подчиняться. Но если в период нэповской либерализации это недовольство проявлялось открыто и преодолевалось территориальными приращениями за счет преимущественно русской части бывшей Терской области (до 1930 г. – округа с центром в Пятигорске), то после утверждения единоличной власти Сталина это происходило завуалированно. Возможно, оно отразилось на результатах при известном теперь закрытом (тайном) голосовании при выборах в ЦК на XVIII съезде ВКП(б), работавшем с 26 января по 10 февраля 1934 г. Эти хорошо известные результаты через несколько лет превратили «Съезд победителей» (в официальной советской литературе) в «Съезд расстрелянных» (в антисталинской

публицистике). Не этим ли объясняется решение впоследствии перевести центр СКК из Пятигорска в Орджоникидзе. Забегая вперед, отметим, что Владикавказ, или Орджоникидзе на рубеже 1936–1937 гг. так же, как ранее Георгиевск и Минеральные Воды, центром СКК остался только на бумаге. Об этом речь пойдет в другой нашей публикации.

Наконец, в Центре не было уверенности в том, что территориальная конструкция Юга России, особенно в ее северокавказской части, останется надолго. И действительно, запланированная в середине 1930-х гг. новая Конституция СССР уже в период ее «обсуждения» предполагала повышение по форме статуса автономий Северного Кавказа с их прямым подчинением Москве. А это после принятия Конституции СССР 5 декабря 1936 г. и РСФСР 1937 г. уже делало неактуальным «нейтральное» расположение центра, то есть не в столице какой-либо автономии или в Ставрополе¹. Этим и было обусловлено решение о переносе центра СКК, переименованного в Орджоникидзевский, в Ставрополь, ставший Ворошиловском.

Таким образом, принятое решение избрать Минеральные Воды административным центром Северо-Кавказского края, спустя два месяца было снято с повестки. Город на Куме довольствовался лишь скромным статусом центра одноименного района.

Изучение истории национально-государственного строительства на Юге России в 1920–1930-е гг., в частности проблемы выбора административного центра Северо-Кавказского края, сохраняет свою актуальность в условиях совершенствования российского федерализма на современном этапе в направлении укрепления государственного единства многонационального народа Российской Федерации.

1 На январь 1936 г. число жителей Пятигорска составляло 74 300 (в т.ч. в Горячеводске – 9300, пос. Свободы – 6500 чел.) [13; 14, с. 67]. В 1931 г. в Ставрополе проживало 55 926 чел., в 1937 – 63,8 тыс. [1; 3]. К концу 30-х гг. Ставрополь по численности населения превзошел Пятигорск.

Литература

1. Административно-территориальное деление, территория и население Союза ССР. М.: Власть Советов, 1931. 191 с.
2. Акопян В. З. Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940 гг. Ростов-на-Дону: РГУПС, 2010. 170 с.
3. Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: РосПЭН, 2007.
4. Ганштак М. И. Кавказские Минеральные Воды. Справочник по курортам. Пятигорск, 1935. 236 с.
5. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. Т. 2. М.: Воениздат, 1988. 863 с.
6. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
7. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18.
8. Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-316. Оп. 1. Д. 22.
9. Гриценко В. Б. История земли Минераловодской. Минеральные Воды: б.и. 1998. 512 с.
10. История аэропорта. URL: <https://mvairport.ru/airport/history/1930/> (Дата обращения: 17.05.2022).
11. История железнодорожного транспорта России. Т. 1: 1836–1917. СПб–М.: 1994. 335 с.
12. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза. Т. 2: 1917–1945. Петерб. гос. ун-т путей сообщ., СПб–М.: 1994. 414 с.
13. Лозинский А. А. Курорт Пятигорск: Научно-популярный очерк. Пятигорск: Севкавказиздат, 1936. 70 с.
14. Народное хозяйство Северо-Кавказского края. Статистический справочник. Пятигорск: Сев.-Кавк. краев. гос. изд., 1934. 270 с.
15. Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: справочник. М.: Звенья, 1999. 502 с.
16. Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. В 3-х т. Т. II. 1930–1939. М.: РосПЭН, 2001.

17. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 937.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15.
19. Северо-Кавказский большевик. 1936. 17 авг.
20. Северо-Кавказский Большевик. 1936. 22 авг.
21. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. №5. 1934.
22. Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. URL: <http://www.knowbysight.info/OOO/04723.asp> (Дата обращения: 17.05.2022).
23. Терское окружное статистическое бюро. Материалы по статистике Терского округа: использованы данные переписей 1916, 1917, 1920 и 1923 гг., материалы и работы Бюро за 1920–1924 гг. / Терское окр. стат. бюро, Сев.-Кавк. Край. Пятигорск, 1925. 178 с.
24. Филиппов С. Территориальные руководители ВКП(б) в 1934–1939 гг. Справочник. М.: РОССПЭН, 2016. 679 с.
25. Чегутаева Л. Ф. Летопись города-курорта Пятигорск. Раздел 7. Ставрополь: Печатный Двор, 2019. 120 с.
26. Численность населения СССР на 17 января 1939 года. М.: Госпланиздат, 1940. 262 с.

References

1. Administrativno-territorial'noe delenie, territoriya i naselenie Soyuza SSR (Administrative-territorial division, territory and population of the USSR). Moscow: Vlast' Sovetov, 1931. 191 p. (In Russian).
2. Akopyan V.Z. Severnyj Kavkaz: gosudarstvennoe stroitel'stvo, ekonomika i kul'tura. 1920-1940 (The North Caucasus: state construction, economy and culture. 1920 – 1940). Rostov-on-Don: RSUPS publ., 2010. 170 p. (In Russian).
3. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1937 goda (All-Union population Census of 1937). Moscow: ROSSPEN, 2007. (In Russian).
4. Ganshtak M.I. Kavkazskie Mineral'nye Vody. Spravochnik po kurortam (Caucasian Mineralnye Vody. Directory of resorts). Pyatigorsk, 1935. 236 p. (In Russian).
5. Geroi Sovetskogo Soyuza: Kratkij biograficheskij slovar' (Heroes of the Soviet Union: A brief biographical dictionary). Moscow: Voenizdat, 1988. T. 2. 863 p. (In Russian).
6. State archive of contemporary history of the Stavropol territory (GANISK). F. 1. Inv. 1. D. 1. (In Russian).
7. GANISK. F. 1. Inv. 1. D. 18. (In Russian).
8. The State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F.R-316. Inv. 1. D. 22. (In Russian).
9. Grichenko V.B. Istoriya zemli Mineralovodskoj (History of the Mineralovodsk land). Mineralnye Vody, 1998. 512 p. (In Russian).
10. Istoriya aeroporta (The history of the airport). URL: <https://mvairport.ru/airport/history/1930/> (Accessed: 17.05.2022) (In Russian).
11. Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii (History of railway transport in Russia). Vol. 1: 1836–1917. St. Petersburg–Moscow, 1994. 335 p. (In Russian).
12. Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii i Sovetskogo Soyuza (History of railway transport in Russia and the Soviet Union). Vol. 2: 1917–1945. St. Petersburg–Moscow, 1997. 414 p. (In Russian).
13. Lozinskij A.A. Kurort Pyatigorsk: Nauchno-populyarnyj ocherk (Resort Pyatigorsk: Popular science essay). Pyatigorsk: Sevkaizdat, 1936. 70 p. (In Russian).
14. Narodnoe hozjajstvo Severo-Kavkazskogo kraja. Statisticheskij spravochnik (National economy of the North Caucasus region. Statistical reference book). Pyatigorsk: North Caucasian regional state publishing house, 1934. 270 p. (In Russian).
15. Petrov N.V., Skorkin K.V. Kto rukovodil NKVD, 1934–1941 (Who led the NKVD, 1934–1941): handbook. Moscow: Zven'ya, 1999. 502 p. (In Russian).
16. Politbyuro CK RKP(b)–VKP(b). Povestki dnya zasedanij. 1919–1952. Katalog (Politburo of the Central Committee of the RCP (b)–the CPSU (b). Meeting agendas. 1919–1952. Catalog). In 3 vols. Vol. II. 1930–1939. Moscow: ROSSPEN, 2001. (In Russian).
17. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 17. Inv. 3. D. 937. (In Russian).
18. RGASPI. F. 17. Inv. 162. D. 15. (In Russian).
19. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1936. August 17. (In Russian).
20. Severo-Kavkazskij Bol'shevik. 1936. August 22. (In Russian).
21. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR (Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR). No. 5. 1934. (In Russian).
22. Spravochnik po istorii Kommunisticheskoy partii i Sovetskogo Soyuza 1898–1991 (Handbook on the History of the Communist Party and the Soviet Union 1898–1991). URL: <http://www.knowbysight.info/OOO/04723.asp> (Accessed: 17.05.2022). (In Russian)
23. Terskoe okružnoe statisticheskoe byuro. Materialy po statistike Terskogo okruga: ispol'zovany dannye perepisej 1916, 1917, 1920 i 1923 gg., materialy i raboty Byuro za 1920-1924 gg. (Tersk District Statistical Bureau. Materials on statistics of the Tersk district: data from the censuses of 1916, 1917, 1920 and 1923, materials and works of the Bureau for 1920–1924 were used) / Tersk okr. stat. bureau, Sev.-Kavk. Edge. Pyatigorsk, 1925. 178 p. (In Russian).
24. Filippov S. Territorial'nye rukovoditeli VKP(b) v 1934–1939 gg. (Territorial leaders of the CPSU(b) in 1934–1939). Reference book. Moscow: ROSSPEN, 2016. (In Russian).
25. Chegutaeva L. F. Letopis' goroda-kurorta Pyatigorsk. 679 p. Razdel 7 (Chronicle of the resort city of Pyatigorsk. Section 7). Stavropol: Pechatnyj Dvor, 2019. 120 p. (In Russian).
26. Chislennost' naseleniya SSSR na 17 yanvarya 1939 goda (The population of the USSR on January 17, 1939). Moscow: Gosplanizdat, 1940. 262 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Акопян Завен Викторович – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета / zaven2005@yandex.ru
Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the author

Zaven V. Akopyan – Postgraduate Student, Chair of Historical and Social Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University / zaven2005@yandex.ru
The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.

УДК 94 (470.63).084.5

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.2>Т. А. Булыгина
Н. В. Романова

ПОПЫТКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «НОВЫЙ СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК» В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ. НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТПРОСВЕТА СТАВРОПОЛЬСКОГО ОКРУГА В 1924–1925 гг.

В статье рассматривается процесс формирования системы партийно-государственного руководства культурно-просветительной работой на местах в контексте стратегической цели – создание «нового человека» коммунистического будущего. Выявлено, что в процессе осуществления этой цели в регионах на первый план выдвигалась задача соответствия действий местной власти формальным требованиям Центра и одновременно решались вопросы, которые вытекали из потребностей местного сообщества. Это проблемы финансирования, кадрового обеспечения культурно-просветительных учреждений и непосредственно их деятельности. Авторы подробно останавливаются на реконструкции основных направлений культурно-просветительской работы: школ, изб-читален, домов крестьянина, клубов, музеев, библиотек как инструментов просвещения и идейно-политического воздействия на взрослое, дееспособное население страны. Задача формирования «нового человека» на местах сводилась к конкретной социальной практике, которая не всегда с радостью принималась местным населением. Это с одной стороны, попытка преодолеть политическое невежество людей, особенно в деревне, а с другой, вся политико-просветительская деятельность рассматривалась как средство привлечения местных жителей к активной общественной работе. В определенной

мере это решало проблему «низовых» кадров и одновременно воспитывало лояльность к советской власти. Особое место в статье отведено ликвидации неграмотности, которая на практике в середине 1920-х годов проходила с большими трудностями при пассивности самого населения. В работе большое место уделяется финансированию всей этой деятельности, которое было переложено на региональные бюджеты. На Ставрополье они усугублялись бедностью окружного бюджета, отдаленностью округа от Центра и относительно поздним окончательным утверждением советской власти в регионе.

Ключевые слова: «новый человек», изба-читальня, политико-просветительная работа, культурно-просветительная работа, ликвидация неграмотности.

Для цитирования: Булыгина Т. А., Романова Н. В. Попытка реализации проекта «новый советский человек» в контексте региональных потребностей. На материале политпросвета Ставропольского округа в 1924–1925 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 19–28. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.2

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43048 «От «нового человека» до «советского народа»: идеология, опыт, проблемы советского проекта (1917–1985 годы)».

Tamara A. Bulygina
Nina V. Romanova

AN ATTEMPT TO IMPLEMENTATION «THE NEW SOVIET MAN» PROJECT IN THE CONTEXT OF REGIONAL NEEDS. ON THE MATERIAL OF POLITICAL EDUCATION OF THE STAVROPOL DISTRICT IN 1924–1925

The article deals with the process of party and state leadership in the area of cultural and educational work on the local level due to the strategic goal – upbringing «a new man» for communist future. It was revealed that in the process of implementing this goal in the regions, the task of matching the actions of local authorities with the formal requirements of the Center was brought to the fore and at the same time the issues that arose from the needs of the local community were resolved. Those were the difficulties of financial support, human resources at cultural and educational organizations and their work as well. The authors make the reconstruction of the main directions of cultural and educational work: schools, reading rooms, rural clubs, clubs, museums, libraries as the means for enlightenment and ideological and political influence on the adult, capable of functioning population of the country. On the local level the aim of the formation a "new man" was brought to a certain social practice, which was not always accepted with joy by the local population. On the one hand, it was an attempt to overcome the political ignorance of people, especially in the countryside, and on the other hand, all political and educational activities were seen as a means of attracting local residents to active social work. To a certain extent, it solved the problem linear personnel and fostered

loyalty to the Soviet authority. The authors pay great attention to the elimination of illiteracy, which faced with the passivity of the population in the middle of 1920s. In the work, a great place is given to the financing all these activities, which was shifted to the regional budgets. In Stavropol, they were enhanced by the poverty of the district budget, the remoteness of the district from the Center and the relatively late final establishment of Soviet power in the region.

Key words: «new man», reading room, political and educational work, cultural and educational work, elimination of illiteracy.

For citation: Bulygina T. A., Romanova N. V. An attempt to implementation «the new soviet man» project in the context of regional needs. On the material of political education of the Stavropol district in 1924–1925 // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 19–28 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.2

Financing: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the scientific project No. 21-09-43048 «From the «new man» to the «Soviet people»: ideology, experience, problems of the Soviet project (1917–1985)».

Данная тема является весьма актуальной, поскольку в современной исторической науке история советского общества первой половины XX в. находится в стадии активной разработки. Не менее востребованы сегодня вопросы региональной истории, которая позволяет понять, как реализовывалась политика власти на местах с учетом их специфики и понимания задач Центра местным управленческим слоем. Наконец, сегодня активизировались проблемы воспитания молодых людей, их духовного состояния, а также задачи оформления российской гражданской идентичности. Поэтому специфика подобных задач, заложенных в проекте «новый человек», позволяет методом сравнительного анализа лучше понять процессы, происходящие в современном российском обществе и их особенности в условиях кризисов и переходов.

В связи с приближением 100-летия образования СССР в историографии актуализировались отдельные стороны истории становления нового общества. В частности, многие современные гуманитарии обратились к проекту большевистской власти о «новом человеке» [7; 14; 17; 18].

Большинство авторов обращали внимание на теоретическую разработку данной проблемы [1; 8; 15]. Гораздо меньше рассматриваются вопросы конкретной реализации проекта «новый человек» в различных контекстах советской политики на материалах различных регионов. При этом чаще всего встречаются культурные контексты [16], а вот локальные аспекты понимания и осуществления политики воспитания «нового человека» остаются в тени современных исследователей.

В то же время вопросы культурной политики 1920-х гг. в отдельных локальных пространствах изучены достаточно широко, но чаще вообще не связаны с проблемой «нового человека». Это позволяет предположить, что осмысление проекта местными активистами не выходило за рамки общих лозунгов о формировании человека коммунистического будущего. Превалировали практические потребности региона и стремление выполнить указания, спускаемые «сверху».

Окончание Гражданской войны знаменовалось не только военной победой большевиков, но и системным кризисом российского общества в тот момент. Экономические, политические и социокультурные трудности грозили гибелью советской власти. Поэтому и была принята весной 1921 г. новая экономическая политика, которая требовала более четких подходов к культурному строительству советской России. В свою очередь, стало очевидным, что культурный контекст становился одним из базовых основ успеха проекта «новый человек».

Военный триумф советского государства и одновременно серьезный политический и социальный кризис заставили власть в 1920-е гг. наряду

с экономическими реформами искать пути формирования нового человека. Поэтому можно говорить об усилении идеологического воздействия большевистского руководства на различные сферы культуры, особенно на образование. От эффективности политико-просветительской работы и образования в значительной степени зависело воспитание людей в духе коммунистической идеологии. Вот почему сфера просвещения была ареной для проведения различных экспериментов от рабфаков до педологии.

Изучение осуществления культурного строительства тех лет в регионах помогает понять неосуществимость этого проекта как некоей абстрактной схемы, реальные трудности, связанные как с общей обстановкой в стране, так и с локальными особенностями местных сообществ. Тогда общие фразы о трудных экономических условиях, национальной специфике, о низком уровне грамотности населения наполняются живым содержанием.

Цель работы – на основе анализа источников и литературы, показать особенности реализации проекта «новый человек» в контексте проведения культурной политики власти в годы НЭПа в Ставропольском округе на примере деятельности сети политпросвет учреждений. 1924–1925 гг. для Ставрополя стали первым полноценным временем реализации на практике новой экономической политики из-за отдаленности региона от Центра, но главное, несмотря на неурожай 1924 г., в этот период регион стал оправляться от последствий голода.

В.И. Ленин в одной из последних заметок отмечал, что «для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [11, с. 377]. Таким образом, культурная революция, по его мнению – один из основных инструментов строительства нового общества, в котором и действует «новый человек». Следовательно, ближайшая политика большевистской власти состояла в обеспечении грамотности всего населения советской республики. Так родилась политика ликвидации неграмотности: «Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика» [12, с.174].

Строить социалистическое общество предстояло не в будущем, когда молодое поколение подрастет, а сразу после установления советской власти. Вот почему надо было срочно ликвиди-

ровать неграмотность среди широких слоев российского общества, включая взрослое население. Только через грамотность можно было говорить о внедрении коммунистических идеалов в массы как условия строительства социализма. Последний процесс был официально объединен термином «политико-просветительная работа». Именно ликвидация неграмотности и политико-просветительная работа на местах рассматривались как ближайшие практические задачи дня.

В своём первом выступлении в качестве народного комиссара просвещения А.В. Луначарский подчёркивал необходимость создания сети специальных учреждений для образования и просвещения взрослых [13, с.8]. В конце 1920 г. в РСФСР в структуре Народного комиссариата просвещения было создано Главное политико-просветительное управление (Главполитпросвет), основной задачей которого была агитационно-пропагандистская и политико-просветительная работа среди взрослого населения через создание сети политико-просветительских учреждений. В Ставропольском округе, как аграрном регионе в 1924–1925 гг. в эту сеть, в первую очередь, входили избы-читальни, Дома Крестьянина, библиотеки-передвижки, выставки-передвижки. Кроме того, эта сеть охватывала красные уголки, клубы, Народные Дома, библиотеки, школы политграмоты, пункты ликвидации неграмотности, школы малограмотных, курсы пропагандистов, музеи, кино, театры.

1922 – 1923 хозяйственный год на Ставрополье был отмечен трагическими последствиями голода, который внес качественные поправки в планы политико-просветительной работы и ликвидации неграмотности. В этих условиях Ставропольский Округной Отдел народного образования (Окроно) в 1923–1924 гг. имел меньше четверти окружного бюджета, поэтому заработная плата у школьного работника 1 ступени (начальная школа) составляла 29 рублей, учителей 2 ступени (семилетка и десятилетка) – 34 рубля, а у воспитателя детского дома – 42 рубля.

В 1924–1925 учебном году ситуация в регионе несколько улучшилась. В связи с этим бюджет Окроно составил более трети окружного бюджета, а зарплаты работников увеличились соответственно приведенным до 35, 40, и 45 рублей. Наряду с этим была более логично оформлена организационная структура образовательных учреждений, оживилась методическая работа. Тем не менее, работники политпросвещения продолжали из-за нехватки кадров совмещать различные должности в различных сферах, что не позволяло качественно выполнять работу политико-просветительных учреждений. В целом продолжалась практика недофинансирования таких учреждений, когда работа в выходные дни не оплачивалась, материально-техническая база их была примитивной.

Отдел народного образования также страдал от этих недостатков. Тем не менее, в 1924–1925 гг. были обозначены текущие задачи местной власти, гораздо больше приближенные к местной практике, чем в начале 1920-х гг. В значительной степени – это организация и методика учебного процесса, а также привлечение к политико-просветительной работе широких крестьянских масс. В частности, речь шла о применении учебных программ государственного ученого совета (ГУС) для школ первой и второй ступеней к местным условиям. Кроме того, среди этих задач было материальное и организационное укрепление сети учреждений данного профиля. Наконец, привлечение сельского актива к политико-просветительным мероприятиям как путь вовлечения в них всех крестьян. [4, л. 383].

В округе в это связи начался практический переход школ 1 ступени на ГУСовские программы, что, по мнению местного руководства, обеспечивало «...сдвиг учительства в сторону смычки с Коммунистической партией и Советской властью», который нашел отражение в среде Ставропольского учительства. [4, л. 383 об.]. Сведения с мест и обследования отдаленных районов, проведенные ответственными работниками Окроно, показывали, что в своей массе местные учителя живо откликались на перестройку школьной системы. Об этом свидетельствовало массовое стремление работников школы пройти летние курсы по переподготовке, а также прилежание и добросовестность участников этих курсов при усвоении учебной программы. Например, Медвеженский районный исполком Ставропольского округа для обеспечения провел двухнедельные конференции-курсы, на которых были проработаны методы преподавания в школе и участие учителя в общественной работе, т.е. имелось в виду обеспечение школ более квалифицированными педагогами, но пропагандистами советской идеологии как среди детей, так и среди взрослых жителей своего поселения. Как говорилось в отчете окружного роно, «учитель определенно становится и общественником и принимает участие во всех видах культурной работы на селе». В то же время отмечалось, что общественно-политическая работа учителя носила, особенно в начале учебного года, стихийный характер без плана «сверху», поэтому в основном она была «ответом на культурные запросы села», одновременно демонстрировало «бескорыстную готовность учительства послужить деревне» [4, л. 383 об.].

Округной исполком из местного бюджета потратил на организацию курсов переподготовки учителей немалые деньги – 2000 рублей. Кроме того, принимались все меры к расширению сети учреждений народного просвещения, в результате чего сеть школ была увеличена к началу 1925–1926 учебного года на 15 комплектов.

[4, л. 201–201об.]. Вместе с тем, в это время в регионе оставалась проблема нехватки школьной сети в связи с демографическим взрывом предреволюционных лет, вызвавшем необыкновенный наплыв детей: «Школа бралась приступом, очень большое количество детей осталось за бортом школы, население экономически сильных районов само стало открывать школы за свои средства, таких было 24». [4, л. 384].

Существенной проблемой Ставрополя в 1920-е гг. был «учительский голод». Учителя переезжали в соседние регионы не только из-за низких ставок в округе, но и из-за задержки зарплат учителям до 6-8 месяцев. Местные управленцы объясняли дефицитом бюджета Ставрополя, но старались исправить положение. По прошествии 3 лет после голода в регионе стала восстанавливаться экономика, и это сразу же отразилось на материальном обеспечении работников школ и культурно-просветительских учреждений. В 1925 году задержки заработной платы практически прекратились [4, л. 384].

Наряду с организацией образовательных школ разного уровня в деле воспитания «нового человека» особую роль играла система ликвидации неграмотности как база реализации этого проекта. Механизм ликвидации неграмотности был запущен Декретом совнаркома в конце 1919 г. [6, с.50]. Декрет обозначил главную задачу на тот момент – обеспечить возможность сознательного участия в политической жизни страны». Таким образом, ликвидация неграмотности рассматривалась как инструмент воспитания «нового человека». Для этого по всему округу была создана сеть учреждений. К примеру, в Петровском районе работала инструктивная школа ликвидации безграмотности для организаторов этой работы. О необходимости такой школы свидетельствует состав самих ликвидаторов. Среди них окончили среднюю школу 10 человек и 13 не окончили. 8 закончили высшее начальное училище. Только 1 человек закончил рабфак и 2 двухклассное классное училище. Еще хуже дело обстояло с профессиональными педагогами. Всего один работник закончил учительскую семинарию, 4 человека – двухгодичные педагогические курсы. 1 человек обучался на Ставропольских месячных курсах по подготовке ликвидаторов. Из работников по ликвидации неграмотности в районе 18 человек не имели педагогического стажа. Поэтому в инструкторской школе вели методический кружок для ликвидаторов из сел.

Кроме того, работали 28 пунктов ликвидации неграмотности в селах района, а также 5 школ обучения малограмотных, обучение в которых было рассчитано на 5 месяцев. Поскольку одним из негативных последствий работы ликвидаторов были рецидивы неграмотности, учеников ликпун-

ктов втягивали в общественную работу, для чего прикрепляли их к избам-читальням, библиотекам. В районе также было организовано общество «Долой неграмотность», которое объединяло 19 ячеек, в которых состояли 774 человека. На общественных началах оно открыло 12 пунктов и групп по ликвидации неграмотности и 1 школа для малограмотных. На переданные в окружную чрезвычайную комиссию по борьбе с неграмотностью (грамчека) 208 рублей 39 копеек были закуплены буквари, тетради и карандаши. Однако методической литературы, вроде подготовленной в краевой комсомольской организации [3], не хватало. материальное положение ликвидаторов неграмотности было плачевным. Так, рядовой ликвидатор за работу получал 14 рублей 91 копейку, ликвидатор-организатор – 24 рубля 83 копейки. Как правило, эта оплата проводилась не более полугода. [4, л. 415 об.].

Наряду с учителями школ проводниками, идеи «нового человека» должны были стать работники системы культурно-просветительской работы. Местную власть не устраивал не только уровень их элементарной грамотности, т.к. к работе культурно-просветительских учреждений часто привлекались люди малограмотные, но лояльные новой власти. На первое место, судя по первичным архивным документам, выдвигалась политическая подготовка. Необходимо было не просто поддерживать советскую власть, но и уметь убедительно и грамотно разъяснять населению народный характер политики большевиков, значение революции и проч. Поэтому все внимание местной власти было сосредоточено на том, чтобы поднять образовательный, культурный и политический уровень этих работников. В 1924 г. были проведены первые окружные курсы политпросветработников [4, л.384]. В дальнейшем такая форма подготовки кадров в этой области стала традиционной и постоянно совершенствовалась.

В следующем, 1925 г. окружные курсы переподготовки прошли с 10 августа по 15 сентября, на которых занимались 72 человека. Это были 40 избачей, 8 библиотекарей и 24 человека, командированных районными исполкомами без определенной специальности и работы. Курсы имели три цикла: производственно-краеведческий, общего политического образования, и практики политпросветработы. Первый цикл включал элементарные знания об индивидуальном крестьянском хозяйстве (бедняцкое, середняцкое, зажиточное), о коллективном хозяйстве (коммуна), о жизни Ставропольского села в целом. Этот курс охватывал 108 часов. Во втором цикле слушатели в течение 18 часов изучали теоретические основы ленинизма, т.е. идеологические вопросы. Наконец, третий цикл знакомил участников курсов с организационными и методическими вопросами культурно-просветительской работы. На

это цикл было отведено 160 часов. Цикл включал организацию пропаганды агрономических знаний среди населения и антирелигиозной пропаганды, ликвидации неграмотности, проведение. Слушатели учились, вести работу справочного стола, как работать с газетой, как проводить художественную работу на селе, технике. Определенное место отводилось и методике библиотечного дела [4, л. 395 об.]. Программа этих курсов послужила основой для создания системы подготовки работников такого профиля в 1925 – 1926 гг.

Распределение учебных часов свидетельствует, что местные органы власти были, прежде всего, заинтересованы в подготовке практических работников, поэтому самый большой объем часов и был отведен выработке практических навыков работников, а также знанию среды, в которой приходилось им работать. Идеино-теоретические вопросы, судя по учебному плану (18 часов!), с одной стороны, были формальным дополнением на курсах, а с другой стороны, сотрудники ведомства понимали, что основная масса курсантов малограмотна, в силу этого не способна освоить сложный учебный предмет.

Наряду с окружными проводились и районные курсы переподготовки. В 8 районах округа были проведены недельные районные курсы переподготовки политпросветработников, объединившие 300 слушателей. Кроме того, осенью 1925 г. были проведены 8 районных конференций, в задачи которых входило обсуждение вопросов, связанных с подготовкой и проведением работы политико-просветительскими учреждениями. Проводились и окружные совещания политпросветработников: 4 января 1925 г., на котором присутствовали 31 человек, и 28 мая этого года, где присутствовали 35 представителей первичных политико-просветительских учреждений. На Окружном совещании был принят ряд директив, которые были учтены в плане работы политпросвета. Наряду с общими рассуждениями о грандиозных задачах работников политпросвета, ставилась задача организационного обеспечения выполнения единого плана политико-просветительской работы, укрепления материально-технической базы и расширение сети этих учреждений, меры по укреплению их кадров. Наконец, речь шла об укреплении местного руководства этой работой через систему инспекторов районных политпросветов. [4, л. 396]. Такие совещания призваны были корректировать работу в районах, консультировать ответственных за политико-просветительскую работу непосредственно на местах, придать работе единообразный характер.

Вместе с многопрофильными курсами, какие, например, были проведены для 34 человек в Александровском районе в октябре 1924 г. объемом 80 часов, организовывались и курсы по разным профилям работы. Так, в декабре 1924 г. там

же прошло однодневное совещание по вопросам политпросвета в деревне, а в феврале 1925 г. было организовано пятидневное совещание библиотекарей, клубных работников, членов методических комиссий и уполномоченных инспекторов народного просвещения. В январе 1926 г. состоялась пятидневная конференция, в которой принимали участие избачи-библиотекари, секретари сельскохозяйственных и политических кружков – всего 48 человек. [4, л. 637 об.].

Одной из существенных проблем организации работы политпросвета была не только нехватка и текучесть кадров работников в учреждениях, но и частая сменяемость кадров работников аппарата районного масштаба. В 1924–1925 гг. в Ставропольском округе не было ни одного инспектора, который бы проработал полный год на одном месте. Что касается первичного звена, то за указанное время из 140 штатных работников изб-читален в округе числилось 125 человек, работников клубов из 38 работали 14, в библиотеках из 70 штата – 59. Еще плачевнее была картина ликвидации неграмотности. К примеру, в пунктах ликвидации неграмотности работали 248 человек вместо 464 по штату.

Еще в 1919 г. была создана система советско-партийных школ уездного уровня. Для Ставропольского округа в 1925 г. был выделен штат 21 человек, но в вечерней советско-партийной школе, которая была единственной в округе, работал 1 человек, хотя при нехватке подготовленных кадров управленцев и пропагандистов в этом окраинном регионе это было актуальным, т.к. уровень грамотности здесь был ниже, чем по стране. Всего по стране в 1925 г. открылось 179 уездных и 67 губернских советско-партийных школ с контингентом обучавшихся 26 тыс. человек. Неблагополучное положение с кадрами было и в учреждениях культуры. Например, в музее из 20 положенных по штату единиц работали 2 человека. Столько же работали в кинотеатрах вместо 14 штатных единиц.

Архивы свидетельствуют, что на местах пришлось корректировать планы Центра, т.к. центральное руководство зачастую не учитывало специфику региона. Так, в округе не был предусмотрен штат школ для малограмотных, но потребность в такой форме была высокой, и на местном бюджете в этих школах работали 35 человек вне штата. Были также созданы курсы пропагандистов, не предусмотренные штатом. [4, л. 394].

Содержание всей системы образовательных, культурных и политико-просветительских учреждений включало различные направления. Однако в разных регионах она имела свою специфику. Одним из важных направлений было обслуживание всех кампаний по Красному календарю. Эта работа при всей своей формальности призвана была, во-первых, изменить праздничные традиции, повседневность жителей советского государства и главное, стереть из памяти прежние

православные традиции. Новый праздничный календарь закладывал основы иной коллективной памяти. Речь шла о подготовке и проведении праздников к годовщине Октябрьской революции, 1 мая, 8 марта, День Красной армии и проч. Как отмечалось в отчете Окружного политпросвета, подобные мероприятия носили «поверхностный характер». Руководители Ставропольского агитпропа считали причиной этого отсутствие серьезного руководства, а также неопытность работников при нехватке методической литературы.

В 1925 г. в регионе легче было организовать кружковую работу. Это было связано, по-видимому, с небольшим наполнением кружков, что облегчало задачи работников политпросвета. Наиболее распространена была учеба в сельскохозяйственных кружках, которых по округу насчитывалось 70, чуть меньше, 65 было политических кружков. Были в небольшом количестве кружки безбожников, Ленинский кружок, естественно-научные кружки. Большим минусом работы этих кружков было отсутствие учебных принадлежностей и пособий. Это снижало качество преподавания, т. к. руководители этих кружков зачастую были подготовлены слабо. Распространенным методом работы был метод готовых знаний (беседа, лекция, доклад).

Как показывала практика первых лет советской власти, в деревне не хватало ни средств, ни востребованности в книгах на то, чтобы организовывать сельские библиотеки. Более эффективным для работы среди крестьян оказались избы-читальни. При переходе к новой экономической политике и переводе культурно-просветительских учреждений на местный бюджет, избы-читальни, как констатировал XI съезд РКП(б) в марте 1922 г., «почти повсеместно упразднены». На съезде было признано необходимым возрождение избы-читален, «которые должны быть поставлены в центре всей политико-просветительной работы в деревне». Финансирование избы-читален из местных средств губернских и областных исполкомов должно было дополняться средствами кооперативов, контролируемые политпросветами. [9, с. 527]. В мае этого года вышел специальный циркуляр о возрождении избы-читален. [19].

1924–1925 г. на Ставрополье стали периодом восстановления и организационного укрепления этих учреждений. Наиболее распространенным направлением в деятельности избы-читален была справочная работа как одна из основных форм политико-просветительной работы в селе. Именно желанием получить ответы на различные вопросы избы-читальни привлекали в те годы крестьян. За 1925 г. по округу было дано 890 справок. По содержанию на первом месте были справки чисто юридического характера, особенно судебные, которые составляли 50 % всех запросов. В целом же систематического анализа справоч-

ной работы не велось, т. к. отсутствовал ее учет. Работники избы-читален не имели пособий для организации такой работы.

Это подтверждается работой избы-читален в отдельных районах Ставрополья. Например, отсутствие достаточных бюджетных ассигнований в Александровском районе и нежелание населения организовать общественную благотворительность, особенно из неурожая 1924 г., когда надо было организовать государственную помощь самому населению, избы-читальни стояли полуразрушенные, в полном запустении. В 1925 г. довольно значительный урожай дал возможность уделить внимание и избам-читальням, ремонту помещений избы-читален, снабжению их самой необходимой мебелью. Избы-читальни были отремонтированы и «приняли более приличный вид, способный более или менее лучше расположить посетителя к литературному отдыху». [4, л. 637 об]. В целом в районе работали 2 районная опорная библиотека, 1 клуб в районном центре, 12 избы-читален в селах, а на окраинах сел – 25 Красных уголков. В селах Александровское, Круглолесское, в хуторе Дубовом инициаторами организации красных уголков становились сами жители. [4, л. 636 об].

Одним из средств идейно-политического воспитания в то время становилась периодическая печать и стенные газеты. Местное руководство Ставропольского округа отмечало, что использование периодической печати, в частности, газет в работе избы-читален незначительное. По всей вероятности, виной этому была низкая грамотность и даже неграмотность населения, когда для многих газета была бумагой годной на обертку или самокрутку, но и самих работников, а также тяжелое финансовое положение, не позволявшее выписывать большое количество периодики. В большинстве случаев эта работа сводилась к вербовке подписчиков на крестьянские газеты. [4, л. 395]. По округу на 100 душ взрослого населения приходилось по 1 газете – всего 5541 экземпляров. Кроме того, по округу постоянно действовали 112 газет. Для пропаганды стенной печати при музее Права в 1925 г. была организована выставка стенных газет. Региональный агитпроп был крайне недоволен разнообразием содержания стенной печати, т.к. было трудно в этом направлении унифицировать работу по реализации решений партийно-государственной власти. Периодическая печать, особенно местная, была тесно связана с деятельностью рабкоров и селькоров. Избы-читальни, по мнению местного политпросвета, не были связаны с селькорами.

Существовали и другие формы идеологической работы среди крестьянства. В условиях, когда большинство крестьян были единоличниками, приходилось искать новые пути к их сознанию. Вплоть до развертывания сплошной коллективи-

зации централизация и унификация этой работы была на практике невозможна. К примеру, кроме изб-читален в селах большое распространение и полное признание со стороны крестьянства получили Красные уголки, которые располагались, как правило, по окраинам сел. Здесь проводились мероприятия, знакомые и понятные крестьянину: громкая читка газет, беседы о текущем политическом моменте, кружки агротехнической грамоты. Кроме того, в них работали не приезжие из районов и округа начальники, а свои же односельчане на добровольных началах – учителя агрономы, поселковый комсомольский и партийный актив. Окружной политпросвет для воспитания «нового человека» из «мелкобуржуазных» крестьян использовал даже Дома крестьянина, которых насчитывалось 4 по округу. Для Ставропольского Дома крестьянина политпросвет даже выделил специального человека из собственного штата для проведения политико-просветительской работы. [4, л.395 об.]. Дома крестьянина были организованы в некоторых районах, например, в Петровском районе. При нем был организован справочный стол для удовлетворения нужд и запросов беднейшего крестьянства, где также проводились лекции и беседы. [4, л. 415].

При всем многообразии поисков новых форм воспитательной просветительской работы с местными жителями центром этой работы оставались библиотеки. На Ставрополье в 1925 г., судя по официальной статистике по городу и районам читателям было выдано около 2000 книг. Именно в библиотеках велась подписка на газеты различного уровня и профиля – 2210 человек, проводились книжные выставки, организовывались громкие читки, а в библиотеках Ставрополя и Ставропольского, Туркменского и Московского районов были подготовлены 12 стенных газет. [4, л. 396 об.]. В библиотеках же готовились наглядные пособия, в частности плакаты. В некоторых библиотеках создавался актив читателей, не только для оживления работы библиотек, но и для привлечения новых читателей из жителей районов и сел. Так, в Петровском районе при районной библиотеке была организована ячейка «Друзья книги».

Вместе с тем, именно в тот период даже на уровне районов внедрялась система цензуры библиотечных фондов. Надо напомнить, что система политической цензуры стала складываться в многоступенчатую организацию с начала 1920-х гг., когда было создано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), выполнявший функции государственной цензуры. Именно в середине 1920-х гг. закладывалась местная сеть этого учреждения. В областях, краях и округах при отделах народного образования создавались органы Главлита, а в уездах и районах назначались инспекторы и уполномоченные этих органов. Организация и материальное по-

ложение их сотрудников было тогда плачевным. Кадры формировались в основном из совместителей. Так, в Петровском районе имелся один уполномоченный, работник местного райкома партии, который работал по совместительству. Работа осуществлялась на общественных началах, хотя и звучала торжественно «райлит», денежно не обеспеченная. Поэтому все сводилось к чистке, т.е. изъятию книг из районной библиотеки в сентябре 1925 г. При этом иностранные газеты и журналы не проверялись. В основном уполномоченный выдавал разрешение на показ кинофильмов и пьес, которые уже были разрешены центральной репертуарной комиссией. Репертуар постановок в избах-читальнях и красных уголках не проверялся, т. к. для этого не было кадров. Районную типографию контролировать не было смысла, т. к. здесь печаталась в основном рекламная продукция и плакаты, а никакой издательской деятельности в районе не велось. [4, л. 415].

По мере возможностей велась работа по повышению квалификации библиотекарей. Например, подготовка и переподготовка библиотечных работников города Ставрополя велась на кружковых занятиях библиотечного объединения. Это объединение было организовано и работало по определенному плану, заранее разработанному и утвержденному.

Несмотря на то, что округ был полностью аграрным, его центром был город Ставрополь, поэтому здесь существовала своя специфика просветительской работы. С одной стороны, город с дореволюционных времен имел два экономических и социокультурных среза [2]. Центральная часть города была занята в основном учреждениями и советскими чиновниками. К ним примыкала промышленная и торговая часть с его владельцами, управляющими и работниками, составлявшая городское население. Здесь в основном были организованы клубы. Окраинные районы были населены крестьянами – производителями сельскохозяйственной продукции. Не случайно перед Ставропольским городским советом вставала неразрешимая проблема налогообложения, т.к. окраинное население попадало под двойной пресс: единый сельхозналог и одновременно городские налоги. В ходе сплошной коллективизации было раскулачено более 300 семей Ставрополя, а на территории города были созданы 3 колхоза. Для такого крестьянского населения городских окраин организовывались изб-читальни. Всего в городе в 1925 г. работали 14 клубов и изб-читален.

Управление политико-воспитательной работой среди населения сосредоточилась в Окружном политпросвете. На селе руководство этим направлением осуществляли созданные в эти годы сельские комитеты пролитпросвета. Например, только в 3 селах Петровского района не было

таких комитетов. Однако работа почти не велась. Все эти сельские политпросветы объединяли 18 изб-читален и 4 библиотеки со штатом 22 человека. За 1925 г. не было проведено ни одного совещания, ни одной конференции. Связь с округом выражалась только в письменных директивах. Инструкции приходили либо поздно, либо вообще отсутствовали. Из-за скудного окружного бюджета средства политпросвета были незначительными, о чем свидетельствует их распределение по статьям. Львиную долю составляли расходы на оплату труда. Так, из 10674,28 рублей, полученных для работы политпросвета Петровского района, 8904,21 рубля было предназначено на заработную плату для избачей и библиотекарей. Остальные 242 рубля ушли на хозяйственные нужды. Такая же картина имела место и в работе пунктов ликвидации неграмотности (ликпунктов), где на зарплату сотрудников приходилось 5800 рублей, а на закупку учебных пособий – 751,19 рублей. [4, л. 414].

Обращает на себя внимание характер литературы, которую политпросвет Петровского района с помощью районного исполнительного комитета закупил на 8400 рублей. Из этих средств 7000 рублей было потрачено не на политические, не на агитационно-пропагандистские книги, а на литературу сельскохозяйственного профиля. Во-первых, это определялось реальным спросом хозяйствующих крестьян, которые надеялись улучшить результаты своего труда за счет повышения агротехнической грамотности, а также получить полезные советы, перенять опыт. Во-вторых, местные руководители были заинтересованы в росте районной экономики, в полном выполнении планов по Единому сельхозналогу и проч. Становится ясным, что выдвижение центральной властью на первый план задач политико-просветительской работы в условиях нэпа в регионе расходилось с представлениями на местах о текущих задачах. Это подтверждается и тематикой бесед в планах работы изб-читален того же Петровского района, которые проводились силами педагогов, агрономов, сельского актива и по большей части были посвящены сельскому хозяйству и животноводству.

На примере этого района можно сделать еще одно наблюдение: качество работы политико-просветительских учреждений на селе напрямую зависело от действительной помощи местным политпросветам от вышестоящих инстанций. При проверке изб-читален в районе комиссия отметила хорошее качество мероприятий в изб-читальнях сел Константиновское и Шведино. Этим определялся интерес жителей этих сел к ним. Оказалось, что над Константиновском осуществлялось шефство месткома окружного исполкома, а над Шведино – административное отделение райисполкома. Шефы снабжали изб-читальни литературой, выписывали газеты,

помогали своими кадрами, которые приезжали в село во время проведения политических кампаний. [4, л. 415].

Сравнительный анализ реального положения в районах и селах Ставрополя и планов окружного политпросвета свидетельствует, что намерения власти о создании «новых людей» серьезно корректировались не только местными условиями, но и местными трудностями. К примеру, Ставропольский окружной политпросвет планировал обследовать в течение полугода работу 9 районов, но реально на это не хватило ни кадровых сил, ни материальных возможностей. По рекомендации Главполитпросвета предлагалось наладить отчетность политико-просветительных учреждений на местах и внести в их деятельность плановое начало, но эта задача из-за нехватки работников, их перегруженности другой работой, решалась крайне медленно. Предлагалось на каждое заседание Коллегии политпросвета приглашать одного районного инспектора с отчетом, но как свидетельствуют протоколы, этот порядок не соблюдался по тем же причинам.

Надо отметить еще несколько обстоятельств. Успех политической работы зависел от понимания важности политико-просветительской работы сотрудниками различных государственных органов, которые были больше заняты текущими хозяйственными заботами, а не политическим воспитанием людей. Вторым обстоятельством реализации этих планов была заинтересованность местных жителей в том или ином мероприятии. Это подтверждается достаточно активным процессом создания красных уголков в сельсоветах, коммунах, артелях. [5, л. 23]. Кроме того, окружной политпросвет следил за развитием библиотечных сетей. В частности, тогда развернулась организационная работа по созданию библиотек передвижек, в регионе в основном для снабжения литературы работников села – на полевых станах, на фермах, в бригадах, на кошарах. Местная власть при нищете кадров и бюджета большие надежды возлагала на активистов, для чего контролировалась деятельность библиотечных, клубных, художественных советов. Для этого было предписано проводить заседания таких советов не реже одного раза в неделю. В действительности эти сроки часто нарушались из-за объективных обстоятельств: перегруженность другой работой, чрезвычайные погодные условия и проч. [5, л. 24].

На основании анализа источников можно свидетельствовать, что политика советской власти, направленная на реализацию проекта «новый человек», отражала намерения Центра реализовать теоретические идеи о перевоспитании населения СССР, исходя из конкретных условий развития страны. Речь шла о неграмотности большей части сельских жителей советского государства, что стало основой политической

неграмотности, финансовые и материальные трудности, кадровая неподготовленность. На уровне локальных сообществ эти задачи реализовывались через региональную и личную повседневность, когда грандиозность декларируемых задач преобразовывалась в конкретные меры, связанные с местными условиями и с повседневными потребностями выживания того

или иного микросообщества. С другой стороны, как это показывали конкретные формы ликвидации неграмотности и политического просвещения, поиски наиболее эффективных форм работы в первичном звене общества, иногда становились основой для новых методов и форм создания «нового человека» во всесоюзном масштабе.

Литература

1. Амбарцумян К. Р. Концепт «новый человек» в советском идеологическом дискурсе 1920-х гг. // Дискурсы «новый человек» и «советский народ» как общность в социокультурном пространстве СССР: Междисциплинарный сборник научных статей. Ставрополь: СЕКВОЙЯ, 2022. С.18–39.
2. Булыгина Т. А., Судавцов Н. Д. Городская и сельская идентичность в городском пространстве Ставрополя // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. №77 (6). С. 31–37.
3. ВЛКСМ. Как организовать и проводить индивидуально-групповое обучение неграмотных. (К членам ВЛКСМ, членам сельсоветов, сельполитпросветкомов, избачам, учительству, членам ОДН, всем культурным силам). Ростов н/Д: Б. и., 1928. 8 с.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). ФР.299 Оп.1. Д. 357.
5. ГАСК. ФР. 300 Оп.1. Д. 414.
6. Декрет Совета Народных Комиссаров «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26 декабря 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. VI. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. М.: Политиздат, 1975. 545 с.
7. Дискурсы «новый человек» и «советский народ» как общность в социокультурном пространстве СССР: Междисциплинарный сборник научных статей. Ставрополь: СЕКВОЙЯ, 2022. 278 с.
8. Ермаков Ю. А. Формирование «нового человека»: советские технологии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2014. №3 (129). С.188–205.
9. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). 9-е изд., доп и испр. Т.2: 1917–1922. М.: Издательство политической литературы, 1983. 606 с.
11. Ленин В. И. О кооперации // Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Политиздат, 1970.
12. Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов Доклад на II всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. // Полное собрание сочинений. Т. 44. М.: Политиздат, 1970.
13. Луначарский А. В. Обращение народного комиссара по просвещению 29 октября 1917 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1974. С.8.
14. Молостова Е. С. Модели «Нового человека» в советский период: подступы к трансгуманизму // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. 2014. Вып.28. № 9. С. 168–175.
15. Новиков С. Г. Проектирование «нового человека» в советской России 1920-х годов // Отечественная и зарубежная педагогика. Том 1. 2019. № 1(57). С.161–174.
16. Слепухин В. В. «Новый» человек в советской культурной политике 1920–1930-х годов // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 5А. С. 604–609.
17. Соболева А. Н. Формирование образа героя и образа врага у советской молодежи в 1920–1930-е гг. // Политика и Общество. 2017. № 10. С. 37–46.
18. Фишева А. А. Концепт «нового человека» в советской социальной политике 1920-х годов // Научнотехнические ведомости. СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т.10. №1. С. 37–46.
19. Циркуляр ЦК. РКП(б) «Восстановление изб-читален» // Правда. 1922. 30 мая (№ 118).

References

1. Ambarcumjan K. R. Konzept «novyj chelovek» v sovetskom ideologicheskom diskurse 1920-h gg. (The concept of «new man» in the Soviet ideological discourse of the 1920s.) // Diskursy «novyj chelovek» i «sovetskij narod» kak obshhnost' v sociokul'turnom prostranstve SSSR: Mezhdisciplinarnyj sbornik nauchnyh statej. Stavropol': SEKVOJJa, 2022. P. 18–39. (In Russian).
2. Bulygina T. A., Sudavcov N. D. Gorodskaja i sel'skaja identichnost' v gorodskom prostranstve Stavropolja (Urban and rural identity in the urban space of Stavropol) // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. No. 77 (6). P. 31–37. (In Russian).
3. VLKSM. Kak organizovat' i provodit' individual'no-gruppovoe obuchenie negramotnyh. (K chlenam VLKSM, chlenam sel'sovetov, sel'politprosvetkomov, izbacham, uchitel'stvu, chlenam ODN, vsem kul'turnym silam) (Komsomol. How to organize and conduct individual-group training of the illiterate. (To members of the Komsomol, members of village councils, village political enlightenment committees, huts, teachers, members of the Society Down with illiteracy, all cultural forces). Rostov-on Don, 1928. 8 p. (In Russian).
4. State archive of Stavropol region (GASK). FR.299 Inv.1. D. 357. (In Russian).
5. GASK. FR. 300. Inv.1. D. 414. (In Russian).
6. Dekret Soveta Narodnyh Komissarov «O likvidacii bezgramotnosti sredi naselenija RSFSR» ot 26 dekabrja 1919 g. (Decree of the Council of People's Commissars «On the elimination of illiteracy among the population of the RSFSR» of December 26, 1919) // Dekrety Sovetskoy vlasti. T. VI. 10 dekabrja 1919 g. – 31 marta 1920 g. Moscow: Politizdat, 1975. 545 p. (In Russian).
7. Diskursy «novyj chelovek» i «sovetskij narod» kak obshhnost' v sociokul'turnom prostranstve SSSR (Discourses «New Man» and «Soviet People» as a Community in the Socio-Cultural Space of the USSR): Interdisciplinary Collection of Scientific Articles. Stavropol': SEKVOJJa, 2022. 278 p. (In Russian).

8. Ermakov Ju. A. Formirovanie «novogo cheloveka»: sovetskie tehnologii (Formation of the «new man»: Soviet technologies) // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2014. No. 3 (129). P. 188–205. (In Russian).
9. Kommunisticheskaja partija Sovetskogo Sojuza v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i Plenumov CK (1898–1988) (The Communist Party of the Soviet Union in the resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1988). Vol. 2: 1917–1922. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1983. 606 s. (In Russian).
11. Lenin V. I. O kooperacii (On cooperation) // Polnoe sobranie sochinenij. Vol. 45. Moscow: Politizdat, 1970. (In Russian).
12. Lenin V. I. Novaja jekonomicheskaja politika i zadachi politprosvetov Doklad na II vserossijskom s#ezde politprosvetov 17 oktjabrja 1921 g. (New Economic Policy and Tasks of the Political Enlightenment Report at the II All-Russian Congress of Political Enlightenment October 17, 1921) // Polnoe sobranie sochinenij. Vol. 44. Moscow: Politizdat, 1970. (In Russian).
13. Lunacharskij A. V. Obrashhenie narodnogo komissara po prosveshheniju 29 oktjabrja 1917 g. (Appeal of the People's Commissar for Education October 29, 1917) // Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshheobrazovatel'naja shkola. Sbornik dokumentov. 1917–1973 gg. Moscow: Pedagogika, 1974. P. 8. (In Russian).
14. Molostova E. S. Modeli «Novogo cheloveka» v sovetskij period: podstupy k transgumanizmu (Models of the «New Man» in the Soviet Period: Approaches to Transhumanism) // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofija. Sociologija. Pravo. 2014. Issue. 28. No. 9. P. 168–175. (In Russian).
15. Novikov S. G. proektirovanie «novogo cheloveka» v sovetskoj Rossii 1920-h godov (The «New man» projecting in Soviet Russia in 1920-s) // Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika. Vol 1. 2019. No. 1(57). P. 161–174. (In Russian).
16. Slepuhin V. V. «Novyj» chelovek v sovetskoj kul'turnoj politike 1920–1930-h godov (The «New» Man in the Soviet Cultural Policy of the 1920s–1930s) // Kul'tura i civilizacija. 2017. Vol 7. No. 5A. P. 604–609. (In Russian).
17. Soboleva A. N. Formirovanie obraza geroja i obraza vruga u sovetskoj molodezhi v 1920–1930-e gg. (Formation of the image of a hero and the image of an enemy among Soviet youth in the 1920s – 1930s) // Politika i Obshhestvo. 2017. No. 10. P. 37–46. (In Russian).
18. Fisheva A. A. Koncept «novogo cheloveka» v sovetskoj social'noj politike 1920-h godov (The concept of the «new man» in the Soviet social policy of the 1920s) // Nauchnotekhnicheskie vedomosti. SPbGPU. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 37–46. (In Russian).
19. Cirkuljar CK. RKP(b) «Vosstanovlenie izb-chitalen» (Circular of the Central Committee. RCP(b) «Restoration of reading rooms») // Pravda. 1922. May 30 (No. 118). (In Russian).

Сведения об авторах

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / bul.tamara2011@yandex.ru

Адрес: д. 1, ул. Пушкина, 355017, г. Ставрополь, Российская Федерация.

Романова Нина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / history_d03@mail.ru

Адрес: д. 1, ул. Пушкина, 355017, г. Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the authors

Tamara A. Bulygina – Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / bul.tamara2011@yandex.ru

The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

Nina V. Romanova – PhD in History, Associate Professor, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / history_d03@mail.ru

The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

УДК 94 (470.6) "18"
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.3>

Ю. Ю. Гранкин
 Ю. Ю. Клычников
 С. С. Лазарян

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ СЛУЖБЫ И БЫТА СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНОСЛУЖИТЕЛЕЙ КАВКАЗСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Священно-церковнослужители Северного Кавказа представляли собой специфическую и небольшую группу населения региона, на плечи которой были возложены Церковью и государством весьма важные и значительные по охвату и глубине влияния на умы людей служебные задачи. Им предстояло вместе со словом Божиим нести свет просветления, изменять формы бытия и преобразовывать нравы, царившие в крае, в котором насилие и попрание жизни человеческой было почти обыденностью. Одновременно им вменялось не только освобождать сердца от скверны и ненависти, не только наставлять и направлять людей на путь истины, но внушать любовь к имперскому отечеству, а также послушание и почтение к имперским властям.

Жизнь и служение этих людей проходили в сложных условиях, развивавшихся природно-климатических или социальных катаклизмов, ввергавших население в состояние неопределенности или страха. Многие и каждодневные угрозы требовали от священно-церковнослужителей большой выдержки, самообладания, а иногда и героизма, чтобы оставаться верными избранному ими предназначению. Эти люди почти всегда были задействованы в повседневных событиях, разво-

рачивавшихся в крае, участвовали в межэтнических коммуникациях, выступали миротворцами, помогали обиженным и страждущим. Одновременно наравне со всеми подвергались опасностям военного времени, погибали от рук злодеев или неприязненных к русским горских наездников, умирали на своем посту, врачую и утешая поселен в казачьих станицах и в деревнях во время частых в крае первой половины XIX в. эпидемических болезней.

Немало трудов было принесено священно-церковнослужителями для обращения в Христианскую веру людей инославных исповеданий и даже преступников, спасая их души и возвращая в мир людей для продолжения созидательного существования.

Ключевые слова: священнослужители, Северный Кавказ, опасные условия, военные действия, религиозные требы, христианская вера.

Для цитирования: Гранкин Ю. Ю., Клычников Ю. Ю., Лазарян С. С. К вопросу о реконструкции службы и быта священно-церковнослужителей Кавказской области в первой половине XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 29–34. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.3

Yuri Yu. Granкин
 Yuri Yu. Klychnikov
 Sergey S. Lazaryan

ON RECONSTRUCTION OF THE SERVICE AND LIFE OF THE CHURCH PRIESTS OF THE CAUCASUS REGION IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

The clergy of the North Caucasus were a specific and small group of the population of the region, on whose shoulders the Church and the State were entrusted with very important and significant official tasks in terms of coverage and depth of influence on the minds of people. Together with the word of God, they had to bring the light of enlightenment, change the forms of community life and transform the mores that reigned in the region, in which violence and trampling of human life was almost commonplace. At the same time, they were charged not only to free their hearts from filth and hatred, not only to instruct and guide people to the truth, but to inspire love for the imperial fatherland, as well as obedience and respect for the imperial authorities.

The life and ministry of these people took place in difficult conditions of developing natural-climatic or social cataclysms that plunged the population into a state of uncertainty or fear. Many and everyday threats demanded great endurance, self-control, and sometimes heroism from the clergy in order to remain true to their chosen destiny. These people were involved in everyday events unfolding

in the region, participated in interethnic communications, acted as peacekeepers, and helped the offended and suffering. At the same time, along with everyone, they were exposed to the dangers of wartime, died at the hands of villains or mountain riders, hostile to Russians, died at their post, healing and comforting the settlers in Cossack villages and villages during frequent epidemic diseases in the region in the first half of the 19th century.

A lot of work was brought by the clergy to convert people of heterodox confessions and even criminals to the Christian faith, saving their souls and returning people to the world to continue their creative existence.

Key words: clergy, North Caucasus, dangerous conditions, military actions, religious requirements, Christian faith

For citation: Granкин Yu. Yu., Klychnikov Yu. Yu., Lazaryan S. S. On reconstruction of the service and life of the church priests of the Caucasus region in the first half of the XIX century // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 29–34 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.3

Духовенство – это особенное сословие на территории Северного Кавказа, которое не только окормляло свою старожильческую или новопробретенную паству, направляло её по верной дороге и осуществляло пастырское попечение, но всячески должно было печься и о том, чтобы жители этой южной окраины Российского государства видели в нем свою опору и защитника, а также с готовностью могли служить его интересам.

Жить и осуществлять своё служение приходилось в сложных условиях военного времени. Многие части Кавказского края были захвачены противостоянием армии и казаков с непокорными горцами. Сами же казачьи станицы и мирные крестьянские селения часто подвергались нападениям со стороны многочисленных хищнических партий, ускользнувших от внимания армейских отрядов и казачьих постов. Селения грабили, людей убивали или увозили в рабство в горы. Хищники подстерегали людей на полевых работах или в садах, нападали на неосторожных путников на дорогах.

Немало жертв таких нападений было среди церковнослужителей. Так, 9 сентября 1831 г. иерей и благочинный станицы Баталпашинской Диомид Зайцев сообщил в Ставропольское духовное правление, что 1 сентября 1831 г. после переправы через реку Кубань закубанских хищников численностью до 2000 человек в трех верстах от станицы Баталпашинской случилось сражение и преследование войсками вторгшихся неприятелей. Во время преследования через речку Куму было найдено тело диакона Василия Дмитриева, изрубленное хищниками и брошенное в топкой балке вместе с телом неизвестного человека [7, л.1]. Благочинный Диомид Зайцев не только провел опознание тела погибшего диакона, но и позаботился о необходимом и соответствующем правилам придании земле погибшего.

Поскольку убитый диакон не успел обзавестись в станице Баталпашинской ни домом, ни какими другими обзаведениями, невозможно было установить, где с семейством и имуществом оставалась его жена. При ней должны были находиться и документы на чин диакона, которые по невозможности погибшим продолжать служение своё, полагалось возвратить в консисторию. Об умерших священно-церковнослужителях благочинный должен был «немедленно доносить Преосвященному, с означением оставшегося семейства и с приложением должностных документов. В то же время делает он опись оставшемуся после умершего имению с оценкой и представляет ее в Консисторию, а если имеются малолетние наследники, то и с назначением опекуна» [2].

Во исполнение своих обязанностей благочинный Диомид Зайцев отправил в Ставропольское духовное правление клировую ведомость на семейство погибшего от рук закубанских хищников

диакона Василия Дмитриева, из которой можно было узнать, что его женой была Евдокия Захаровна, 39 лет от роду, а также в семействе было шесть детей: сын Осип – 16 лет, Дмитрий – 11 лет и дочери: Татьяна – 9 лет, Анна – 7 лет и Елена – 5 лет [7, л. 4].

Семейство диакона Василия Дмитриева разбилось в том числе и в г. Новочеркасске, откуда он прибыл в станицу Баталпашинскую по двум причинам: во-первых, для определения размера содержания и вспомоществования для семейства, оставшегося без кормильца, а во-вторых, по необходимости вернуть в консисторию документы на чин диакона, как того требовали правила. По существовавшим установлениям Священного Синода для обеспечения вдов духовного звания, имевших малолетних детей, либо взрослых дочерей «не подающих надежды на замужество», предоставлялись вакансии просфорниц с окладом в 14 рублей в год [11]. В силу того, что диаконы, в отличие от священников, не могли самостоятельно совершать требы, которые по большей части были основной статьей их дохода, в диаконских семьях редко имелись сколько-нибудь возможные денежные накопления, которыми можно было бы воспользоваться в форс-мажорных обстоятельствах.

Ситуация, однако, осталась не проясненной, т. к. из наличных документов нет возможности проследить судьбу семейства убитого диакона и результатов поисков, учиненных благочинным Диомидом Зайцевым.

Ведущиеся в крае военные действия против непокорных горцев порождали часто непредвиденные коллизии. Поскольку в войсках Отдельного Кавказского корпуса проходили службу люди различных инославных исповеданий, то могли возникать трудности вероисповедального характера. Кавказские войска стали испытывать недостаток римско-католических священников после массового прибытия в войска рекрутов из Царства Польского и пленных-поляков из бывшей Польской армии, после подавления восстания 1830–1831 гг. Например, командир Кавказского стрелкового батальона подполковник Кинович вынужден был обратиться к Кавказскому и Черноморскому епископу Еремею с просьбой разрешить священнику селения Новоселицы похоронить умершего в батальонном лазарете рядового поляка Яна Гвяздовского. Находившийся в селении священник Православной церкви Андреевский отказался совершить необходимые требы над умершим, «ссылаясь на неимение разрешения от епархиального начальства для того» [10, л. 1].

От Кавказской духовной консистории незамедлительно пришло заключение: предписать священнику Андреевскому непременно исполнения потребных треб, «буде кто из чиновников католической, реформаторской или лютеранской

религии, т. к. все они учения Евангельское содержат и надежду полагают во Христе Спасителе сего мира, а при том определили себя на защиту Православного нашего Отечества» [10, л. 2]. Всем полковым священникам повелено было тела погибших или умерших «сопровождать с места до кладбища в ризах и епитрохиях и опускать в землю при пении стиха: Святыи Боже...» [10, л. 3].

Таким распоряжением снималась отчасти проблема отсутствия людей, предназначенных для осуществления необходимых треб для людей римско-католического исповедания и одновременно отдавалась дань и свидетельство уважения их служению российскому Отечеству, видя в них не только единоподданных российского императора, но едино сынов Христовых.

Сложные обстоятельства жизни в Северокавказском крае требовали от служителей культа большого самообладания и даже самоотдачи, граничивших с героизмом, когда, например, в 1830–1831 гг. там свирепствовала эпидемия холеры, которая проникла из Закавказья в августе 1830 г. в Кизляр, а затем в Ставрополь. Всего в 1830 г. холерой было охвачена 31 губерния страны, в которых болело 68 091 человек, из которых умерли 37 595 человек. Особенно пострадали Астраханская губерния и Ставрополье. В Астраханской губернии в течение суток умирало до 200 человек [3].

Людей охватывал страх и ропот. Священно-церковнослужители также умирали от холеры, но большинство из них относились к эпидемии как Божьему попущению, которое надо понести со смирением и покаянием. Этому они учили сельских поселян, среди которых жили сами. Священно-церковнослужители служили молебны, читали молитвы от мора, совершали крестные ходы, всячески старались успокоить прихожан и напутствовать их на смирение и уповать на волю Божью.

Однако многие из сельских жителей не верили в холеру, считали, что никакой болезни нет, что правительственные чиновники только отягощают и осложняют их жизнь карантинными мерами. Особенно поселян раздражало то, что дома заразившихся людей оцепляли и запрещались любые передвижения остальных здоровых домочадцев. Сельским священникам предписывалось «удостоверять народ, что это болезнь заразительная, что предписанные начальством предосторожности нужно употреблять послушно и верно. Потому что, если кто, поступив против предосторожности внесет сразу в селение, нарушит карантин, таковой даст Богу ответ за нарушение заповеди и за то, что сделался виной беды для своих братьев» [1].

Умерших от холеры практически сразу везли на кладбище и часто отпевали заочно. Тех, кто умирал ночью, также незамедлительно отвозили на кладбища, но, чтобы такие умершие не были

лишены молитв, с телом умершего отправляли записку приходского священника, в которой означалось имя усопшего, что он принадлежит к Православной церкви, и обстоятельства, по которым отпевание в приходской церкви не было совершено. Кладбищенский причт совершал погребальное пение с молитвами поименованных усопших, «смотря по возможности, выходить с литиею к месту, где похоронены тела» [1].

Некоторые из священно-церковнослужителей были не менее других людей подвержены страху смерти и не все справлялись с эмоциональным напряжением, хотя, будучи публичными людьми, не имели права это демонстрировать, чтобы не порочить не только свой сан, но и миссию Церкви. К тому же священнослужители часто были единственными, кто мог реально чем-то помочь людям, попавшим в беду, кто мог быть рядом, утешить и успокоить, подать надежду, а иногда организовать противохолерные мероприятия. Например, священники поили заболевших гомеопатическими настоями из трав, чтобы предотвратить у них рвоту. Это иногда спасало жизни людей и воодушевляло остальных страждущих. Часто от священников сообщалось властям о развивающейся ситуации.

Потому, когда от Ставропольского земского исправника пришло сообщение в Кавказский Областной комитет, что в районах, пораженных холерой, священники селения Дмитриевского Федор Колачинский и селения Разшеватки Лука Иванов, уклоняются от исполнения обрядов, «делаемым над людьми, заболевшими и умирающими от холеры» [6, л.1 об.], об этом было тут же доложено Архиепископу Новочеркасскому и Георгиевскому Афанасию.

Областные власти просили содействия Его Высокопреосвященства о постановлении в непременную обязанность духовенства и в особенности священнослужителей тех мест, где действовала холера, «чтобы они во время такого народного бедствия, если не все следующие обряды религии, то, по крайней мере, предание земле умерших от холеры, совершали беспрекословно и сообразно существующим на сие правилам» [6, л.1 об.].

Этого требовали обстоятельства, поскольку иное помимо всех привходящих событий порождало «большой страх и ужас в особенности в нижнем классе народа» [6, л.2], которые могли привести к непредсказуемым действиям местных жителей, не имевших иного утешения и поддержки по большей части, кроме священнического участия.

От Новочеркасской духовной консистории пришло распоряжение всем духовным правлениям через благочинных напомнить всем священно-церковнослужителям о неукоснительном исполнении всех христианских треб над больными холерой и особенно, чтобы они напутствовали их

исповедью и утешением, ободряли милосердием, «а умерших придавать земле по христианскому долгу» [6, л.2]. Вышеназванных священников по прошествии эпидемии, подвергнуть строгой ответственности.

Так, священник Лука Иванов 14 сентября 1831 г. был выслан в г. Новочеркасск в духовную консисторию держать ответ перед архиепископом. Всем оставшимся в своих селениях священникам предписано было через благочинного села Новотроицкого священника Иоанна Островидова ознакомиться с указом Архиепископа Афанасия и личными подписями это подтвердить [6, л. 7-7 об.]. От селения Разшеватки подписи поставили священники Лука Иванов, Афанасий Садовский, диакон Кирилл Феоктистов и дьячок Варфоломей Крестилевский [6, л.8].

Вероисповедальные коллизии могли возникать при изъявлении представителями инославных религий желания принять веру Христову. Такой казус возник, например, в 1836 г., когда выходец из туркменского Чугудуровского рода Магомед Джаналиев, проживавший в селении Покойном в работниках, запросился в христианскую веру, но местный священник отказался совершить над ним таинство крещения без разрешения духовного начальства [4, л.1-1 об.].

В связи с данным обстоятельством Кавказское Областное правление обратилось в Ставропольское духовное правление и просило разрешить священникам на будущее время приводить желающих в христианское исповедание без предварительной переписки.

На это обращение также отреагировала Новочеркасская духовная консистория, которая предписала священнику селения Покойного Федору Можарскому, «дабы он Джаналиева, научив правилам и благочестию Христианской веры, просветил священным крещением, внеся оное в метрическую книгу» [4, л.6].

Новым, но достаточно частым явлением сделались просьбы преступников из горцев по изъявленному ими добровольному желанию привести их в христианскую веру. В 1831 г. так поступил среди осужденных военным судом в комиссии при 43 Егерском полку вместе с прапорщиком Кучугманом Алькасовым чеченец Дзу Асаев, обвиненный за убийство подвластного князю капитану Эльдорову жителя деревни Мурдаровой чеченца Сулеймана.

Судебная комиссия постановила определить в качестве наказания для Дзу Асаева 31 удар плетью и отослать на поселение в Сибирь, а его брата Серали Асаева, подавшего повод к этому убийству, наказать 150 ударами розг и оставить на прежнем месте жительства [8, л.1 об.].

Среди осужденных по аналогичному преступлению в судебной комиссии 43 Егерского полка в сентябре того же года был Лечи Кулаев, приго-

воренный к 40 ударам кнутом и к отправке в Сибирь в каторжные работы, который также изъявил желание перейти в христианскую веру [9, л.1 об.].

Приведение приговора в исполнение перечисленным арестантам, содержащимся в ставропольском тюремном замке, было приостановлено на основании указа Правительствующего Сената от 30 мая 1826 г., а также на основании указов от 16 декабря 1741 г. и от 26 октября 1761 г. для решения по делам об иноверцах, осужденных за смертоубийство и другие тяжкие преступления, когда эти иноверцы примут веру греческого исповедания [9, л.2].

После обращения Кавказского областного правления в Ставропольское духовное правление о высказанном желании осужденных иноверцев перейти в христианскую веру соборному священнику Андрею Альшанскому поручалось до получения Архипастырского решения из Новочеркасска приготовить к святому крещению чеченца Дзу Асаева и Лячи Кулаева. По научении их первым началам христианской веры и некоторых молитв, 3 апреля 1832 г. они были окрещены с наречением имен, первому – Василий, а второму – Федор. Восприимниками первого стали ставропольского полевого комиссионерства комиссар 14 класса Андреян Андреев и ставропольского купеческого сына Ивана Чернова дочь девица Мария; второго – титулярный советник служащий Ставропольского Земского суда Никифор Зазулевский и вдова, ставропольская мещанка Елизавета Шуваева [9, л.12].

С такой же просьбой обращались содержащиеся во Владикавказской крепости джераховец абрек Газиев и кистинцы Антек Андиев и Исмаил Ашов, которые оказались виновными: Газиев – в возмущении кистинцев, в разбое и грабеже; Андиев и Ашов – в воровстве и грабеже. По конфирмации им было определено: абрека Газиева наказать 20 ударами кнутом и поставить на лице указание знака, сослать в Сибирь на каторжные работы. Антека Андиева и Исмаила Ашова наказать публично плетью, по 50 ударов каждому и сослать в Сибирь на поселение [5, л.1об.].

При осмотре тюремного замка г. Владикавказ 16 апреля 1831 г. областным прокурором, содержащиеся там преступники Антек Андиев и Исмаил Ашов, в ожидании исполнения приговора, изъявили ему желание принять христианскую веру. Областной прокурор, в свою очередь, обратился в Ставропольское духовное правление, сообщив о желании преступников и приказал отослать их туда при получении положительного, основанного на существующих законных основаниях согласия архиепископа, а исполнение вмененного им наказания приостановить до особого на этот счет предписания, опираясь на основания указа Правительствующего Сената от 30 мая 1826 г., а самих арестантов отправить под караулом в г. Ставрополь [5, л.2 об. – 3].

Реагируя на обращение областного прокурора и желание преступников магометанского исповедания Антека Андиева и Исмаила Ашова, изъявивших добровольное желание принять христианскую веру, Ставропольское духовное правление 11 июня 1831 г. предписало иерею Казанской церкви Николаю Тихомирову, чтобы он «по наставлению оных некоторым молитвам, просветить их светом крещения, и по исполнении донес о восприемниках Правлению» [5, л.4].

Арестантов приводили ежедневно из тюремного замка под надлежащим караулом чинов Ставропольской градской полиции в Ставропольское духовное правление для надлежащих «в чем следует испытаниям и наставлениям» [5, л.11 об.], а затем возвращали под арест тем же караулом.

Из опроса через переводчика канцеляриста Никиту Наталова было выяснено, что Антек Андиев от роду 45 лет, не имел ни отца, ни матери, ни каких-либо родственников. Будучи одинок, желает принять христианскую веру не из страха наказания, которое последовать должно за совершенные им преступления, а по внушению ему христианской веры, истину которой ему раскрыли некоторые русские люди, содержащиеся вместе с ним под стражей, через разговоры. Его подельник Исмаил Ашов – от роду 20 лет, холост, родственников, кроме престарелого отца не имел.

Смотрителю тюремного замка приказано было подготовить арестантов для принятия Святого крещения, очистить омовением и снабдить чистой одеждой, а также приискать восприемных отцов мужского пола и женского пола восприемниц. Затем отослать при надлежащем присмотре к священнику Казанской церкви Николаю Тихомирову [5, л.18].

В перечисленных случаях трудно выяснить, насколько искренними были высказанные желания осужденных преступников принять Святое Крещение и отказаться от своей прежней магометанской веры, поскольку принимаемые ими решения были вызваны чрезвычайными обстоятельствами и могли сделаться лишь способом спасения от предстоявшего им наказания. С другой стороны, горские выходцы, переходившие в христианскую веру, рисковали быть убитыми со стороны своих единоплеменцев, если возвращались в свою этническую среду на прежнее место жительства. Из исследованных архивных документов нельзя проследить дальнейшую судьбу обозначенных новокрещенцев, но из опыта северокавказской жизни первой половины XIX в. следовало, что эти люди были обречены выбирать не только религиозное исповедание, но и дальнейшую дислокацию своего существования: обстоятельствами они обрекались жить в русском имперском мире.

Литература

1. Бежанидзе Г. Холера в 1830: действия медслужб, Церкви и власти. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/holera-v-1830-dejstviya-medsluzhb-tserkvi-i-vlasti/> (Дата обращения: 06.02.2023).
2. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей URL: http://www.odinblago.ru/nastolnaya_kniga_1 (Дата обращения: 06.02.2023).
3. Васильев К.Г., Сегал Л.Е. История эпидемий в России. URL: <http://kemenkiri.narod.ru/gaaz/epid.htm> (Дата обращения: 06.02.2023).
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 63. Оп.15. Д.19.
5. ГАСК. Ф. 90. Оп.1. Д.72.
6. ГАСК. Ф. 90. Оп.1. Д.83.
7. ГАСК. Ф.90. Оп.1. Д.104.
8. ГАСК. Ф. 90. Оп.1. Д.111.
9. ГАСК. Ф. 90. Оп.1. Д.123.
10. ГАСК. Ф.135. Оп.2. Д.150.
11. Приходское духовенство в XIX веке. URL: <https://history.wikireading.ru/258706> (Дата обращения: 06.02.2023).

References

1. Bezhanidze G. Holera v 1830: dejstviya medsluzhb, Cerkvi i vlasti (Cholera in 1830: the actions of medical services, Churches and authorities). URL: <https://www.miloserdie.ru/article/holera-v-1830-dejstviya-medsluzhb-tserkvi-i-vlasti/> (Accessed: 06.02.2023).
2. Bulgakov S.V. Nastol'naya kniga dlya svyashchenno-cerkovnoslužhitelej (Desk book for clergy) .URL: http://www.odinblago.ru/nastolnaya_kniga_1 (Accessed: 06.02.2023).
3. Vasil'ev K.G., Segal L.E. Istoriya epidemij v Rossii (History of epidemics in Russia). URL: <http://kemenkiri.narod.ru/gaaz/epid.htm> (Accessed: 06.02.2023).
4. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. 63. Inv. 15. D.19.
5. GASK. F. 90. Inv. 1. D.72.
6. GASK. F. 90. Inv. 1. D.83.
7. GASK. F.90. Inv. 1. D.104.
8. GASK. F. 90. Inv. 1. D.111.
9. GASK. F. 90. Inv. 1. D.123.
10. GASK. F.135. Inv. 2. D.150.
11. Prihodskoe duhovenstvo v XIX veke (Parish clergy in the 19th century). URL: <https://history.wikireading.ru/258706> (Accessed: 06.02.2023).

Сведения об авторах

Гранкин Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, проректор по академической политике, контролю качества, образования и информатизации Пятигорского государственного университета / grankinj@pgu.ru

Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета / klichnikov@mail.ru

Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Лазарян Сергей Степанович – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета / aflost@yandex.ru

Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the authors

Yuri Yu. Grankin – doctor of Historical Sciences, Vice-Rector for Academic Policy, Quality Control, Education and Informatization, Pyatigorsk State University / grankinj@pgu.ru

The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.

Yuri Yu. Klychnikov – doctor of Historical Sciences, Professor, Chair of Historical and Social Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University / klichnikov@mail.ru

The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.

Sergey S. Lazaryan – doctor of Historical Sciences, Chair of Historical and Social-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University / aflost@yandex.ru

The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.

УДК 069(091): (470.6)
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.4>

С. М. Дугинец

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ИСТОРИИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЕВОГО МУЗЕЯ ГОРСКИХ НАРОДОВ ИМ. БОЛЬШЕВИКА МУССЫ КУНДУХОВА (1926–1936 ГГ.)

Народы многонационального Северо-Кавказского региона на протяжении многих лет сохраняли свою самобытную культуру. Советская власть всячески способствовала этому. Проводниками этой политики государства выступали музеи, научно-исследовательские и краеведческие организации, существовавшие и вновь создаваемые в автономных областях. Одним из таких музеев стал музей горских народов.

В статье рассматривается история становления и развития Северо-Кавказского краевого музея горских народов им. большевика Муссы Кундухова, основные направления его деятельности в 1926–1936 годах. Большое внимание уделено экспедиционной работе музея и ряда научно-исследовательских организаций, результаты которых существенно пополнили музейное

собрание. Проанализирована экспозиционно-выставочная деятельность музея, рассмотрена просветительская работа. Автор уделит внимание интересным экспонатам и современному показу материалов из фондов музея горских народов, являющихся в настоящее время частью собрания Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве.

Ключевые слова: музей, культура, горец, народы Северного Кавказа, сохранение, изучение.

Для цитирования: Дугинец С. М. Десять лет истории Северо-Кавказского краевого музея горских народов им. большевика Муссы Кундухова (1926–1936 гг.) // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2023. Т. 10 (1). С. 35–41. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.4

Svetlana M. Duginets

TEN YEARS OF HISTORY OF THE NORTH-CAUCASUS REGIONAL MUSEUM OF MOUNTAIN PEOPLES NAMED AFTER BOLSHEVIK MUSSA KUNDUKHOV (1926–1936)

The peoples of the multinational North Caucasus region have preserved their distinctive culture for many years. The Soviet government contributed to this in every possible way. The guides of this policy of the state were museums, research and local history organizations that existed and were newly created in the autonomous regions. One of such museums was the Museum of the Mountain peoples.

The article examines the history of the formation and development of the North-Caucasus Regional Museum of Mountain Peoples named after Bolshevik Mussa Kundukhov, the main directions of its activities in 1926–1936. Much attention is paid to the expeditionary work of the museum and a number of research organizations, the results of which have significantly replenished the museum

collection. The exposition and exhibition activities of the museum are analyzed, educational work is considered. The author paid attention to interesting exhibits and a modern display of materials from the collections of the Museum of Mountain Peoples, which are currently part of the collection of the Stavropol State Museum-Reserve named after G.N. Prozritelev and G. K. Prave.

Key words: museum, culture, highlander, peoples of the North Caucasus, preservation, study.

For citation: Duginets S.M. Ten years of history of the North-Caucasus Regional Museum of Mountain Peoples named after Bolshevik Mussa Kundukhov (1926–1936) // *Humanities and law research*. 2023. V. 10 (1). P. 35–41 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.4

Исторически Северный Кавказ является многонациональным регионом страны. Сохранению культурного наследия народов, проживающих в регионе, сотрудники местных музеев всегда уделяли большое внимание. Существенную роль в развитии музейного дела в национальных областях и сохранении культурно-исторического наследия народов Северного Кавказа сыграл Краевой музей горских народов, созданный в Ростове-на-Дону в 1926 г. После слияния Ворошиловского (Ставропольского) краевого музея и Северо-Кавказского краевого музея горских народов в 1936 г. история последнего была забыта. В 2000-е гг. вышли работы Т. И. Коневской о деятельности музея в 1926–1933 гг., в работах

М. С. – Г. Албогачевой дается краткая характеристика деятельности музея, история музея рассмотрена также в диссертационном исследовании С. М. Дугинец [1; 15; 19; 20].

В состав Северо-Кавказского края в 1925 г. входили 6 горских автономных образований (Адыгея, Ингушетия, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Чечня). Актуальным стал вопрос создания краеведческих организаций и музеев, изучающих и пропагандирующих быт и культуру населяющих край народов. В 1926 г. вопрос о создании музея горских народов в столице Северо-Кавказского края г. Ростове-на-Дону был поставлен на заседании Северо-Кавказского Бюро краеведения. Участники

первого Пленума Национального Совета культуры и просвещения горских народов Северо-Кавказского края говорили о необходимости изучения истории и культуры народов Северного Кавказа. В резолюции Пленума было закреплено решение об открытии в Ростове-на-Дону музея народов Северного Кавказа и краевого института горских народов. На первой краевой конференции краеведческих организаций и научно-исследовательских учреждений горских областей Северного Кавказа (Кисловодск, июль 1926 г.) было принято за основу Положение и Устав Северо-Кавказского краевого научно-исследовательского института горских народов (СККНИИ) и музея [19, с. 13].

Задача создания музея была возложена на СККНИИ горских народов, возглавил эту работу руководитель социально-культурного отдела СККНИИ, известный ученый-кавказовед А. Н. Дьячков-Тарасов. Александр Николаевич руководил научными экспедициями, публиковал статьи по истории, археологии, этнографии и географии. Его работы «Программа для собирания этнографических материалов в горных областях Северо-Кавказского края» и «Антрополого-этнографические исследования как один из факторов подъема культуры в национальных областях» стали, по сути, программными для проведения экспедиций в целях комплектования коллекций музея.

В положении о музее говорилось, что он имел целью изучить и представить в экспонатах и моделях жизнь народов и природу Северного Кавказа в естественно-историческом, культурно-бытовом и хозяйственно-экономическом отношениях, как в прошлом, так и настоящем [6, л. 146]. Музей «обслуживал» все национальные горские музеи – Ингушский, Чеченский, Кабардино-Балкарский, Черкесский, Карачаевский, оказывал научно-техническую помощь в проведении научных исследований, экспедиций, снабжении и обмене экспонатами, приобщении к музейному делу в крае. На сотрудников музея возлагалась обязанность сбора материалов, их изучения и систематизации, организации выставок в музее и вне его. При этом, музей являлся вспомогательным научно-исследовательским и учебным средством работы института и всем своим содержанием должен был служить аспирантам СККНИИ. Таким образом мы можем говорить о том, что в 1920-е гг. сохранялась тенденция рассматривать музеи как научные центры.

К моменту начала работ по созданию музея горских народов в Ростове-на-Дону функционировали музеи, одним из которых был Донской областной музей искусств и древностей, находящийся в ведении Главнауки. В составе музея была организована картинная галерея, сформированы интересные коллекции палеонтологии, этнографии, оружия, нумизматики, фарфора, мебели, археологических материалов, библи-

отека в 2 тысячи томов. Музей собирал, изучал и экспонировал только древности Дона. В связи с постепенным изменением взглядов на музей как на политико-просветительное учреждение, занимающееся изучением современных производительных сил, музейный отдел Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпрос) считал Донской музей чисто академическим учреждением, не способным решать поставленные перед ним вопросы [19, с. 15]. Взгляды А. Н. Дьячкова-Тарасова на музей как учреждение, которое должно быть отражением окружающей действительности, а также имеющиеся финансовые трудности Донского областного музея искусств и древностей, нехватка помещений для музея горских народов и экспонатов для него послужили основой для принятия решения о реорганизации Донского музея и придании музею горских народов статуса краевого.

Разместился музей горских народов в здании Донского областного музея искусств и древностей, директором был назначен Кануков.

В состав музея вошли более 700 экспонатов бывшего Донского областного музея искусств и древностей, рассказывающих об истории и культуре народов Северного Кавказа [5, л. 1, 3; 7, л. 21]. Это были коллекции по геологии, палеонтологии, археологии, нумизматике, китайская коллекция, собрание карт, планов и фотографий, этнографические собрания Донского края, старинное оружие, а также научный архив [8, л. 1–3]. Также пополнение фондов происходило за счет перераспределения предметов из центральных музеев. В 1926 году из Эрмитажа поступило 50 предметов старинного оружия, из Павловских дворцов-музеев – 3 картины, две из них за подписью Айвазовского, из дворца-музея Палей передана картина и бронзовая группа, из Гатчинского дворца-музея переданы две картины – Заиковского (ранее висела в одной из приемных комнат Александра III) и Айвазовского [8, л. 42–45]. Из государственного книжного фонда поступило 1679 единиц фундаментальной библиотеки по кавказоведению, 653 из них – из Гатчинского дворца, принадлежали ранее князю Шервашидзе [8, л. 56].

Большое количество материалов поступало в результате проводимых комплексных этнографических и научно-художественных экспедиций в Адыгее, Дагестане, Чечне, Ингушетии, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. Так, в музей поступили старинная женская и мужская одежда, предметы быта. Также поступило большое количество фотографий, на которых были запечатлены характерные типы населения Северного Кавказа, бытовые и производственные сцены, типы традиционного горского жилища и его обстановки, образцы хозяйственного инвентаря и другие стороны жизни горцев. В первой трети XX столетия они сохраняли свои

исконные черты культуры и быта, что и было зафиксировано объективом фотоаппарата [8, л. 47]. Нашли отражение и новые черты уже социалистического быта – то, как в регионе проводилась политика советской власти, направленная на коллективизацию и индустриализацию, также фотографы снимали первые кооперативы, промышленные предприятия, стройки.

Во время художественно-этнографической экспедиции 1924–1926 гг. по Дагестану, Чечне, Карачаю и Черкессии по заданию руководства Северо-Кавказского края живописные и графические работы для музея горских народов были выполнены художниками из города Ростова-на-Дону (Д. С. Федоров, Ф. М. Черноусенко, В. С. Шлиппнев, И. С. Богатырев) и художниками национальных автономных областей: Северной Осетии (М. С. Туганов, А. Г. Хохов, Л. Е. Агнаев), Дагестана (М. А. Джемал, Ю. А. Моллаев, Н. И. Лаков), Ингушетии (Х. Б. Ахриев). Основная часть работ выполнена в 1924–1925 гг. художниками из Ростова-на-Дону, в последующие годы коллекция дополнялась работами местных национальных художников. Всего было выполнено 463 работы. Рисунки отражали традиционные занятия, быт, типы населения Северного Кавказа: карачаевцев, черкесов, чеченцев, ингушей, осетин, абазинцев, кумыков, аварцев в начале XX в. Вторую экспедицию, проходившую в 1925 г., принято считать звёздным часом художника Василия Шлиппнёва. Из той поездки он привёз более пятидесяти работ [23].

В 1926–1931 гг. в музей поступали археологические коллекции, которые являлись результатами экспедиций Российской академии материальной культуры под руководством профессора А. А. Миллера.

Под руководством А. Н. Дьякова-Тарасова СККНИИ горских народов было проведено 18 экспедиций, итогом которых стало большое количество научных работ по этнографии Кавказа и пополнение этнографической коллекции музея.

В 1928 г. по итогам совместной экспедиции СККНИИ горских народов и Государственного института музыкальной культуры под руководством заведующего музыкальной секцией А. П. Митрофанова и научного сотрудника Д. Р. Рогаль-Левицкого в музей поступили образцы музыкальных инструментов, записи традиционных обрядов и песен.

Участвовали сотрудники музея и в естественнонаучных, археологических, этнографических экспедициях по изучению Дона. Это были как совместные экспедиции (с учеными Северо-Кавказского университета, Северо-Кавказского общества археологии и этнографии), так и самостоятельные. В результате в музей поступили материалы различных съездов и конференций, об успехах социалистического строительства в регионе.

Непродолжительное время научным сотрудником музея был Сергей Андреевич Вязигин, бывший руководитель Донского областного музея.

Придя на работу в музей в ноябре 1927 г., в июле 1928 г. он был уволен по сокращению штатов, вследствие рационализации аппарата. Но несмотря на это, он стал организатором одной из экспедиций и внес существенный вклад в пополнение музейного собрания [2, с. 151].

В тоже время, несмотря на наличие большого количества интересных и ценных музейных предметов, постоянная музейная экспозиция так и не была создана, действовали лишь временные выставки. Объяснялось это тем, что музей находился в состоянии организации. Первой стала выставка «Уголок Кавказа», на которой было представлено кавказское оружие, нумизматические коллекции, археологические находки, картины Айвазовского, Верещагина, Пастухова, Боброва, а также молодых художников из Ростова-на-Дону Федорова, Черноусенко, Шлиппнева, и республик Северного Кавказа Туганова и Хохова [19, с. 16].

При этом наблюдалась динамика роста числа посетителей музея. В 1926–1927 гг. было проведено 111 экскурсий, в 1928–1929 гг. – 307, в 1929–1930 гг. – 578. [9, л. 17–21].

Вопросам музейного строительства в национальных областях советская власть уделяла отдельное внимание. В постановлении ВЦИК и Совнаркома РСФСР «О музейном строительстве в РСФСР» (1928 г.) музеям вменялось в обязанность содействовать поднятию культурного и хозяйственного уровня развития отсталых народностей и национальных меньшинств [22, с. 440–442].

На I Северо-Кавказской конференции по краеведению, проходившей в Ростове-на-Дону 11–14 июня 1930 г., отмечалось, что существенными недостатками в работе горского музея можно считать отсутствие постоянной экспозиции, а также, что выставки не отражают процесс социалистического строительства в национальных областях. На конференции была предложена и утверждена структура постоянной экспозиции музея, который должен быть по содержанию действительно горским. Новую программу сбора музейных материалов, «рисующих лицо нацобластей», представил на конференции заместитель директора музея Каркмазов. Для реализации поставленных целей музею было выделено отдельное здание, директором музея был назначен И. Хубиев.

В октябре 1931 г. в связи с увековечиванием памяти большевика Муссы Кундухова музею присвоено его имя и он стал называться Северо-Кавказским краевым музеем горских народов им. большевика Муссы Кундухова [5, л. 4].

На протяжении 1932–1933 гг. шли работы по созданию постоянно действующей экспозиции. Оформленная экспозиция музея состояла из пяти отделов:

- Историко-культурного, в геолого-минералогическом разделе которого были представлены образцы ископаемых, геологическое

строение местностей, в палеонтологическом — окаменелые кости первобытных животных края, в археологическом — материалы по истории Донского казачества и истории г. Ростова-на-Дону, среди которых старинные карты, планы, фото, картины, оружие, предметы быта.

- Истории религии, в котором представлены в основном репродукции, рассказывали о шаманизме, магометанстве, шиитизме, религии современных дикарей, буддизме. Христианская религия была представлена собранием икон и богослужебной утвари.
- Этнографии Северного Кавказа с подотделами адыгейским, карачаевским, осетинским, ингушским, кабардино-балкарским, чеченским — посредством представленных в нем фотографий, картин, предметов быта, национальной одежды, макетов рассказывалось о культуре и традициях народов Северного Кавказа.
- Художественного.
- Экономического.

На проходившей в 1932 г. в Ростове-на-Дону Первой Северо-Кавказской краевой музейной конференции было решено превратить краевой музей горских народов в показательный, который должен стать образцом для организации своей деятельности всех разрозненных областных музеев.

На совещании научных работников музея горских народов с участием представителя Центрального музея народоведения, состоявшемся осенью 1933 года, недостатками в работе музея были названы малый штат сотрудников, малый бюджет, а также отсутствие политпросветотдела [10, л. 1–2]. Кадровый вопрос оставался актуальным вплоть до 1935 года, когда решением Президиума Северо-Кавказского краевого исполнительного комитета с 1 января 1936 года был установлен минимум научно-руководящих должностей Краевого музея горских народов в количестве 8 человек: директор, научные работники (заведующие отделами) — 3 человека, научный работник 2 разряда, экскурсовод, ученый секретарь, художник [11, л. 29–32]. Фактически в штате музея на 1 января 1936 года насчитывалось 12 человек.

Развитию музейного дела в автономных республиках и областях было посвящено постановление Президиума ВЦИК от 20 августа 1933 года «О состоянии и задачах музейного строительства в АССР и автономных областях» [18, с. 87]. В документе отмечалось, что материально-финансовая база музеев во многих регионах, в т.ч. автономных областях Северо-Кавказского края, была крайне слабой, музеи выселялись из специально приспособленных для них зданий в несоответствующие помещения.

В июле 1934 г. Народный комиссариат просвещения утвердил профиль музея, в соответствии с ним основной задачей музея было определено

«систематическое собирание, научная разработка и экспонирование вещественных памятников и вещевых и письменных материалов, отражающих колониальное прошлое горских народов, их борьбу за социальное и национальное освобождение и изживание ими экономического и культурного неравенства на путях социалистического строительства под руководством ВКП (б)» [11, л. 25].

В соответствии с профилем были установлены следующие отделы:

1. Исторический с разделами: народы Северного Кавказа до царского завоевания; завоевание Северного Кавказа царизмом и борьба горцев за независимость; колониальный режим царизма на Северном Кавказе; национально-освободительное и революционное движение на Северном Кавказе до 1905 г.
2. Отдел революции 1905 г, Октябрьской революции и гражданской войны.
3. Отдел соцстроительства с разделами: вводный; индустриализации национальных областей Северного Кавказа; социалистической реконструкции сельского хозяйства национальных областей и Дагестанской АССР; культурной революции; дорожного строительства [10, л. 4–5].

Для организации массовой работы в структуре музея был создан политпросветительный отдел.

Новая экспозиция музея была построена на основе марксистско-ленинско-сталинской теории понимания и освещения социально-экономических процессов применительно к горским народам Северного Кавказа, а сам музей рассматривался как боевое орудие марксистско-ленинско-сталинского воспитания трудящихся масс [10, л. 41–43].

Пропаганда советской идеологии требовала жесткого отбора материалов для экспонирования в музее. Материалы, противоречащие установленным политическим догмам, изымались из музейных собраний. Фонды музеев подвергались тщательной ревизии с целью выявления идеологически чуждых материалов. Во второй половине 1930-х годов это были главным образом снимки, на которых находились лица, зачисленные в категорию «врагов народа». Часть изъятых материалов поступала в спецхраны, другая — уничтожалась. Так, в марте 1935 года были изъяты фотоснимки из фондов Музея горских народов, на которых были изображены Зиновьев, Троцкий, Каменев [13, л. 53].

Большую разноплановую работу проводил функционирующий при музее кружок «Друзья музея».

В 1934 году в результате административно-территориальных преобразований региона Северо-Кавказский край был разделён на две самостоятельные административно-территориальные единицы: Азово-Черноморский край с центром в Ростове-на-Дону и Северо-Кавказский край, центром которого стал Пятигорск.

После этого возник вопрос о переводе музея горских народов в один из городов Северо-Кавказского края. К этому моменту музей являлся крупным культурным и научным центром. В фондах исторического отдела музея насчитывалось более 14 тысяч единиц хранения, в фондах отдела соцстроительства – 2912, в библиотеке музея – 2419 томов. В первом полугодии 1936 года музей посетили около 4 тысяч человек.

С 1934 по 1936 год органы управления решали вопрос о местонахождении музея. Рассматривались варианты переноса музея в г. Кисловодск и размещения его в помещении клуба Медсантруд или в здании бывшей дачи эмира Бухарского, где также могли разместиться Кисловодский музей революции и Курортный музей [11, л. 5; 12, л. 10–11]. Директор музея Хубиев поддерживал идею размещения горского музея и всех музеев Кисловодска в здании дачи эмира Бухарского. Другой вариант – перевод музея в Пятигорск, размещение в здании музея краеведения и слияние с ним [12, л. 24]. Однако ни один из этих вариантов не был реализован. В связи с намечавшимся переносом краевого центра в Орджоникидзе (ныне – Владикавказ) Президиум Северо-Кавказского крайисполкома постановил перевести музей из Ростова-на-Дону в Орджоникидзе и разместить его в здании Ингушского музея [13, л. 18]. Музейно-краеведческий отдел Наркомпроса предлагал директору музея горских народов ознакомиться с экспозицией и фондами музея г. Орджоникидзе для того, чтобы музеи в результате объединения представляли собой единое целое. Часть экспонатов предполагали передать в Грозный.

Решением Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б) № 96 от 13 августа 1936 года и приказом № 765 от 19 августа 1936 года по Северо-Кавказскому краю было постановлено «Музей горских народов слить с Ворошиловским (Ставропольским) краеведческим музеем, на базе обоих музеев организовать в г. Ворошиловске краевой краеведческий музей и, учитывая культурно-политическое и научное значение музея, перевести его на краевой бюджет» [4, л. 65 об; 13, л. 9]. Согласно принятому решению 23 декабря 1936 года в опломбированном вагоне собрание музея горских народов было доставлено в Ворошиловск (Ставрополь), часть коллекций осталась в Ростове-на-Дону и стала основой городского музея, ныне это Ростовский областной музей краеведения.

С началом Великой Отечественной войны четыре картины В.С. Шлиппева и Ф.М. Черноусенко из фондов Ворошиловского краеведческого музея были переданы госпиталю № 1668. С самого начала оккупации Ставрополя в августе 1942 года гитлеровцы начали грабить музей. Немецкие генералы забрали для украшения своих квартир наиболее ценные картины музея, в числе кото-

рых были картины В.С. Шлиппева «Смотрини невест во время вечернего разбора воды», «Бой под Воздвиженкой», «Горцы спускаются в аул на Кольцо» [21, с. 82].

В настоящее время коллекции бывшего музея горских народов продолжают находиться в Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике им. Г. Н. Прозрителева и Г. К. Праве. Коллекция рисунков не экспонировалась с 1936 года. Первая выставка художественно-этнографических работ «Горцы Северного Кавказа глазами художников» состоялась летом 1997 г. в Центральном музее Вооруженных Сил в Москве. В 1998 г. выставку в полном объеме увидели в Ставрополе, Владикавказе и Махачкале. На выставке было представлено 208 работ: рисунков о Чечне – 92, Дагестане – 46, Осетии – 22, Ингушетии – 9, Карачае – 16, Черкесии – 11, портретов Имама Шамиля и его наибов – 12. Также был издан каталог выставки [14]. Выставка «Горцы Северного Кавказа глазами художников» экспонировалась также в 2006 г. в музее-заповеднике и в 2019 г. в здании правительства Ставропольского края [17].

В конце 1980-х гг. было обнаружено, что часть фотографий (около 500 шт.), сделанных в 1920–1930-е гг., была переведена в научно-вспомогательный фонд. Мы можем предполагать, что это было связано с депортацией некоторых кавказских народов, поэтому в целях сохранения этих фотографий они и были переведены из основного фонда. В 2020 г. в Ставрополе состоялась выставка «Горцы Северного Кавказа глазами фотографов» (1920–1930-е гг.), основу которой составили 199 работ 1920–1930-х гг. [3].

Также в фондах музея хранится необычный документ, в учетных книгах он фигурирует как «Лист груши сухой с надписью Шамиля». Листик дерева с арабиграфичным текстом наклеен на картон с переводом надписи на русский язык: «Наибу Талхику. Предлагаю тебе завтра быть на условленном месте, где я тебе дам надлежащий ответ. Имам Шамиль». Письмо считалось утерянным, в послевоенные годы при проведении инвентаризации оно было обнаружено в сохранности в фондах музея [21, с. 83]. В 2006 г. об этой записке рассказывалось в телевизионном сюжете на канале НТВ. Этот репортаж привлек внимание востоковеда, журналиста, учёного секретаря Института востоковедения Надежды Михайловны Емельяновой. Об этом музейном экспонате она впервые узнала из статьи, опубликованной в 1938 г. издававшемся в Париже эмигрантском журнале «Кавказ». Н. М. Емельянова специально приехала в Ставрополь, в результате проведенных совместно с сотрудниками музея исследований стало известно, что лист поступил в Ставропольский музей из музея горских народов, само письмо написано на листе кавказского бука, или чинары,

а не груши, как указано в документах. Данное письмо представляет большой интерес, так как ни в одной из книг о письмах имама Шамиля не упоминался факт письма на листьях деревьев [16].

Таким образом можно говорить, что Северо-Кавказский музей горских народов стал центром изучения и сохранения богатого наследия народов Северного Кавказа. При его основании в Ростове-на-Дону в 1926 г. в музее стали собираться уникальные коллекции. Во многом этому способствовали многочисленные разнопрофильные экспедиции, проводимые научными и краеведче-

скими организациями в национальных областях. Но несмотря на это, постоянная экспозиция была создана лишь в 1933 г., до этого функционировали лишь временные выставки. В результате слияния в 1936 г. с Ворошиловским (Ставропольским) музеем как следствия административно-территориальных преобразований региона, музей горских народов перестал существовать как самостоятельное культурное учреждение. После многих лет фактического забвения часть музейного собрания в последнее время стала доступна широкой публике на различных выставках.

Литература

1. Албогачива М. С.-Г. Из истории собирания коллекций по истории и этнографии ингушского народа // Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 227–255. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-294-4/ (Дата обращения 1.07.2022).
2. Бойко А. Л. Изломы судьбы Сергея Вязигина // Донской временник. Год 2016-й. 2015. Вып. 24. С. 149–154.
3. Быкова Н. Горцы. Новый взгляд // Ставропольская правда. 2020. №35(27515). 3 апреля. С. 5.
4. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102.
5. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-1077. Оп. 1. Д. 4.
6. ГАСК. Ф. Р-1077. Оп. 1. Д. 9.
7. ГАСК. Ф. Р-1077. Оп. 1. Д. 10.
8. ГАСК. Ф. Р-1077. Оп. 1. Д. 26.
9. ГАСК. Ф. Р-1077. Оп. 1. Д. 28.
10. ГАСК. Ф. Р-1077. Оп. 1. Д. 53.
11. ГАСК. Ф. Р-1077. Оп. 1. Д. 62.
12. ГАСК. Ф. Р-1077. Оп. 1. Д. 63.
13. ГАСК. Ф. Р-1077. Оп. 1. Д. 66.
14. Горцы Северного Кавказа глазами художников: (По следам художеств.-этногр. экспедиций, 1924–1926 гг.): Кат. выст. / [Авт. вступ. ст. В. А. Коренько, А. П. Акупьян]. Ставрополь; Пятигорск: Вестн. Кавказа, 1997. 126 с.
15. Дугинев С. М. Развитие музейного дела на Ставрополье в 20–90-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2020. 277 с.
16. Емельянова Н. М. Осенний лист имама Шамиля URL: [Lib.ru/Современная литература: Емельянова Надежда Михайловна. Осенний лист имама Шамиля](http://Lib.ru/Современная_литература:Емельянова_Надежда_Михайловна.Осенний_лист_имама_Шамиля) (Дата обращения 1.07.2022).
17. Жизнь горцев глазами художника // Аргументы и Факты. 2006. № 39. 27 сентября. С. 6.
18. Ионов О. В. Музейное строительство в годы довоенных пятилеток (1928–1941 гг.) // Очерки истории музейного дела в СССР. Вып. V. М.: Советская Россия, 1963. С. 84–118.
19. Коневская Т. И. Северо-Кавказский краевой музей горских народов. История создания, деятельность (1926–1933 гг.) // Известия Ростовского областного музея краеведения. Выпуск 8. Ростов-на-Дону: Изд-во «Эверест», 2000. С. 12–26.
20. Коневская Т. И. Северо-Кавказский краевой музей горских народов. История создания, деятельность (1926–1933 гг.) // Сохранение и актуализация историко-культурного наследия народов Северного Кавказа и формирование толерантной личности музейными средствами: материалы региональной научно-практической конференции, г. Майкоп, 28-31 мая 2007 г. Краснодар: Вика-Принт, 2007. С. 99–110.
21. Малявко И. Б. Ставропольский краеведческий музей в годы Великой Отечественной войны // Прозрителевские чтения: сборник материалов научно-практической конференции. Вып. 1. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 2005. С. 81–85.
22. Охрана культурного наследия в документах XVII–XX вв. Хрестоматия. Т. I. М.: Издательство «Весь Мир», 2000. С. 440–442.
23. Поповян Л. К. Неизвестный участник экспедиции // Донской временник. Год 2018. Вып. 26. Ростов-на-Дону, 2017. С. 126–129. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m19/1/art.aspx?art_id=1587 (Дата обращения 7.07.2022).

References

1. Albogachiva M. S.-G. Iz istorii sobiraniya kolektsii po istorii i etnografii ingushskogo naroda (From the history of collecting collections on the history and ethnography of the Ingush people) // Narody Kavkaza: muzeinye kolektsii, issledovaniya ob»ektov i yavlenii traditsionnoi i sovremennoi kul'tury. St.Peterburg: MAE RAN, 2015. P. 227–255. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_03/978-5-88431-294-4/ (data obrashcheniya 1.07.2022). (In Russian).
2. Boiko A. L. Izlomy sud'by Sergeya Vyazigina (The fractures of the fate of Sergei Vyazigin) // Donskoi vremennik. God 2016-i. 2015. Issue. 24. Rostov-on-Don. P. 149–154. (In Russian).
3. Bykova N. Gortsy. Novyi vzglyad (Highlanders. A new look) // Stavropol'skaya pravda. 2020. No. 35(27515). April 3. P. 5. (In Russian).
4. Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Stavropol'skogo kraya. F. 1. Inv. 1. D. 102. (In Russian).
5. State archive of Stavropol kray (later on – GASK). F. R-1077. Inv. 1. D. 4. (In Russian).

6. GASK. F. R-1077. Inv. 1. D. 9. (In Russian).
7. GASK. F. R-1077. Inv. 1. D. 10. (In Russian).
8. GASK. F. R-1077. Inv. 1. D. 26. (In Russian).
9. GASK. F. R-1077. Inv. 1. D. 28. (In Russian).
10. GASK. F. R-1077. Inv. 1. D. 53. (In Russian).
11. GASK. F. R-1077. Inv. 1. D. 62. (In Russian).
12. GASK. F. R-1077. Inv. 1. D. 63. (In Russian).
13. GASK. F. R-1077. Inv. 1. D. 66. (In Russian).
14. Gortsy Severnogo Kavkaza glazami khudozhnikov: (Po sledam khudozhestv-etnogr. ekspeditsii, 1924–1926 gg.) (Highlanders of the North Caucasus through the eyes of artists: (In the footsteps of the arts ethnographic expeditions, 1924–1926). Stavropol'; Pyatigorsk: Vestn. Kavkaza, 1997. 126 p. (In Russian).
15. Duginets S.M. Razvitiye muzeinogo dela na Stavropol'e v 20–90-e gody XX veka (Development of museum business in Stavropol in the 20-90s of the twentieth century): thesis. Stavropol', 2020. 277 p. (In Russian).
16. Emel'yanova N. M. Osennii list imama Shamilya (Imam Shamil's Autumn Leaf) URL: Lib.ru/Sovremennaya literatura: Emel'yanova Nadezhda Mikhailovna. Osennii list imama Shamilya (Accessed: 1.07.2022). (In Russian).
17. Zhizn' gortsev glazami khudozhnika (The life of the Highlanders through the eyes of an artist) // Argumenty i Fakty. 2006. No. 39. September 27. P. 6. (In Russian).
18. Ionova O. V. Muzeinoe stroitel'stvo v gody dovoennykh pyatiletok (1928–1941 gg.) (Museum construction during the pre-war five-year plans (1928 – 1941) // Ocherki istorii muzeinogo dela v SSSR. Issue. V. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1963. P. 84–118. (In Russian).
19. Konevskaya T. I. Severo-Kavkazskii kraevoi muzei gorskikh narodov. Istoriya sozdaniya, deyatel'nost' (1926–1933 gg.) (North Caucasus Regional Museum of Mountain Peoples. History of creation, activity (1926–1933) // Izvestiya Rostovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya. Issue 8. Rostov-on-Don: Everest, 2000. P. 12–26. (In Russian).
20. Konevskaya T.I. Severo-Kavkazskii kraevoi muzei gorskikh narodov. Istoriya sozdaniya, deyatel'nost' (1926–1933 gg.) (North Caucasus Regional Museum of Mountain Peoples. History of creation, activity (1926 – 1933) // Sokhraneniye i aktualizatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Severnogo Kavkaza i formirovaniye tolerantnoi lichnosti muzeinymi sredstvami: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, g. Maikop, 28-31 maya 2007 g. Krasnodar: Vika-Print, 2007. P. 99–110. (In Russian).
21. Malyavko I. B. Stavropol'skii kraevedcheskii muzei v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (Stavropol Museum of Local Lore during the Great Patriotic War) // Prozritelevskie chteniya: sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii. Issue 1. Stavropol': Stavropol'skoe kn. izd-vo, 2005. P. 81–85. (In Russian).
22. Okhrana kul'turnogo naslediya v dokumentakh XVII–XX vv. Khrestomatiya (Protection of cultural heritage in documents of the XVII–XX centuries. A textbook). Vol. I. Moscow: Ves' Mir, 2000. P. 440–442. (In Russian).
23. Popovyan L. K. Neizvestnyi uchastnik ekspeditsii (Unknown member of the expedition) // Donskoi vremennik. God 2018. Issue. 26. Rostov-on-Don, 2017. P. 126–129. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m19/1/art.aspx?art_id=1587 (Accessed: 7.07.2022). (In Russian).

Сведения об авторе

Дугинец Светлана Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий специалист по учебно-методической работе центра изучения истории медицины с музейным комплексом Ставропольского государственного медицинского университета / bondarenko25@yandex.ru

Адрес: 310, ул. Мира, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Svetlana M. Duginets – PhD in Historical Sciences, leading specialist in educational and methodological work Leading Specialist in Educational and Methodological Work of the Museum Complex/ bondarenko25@yandex.ru

The address: 310, Mira st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

УДК 930.1 (470.6)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.5>

А. А. Журтова
М. Е. Колесникова
Е. Ф. Кринко
М. А. Пономарева

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-КАВКАЗСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА В КОНЦЕ XVIII–XX ВВ.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье представлен историографический обзор дореволюционных, советских и современных исследований, посвященных различным аспектам политико-правовой, экономической и социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в состав России в конце XVIII–XX вв. Авторы осуществляют историографический обзор дореволюционных и советских исследований, в которых изучена проблема формирования российско-кавказского социокультурного единства в конце XVIII–XX вв. Приоритет проблематики в дореволюционный период определялся военно-стратегическими задачами в условиях активной политики России на Кавказе, изучались традиционные общественные институты, быт и нравы горцев, их взаимоотношения с имперскими властями с целью интеграции региона в российскую социально-политическую, экономическую и культурную систему и дальнейшей модернизации северокавказских обществ.

Советский период историографии проблемы характеризуется доминированием марксистско-ленинской методологии, структурированием основных проблем истории российско-северокавказских отношений, появлением первых обобщающих трудов по истории региона, терминологическими поисками в изучении процесса присоединения и освоения региона Российской империей.

Авторы осуществляют историографический обзор современных исследований, в которых изучена проблема формирования российско-кавказского социокультурного единства в конце XVIII–XX вв. Современную историографию интеграционных и модернизационных процессов на Северном Кавказе характеризует методологический плюрализм, открывший новые возможности для интерпретации различных социальных процессов в регионе в последней трети XVIII – начале XX в. Становление новых научных школ кавказоведения отличалось различными подходами к выявлению ключевых факторов и процессов в истории региона, ряд авторов исходили из представлений о самостоятельности его развития в составе Российского государства.

Ключевые слова: инкорпорация, интеграция, историография, кавказоведение, колонизация, модернизация, национально-государственное строительство, Россия, Северный Кавказ, система управления, социокультурное единство.

Для цитирования: Журтова А. А., Колесникова М. Е., Кринко Е. Ф., Пономарева М. А. Проблема интеграции и формирования российско-кавказского социокультурного единства в конце XVIII – XX вв.: историографический аспект // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 42–49. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.5

Angela A. Zhurtova
Marina E. Kolesnikova
Evgeniy F. Krinko
Maria A. Ponomareva

THE PROBLEM OF INTEGRATION AND THE FORMATION OF RUSSIAN-CAUCASIAN SOCIO-CULTURAL UNITY AT THE END OF THE 18TH – 20TH CENTURIES: A HISTORIOGRAPHICAL ASPECT

The article contains a historiographical review of pre-revolutionary, Soviet and contemporary studies on various aspects of political, legal, economic and socio-cultural integration of the peoples of the North Caucasus into Russia at the end of the 18th – 20th centuries. The authors carry out a historiographical review of pre-revolutionary and Soviet studies, in which the problem of the formation of the Russian-Caucasian socio-cultural unity at the end of the 18th – 20th centuries is studied. The priority of problems in the pre-revolutionary period was determined by military-strategic tasks in the context of active policy of Russia in the Caucasus, the traditional social institutions, life and customs

of the highlanders, their relationship with the imperial authorities were studied in order to integrate the region into the Russian socio-political, economic and cultural system and further modernization of North Caucasian societies.

The Soviet period of the historiography of the problem is characterized by the dominance of the Marxist-Leninist methodology, the structuring of the main problems of the history of Russian-North Caucasian relations, the appearance of the first generalizing works on the history of the region, terminological searches in the study of the process of joining and development of the region by the Russian Empire.

The authors carry out a historiographical review of modern research, in which the problem of the formation of the Russian-Caucasian sociocultural unity at the end of the 18th – 20th centuries is studied. The modern historiography of the integration and modernization processes in the North Caucasus is characterized by methodological pluralism, which opened up new opportunities for interpreting various social processes in the region in the last third of the 18th – early 20th centuries. The formation of new scientific schools of Caucasian studies was distinguished by different approaches to identifying key factors and processes in the history of the region, a number of authors proceeded from

Проблема интеграции Северного Кавказа в состав России и ее историографического осмысления особенно актуальна в современных условиях развития Российского государства, когда осуществляется поиск механизмов и инструментов эффективного управления регионами, средств и способов гармоничного межкультурного взаимодействия в целях обеспечения стабильности и безопасности российского общества. Решение этих задач требует осуществления обобщающего исследования процессов интеграции и дальнейшей модернизации Северного Кавказа в составе Российского государства с учетом различных внутренних и внешних факторов.

В свое время изучение Северного Кавказа явилось определенным шагом по органичному включению его в культурное поле России, в том числе его интеллектуального пространства, в пределах которого проявлялась совокупность духовных достижений всех народов региона, шли процессы интеграции и культурного взаимодействия. В процесс изучения региона были вовлечены представители местной интеллигенции, ученые разных национальностей, что в значительной степени способствовало взаимовлиянию и взаимообмену культур, становлению профессиональных национальных кадров, созданию региональных научно-исследовательских центров. Постепенно формировалось единое социокультурное пространство страны. Сегодня встает вопрос о сохранении и приумножении этого пространства, и наука – один из позитивных факторов этого процесса.

Исследование в данной сфере позволит систематизировать накопленный в историографии потенциал и предложить современные научные интерпретации масштабной политической, социально-экономической и культурной трансформации Северного Кавказа в конце XVIII–XX вв. Анализ концепций и дискуссий о соотношении векторов внешней и внутренней интеграции, закономерностях экстремальной и стабильной модернизации, преемственности и разрывах в имперских и советских практиках регионального строительства выведут историческое кавказоведение на обсуждение перспективной научной проблематики, позволят преодолеть замкнутость региональных научных школ и маргинализируют опыт политизации прошлого.

the idea of the independence of its development as part of the Russian state.

Key words: incorporation, integration, historiography, Caucasian studies, colonization, modernization, nation-state building, Russia, North Caucasus, management system, socio-cultural unity.

For citation: Zhurtova A. A., Kolesnikova M. E., Krinko E. F., Ponomareva M. A. The problem of integration and the formation of Russian-Caucasian socio-cultural unity at the end of the 18th – 20th centuries: a historiographical aspect // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 42–49 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.5

Проблеме интеграции Северного Кавказа в состав России и его дальнейшей модернизации посвящено значительное количество исследований. В соответствии с традиционной периодизацией можно выделить дореволюционный, советский и современный этапы развития историографии по данной проблеме.

Приоритет проблематики в дореволюционный период определялся военно-стратегическими задачами в условиях активной имперской политики на Кавказе, изучались традиционные общественные институты (Ф. И. Леонтович, М. М. Ковалевский и др.), быт и нравы горцев Северного Кавказа (И. Блаرامберг, А. П. Берже, П. А. Гаврилов, Н. Ф. Грабовский, Н. П. Тульчинский, Е. Максимов и др.) их взаимоотношения с имперскими властями с целью интеграции региона в российскую социально-политическую, экономическую и культурную систему. Важное значение имеют работы, посвященные особенностям Кавказской войны (Р. Фадеев, П. Романовский, Н. Ф. Дубровин, И. Д. Попко и др.), становлению и развитию системы управления в регионе (С. М. Броневский, А. Л. Зиссерман, С. Э. Эсадзе, В. А. Потто и др.).

В этот период появились труды, в которых, хотя и фрагментарно, содержались сведения по истории судебных учреждений на Северном Кавказе (П. Г. Бутков, Н. Ф. Грабовский, А. Ардасенов, М. К. Абаев, Г. А. Ткачев, В. Н. Кудашев и др.). Общие сведения о системе регулирования общественных отношений у народов Северного Кавказа содержатся в трудах И. Бларамберга, С. М. Броневского, Ф. И. Леонтовича, М. М. Ковалевского, В. Ф. Миллера, Г. А. Вертепова, Е. Д. Максимова, Ч. Э. Ахриева и др. Проблемы российско-кавказского взаимодействия в конце XVIII–XIX вв. и процесс адаптации региона к имперским реалиям исследовали представители региональной интеллектуальной элиты (Ш. Б. Ногмов, Хан-Гирей, У. Лаудаев, К. Л. Хетагуров, В. Кудашев, А. Цаликов и др.).

В дореволюционный период была заложена и основа для изучения идеологических кампаний на Северном Кавказе, когда еще только начинала формироваться практика коммеморации различных имперских событий в этом крупном геополитическом регионе. Это был период накопления фактологического материала и введения

в научный оборот документальных источников (П.Г. Бутков, С.А. Белокуров, Кавказская археографическая комиссия, северокавказские статистические комитеты и научные общества); разработки понятийного аппарата процесса интеграции, обосновывающего легитимность присоединения региона к империи силовым путем («покровительство», «естественная необходимость для русского государства», «приведение к покорности», «усмирение», «утверждение русского владычества», «борьба цивилизаций» и т.д.); первых попыток теоретического осмысления данной проблемы; формирования концепта «Северный Кавказ» в научном дискурсе.

Советский период историографии проблемы характеризуется доминированием марксистско-ленинской методологии. Экономические, политические и социокультурные процессы на Северном Кавказе изучались в русле формационной концепции, основывавшейся на приоритете социально-экономического детерминизма и классового подхода в объяснении процессов и событий. Этот период характеризуется структурированием основных проблем истории российско-северокавказских отношений, появлением первых обобщающих трудов по истории региона, терминологическими поисками в изучении присоединения региона к Российской империи (от концепции «завоевания» до «добровольного присоединения»).

В первые десятилетия советской власти российско-северокавказские отношения разрабатывались в контексте истории внешней (колониальной) политики царизма (М. Н. Покровский, Г. А. Кокиев, Б. В. Скитский, М. А. Полиевктов и др.) и постреволюционных преобразований (Г. К. Мартиросиан, Ш. Хакурате и др.).

В конце 1940-х – 1960-х гг. вышли работы, в которых проанализированы социально-экономические процессы на Северном Кавказе в XIX в. (Г. А. Кокиев, И. Ф. Мужев, И. Р. Нахшунов, Т. Х. Кумыков, В. П. Невская, Н. П. Гриценко, Т. А. Жакимов, М. Х. Ацканов, Б. Х. Ортабаев, А. Х. Магомедов, К. С. Кокурхаев и др.); рассмотрена проблема присоединения региона к России (А. К. Джанаев, Г. А. Кокиев, Т. Х. Кумыков, С. К. Бушуев, Н. А. Смирнов, В. П. Невская, Е. П. Алексеева, Х. М. Бербек, А. В. Фадеев, Ч. Э. Карданов, В. Б. Вилинбахов и др.); показаны административно-политические и судебно-правовые изменения в регионе (Р. М. Магомедов, Х. М. Хашаев, А. И. Хасбулатов, В. К. Гарданов и др.); история русско-северокавказских отношений (Е. Н. Кушева, В. Г. Гаджиев и др.).

Появились первые обобщающие работы по истории народов Северного Кавказа [7; 9; 10; 16; 17; 18], в которых рассматривались интеграционные процессы вхождения (присоединения) региона в состав Российской империи.

В 1960–1970-х гг. изучением социокультурных процессов занимались Т. Х. Кумыков, М. С. Тотоев, А. Д. Яндаров, Р. Х. Хашхожева, М. З. Саблиров, З. П. Цховребов и др. Вопросы административных и судебных изменений в период политической и правовой интеграции Северного Кавказа в состав России в 1980-е гг. рассматривались Е. Дж. Налоевой, Х. М. Думановым, А. И. Мусукаевым, Р. А. Губахановой, Э. Д. Мужухоевой и др.

В историографии советского периода для понимания обстоятельств и условий интеграции народов Северного Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи большой интерес представляют работы, авторы которых затрагивали общие вопросы истории и этнографии народов региона (В. П. Пожидаев, С. И. Месяц, Г. К. Мартиросиан, Б. В. Скитский, С. К. Бушуев, Н. А. Смирнов, А. В. Фадеев, М. М. Блиев, Н. П. Гриценко, В. К. Гарданов, Т. Х. Кумыков, Н. С. Киняпина и др.).

В ряде работ предпринимались попытки проследить динамику судебных преобразований в конкретном субрегионе Северного Кавказа (Г. А. Кокиев, В. К. Гарданов, Ф. П. Тройно, Э. Д. Мужухоева, К. А. Кокурхаев, Х. М. Думанов и др.). Соционормативная подсистема культуры народов Северного Кавказа в этот период рассматривалась в основном сквозь призму функционирования институтов их обычного права (А. М. Ладженский, В. К. Гарданов, Г. К. Азаматов, Е. О. Крикунов, М. А. Абазатов, А. И. Мусукаев, Х. М. Думанов, З. Д. Гаглойти, Ю. Ю. Карпов и др.).

В исследованиях второй половины XX в. развивалась идея о дружественном характере российско-горского исторического взаимодействия, подчеркивалась позитивная роль России в развитии северокавказских народов (Т. Х. Кумыков, М. С. Тотоев, М. М. Блиев, Н. П. Гриценко, М. П. Санаков, В. Б. Вилинбахов, В. Б. Виноградов, С. Ц. Умаров и др.), утверждалась концепция «добровольного вхождения» народов региона в состав России (В. Б. Виноградов, С. Ц. Умаров, М. О. Бузуртанов, Н. К. Байбулатов, М. М. Блиев, В. Г. Гаджиев и др.), которая стала предметом обсуждения на научно-практической конференции, посвященной прогрессивной роли России в исторических судьбах народов Северного Кавказа (Грозный, 1979) [3], положив начало острой дискуссии в научном сообществе. В 1988 г. вышла первая крупная обобщающая работа «История народов Северного Кавказа (конец XVIII – 1917 г.)» под редакцией академика А. Л. Нарочницкого. Оценка процесса интеграции Северного Кавказа в состав Российской империи и российско-северокавказских отношений в исторической науке была дана в ряде историографических работ (М. М. Блиев, В. В. Дегоев, Н. С. Киняпина, Е. П. Алексеева, В. П. Невская, В. В. Черноус, В. Ф. Патракова и др.).

Модернизационным процессам в этнополитической, социально-экономической и духовной сферах общественной жизни народов Северного Кавказа в рамках Советского государства посвящены исследования А. Х. Акимова, А. М. Бугаева и др. (государственно-национальное строительство), Н. Я. Дестебекова, Х. Т. Медалиева, В. И. Филькина, Б. А. Цуциева и др. (индустриализация), А. А. Андреева, В. П. Данилова, К. А. Русанова, В. А. Уланова, Е. И. Турчаниновой, П. Г. Чернопицкого и др. (коллективизация), А. В. Бурнышева, Х. И. Хутуева, М. Х. Герандокова, С. Ф. Губарева, Х. М. Бербекова, З. Х. Джамбулатовой, М. М. Бекижева, Н. И. Литвиненко, А. Л. Летинова, Г. Ш. Каймаразова, И. П. Копачева, М. А. Абазатова и др. (национально-культурное строительство, Н. П. Гриценко, И. И. Гиоев, Т. Х. Кумыков, У. Алиев, Б. А. Цуциева и др. (социально-экономическое развитие), В. П. Таран, Н. Д. Малиева, Э. А. Шеуджен, П. А. Кузьминов, М. М. Кудюкина и др. (историографические исследования). Внимание уделялось и местным особенностям реализации советских реформ (Н. Г. Волкова, А. И. Шамилев, М. С. Тотоев и др.).

Несмотря на определенную тенденциозность, свойственную историографии советского периода, игнорирование в определенной мере предшествующих знаний по ряду вопросов, намеченные подходы и направления изучения истории интеграции региона в состав Российской империи и его последующей модернизации не утратили своей актуальности и сегодня. Можно говорить о сложившейся историографической традиции изучения темы, о круге исследовательских проблем, как общих, так и локальных, о расширении источниковой базы.

Современную историографию интеграционных и модернизационных процессов на Северном Кавказе характеризует методологический плюрализм, открывший новые возможности для интерпретации различных социальных процессов в регионе в последней трети XVIII – начале XX в. Становление новых школ кавказоведения отличалось иным подходом к выявлению ведущих факторов и процессов в истории региона, многие авторы исходили из представлений о самостоятельности его развития в составе Российского государства. В условиях идеологической и политической дифференциации внутри научного сообщества развернулась дискуссия о характере российской политики на Северном Кавказе в XVIII – начале XX в. (В. Б. Виноградов, Б. В. Виноградов, Ю. Ю. Клычников, Ш. А. Гапуров, Я. З. Ахмадов и др.). Рассматривались методологические и терминологические аспекты (С. Г. Агаджанов, А. Н. Сахаров, В. В. Трепавлов, Э. А. Шеуджен, Я. З. Ахмадов, К. Ф. Дзамихов, Н. А. Трапш, А. Т. Урушадзе и др.); типологизация и периодизация русско-северокавказских отношений (Дж. Ж. Гакаев, И. М. Сигаури, Ш. А. Гапуров, В. Б. Виноградов, С. Л. Дударев, А. Х. Боров и др.).

Предметом особого внимания исследователей стал анализ особенностей развития российской государственности и исследование истории взаимоотношений российской власти и народов региона (З. М. Блиева, С. Н. Бейтуганов, В. Д. Дзидзоев, Ж. А. Калмыков, Ю. Ю. Клычников, И. Л. Бабич, Г. Н. Малахова, А. Н. Кубатко, Е. Г. Муратова, Н. Д. Кодзоев, Е. И. Кобахидзе, М. С.-Г. Албогачиева, Ю. Д. Анчабадзе, Б. К. Мальбахов, З. Х. Ибрагимов, В. Х. Кажаров, П. А. Кузьминов, Т. А. Невская, С. С. Лазарян, Д. Н. Прасолов, Ш. А. Гапуров, А. В. Казначеев, В. А. Матвеев, О. В. Матвеев, Л. А. Карапетян, А. Т. Урушадзе, Р. А. Тлепцок, А. Х. Абазов, Д. С. Кидирниязов, С. В. Дарчиева, Л. Г. Свечникова, А. Н. Маремкулов, М. С. Арсанукаева, Д. Х. Сайдумов, А. В. Сердюк, А. М. Цалиев, И. Г. Гайдабура, Т. Б. Светличная, Я. Н. Охонько, Л. А. Зверева, С. Р. Чеджемов и др.).

Административно-политические и правовые аспекты вхождения Северного Кавказа в состав России с современных методологических позиций исследованы Ш. А. Гапуровым, А. М. Бугаевым, В. Х. Кажаровым, В. Г. Гаджиевым, И. Л. Бабич, В. В. Дегоевым, М. М. Блиевым, Ю. Д. Анчабадзе, Г. Н. Малаховой, В. О. Бобровниковым, П. А. Кузьминовым, Н. Н. Великой, З. М. Блиевой, А. А. Цуциевым, В. А. Матвеевым, Ю. Ю. Клычниковым, О. В. Матвеевым, А. Х. Абазовым, И. В. Зогулей и др. Характеру политики Российской империи в регионе и роли главы гражданской и военной администрации в крае посвящены работы Ш. А. Гапунова, В. В. Дегоева, Ю. Ю. Клычникова, С. С. Лазаряна, С. Н. Бейтуганова и др.

Проблемы социальной трансформации и экономической интеграции народов Северного Кавказа в состав Российской империи проанализировали В. М. Кабузан, В. Н. Ратушняк, Т. А. Невская, Л. В. Куприянова, Н. Н. Гарунова, Е. Г. Битова (Муратова), Л. В. Бурыкина, Е. А. Норченко, Т. А. Невская, Е. В. Великая, Т. Н. Плохотнюк и др. Исторический опыт социокультурной интеграции рассмотрен в работах В. Г. Гаджиева, М. А. Кошева, Л. С. Гатаговой, В. В. Черноуса, П. А. Кузьминова, С. Л. Дударева, Р. Н. Дзагова, Т. Н. Плохотнюк, Т. А. Булыгиной, С. И. Маловичко, В. Г. Шнайдер, Г. Б. Эльмурзаевой, Н. А. Трапш, А. Т. Урушадзе, М. Е. Колесниковой, Д. С. Ткаченко, Т. А. Колосовской, О. И. Шафрановой и др. Историографическое осмысление процессов интеграции региона в состав России осуществлено в исследованиях И. Х. Дамени, В. В. Черноус, К. Ф. Дзамихова, П. А. Кузьминова, С. Ш. Салакая, М. Е. Колесниковой, И. Т. Цориевой, А. Н. Максимчика, А. А. Журтовой и др.

Проведенные исследования, в частности, показали, что, казалось бы, давно изучаемое исследовательское поле содержит в себе белые пятна, связанные, в первую очередь, с вопросами применения «мягкой силы» в процессе интеграции Северного Кавказа в состав Российской империи

(В. В. Лапин, Т. А. Булыгина, К. Р. Амбарцумян и др.), опытом проведения юбилейных кампаний (В. В. Слободенюк, Н. В. Дмитриева и др.).

Отдельного внимания заслуживают обобщающие труды по истории Северного Кавказа в целом и отдельных народов частности, в которых был подведен определенный итог новейшей историографии по рассматриваемой проблеме [8; 11; 12; 13; 19].

Значительное количество работ посвящено модернизационным процессам в этнополитической и национально-государственной (А. М. Бугаев, Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов, Д. Гакаев, Р. Г. Абдулатипов, Н. А. Почешхов, С. М. Маркедонов, Т. П. Хлынина, Е. Ф. Кринко, А. Г. Кажаров, М. А. Пономарева, А. В. Аверьянов и др.), социально-экономической (А. А. Панарин, А. С. Ахиезер, О. В. Хлевнюк, Д. М. Гусейнов, Д. В. Соколов, А. А. Меняйлов и др.), социокультурной (А. Х. Боров, Х. Б. Мамсиров, Т. А. Булыгина, Л. П. Ермоленко и др.) сферах общественной жизни народов Северного Кавказа в советский период.

В зарубежной историографии интерес к проблеме формировался в первую очередь в рамках т.н. «советологии», представители которой уделяли особое внимание реализации декларируемых центральными партийными и государственными органами принципов на Северном Кавказе, проблемам общественного развития, развития межнациональных отношений (Д. Рустов, Дж. Хуг и др.) [26; 34]. К ведущим исследованиям имперской национальной политики и механизмов ее реализации следует отнести работы М. Разффа, Л. Райнландера и В. Розенбаума и др. [30; 31; 33]. Теоретической основой многих зарубежных исследований о советской России после Второй мировой войны стал тоталитарный подход (З. Бжезинский, Р. Пайпс, М. Малиа и др.) [2; 15; 29]. В 1970–1980-е гг. ему на смену пришел ревизионизм, представители которого предлагали более сложный и дифференцированный подход к изучению советской истории, обращались к практике выживания отдельных слоев советского общества (Ш. Фицпатрик и др.) [20].

Сторонниками тоталитаризма выступали и многие представители эмигрантской историографии, в первую очередь, А. Г. Авторханов [1], который в то же время обращал внимание на попытки трансформации авторитарного режима в позднесоветский период, связанные с необходимостью адаптации к изменившимся реалиям. Номенклатуре как господствующему классу СССР было посвящен труд М. С. Восленского [4].

С начала 1990-х гг. начинается новый этап и в развитии зарубежной историографии, связанный с тем, что иностранным ученым был облегчен доступ к документам российских архивов, появились новые направления изучения проблемы, сторонники которых обращали внимание на взаимоотношения

между центральной властью и местным руководством (Г. Доннелл и др.) [25], поиск национальной идентичности, выявление роли власти в экономических преобразованиях (Д. Трейсман, К. Дули, А. Монтеро и др.) [24; 27; 35].

В современной зарубежной историографии представлены работы, в которых рассматриваются интеграционные и модернизационные процессы в регионе, при этом внимание акцентируется преимущественно на силовой политике («завоевание») превращения Северного Кавказа в составную часть Российской империи (Д. Баддели, М. Гаммер, М. Ходарковский и др.) [5; 21; 22; 23]. Классическим подтверждением является переиздание в 1999 г. книги Д. Ф. Баддели о сопротивлении северокавказцев при Шамиле экспансии царской России с пометкой «Очень актуально для последних событий в регионе» [23]. Исследовательские работы были связаны с изучением национализма и национальной идентичности [28] в регионе (в т. ч. через призму сопоставительного анализа устных опросов местных жителей: Gearóid Ó Tuathail (Virginia Polytechnic Institute), John O'Loughlin (University of Colorado at Boulder) и др.); исследованием процесса формирования новых поколенческих общностей на Северном Кавказе через изучение института семьи, религии и образования [37]; а также посвящены истории отдельных регионов, анализу системы властных отношений между этническими группами и с Москвой, динамике различных форм социальной организации, характерных для горных сообществ [36]; всестороннему анализу истории Северо-Западного Кавказа в контексте межэтнических отношений и демографических изменений, которые произошли в регионе с течением времени, с особым акцентом на XIX и XX вв. [32]. В поле зрения исследователей находятся факторы нестабильности в регионе (И. Текушев, С. Лебанидзе и др.) [6; 14].

Таким образом, историография проблемы представлена значительным количеством различных по формам и жанровым характеристикам исследований проблем социально-экономической, политической, культурной интеграции народов Северного Кавказа в состав Российской империи и его последующей модернизации в разрезе истории российско-северокавказских отношений в разные хронологические периоды. В целом, она была политизированной, особенно в дореволюционный и советский период, влияние оказывали идеологические установки, актуальные с точки зрения власти. Несмотря на огромный объем работ, отечественная и зарубежная историография испытывает заметный дефицит в комплексном исследовании истории интеграции народов Северного Кавказа в политико-правовое пространство Российской империи, а также процессов модернизации в советский период, что особенно заметно на фоне многообразной по

тематике и многочисленной по объему заглавий историографии. Современный период характеризуется появлением новых подходов и методов к изучению проблем образования многонацио-

нального Российского государства, требует нового осмысления ряда проблем, относящихся к истории российско-северокавказских отношений в последней трети XVIII – XX в.

Литература

1. Авторханов А. Технология власти. М.-СПб.: «Слово» – Центр «Новый мир», 1991. 638 с.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: АСТ, 2014. 702 с.
3. Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.). Материалы Всероссийской научной конференции, 2-3 октября 1979 г., г. Грозный. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1982. 367 с.
4. Восленский М. С. Номенклатура. М: Захаров, 2005. 640 с.
5. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: Крон-Пресс, 1998. 512 с.
6. Ислам на Северном Кавказе: история и современность / Под ред. И. Текушева, К. Шевченко. Прага: Medium Orient, 2011. 234 с.
7. История Дагестана: В 4 т. М.: Наука, 1967-1969. Т. 1. 1967. 431 с.; Т. 2: XIX – начало XX вв. 1968. 368 с.
8. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2004. Т. 1. 627 с.
9. История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. Т.1. М.: Наука, 1967. 440 с.
10. История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 394 с.
11. История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России / отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.
12. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией: к 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России / отв. ред. А.И. Османов. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. 750 с.
13. История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. Т. 1. 828 с. Т. 2. 832 с.
14. Лебанидзе С. Контуры северокавказской политики URL: <http://apsny.ge/articles/1352589077.php> (Дата обращения: 09.02.2022).
15. Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России 1917-1991. М.: РОССПЭН, 2002. 580 с.
16. Очерки истории Адыгеи. Т. 1. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1957. 484 с.
17. Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. 1. Ставрополь: Кн. изд-во, 1967. 600 с.
18. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР с древнейших времен до наших дней. Т.1. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1967. 315 с.
19. Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
20. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. 336 с.
21. Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
22. Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.
23. Baddeley J.F. The Russian Conquest of the Caucasus. London: Routledge, 1999. 604 с.
24. Dowley K. Striking the Federal Bargain in Russia: Comparative Regional Government Strategies // Communist and Post-Communist Studies. 1998. No 31. P. 359–380.
25. Guillermo O' Donnell. On the State, Democratization and Some Conceptual Problems: A Latin American View with Glances at Some Postcommunist Countries // World Development. 1993. No 21. P. 1355–1369.
26. Hough J. The Soviet Union and Social Science Theory. Cambridge, 1977. 275 p.
27. Montero A.P. After Decentralization: Patterns of Intergovernmental Conflict in Argentina, Brazil, Spain, and Mexico // Publius. 2001. №31. P. 43–66.
28. Nationalism and National Identities. Ed. by M. Bulmer, J. Solomos, London: Routledge, 2012, 159 p.
29. Pipes R. Nationalism and Nationality. Munich. 1963. 480 p.
30. Raeff M. Patterns of Russian Imperial Policy towards the Nationalities // Soviet Nationality Problems. NY: Columbia University Press, 1971. P. 22–42.
31. Rhineland L.H. The Creation of Caucasian Vicegerency // The Slavonic and East European Review. 1981. Vol. 59. No 1. P. 15–40.
32. Richmond W. The Northwest Caucasus: Past, present, future. London: Routledge, 2011. 256 p.
33. Rosenbaum W.A. Political Culture: Basic Concepts in Political Science. NY: Praeger Publishers, 1975. 181 p.
34. Rustov D.A. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. No 2. P. 337–364.
35. Treisman D. Russia's «Ethnic Revival»: The Separatism Activism of Regional Leaders in a Postcommunist Order // World Politics. 1997. No 49. P. 212–249.
36. Ware R.B., Kisriev E. Dagestan: Russian Hegemony and Islamic Resistance in the North Caucasus. London: Routledge, 2010. 367 p.
37. Watt A., Molodikova I. Growing up in the North Caucasus: Society, Family, Religion and Education. London: Routledge, 2014. 224 p.

References

1. Avtorkhanov A. Tekhnologiya vlasti (Technology of power). Moscow; St.Petersburg: «Slovo» – Tsentr «Novyy mir», 1991. 638 p. (In Russian).
2. Bzhezinskii Z. Velikaya shakhmatnaya doska: gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy (The Grand Chessboard: America's Dominance and Its Geostrategic Imperatives). Moscow: AST, 2014. 702 p. (In Russian).
3. Velikiy Otktyabr' i peredovaya Rossiya v istoricheskikh sud'bach narodov Severnogo Kavkaza (Great October and advanced Russia in the historical fate of the peoples of the North Caucasus (XVI – 70s of the XX century). Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, 2-3 oktyabrya 1979 g., g. Grozny. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1982. 367 p. (In Russian).
4. Voslenskii M.S. Nomenklatura (Nomenclature). Moscow: Zakharov, 2005. 640 p. (In Russian).
5. Gammer M. Shamil'. Musul'manskoe soprotivlenie tsarizmu. Zavoevanie Chechni i Dagestana (Shamil. Muslim resistance to tsarism. Conquest of Chechnya and Dagestan). Moscow: Kron-Press, 1998. 512 p. (In Russian).
6. Islam na Severnom Kavkaze: istoriya i sovremennost (Islam in the North Caucasus: history and modernity). Praga, Medium Orient, 2011. 234 p. (In Russian).
7. Istoriya Dagestana (History of Dagestan): In 4 vols. Moscow: Nauka, 1967–1968. Vol. 1. 431 p.; Vol. 2. 368 p. (In Russian).
8. Istoriya Dagestana s drevneishikh vremen do nashikh dnei (History of Dagestan from ancient times to the present day). Moscow: Nauka, 2004. Vol. 1. 627 p. (In Russian).
9. Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei (History of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present day). Moscow: Nauka, 1967. Vol. 1. 440 p. (In Russ.).
10. Istoriya Kabardy s drevneyshikh vremen do nashikh dnei (History of Kabarda from ancient times to the present day). Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. 394 p. (In Russian).
11. Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva: K 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii i Rossii (History of the centuries-old community: On the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria and Russia). Nal'chik: Kotlyarov publishing house, 2007. 720 p. (In Russian).
12. Istoriya mnogovekovykh vzaimootnoshenii i edineniya narodov Dagestana s Rossiei: k 150-letiyu okonchatel'nogo vkhozhdeniya Dagestana v sostav Rossii (The history of the centuries-old relationship and unity of the peoples of Dagestan with Russia: on the 150th anniversary of the final entry of Dagestan into Russia). Makhachkala: DSC of RAS publ., 2009. 750 p. (In Russian).
13. Istoriya Chechni s drevneishikh vremen do nashikh dnei (The history of Chechnya from ancient times to the present day). Grozny: Knizhnoe izdatel'stvo, 2008. Vol. 1. 828 p.; Vol. 2. 832 p. (In Russian).
14. Lebanidze S. Kontury severokavkazskoi politiki (Outlines of the North Caucasian policy). URL: <http://apsny.ge/articles/1352589077.php> (Accessed: 29.10.2022). (In Russian).
15. Malia M. Sovetskaya tragediya: Istoriya sotsializma v Rossii 1917–1991 (Soviet tragedy: The history of socialism in Russia 1917–1991). Moscow: ROSSPEN, 2002. 580 p. (In Russian).
16. Ocherki istorii Adygei (Essays on the history of Adygea). Vol. 1. Maikop: Adygeyskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. 484 p. (In Russian).
17. Ocherki istorii Karachaevo-Cherkessii (Essays on the history of Karachay-Cherkessia). Stavropol': Knizhnoe izdatel'stvo, 1967. Vol. 1. 600 p, 1967. Vol. 1. (In Russian).
18. Ocherki istorii Checheno-Ingushskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei (Essays on the history of the Chechen-Ingush ASSR from ancient times to the present day). Vol. 1. Grozny: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. 315 p. (In Russian).
19. Severnyi Kavkaz v sostave Rossiiskoi imperii (North Caucasus as a part of the Russian Empire). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. 460 p. (In Russian).
20. Fitspatrik Sh. Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod (Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: the city). Moscow: ROSSPEN, 2001. 336 p. (In Russian).
21. Khodarkovskii M. Gor'kii vybor: vernost' i predatel'stvo v epokhu rossiiskogo zavoevaniya Severnogo Kavkaza (A hard choice: loyalty and betrayal in the era of the Russian conquest of the North Caucasus). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 232 p. (In Russian).
22. Khodarkovskii M. Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800 (Steppe frontiers of Russia: how the colonial empire was created. 1500–1800). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 352 p. (In Russian).
23. Baddeley J. F. The Russian Conquest of the Caucasus. London: Routledge, 1999. 604 c.
24. Dowley K. Striking the Federal Bargain in Russia: Comparative Regional Government Strategies // Communist and Post-Communist Studies. 1998. No 31. P. 359–380.
25. Guillermo O' Donnell. On the State, Democratization and Some Conceptual Problems: A Latin American View with Glances at Some Postcommunist Countries // World Development. 1993. No 21. P. 1355–1369.
26. Hough J. The Soviet Union and Social Science Theory. Cambridge, 1977. 275 p.
27. Montero A.P. After Decentralization: Patterns of Intergovernmental Conflict in Argentina. Brazil, Spain, and Mexico // Publius. 2001. No 31. P. 43–66.
28. Nationalism and National Identities. Ed. by M. Bulmer, J. Solomos, London: Routledge, 2012, 159 p.
29. Pipes R. Nationalism and Nationality. Munich. 1963. 480 p.
30. Raeff M. Patterns of Russian Imperial Policy towards the Nationalities // Soviet Nationality Problems. NY: Columbia University Press, 1971. P. 22–42.
31. Rhineland L.H. The Creation of Caucasian Vicegerency // The Slavonic and East European Review. 1981. Vol. 59. №1. P. 15–40.
32. Richmond W. The Northwest Caucasus: Past, present, future. London: Routledge, 2011. 256 p.
33. Rosenbaum W.A. Political Culture: Basic Concepts in Political Science. NY: Praeger Publishers, 1975. 181 p.

34. Rustov D.A. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. No 2. P. 337–364.
35. Treisman D. Russia's «Ethnic Revival»: The Separatism Activism of Regional Leaders in a Postcommunist Order // World Politics. 1997. No 49. P. 212–249.
36. Ware R.B., Kisriev E. Dagestan: Russian Hegemony and Islamic Resistance in the North Caucasus. London: Routledge, 2010. 367 p.
37. Watt A., Molodikova I. Growing up in the North Caucasus: Society, Family, Religion and Education. London: Routledge, 2014. 224 p.

Сведения об авторах

Журтова Анжела Ариковна – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики Кабардино-Балкарского государственного университета им Х.М. Бербекова / anzhelka28@mail.ru

Адрес: д. 173, ул. Чернышевского, 360004, г. Нальчик, Российская Федерация.

Колесникова Марина Евгеньевна – доктор исторических наук, директор Гуманитарного института, профессор, заведующая кафедрой истории России Северо-Кавказского федерального университета / kolesnikovam2017@mail.ru

Адрес: д. 1, ул. Пушкина, 355017, г. Ставрополь, Российская Федерация.

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Федерального исследовательского центра Южный научный центр Российской академии наук / krinko@ssc-ras.ru

Адрес: д. 41, пр. Чехова, г. Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация.

Пономарева Мария Александровна – доктор исторических наук, директор Института истории и международных отношений Южного федерального университета / ponomariya@sfnu.ru

Адрес: д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Information about the authors

Anzhela A. Zhurtova – PhD in History, Associate Professor, Chair of Ethnology, History of the Peoples of the KBR and Journalism, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov / anzhelka28@mail.ru

The address: 173, Chernyshevsky st., 360004, Nalchik, Russian Federation.

Marina E. Kolesnikova – Doctor of Historical Sciences, Director of the Humanities Institute, Professor, Head, Chair of Russian History, North-Caucasus Federal University / kolesnikovam2017@mail.ru

The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

Evgeny F. Krinko – Doctor of Historical Sciences, Deputy Director for Research, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences / krinko@ssc-ras.ru

The address: 41, Chekhov Ave., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation.

Maria A. Ponomareva – Doctor of Historical Sciences, Director, Institute of History and International Relations, Southern Federal University / ponomariya@sfnu.ru

The address: 105/42, Bolshaya Sadovaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation.

УДК 394.014

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.6>И. Г. Иванцов
И. В. Дубинин**«ЛЮБЕЗНЫЙ СЫН МОЙ ИОАНН».
ИЗ ПИСЕМ ДИОМИДА НЕСТЕРОВИЧА ПОПКО
ИВАНУ ДИОМИДОВИЧУ ПОПКО (1857–1870 гг.)**

Исторические исследования провинциальной повседневной жизни становятся все более популярными не только среди ученых-историков, но и вызывают интерес у читателей. В подобных изысканиях весьма важна роль источников, в том числе большой ценностью обладают сохранившиеся материалы личного происхождения, особенно когда это касается давно ушедшего века XIX.

Статья посвящена переписке Диомид Нестерович Попко (1789–1872), протоиерея Тимашевского куреня со своим сыном, в период с 1857 по 1870 гг., будущим генерал – лейтенантом Кубанского казачьего войска, одним из первых историков Черномории, автором ряда литературных произведений, книг и статей по истории черноморского, кубанского, и терского казачьих войск – Иваном Диомидовичем Попко (1819–1893), служившим в этот период в Санкт-Петербурге, во 2-м эскадроне Лейб-Гвардии Черноморского казачьего дивизиона, затем находившимся в должности командира Псекупского полка Кубанского казачьего войска, базировавшегося в станице Ключевой, Кубанской области. Отечественными историками уделялось много внимания различным фактам из его богатой на события жизни. Но вот его отношения с близкими и родными уделялось, как кажется авторам, внимания недостаточно, кроме этого, не

до конца выявлены и многие спорные факты его биографии. Потому очень интересно узнать о его жизни и взаимоотношениях с отцом из их переписки, где он выступает послушным и почтительным сыном.

В Государственном архиве Ставропольского края, в фонде 377, авторами статьи было выявлено пять писем Диомид Нестеровича адресованные его сыну, все написанные из куреня Тимашевского. Они и послужили основой для источниковой базы статьи. Письма способствуют более широкому пониманию взаимоотношений внутри семьи, а также в среде близких друзей и родственников генерала, которым он всю свою долгую жизнь старался покровительствовать, поскольку имел к тому должные финансовые возможности и нравственный авторитет.

Ключевые слова: историческая биография, Диомид Нестерович Попко, И. Д. Попко, эпистолярные источники, история семьи.

Для цитирования: Иванцов И. Г., Дубинин И. В. «Любезный сын мой Иоанн». Из писем Диомид Нестеровича Попко Ивану Диомидовичу Попко (1857–1870 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 50–56. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.6

Igor G. Ivantsov
Igor V. Dubinin**«MY DEAR SON JOHN» FROM THE LETTERS OF DIOMID NESTEROVICH POPKO
TO IVAN DIOMIDOVICH POPKO (1857 – 1870)**

Historical studies of provincial everyday life are becoming increasingly popular not only among historians, but also cause interest among readers. In such surveys, the role of sources is very important, including the preserved materials of personal origin, especially when it concerns the long-gone age of the XIX.

The article is devoted to the correspondence of Diomid Nesterovich Popko (1789–1872), Archpriest of the Timashevsky Kuren with his son, from 1857 to 1870, the future general-lieutenant of the Kuban Cossack army, one of the first historians of Chernomorye, the author of a number of literary works, books and articles on the history of the Black Sea, Kuban, and Terek Cossack troops – Ivan Diomidovich Popko (1819–1893), who served during that period in St. Petersburg, in the 2nd squadron of the Life Guards of the Black Sea Cossack Division, then located as commander of the Psekup regiment of the Kuban Cossack troops based in the village of Keyvoye, the Kuban region. Russian historians paid a lot of attention to various facts from his life rich in events. However, his relations with loved ones and relatives were given little attention. In addition, many controversial

facts of his biography were not fully revealed. Therefore, it is very interesting to learn about his life and relationships with his father from their correspondence, where he acts as an obedient and respectful son.

In the State Archive of the Stavropol Territory, in the Foundation 377, the authors of the article revealed five letters of Diomid Nesterovich addressed to his son, all written from Kurenaya Timashevsky. They served the main source base for the article. The letters contribute to a broader understanding of relationships within the family, close friends and the relatives of the general, whom he tried to patronize his whole long life, because he had proper financial opportunities and moral authority.

Key words: historical biography, Diomid Nesterovich Popko, I.D. Popko, epistolary sources, family history.

For citation: Ivantsov I. G., Dubinin I. V. «My dear son John» from the letters of Diomid Nesterovich Popko to Ivan Diomidovich Popko (1857–1870) // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 50–56 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.6

Региональная наука и культура по своей природе персонифицированы, в ней большую роль играли отдельные ученые, общественные, литературные деятели. Одной из таких значимых персон в истории и культуре Северного Кавказа являлся генерал – лейтенант Кубанского казачьего войска, Иван Диомидович Попко.

Жизнеописанию генерала посвящено достаточно много публикаций, различными его аспектами занимались известные ученые и исследователи. Большой вклад в изучение проблемы внес Б.М. Городецкий, в 1912 г. вышел его очерк, посвященный биобиблиографическому наследию генерала [2]. История создания музея Псекупского полка и его идейного вдохновителя и организатора И.Д. Попко, стала темой исследования Н. Г. Волковой [1]. Жизненный путь генерала и сопутствующая ему деятельность стал темой историко-библиографического очерка Г. Н. Шевченко [12], малоизвестным фактам из его биографии посвящена статья И.П. Максимова [6]. Вопросы литературного наследия И. Д. Попко разбирал в своей статье В.К. Чумаченко [11] и др. Но тема далеко не исчерпана полностью, поскольку исследователи выявляют все новые и новые документы, дающие все больше сведений о жизни этого замечательного человека.

Одним из главных жизненных приоритетов Ивана Диомидовича Попко были родственные и дружеские связи. Зачастую они переплетались замысловатым образом. Для людей малосведущих в биографии историка кажется странным что своего лучшего друга – Василия Федоровича Золотаренко – он называл братом или почему турок по рождению Али Эфенди Абдул Рахим Оглы, при крещении ставший Владимиром Христофоровичем Андреевским, называл его отцом. И главное, зачем за год до своей смерти генерал-лейтенант удочерил подкинутую в начале 1885 г. к его дому в Ставрополе девочку, которую при крещении называли Ниной.

Это лишь несколько фактов из долгой жизни известного уроженца Кубани. В Государственном архиве Ставропольского края хранятся сотни писем, адресованные И. Д. Попко, в которых его племянники, дети знакомых, да и просто малознакомые люди благодарят его за помощь и называют родным человеком.

Одним из самых близких людей для Ивана Диомидовича был отец – Диомид Нестерович Попко, именно под его влиянием он окончил Астраханскую духовную семинарию и в 1838 г. поступил в Московскую духовную академию, которую покинул через год в 1839 г. «по причине часто повторявшейся вследствие золотушного расположения головной боли и воспалительного состояния глаз» [8, с. 514].

Служа в Санкт-Петербурге во 2-м эскадроне Лейб-Гвардии Черноморского казачьего дивизиона и будучи командиром Псекупского полка Иван Диомидович продолжал переписываться с отцом и выполнять все его просьбы и поручения.

В Государственном архиве Ставропольского края, авторам статьи было выявлено пять писем Диомид Нестеровича к сыну. Все они написаны из куреня Тимашевского, в период с 1857 по 1870 гг. Вероятнее всего, таких посланий было куда больше, их поиск, это задача для будущих исследователей.

Но и выявленные послания позволяют судить о достаточно близких отношениях между отцом и сыном. И делать выводы о человеческих качествах историка, этнографа, писателя, библиофила и генерал-лейтенанта Кубанского казачьего войска.

Первое из писем датировано 26 июля 1857 г., когда Иван Диомидович служил в столице в чине ротмистра, а Диомид Нестерович протоиереем в станице Тимашевской.

В начале письма отец напоминает, что в своем последнем послании, написанном в мае 1857 г. просил сына, чтобы тот купил ему небольшое Евангелие и кое-какие вещи. Далее, ожидая сына в гости он сообщает, что «принялся за поправление в лозиновском доме для жительства твоего печей и прочего и угля привожу, в настоящее время работу сию почти к концу» и тут же сетует: «пустое – переделка, но взяли до 50 руб. сер. чистоганом...» [3, л. 215].

В детстве и ранней юности Иван Диомидович учился в Екатеринодарском приходском духовном училище вместе с Василием Федоровичем Золотаренко. Затем они вместе окончили Астраханскую духовную семинарию, после чего судьба их ненадолго развела – И. Д. Попко уехал в Москву, а В. Ф. Золотаренко вернулся в Екатеринодар, где стал смотрителем училища. Их дружба была настолько крепка, что с определенного момента они, по крайней мере в письмах, стали называть друг друга братьями.

Не стали исключением и отцы товарищей. К сожалению, об их дружбе почти ничего не известно – лишь упоминания в письмах Ивана Диомидовича к Василию Федоровичу. Любопытно, что в личной переписке друзей отцы фигурируют, как Патриарх (Диомид Нестерович Попко) и Экзарх (Федор Герасимович Золотаренко).

Вторая часть письма любопытна тем, что она полностью обращена к Василию Федоровичу, который в это время служил в Санкт-Петербурге и начинается словами: «Любезный сын Василий Федорович». Далее следовала просьба: «черноморское наше правительство распространяя народонаселение, назвала рыболовный край Брыньков, состоящий при бейсугском гирле возле Азовского моря станицю. Сия станица ныне

находится в моем благочинии. Жители оной сорукают там церковь и по ходатайству моему представлено Кавказскому епархиальному начальству о разрешении им устроить оную во имение Св. великомученика Георгия. Епархиальное начальство предоставило о сем Святейшему Синоду 16 марта сего 1857 года № 642 на утверждение, но и по сие время разрешение не получено... По сим обстоятельствам прошу (...) вас постарайтесь справиться в Синоде о сем деле, и попросить кого следует о скорейшем разрешении устройства сей церкви. Когда из Синода пошлют в Ставрополь о нем дело, то уведомьте меня о том или о противном тому, в скорости [3, л. 215 об.].

Далее следует трагическая информация: «О пленнице и пленниках, о которых я писал тебе и Ване и до сих пор не предприняты ко освобождению меры» [3, л. 215 об.].

Со времен переселения на Кубань, казаки были вынуждены терпеть постоянные нападения черкесов, поэтому «...вблизи Кубани, часто встречаешь возвышающиеся над камышом наблюдательные вышки – что-то вроде голубятен, на четырех высоких столбах и с лесенкой. С этих вышек казаки высматривают черкес. Такие вышки находятся на всех постах по Кубанской кордонной линии» [10, с. 18].

В этом контексте весьма любопытна информация Николая Николаевича Филиппова, относящаяся по времени к написанию письма: «Присутствие этих вышек у самого Екатеринодара служит признаком, что город стоит не совсем в безопасном месте, что необходимо быть постоянно на стороже для предупреждения набегов горцев... Не проходит года, чтобы горцы по нескольку раз не предпринимали нападение на Екатеринодар, и поэтому, тревоги здесь бывают довольно часты. Иногда горцам удаются эти попытки, особенно зимой. Перебравшись ночью через Кубань по льду и избегнув внимания сторожевых постов, партия горцев, человек полтора, прокрадывается в город и стремительно нападает на первые попавшиеся дома или заранее высмотренные войсковые заведения. Тогда вдруг начинают бить тревогу, раздаются частые выстрелы... Горцы, захватив, если удастся, несколько человек пленных, особенно женщин и детей, да десятка два или три лошадей, поспешно переправляются за Кубань. Подобные тревоги особенно часто бывали в прошедшем 1855 году... Но в этом (1856) году, в мае месяце, довольно многочисленная шайка горцев, человек в полтора, переправилась ночью через Кубань, вплавь и на каюках (подках), ворвалась за вал и похитила артиллерийских лошадей. Схватка казаков с горцами была в самом городе и не обошлась без убитых с той и другой стороны...» [10, с. 21–22].

К сожалению, о каких пленнице и пленниках писал Диомид Нестерович узнать не удалось, можно лишь предположить, что речь идет об одном из набегов горцев на Черноморию.

С 1 апреля 1864 г. по 1 января 1871 г. Иван Диомидович командовал Псекупским полком, штаб которого находился в ст. Ключевой¹. Именно сюда было отправлено второе письмо, написанное Диомидом Нестеровичем, 9 сентября 1868 г.

Послание начинается со слов поздравления: «Будь здоров и благополучен с окончанием пятидесятилетнего твоего существования на земном шаре и со вступлением в другую половину века сей же жизни» [3, л. 11]. Но проблема состоит в том, что по официальной версии 50 лет Ивану Диомидовичу исполнилось в 1869 г., т. е. в общепринятом жизнеописании, возможно, не верно указан год рождения историка. Или отец ошибся. Это вопрос для дальнейшего изучения некоторых загадок в биографии историка.

Свою службу Диомид Нестерович начинал дьячком при Обрезанской одноприходной церкви в селении Полтавском². А в субботний день 5 октября 1818 г. он был определен священником в Троицкую церковь куреня Тимашевский. Об этой памятной для себя дате он и пишет далее: «о как течет время скоро и бурно – вот и я последний раб между священными особами, представшими у престола Божия, с возжелением ожидаю 5 числа следующего октября дня субботнего, которого и тогда была суббота, когда архипастырь возлагал Св. руки своя на грешную главу мою с придаванием благодати Святого духа во иерея к престолу Святой Троицы...» [3, л. 11].

Нужно заметить, что связи с Полтавской ни отец, ни сын никогда не теряли. Там жил крестьянин Ивана Диомидовича – «старик Крыжановский» – «до Нового года я имею находится в Тимашевске, а с Нового года до Крещения в Полтавской у старика Крыжановского» [3, л. 76].

Завершает он письма словами: «Служу неотлучно и желаю служить до последней капли крови, поданной мною пред богом присяге» [3, л. 11].

После смерти младшего сына – Анфима-воспитание его сыновей – Антона и Григория, сначала легло на плечи Диомид Нестеровича, но престарелый дед не мог справиться, тем более, что окончив Екатеринодарское училище оба уехали учиться в Ставропольскую духовную семинарию. Постепенно бремя воспитания племянников разделил и Иван Диомидович. Будучи высокообразованным человеком, дядя старался следить за обучением братьев и по возможности помогать им. В Государственном архиве Ставропольского края сохранились несколько писем Антона и Григория, адресованные И. Д. Попко. Все послания похожи друг на друга – рассказ о своей жизни, отчет об обучении и просьба помочь финансово. И каждый раз дядя отправлял братьям некоторую сумму денег. Постепенно Иван Диомидович заменил им отца, даже о своем будущем братья

1 Город Горячий Ключ, Краснодарский край.

2 Станица Полтавская, Краснодарский край.

советовались именно с ним. В одном из писем В. Ф. Золотаренко он писал: «Во время пребывания моего в Ставрополе я порешил с моими племянниками так: старшему, богослову, оканчивать семинарский курс и наследовать от патриарха дом с хозяйством и пастерский жезл... А младшему, философу, приказал готовиться в университет, а в богословие не пускаться. Парень принял предложение охотно, и теперь я обязан, не щадя живота своего, доставлять ему средства. На первый раз он требует учебников и руководств...» [3, л. 206 – 207].

Дальше Диомид Нестерович дает поручение сыну: «полученное мною от наших хлопцев письмо сего дня препровождаю тебе на рассмотрение, я кажется писал тебе что на учебные книги уже ныне нужны деньги – я не стал о сем распоряжаться потому что из двух рук распоряжение не будет прочно. Если деньги нужны будут для сего и от меня, то я не откажу» [3, л. 11].

У старого протоиерея было большое и крепкое хозяйство, но в 1868 году ему было уже 79 лет, поэтому справляться с ним у него уже не было сил, и он жалуется сыну: «Казак находящийся у меня человек благонамеренный и я его частенько отпускаю до дому – на горе что другого нет – он все скучает за жалованием. Другое горе мельницы мои пропадут, разоряться без поправки» [3, л. 11 об.].

Такая черта характера, как хозяйственная основательность и смекалка, перешла по наследству и Ивану Диомидовичу, другое дело, что свой талант в этой области он не имел возможности нигде применить. До назначения командиром Псекупского полка вся его жизнь проходила в командировках и разъездах, долго на одном месте он не задерживался. Поэтому, обретя стабильность, он первым делом решил заняться обустройством хозяйства.

После того как он немного обжился на новом месте, на берегах реки Псекупс, в Санкт-Петербург к В. Ф. Золотаренко улетело письмо со словами: «Я избираю место для собственного водворения в самых недрах гор, у подошвы главного хребта. Там множество садов в диком состоянии, а потому и намерен заняться садоводством, присоединив к нему и пчеловодство. Вследствие чего прошу Вас выслать мне лучшие по этим двум отраслям сельской промышленности руководства» [3, л. 195 об.].

Для развития своего хозяйства командиру Псекупского полка нужен был тягловый крупный рогатый скот для вспашки земли. Поэтому следующие два письма Д. Н. Попко сыну в основном касаются двух волов и их перегону из станицы Тимашевской в станицу Ключевую.

В письме от 4 февраля 1870 г. Диомид Нестерович пишет, что «казак ст. Рогивской¹ Сухарь сего дня явился ко мне для взятия волов и доставления к тебе при помощи тимашивского ка-

зака (Кира Тищенко)» и добавляет: «между моим скудным хозяйственным стадом избрал одну пару самых лучших под моим именным тавром и клеймом, тебе известным, они волики дружны не только молодые и требуют хозяйственного присмотра, а ежели будут смотреть, то будут и работать» [4, л. 34]. 18 февраля этого же года он сообщает, что волы отправлены в Ключевую [5, л. 89 об.].

4 февраля отец жалуется сыну, что «я после известного тебе моего недуга освобожден, но прошедшую дурную погоду получил простуду и... кашлю. В повечерие Крещения и в день Крещения исправлял мою должность добрый мой отец Иоанн», далее он просит сына: «он кажется должен быть у тебя лично хлопотать за сынов своих, пожалей его дай ему добрый совет и наставление. Теперь многие наши духовные не знают, что делать с исключенными из училища детьми» [4, л. 34 об.].

На конец 1860 – 70-х гг. приходится реформирование духовных семинарий по новому уставу. В этой связи появилось относительно большое количество детей священников, которые в силу разных причин не смогли поступить в духовные семинарии или вынуждены были прервать обучение. Поэтому отец Иоанн хотел спросить у Ивана Диомидовича, как у более опытного и сведущего, совета, как быть его детям.

Диомид Нестерович хотел, чтобы его сменил старший внук Антон. Чувствуя приближение этого судьбоносного момента, он просит сына: «Если получил ты что-нибудь от Антона на мое письмо, то уведомя меня. Я уже чувствуя слабость в здравии избираюсь на покой только не знаю, как я буду существовать в одиночестве» [4, л. 34–34 об.]. Ко времени написания этого письма – 4 февраля 1870 г. – Диомид Нестерович остался один: жены давно уже не было в живых, Анфим умер, Анна замужем, Иван командует полком в ст. Ключевой... Из двух внуков надежда была только на Антона.

Второй – Григорий – ни его, ни надежд дяди не оправдал. Более того возможно именно его деятельность, в какой-то мере привела к тому, что административная и политическая карьера Иван Диомидовича была сломлена. Как замечал Иоанн Платонович Максимов в своем докладе на заседании ОЛИКО 15 ноября 1913 г. и впервые опубликованном А. И. Слуцким в 4 номере за 2011 г. в журнале «Культурная жизнь Юга России»: Быстрое движение Ивана Диомидовича по службе, достижение губернской должности, да еще в таком ответственном месте, как новозавоеванная Карская область, вдруг внезапно прерывается, и он навсегда поселяется в Ставрополе, типичном захолустном городе. Отчего? Почему?

По мнению А. И. Слуцкого: «Требуется дальнейших изысканий утверждение И. Максимова о том, что И. Д. Попка в последние годы жизни находился в опале и имел частые и неприятные столкновения с местной администрацией» [7, с. 126].

1 ст. Роговская, Краснодарский край

Приходилось слышать, что он был причастен к политическому движению и что жил он в Ставрополе будто бы по Высочайшему повелению, как бы в ссылке; будто бы просился выехать за границу и получил отказ, и лишь незадолго, за год-два перед смертью, обязательство жить в Ставрополе, будто бы было с него снято, на что он будто бы ответил: «Уже поздно» [6, с. 128].

Григорий, в отличие от брата, учась в Ставропольской духовной семинарии, попал под влияние молодых профессоров, прибывших из Санкт-Петербурга и разделявших революционные взгляды. «В семинарии началось брожение. Собирались сходки; велись оживленные толки по поводу новых идей, завезенных молодыми учителями... Шли разговоры о том, как честно жить, как приносить пользу людям. Одним словом, мысль лихорадочно заработала и в бурсу проникли широкой струей идеи 60-х гг. Среди увлекавшихся новым словом видную роль играл юноша Попко. Под влиянием учителей и журнальных статей, среди членов успевшего образоваться кружка, к которому принадлежал и Попко, родилась и созрела мысль бросить семинарию, основать на родине земледельческую ассоциацию, обрабатывать землю своим трудом, прилагая все улучшения и выводы науки; своим примером поднять народ до умственного уровня самих пропагандистов и заставить его организоваться на точно таких же началах, на каких желали жить и члены кружка» [9, с. 181].

Поэтому в письме от 18 февраля 1870 г. Диомид Нестерович пишет сыну: «Жалею крепко о глупости Грицка – вот и пословица старинная (найдя сироту, вместо того чтоб дать помощь приютить ногою) постарайся всеми силами извлечь Его от того лукавого общества. И дай направление доброе» [5, л. 90].

Григорий, как и его дед и дядя, был человеком упрямым, поэтому ни какие увещания не помогли. В итоге ему вместе с четырьмя друзьями удалось воплотить идею по созданию земледельческой ассоциации в жизнь. Бросив учебу они арендовали землю у отца одного из товарищей, но все пошло не так и через два года им пришлось свернуть деятельность ассоциации. В надежде на возобновление ее работы два человека отправились набираться сельскохозяйственных знаний в Петровско-Разумовскую академию. Постепенно интересы Григория изменились, и он перебрался в Новороссийский университет на юридический факультет, где вступил в революционный кружок.

К этому времени самым близким из родственников для него стал дядя, который «посмотрел на переход (из Петровско-Разумовской академии в Новороссийский университет) благосклонно и обещал помогать деньгами Григорию. Эта помощь дала (Григорию) Попко свободное время, которое иначе пошло-бы на добывание хлеба, а теперь всецело могло быть посвящено на подготовку и революционную деятельность» [9, с. 181].

Постепенно его взгляды на методы революционной борьбы претерпели изменения – от менее к более радикальным и в итоге в 1878 г. он примкнул к «Земле и воле». Ночью 25 мая этого же года в Киеве Г. А. Попко совершил покушение на жандармского ротмистра Густава Эдуардовича фон Гейкинга, который от полученных ран скончался. В августе этого же года Григорий был схвачен и 5 августа 1879 г. приговорен к пожизненной каторге.

Последнее послание было написано 30 марта 1870 г. также в ст. Ключевую. Диомиду Нестеровичу уже 81 год. Поэтому он все чаще задумывается о своем приемнике: «Письмо твое от 25 сего марта с приложением такового ж от Антона я получил и уведомляю, что я сего дня т. е. 30 марта осведомился что, преосвященный получил от Св. Синода разрешение производить окончивших курс во священники по-старому и потому обращаю тебе Антоново письмо ко мне, возлагаю все хлопоты об нем на тебя относительно производства его на место мое во священники. Ибо если мне об том хлопотать, то при нынешнем моем болезненном положении я нездолею, постарайся о сем как можно лучше» [3, л. 119–119 об.].

Диомид Нестерович в каждом письме жалуется на свое здоровье. В 1857 г., когда ему было 68 лет и была жива его жена – Мария Федоровна, он пишет: «я и маменька живи, но весьма слабы» [3, л. 215]. В одном из писем Василию Федоровичу Иван Диомидович писал, что патриарх страдает незаживающими язвами, поэтому в 1868 г. тот сетует, что «нога моя в одном положении, но я с нею свыкся» [3, л. 12].

Судя по всему, в своем старшем племяннике Иван Диомидович был несколько разочарован. Не имея своих детей, он хотел воспитать братьев «по своему облику и подобию». Но «старший из моих племянников через год окончит курс. По новому положению о духовенстве он должен быть до 30 лет дьячком. Жалкая доля и погибший человек! Надо бы ему еще поучиться, чтобы приготовиться для деятельности далее разумной и полезной. Для университета он не годится, а мог бы запастись какими-нибудь пригодными в жизни знаниями в одном из специализированных заведений, как например, в земледельческой или какой-нибудь технической школе, или в учительской семинарии, чтобы был учителем народной школы...» [3, л. 210 – 210 об.].

После окончания Ставропольской семинарии Антон, был определен в Троицкую церковь Тимашевского куреня «по-старому», т. е. заштатным священником.

И. Д. Попко был натурой увлекающейся, но к своим начинаниям подходил основательно. В его библиотеке были книги по сельскому хозяйству и пчеловодству. Когда в мае 1864 г. он прибыл к месту службы в ст. Ключевую, то, по прохождению нескольких месяцев, приступил к осуществлению

своих задумок. Вот почему последними словами Диомиды Нестеровича Попки в послании были: «Обширные твои земледельческие работы да благословит Бог» [3, л. 119 об.].

Со времен заселения Правобережья Кубани казаки страдали от болезней (оспа, цинга, холера, разного рода лихорадки, малярия и др.), обусловленных господствующим здесь климатом и рельефом. С такими же проблемами столкнулись и переселенцы за Кубань. Не мог обойти эти проблемы в своих письмах и И. Д. Попко. 21 ноября 1865 г. он жаловался В. Ф. Золотаренко на большую смертность среди переселенцев и, «что климат лихорадочный... В прошлом году думали, что будем болеть только первый год, а потом обживем новую местность в добром здоровье. Не тут то было, – лихорадка повторялась с прежней силой, и вот какое уже позднее время года, а она еще не прекратилась... Земля сильно истощена... Вообще кавказские горы далеко не стоят тех громких фраз, которые им расточают люди, не глядявавшие в глубину ущельев» [3, л. 196].

В 1866 году он сетует на то, что проблемы «горной колонизации приняли огромные размеры, а борьба с ними поглощает «всего человека с головы до ног». Далее он жалуется, что сам не смог избежать такой участи «и продолжительно болел лихорадкой, не переставая терзать русское население в горах» [3, л. 198].

Следующий – 1867 г. – не принес облегчения. Как и в предыдущем, в следующем году он сетует на все те же проблемы, о том, что колонизация «плохо принялась за три года. Болезни и смертность не прекращаются». Много бед приносят постоянные бури и наводнения, передвижение между населенными пунктами и внутри них затруднительны в силу

вышеназванных причин. «Хлебопашество не идет» поэтому все эти годы были сплошные неурожаи, продовольствие, даже казенное, заканчивается. И делает свое заключение, что «положение затруднительное» [3, л. 201 – 201 об.].

В 1868 г. ситуация усугубилась: «Зима в горах ужасная. Дожди, бури, снежные метели – одно сменяется другим, и солнца нет, как в Питере. Реки бушуют и даже незавидные сообщения разрушены. В магазинах нет хлеба, у людей не стает сена» [3, л. 203 об.].

Поэтому, когда в 1871 г. Псекупский полк был расформирован и Иван Диомидович, соответственно, лишился должности его командира, он совершенно не горевал по этому поводу: «в нашем муравейнике новый год начался введением нового положения и новыми назначениями, в числе которых на мою долю не выпало ничего. Да это и не слишком меня огорчает, – устал, умаялся, чувствую потребность отдыха...» [3, л. 184].

Иван Диомидович Попко очень бережно, трепетно относился к письмам, особенно личным, осуждал их уничтожение и говорил, что «с большею основательностью можно произносить приговоры о человеке по его письмам» [3, л. 67], поэтому старался сохранить как можно больше посланий от друзей и родственников. Судьба его архива печальна – много из сохраненных им документов исчезло во времени и виной тому являются войны, революции, и просто человеческая халатность. Тем более важны для нас те крохи, которые удалось сохранить. Информации же о жизни и деятельности Диомиды Нестеровича Попко, отца генерала, его отношениях с сыном и близкими родственниками сохранилось очень мало, тем интереснее эти пять небольших писем...

Литература

1. Волкова Н. Г. Музей Псекупского полка // Ученые записки. Адыгейский НИИЯК. История и этнография. 1965. Т.4. С. 271–276.
2. Городецкий Б. М. Иван Диомидович Попка: биобиблиографический очерк // Литературные и общественные деятели Северного Кавказа: биобиблиографические очерки. Екатеринодар: Б.и., 1912. С. 29–36.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф.377. Оп.1. Д.7.
4. ГАСК. Ф.377. Оп.1. Д.22.
5. ГАСК. Ф.377. Оп.1. Д.14.
6. Максимов И. П. К биографии Ивана Диомидовича Попко // Культурная жизнь Юга России. 2011. №4(42). С.128–131.
7. Слуцкий А. И. Рукопись И. П. Максимова – «К биографии Ивана Диомидовича Попки» // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 4(42). С. 123–127.
8. Смирнов С. К. История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870). М.: М. Катков, 1879. 632 с.
9. Стеблин-Каменский Р. А. Григорий Анфимович Попко // Былое. Журнал, посвященный истории освободительного движения. СПб: Парамонов Н. Е., 1907. № 5/17.
10. Филиппов Н. Поездка по берегам Азовского моря летом 1856 года СПб: в типографии Морского министерства, 1857. 170 с.
11. Чумаченко В. К. Генерал с душой поэта // Культурная жизнь Юга России. 2004. № 1. С. 3–8.
12. Шевченко Г. Н. И. Д. Попко (1819–1893): историко-биографический очерк // Проблемы историографии и культурного наследия народов Кубани дореволюционного периода. Краснодар: КубГУ, 1991. С. 61–69.

References

1. Volkova N. G. Muzej Psekupskogo polka (Museum of the Psekupsky regiment) // Uchenye zapiski. Adygejskij NIIYaK. Istoriya i etnografiya. 1965. Vol.4. P.271–276. (In Russian).
2. Gorodeckij B. M. Ivan Diomidovich Popka: biobibliograficheskij ocherk (Ivan Diomidovich Popka: bio-bibliographic essay) // Literaturnye i obshchestvennye deyateli Severnogo Kavkaza: biobibliograficheskie ocherki. Ekaterinodar, 1912. 396 p. (In Russian).

3. State archive of Stavropol territory (GASK). F.377. Inv.1. D.7.
4. GASK. F.377. Inv.1. D.22.
5. GASK. F.377. Inv.1. D.14.
6. Maksimov I. P. K biografii Ivana Diomidovicha Popko (On the biography of Ivan Diomidovich Popko) // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. Krasnodar: KSUKI publ., 2011. No. (42). P. 128–131. (In Russian).
7. Sluckij A. I. Rukopis' I. P. Maksimova «K biografii Ivana Diomidovicha Popki» (The manuscript of I. P. Maksimov «On the biography of Ivan Diomidovich Popka») // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2011. No. 4(42). P. 123–127. (In Russian).
8. Smirnov S. K. Istoriya Moskovskoj duhovnoj akademii do ee preobrazovaniya (1814–1870) (The history of the Moscow Theological Academy before its transformation (1814–1870). Moscow: M. Katkov publ., 1879. 632 p. (In Russian).
9. Steblin-Kamenskij R. A. Grigorij Anfimovich Popko (Grigory Anfimovich Popko) // Byloe. Zhurnal, posvyashchennyj istorii osvoboditel'nogo dvizheniya. 1907. No. 5/17. (In Russian).
10. Filippov N. Poezdka po beregam Azovskogo morya letom 1856 goda (A trip along the shores of the Sea of Azov in the summer of 1856) St. Peterburg: Moscow University publ., 1857. 170 p. (In Russian).
11. Chumachenko V. K. General s dushoj poeta (General with the soul of a poet) // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2004. No.1. P. 3–8. (In Russian).
12. Shevchenko G. N. I. D. Popko (1819 – 1893): istoriko-biograficheskij ocherk (I. D. Popko (1819–1893): historical and biographical essay) // Problemy istoriografii i kul'turnogo naslediya narodov Kubani dorevolucionnogo perioda. – Krasnodar: KSU publ., 1991. P. 61–69. (In Russian).

Сведения об авторах

Иванцов Игорь Григорьевич – доктор исторических наук, профессор 1 кафедры Краснодарского высшего военного училища имени генерала армии С.М. Штеменко / IIG23@yandex.ru

Адрес: 4, ул. Красина, 350035, Краснодар, Российская Федерация.

Дубинин Игорь Владимирович – библиотекарь Динского механико-технологического техникума (станция Динская, Краснодарский край). председатель Динского районного общества историков-архивистов / titlo@mail.ru

Адрес: 152, ул. Красная, 353204, Динская, Российская Федерация.

Information about the authors

Igor G. Ivantsov – Doctoral of Historical Science, Professor, 1st Chair of the Krasnodar Higher Military School named after Army General S.M. Shtemenko / IIG23@yandex.ru

The address: 4, Krasina st., 350035, Krasnodar, Russian Federation

Igor V. Dubinin – librarian of the Deansk Mechanical and Technological College (stanitsa Dinskaya, Krasnodar Krai), Chairman of the Dean District Society of Historians and Archivists / titlo@mail.ru

The address: 152, Krasnaya st., 353204, Dinskaya, Russian Federation

УДК 94 (470.6) "18"
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.7>

Е. В. Кузнецова

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ФАКТОРЫ КАК УСЛОВИЯ «ИММУННОСТИ» В ЖИЗНИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Географическая среда во всем своем многообразии часто определяла формы социального существования северокавказских горцев в первой половине XIX в. Социум и ландшафт были тесно переплетены благодаря длительной практике взаимодействия и наследовались из поколения в поколение посредством трансляции традиции. Это обстоятельство во многом определяло устойчивое неприятие всех иных вариантов социокультурных парадигм, вторгавшихся в жизненное пространство горцев Северного Кавказа.

Связанность горских социумов с вмещающей их ландшафтной средой определялась также той ролью, которую местные ландшафты исполняли в горской повседневной жизни, являясь, например, неперенными участниками местных сакральных культов.

Привносившиеся инокультурные агенты разрушали установившуюся ранее гармонию во взаимодействиях горских социумов с географической средой их обитания, а потому отвергались ими, поскольку покушались отменить сами основы горского традиционного существования. Этнические кавказские общества активно не принимали чужих инноваций, нарушавших ход их привычной жизни и противоречащих их ментальности.

Снятию существовавших запретов, бывших в кавказской среде разнообразными механизмами самозащиты, препятствовала сама среда их обитания, её естественные основания, разрушение или отказ от которых вели к деградации не только самой среды, но связанных с ней горских обществ.

Защищая свою самобытность горские народы реализовывали, используя как реальные, так и ритуальные действия. Изменения, связанные, например, со сменой характера и назначения трудовой, выходявшие за рамки существовавшей ранее традиции, также могли иметь разрушительные последствия, которые, если внедрялись в горскую жизнь, то были результатом непреодолимого внешнего воздействия.

Ключевые слова: горские социумы, географическая среда, ландшафт, традиция, сакральность, социальная роль, инновация, инокультурные агенты.

Для цитирования: Кузнецова Е. В. Географический и хозяйственный факторы как условия «иммунитетности» в жизни народов Северного Кавказа первой половины XIX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 57–63. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.7

Ekaterina V. Kuznetsova

GEOGRAPHICAL AND ECONOMIC FACTORS AS THE CONDITIONS OF «IMMUNITY» IN THE LIFE OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

The geographical environment in all its diversity often determined the forms of social existence of the North Caucasus highlanders in the first half of the 19th century. Society and landscape were closely intertwined through a long practice of interaction and were inherited from generation to generation through the transmission of tradition. This circumstance largely determined the persistent rejection of all other variants of sociocultural paradigms that invaded the living space of the mountaineers of the North Caucasus.

The connection of mountain societies with the landscape environment was also determined by the role that local landscapes played in mountain everyday life, being, for example, indispensable participants in local sacred cults.

The foreign cultural agents that were brought in destroyed the previously established harmony in the interactions of mountain societies with their geographical environment, and therefore were rejected by them, since they attempted to cancel the very foundations of mountain traditional existence. Ethnic Caucasian societies did not actively accept foreign innovations that disrupted the course of their usual life and contradicted their mentality.

The removal of the existing prohibitions, which were various mechanisms of self-defense in the Caucasian environment, was hindered by the very environment of their habitat, its natural foundations, the destruction or abandonment of which led to the degradation of not only the environment itself, but the mountain societies associated with it.

Defending their identity, the mountain peoples realized using both real and ritual actions. Modifications associated, for example, with a change in the nature and purpose of labor, which went beyond the framework of a pre-existing tradition, could have devastating consequences, which, if introduced into mountain life, were the result of insurmountable external influence.

Key words: mountain societies, geographical environment, landscape, tradition, sacredness, social role, innovation, foreign cultural agents.

For citation: Ekaterina V. K. Geographical and economic factors as the conditions of «immunity» in the life of the peoples of the North Caucasus in the first half of the 19th century // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 57–63 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.7

Социокультурная определенность во многом вырастает и задается географической средой обитания любого общественного образования, как бы «конструируется» на основе её параметров, и там формируются исторически обусловленные структуры социального пространства. География превращается в колыбель социума, сообщая ему свои установки и предлагая потенциал развития. Этим она «прикрепляет» социум к определенному месту развития, обозначает его пространственные границы. Природные компоненты горского пространства, тесно переплетавшиеся с социокультурной средой благодаря длительной исторической практике, закреплённой в традициях, обуславливали неприязнь к вторгавшимся в их сферу жизнедеятельности ко всем социокультурным вариантам, выстроенным на иных основаниях.

Важный момент в данном аспекте отмечается в современной кавказоведческой литературе, когда подчеркивается роль кавказских ландшафтов, определяя их в качестве естественной и первоначальной основы социально-культурной стороны жизнеуществования для местных народов [8, с. 102]. Кавказские ландшафты во многом продолжали выполнять экзистенциальную функцию в формировании мировидения горских обществ, будучи тесно связанными с местными «этническими религиозно-мифологическими поверьями» [8, с. 103] и находились с ними в состоянии полусоздаваемой гармонии.

Многие инокультурные агенты, в том числе Россия, предполагали иной подход в отношении с ландшафтами – они позиционировали себя гегемонами, навязывавшими свою волю ландшафтам, в том числе и ландшафтам кавказским, что не могло безропотно приниматься местным кавказским населением. Покушение на первозданность или установленную традицию отношений между человеком и окружающим географическим пространством должно было восприниматься как покушение на сами основы горской экзистенции. Например, русские рубили горный лес, прокладывая там просеки, распахивали долины и предгорья, основывали поселения там, где их никогда не устраивали горцы, прокладывали по склонам гор дороги, запирали крепостями устья рек и выходы в долины, а полковые штаб-квартиры перерастали в города, окруженные форштадтом, претендуя не только господствовать над географическим пространством, но также вместе с ним претендовали подчинить своей воле живущих там людей.

Сама проблема восприятия и рефлексирования этносоциального пространства, находящегося в тесном взаимодействии с ландшафтом, вырастающего из его изначальной модальности, определяла острую реакцию горских обществ на вторгавшиеся к ним инверсии. Такая территория, исторически занятая для проживания в ней или

использования её в качестве пространства жизнеобеспечения, «способствовала формированию этнического самосознания и всех иных форм этнической культуры, как бы прорастая из ландшафтных оснований» [8, с. 104]. Горцы не стремились к доминированию над средой своего обитания и существования, поскольку они были спаяны с ней сакрально. Как отмечает современный исследователь Кавказа: «На этой почве повседневного взаимодействия с окружающим пространством жизнедеятельности, очерченной строгими рамками традиции, выросла своеобразная горская патристия (сопереживание), базировавшаяся на чувстве близости и сродства с вмещающим горские социумы ландшафтом» [8, с. 104].

Важнейшая роль географической среды подчеркивалась уже тем, что она (или отдельные её компоненты) была неотъемлемым участником общественной жизни местного населения. «Местные жители почитали горы и их вершины фактически как священные объекты. Именно они являлись культовыми центрами жителей нескольких районов» [5, с. 25]. Например, на склонах горы Кетыш-Коры происходили ежегодные собрания старейшин чеченских тейпов, где обсуждались и принимались решения «по обычаям и этикету вежливости» [5, с. 20], а лезгины, рутулы, агулы и табасаранцы относились к горе Шалбуздаг как к святыне, к которой обращались по разным жизненным поводам, вымаливая прощение, испрашивая совета или помощи в повседневных делах. Для агулов и кайтагцев такой горой была Джуфдаг. Несколько священных гор имели лакцы – Вацилу, Пабакудаг, Панал-зунтту, а для аварцев такой святыней была Кыли-Меэр [5, с. 24–28].

Как отмечает по этому поводу Ю. Ю. Карпов, «почитание гор определялось уже тем, что в местных природных условиях именно горы служили надежными «вечными» ориентирами календарного хода времени» [5, с. 31]. Горские легенды обозначали горы как скрепляющую землю твердь, когда их вершины выступали вертикальной осью, вокруг которой вращается жизнь людей [5, с. 32].

В адыгских социумах вместе с горными вершинами такой же сакральностью наделялись гигантские деревья, бывшие элементами конструкции естественного природного мира и центрами, «нахождение которого на земле владельца, обеспечивает за ним стратегическое превосходство над окружающими» [13, с. 300].

В связи с этим можно констатировать, что единство ландшафта и культуры в горской среде не только наделяли их нравственной силой, но определяли даже их социальный статус, а сакральность в их отношениях сохранялась и передавалась через поколения посредством легенд, поверий, примет, пословиц, поговорок и закреплялась традицией [8, с. 106].

Отсюда «непонимание социокультурной парадигмы, рожденной местными ландшафтами, своим следствием имело конфликт» [8, с. 118], поскольку ценностные разряды этносов будут тем более различаться, «чем более различными были природные и исторические условия в эпоху становления этносов» [1, с. 28]. Феномены, созданные на платформе иной этнической картины мира, уже сами по себе вызов для устоявшейся традиции.

Вторжение в зону жизнедеятельности кавказских народов этнически и ментально чуждых пришельцев, сопровождавшееся их разрушительным воздействием на привычные формы ландшафта, воспринималось как поругание этнообязательных устоев и ценностей. «Привычная картина окружающего пространства разрушалась, а вместе с ней рушилась устойчивость повседневного существования, опосредованного через образы привычных артефактов и природных объектов, которые либо разрушались физически, либо приобретали после внешнего воздействия инозвучание, изменяли не только физический облик, но изменяли свою сакральную сущность» [8, с. 108], либо утрачивали её вовсе. Автохтонное осмысление географической среды, направленное на присвоение и закрепление за собой структурной образности ландшафтных модусов, подвергалось инкультурному переформатированию, происходило замещение этнических имен путем замены символизма привычной топонимики иноязычными повращениями [8, с. 108].

Больше того, «вторгнувшаяся в автохтонный геосемантический ряд инкультурная новация по мере проникновения в присваиваемую ландшафтную среду выстраивала несколько слоев образных систем, не прекращая обновленческих усилий до тех пор, пока не добивались подавляющего доминирования собственной образности» [8, с. 108]. Таким образом та же Российская империя первоначально из отдельных и локально обусловленных географических образов стремилась сформировать общегеографическую картину универсального имперского пространства, способного адаптировать горскую «иммунность» [8, с. 109].

Следовательно, географическая среда, в которой осуществлялись горские общества, была важнейшим компонентом их «иммунности», а также и средством распознавания своего/нашего от чужого/чуждого, вторгавшегося в пространство кавказского мира. Своеобразным выражением и отражением традиционной «иммунности» в горской культуре был даже сам тип обустройства места пребывания каждой семьи. Горская усадьба подчеркивала семейную замкнутость, закрытость для внешнего мира глухими заборами, сделанными из самана и турлука [6, с. 89].

Уполномоченные представители Российской империи «подозревали» кавказские ландшафты в сговоре с местным населением и видели в нем

нерукотворную крепость, стойко оберегавшую горский мир. На это не раз указывали русские путешественники и военные. Так, В. Сидоров отмечал, что «... весь Дагестан, это страшное гнездо гор, изрезанное черными пропастями, отвесными стенами, уходящими за облака и одетыми снегами, казался всему миру недоступной и неодолимой крепостью» [17, с. 342–357].

Р. А. Фадеев отмечая особенный характер Кавказа, указывал на «... необыкновенное соединение всякого рода материальных и нравственных препятствий, о которое в продолжение полувека сокрушались усилия могущественной империи. Упорство сопротивления превзошло все ожидания. ... Русские встретили на Кавказе соединение всех препятствий в людях и в природе...» [18, с. 127, 129].

Этнические кавказские общества активно не принимали чужих инноваций, нарушавших ход их привычной жизни и противоречащих их ментальности. «Борьба между Российской империей и непримиримой к ней частью горских обществ шла не только за физическое пространство – местообитания, но стороны боролись за социокультурное их наполнение» [8, с. 121]. Если горцам хватало сил, они противостояли новациям, используя привычные для них способы, например, наездничество, которое не всегда было банальным грабежом, «хищничеством» или походом за зипунами, но ещё и средством запугивания противника, средством принуждения и давления на него. Горские удалцы разоряли казачьи станицы, крестьянские села, нападали на крепости и даже города (Моздок, Кизляр, Георгиевск), стремясь запугать и вынудить непрошенных чужеземцев покинуть пределы горского мира.

Если чужаки обладали громадным потенциалом, действовали настойчиво и последовательно, пытались силой преодолевать горские этнокультурные крепости, местные социумы, чтобы сохранить и спасти свою идентичность, уклонялись от коммуникации, воспрещая любые её формы, реализуя возможность бегства от инновации, как это происходило с адыгами Северо-Западного Кавказа или представителями иных горских обществ в 60-е гг. XIX столетия.

Само по себе «чувство внешней опасности, высокая мера конфликтности по отношению к миру – все это не деструктивно для этнической культуры. Вредит скорее их недостаток, когда культура лишается внутренней напряженности, а следовательно, мобильности» [12, с. 287], гибкости и собранности.

Если защитные механизмы этнической культуры способны маркировать внешнюю угрозу в терминах и понятиях, привычных для иерархии этнического бытия, такая угроза делается понятной и получает способ защиты – ритуальные или реальные действия.

Для пояснения данного тезиса можно привлечь модель и механизм реагирования на внешнюю угрозу в этнокультурной среде, близкой к горским обществам – кавказское казачество, а сам пример проиллюстрировать «Казачьей колыбельной песней» М.Ю. Лермонтова. Ситуация возникшей тревоги передается в строках «По камням струиться Терек, / Плещет мутный вал» – и тут же существующая опасность конкретизируется и называется: «Злой чечен ползет на берег, / Точит свой кинжал». Далее указывается средство защиты от существующей опасности: «Но отец твой старый воин/ Закален в бою», – чем снимается психологическое напряжение и страх: «Спи, малютка, будь покоен, / Баюшки-баю». Окончательно угроза преодолевается через закрепление стереотипа, которым задается алгоритм действий в подобных ситуациях: «Сам узнаешь, будет время, / Бранное житье; / Смело вденешь ногу в стремя/ И возьмешь ружьё» [12, с. 287–288; 11, с. 171–172].

Из приведенного выше примера выявляется основной механизм самозащиты любой этносоциальной культуры и её функция в системе общей «иммунной» конструкции – функция психологической защиты. Психологическая устойчивость позволяет не терять самообладания перед набором тех или иных угроз, стоящих за инновационностью, позволяет защищать этнокультурные константы от девальвации.

Если этого не удастся добиться, если сила культурного шока от соприкосновения с инновацией разрушает психологическое равновесие в этнической системе, под угрозу ставятся конкретные формы выражения этнокультурных констант, что порождает выраженный по глубине и по масштабу кризис.

Инновации отменяют многие прежние запреты и довлеющие над людьми каноны, например, ограничения на способы взаимодействия с природой. Для кавказских локальных сообществ контекст этих отношений был весьма важным, даже судьбоносным [9, с. 287–305].

Снятию запретов в северокавказской географической среде препятствовала сама среда обитания, её естественные возможности и механизмы самоосуществления. Разрушение традиционных связей и форм их реализации вело не только к деградации самой среды, но и к тесно связанным с ней этническим обществам. Природа всегда мстит человеку за игнорирование её основных законов, выявлявшихся в повседневной и многовековой практике их взаимодействий, ставит вопрос о выживаемости самих социумов. Смена смыслов и ценностных ориентаций в производственной деятельности опасна для обоих субъектов взаимодействия: человека и Природы – месторазвития социумов.

Инновационность в данной сфере связывается со сменами смыслов трудовой деятельности, которая, однако, возможна лишь тогда, когда ин-

новация может наглядно доказать свою состоятельность в привычных условиях, т.е. они должны быть эффективными и не разрушать сложившейся экологической системы, либо автохтонам приходилось кардинальным образом менять как место своего пребывания, так с формы хозяйственной деятельности под непреодолимым давлением внешних обстоятельств.

Так, например, произошло после вторжения на Северный Кавказ монгол и последовавшего после них нашествия среднеазиатских полчищ эмира Тимура, которые привели к полному разорению существовавшей земледельческой культуры и вынужденному бегству многих местных общин в высокогорье. Те же кавказские народы, которые заселили равнины Предкавказья (кабардинцы) в условиях постоянной нестабильности существования из-за вторжения крымских ханов, вынуждены были поменять свой прежний хозяйственный уклад и отдавать предпочтение в хозяйственной деятельности скотоводству и полукочевому образу жизни [6, с. 10].

В 40–50-е гг. XIX столетия в связи с развивавшимся наступлением войск Отдельного Кавказского корпуса в районы, населявшиеся непримиримыми к русским горскими обществами, последние, чтобы уменьшить негативные последствия от уничтожения войсками их хлебных полей, стали переносить их на небольшие участки, расчищенные в глубине лесов, и перешли от культивирования пшеницы и проса к посадкам кукурузы [7, с. 48].

В других условиях, например, при утверждении и переселении колонистов в пределы Северного Кавказа под эгидой Российской империи, сама трудовая деятельность по своему характеру и приемам могла оставаться прежней или слегка видоизменяться, но происходила принципиальная смена смыслов и ценностных ориентаций этой деятельности [16, с. 199]. Деятельность на земле сделалась не столько и не только способом прокормления, но способом извлечения выгоды с переходом её к товарности в условиях утверждения рыночных отношений.

Неординарность и сложность развития ситуации заключалась в том, что вместе с разрушением традиционной системы или какой-то её части, менялась идеология и институты, обеспечивавшие функционирование всей системы и связей как внутри неё, так и формы её связей с географической средой обитания, или хотя бы ослабевала их императивность. В этом случае значительно возрастал утилитарный подход к взаимодействию людей с объектами природы, животным и растительным миром.

Как отмечают исследователи [16, с. 201], принцип роста утилитаризма выступает в качестве универсального инструментария в смене смыслов и ценностных ориентаций в трудовой деятельно-

сти. Эти процессы могут приобретать взрывной характер и реализовываться в форме «цивилизационного этического структурирования», когда-то или иное сообщество находится в определенном пограничном состоянии и ситуации.

Принципиальная смена в вышеназванных сферах произошла в рамках европейской цивилизации в эпоху Нового времени – модерна. Россия была в рассматриваемый период ретранслятором европейского опыта на Кавказ, хотя и значительно русифицированного. Россия предлагала видеть во след за Европой в природной среде бесплатную и бездонную кладовую, обязанную служить человеческим потребностям и прихотям, воспринимать окружающую среду как нечто вторичное в отношениях со средой социальной.

Для северокавказских этнических обществ такой подход был неприемлем ни по моральным, ни по производственным причинам. Весь прошлый опыт обосновывался на гармонии взаимодействия, по крайней мере, антропологический ущерб от кавказского способа хозяйствования никогда не приобретал духа и рамок агрессии и завоевания в отношении природных комплексов.

Хозяйственная культура взаимодействия людей с ландшафтами строилась на максимальном уровне соучастия. Так большое количество садов, находившихся по берегам Андийского, Аварского и Казикумухского Койсу, были превращены трудом горских жителей в естественные парники [4, с. 62].

В адыгской среде садоводство имело давние традиции у натухайцев, шапсугов и убыхов, «уход за существующими садами, и посадка новых считалась у адыгов делом чести. Они хорошо знали особенности почв своей страны и умело в соответствии с этим подбирали различные сорта деревьев» [19, с. 180].

Сложившиеся в горской среде способы манипулирования в рамках материального вещного мира, определяли наличие устоявшихся технологий в хозяйственной системе культивируемых сельскохозяйственных культур: кукурузы, винограда, марены, многих садоводческих плодовых растений, овощей. В усадьбах горцев устраивались плетеные хранилища кукурузы и зерна на столбах, чтобы обеспечивать ему проветривание. Такие хранилища «были элементом земледельческих культов», выполнявших не только хозяйственную функцию, но и выступали в качестве организующего элемента пространственного устройства горской усадьбы [2, с. 59].

В локальных сообществах, устроенных на патриархальных основаниях, как правило, господствовало стремление обеспечить каждой семье минимум материальных благ и почти не просматривалось установки (как массового явления) получения прибыли. Более того, там само понятие «прибыль» как результат производственных уси-

лий отсутствовало. Люди там трудились столько, сколько им было необходимо для выживания и традиционно одобряемого потребления.

По этой причине долгие попытки имперской администрации на Северном Кавказе заинтересовать горских жителей последствиями и прихотливостью процветания, получаемого от роста материального благосостояния как результатов хозяйственных усилий, разбивались об обыкновения малого стяжания. Экономическая культура горских обществ строилась на иных основаниях. Кроме того, ценность получения материального благосостояния посредством каждодневных трудовых усилий уступала ценности получения таких благ посредством наездничества. Полученные таким образом блага были не только средством прокормления, но, в первую очередь, показателем социальной престижности и статусности, а также средством социализации в данных сообществах.

С другой стороны, например, традиционное скотоводство не столько повышало уровень потребления, сколько было показателем и материальным основанием богатства. Величина стада выступала в качестве мерила все того же престижа, а сам скот использовался как всеобщий эквивалент обмена. В этой связи экономическая деятельность людей была направлена не на получение прибыли как таковой, а ориентировалась на увеличение социального престижа. Отсюда в горской среде обыкновением были походы за барантой – отгоном чужого скота и лошадиных табунов.

Хозяйственная инновационность, привносимая имперскими структурами, укоренявшимися в пространстве Северного Кавказа, не имела позитивных результатов на протяжении многих десятилетий потому, что не имела возможности или не знала путей изменения обоснования экономического поведения среди кавказских автохтонов. Как правило, экономическая деятельность членов горских обществ полностью была подчинена установленной общей системе социокультурных связей, в которой экономическое поведение приводилось в действие неэкономическими мотивами. Здесь можно сослаться на авторитет Карла Поланы, который утверждал, что главным двигателем индивидов в традиционной структуре является репутация, так как они вынуждены выполнять свои обязанности, демонстрируя свою состоятельность в тех сферах жизни, в которые они были включены [14, с. 58]. Кроме того, этот исследователь считал, что в традиционном обществе экономика «погружена», «встроена», «врезана» в само общество, в котором не существовало специальных экономических отношений, а их роль выполняли родственные, моральные, религиозные, политические и прочие неэкономические отношения [14, с. 64–65; 15, с. 65].

Карл Поланьи подчеркивал, что «пока рынок и деньги оставались простым придатком к домашнему хозяйству, в прочих отношениях самодостаточному, принцип производства для потребления может действовать с прежним успехом. ... Мотив прибыли не играл здесь заметной роли. Совместные действия обычая и закона, магии и религии побуждало индивида следовать тем правилам поведения, которые в конечном счете позволяли ему занять свое место в экономической системе» [14, с. 66 – 67].

Особенность хозяйственного функционирования горской экономики заключалась и в том, что собственно экономические отношения в ней перекладывались и поручались особым социальным группам инокультурного происхождения – черкесам у адыгов или армянам и горским евреям в других частях Северного Кавказа. Например, торговля сделалась формой этнической специализации перечисленных социальных групп среди горцев, в системе ценностей, которых данная деятельность находилась за рамками престижности. Благодаря этому в горских сообществах сохранялись формы обязывающего повседневного поведения в системе существовавших этнокультурных ценностных предписаний и хозяйственного уклада, а сами горцы освобождались от необходимости осваивать хозяйственные новации инокультурного происхождения [3; 10, с. 413–415].

По этим причинам хозяйственные инновации крайне медленно укоренялись в хозяйственном быте горских обществ. Например, горцы долгое время не принимали русского отношения к лоша-

дям, где этих животных использовали в качестве тягловой силы в транспорте и обработке земли, при обмолоте зерна. Лошадь в горском мире была только верховым животным, помощником горским удалцам в их набеговых предприятиях, товарищем, боевым соратником, символом престижа и гордости. Перемена в этих отношениях могла произойти только после завершения доминирования специфической формы местного быта – наездничества и вытеснения дворянского и героического сознания крестьянским, пришедшим и утвердившимся вместе с переселенцами [2, с. 64–65].

Таким образом, можно констатировать, что «иммунность» северокавказских горских обществ, понимаемая как средство защиты социально-культурной общности от вторжения инноваций инокультурного происхождения, обуславливалась и вырастала из географического месторазвития, которое предписывало им основные параметры и способы функционирования в заданных рамках социокультурного пространства, устанавливая правила и обыкновения, транслировавшиеся посредством традиции, закреплявшей существующий порядок вещей в модальности этнической картины мира.

Важным компонентом формирования, этнической «иммунности» был выработанный каждым социумом хозяйственный механизм, вписанный в систему геокультурного самоопределения. Особенностью горской хозяйственной культуры было отсутствие собственных экономических отношений, которые поручалось осуществлять специальным социальным группам.

Литература

1. Авксентьев А. В., Авксентьев В. А. Северный Кавказ в этнической картине мира. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. 160 с.
2. Дмитриев В. А. Типология русско-северокавказских заимствований в материальной культуре // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб.: АОЗТ Журнал «Звезда», 2001. С. 58–68.
3. Ильясова А. А., Гранкин Ю. Ю. Торговый фактор в системе политико-экономического развития Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX веков. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013. 224 с.
4. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / ответ. ред. акад. А. Л. Нарочницкий. Москва: Наука, 1988. 659 с.
5. Карпов Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 656 с.
6. Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. Москва: Наука, 1982. 196 с.
7. Лазарян С. С. Экономическая, социальная и этно-конфессиональная политика князя М.С. Воронцова в Кавказском крае. 1845–1854 гг. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. 398 с.
8. Лазарян С. С. Очерки и характеристики событий кавказской старины первой половины XIX века. Пятигорск: ПГУ, 2018. 247 с.
9. Лазарян С. С. Роль ландшафтов в контексте социокультурного существования и противоборства России с горскими обществами Северного Кавказа в (1801–1864 гг.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Выпуск 66. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 287–305.
10. Лазарян С. С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844–1854 гг.). М.: Проспект, 2022. 768 с.
11. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 2-х т. Т. 1. М.: Изд-во «Правда», 1988. 720 с.
12. Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. 624 с.
13. Нарты. Адыгский героический эпос / Составители А. И. Алиева, А.М. Гадагатль. М.: Наука, 1974. 415 с.
14. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / под общ. ред. С. Е. Федорова; пер. с англ. А. А. Васильева С. Е. Федорова, А. П. Шурбелева. СПб.: Алетейя, 2014. 312 с.
15. Семенов Ю. И. Экономическая антропология // Восток. 2004. Вып. 9 (21). С.62 – 85.
16. Сергеева О. А. Соотношение новаций и традиций в цивилизационном процессе // Философия и общество. 1999. №2. С. 185–208.
17. Сидоров В. Путевые заметки и впечатления. СПб.: Типография М. Акинфеева и И. Леонтьева, 1897. 683 с.
18. Фадеев Р. А. Кавказская война. М.: Эксмо, 2003. 640 с.
19. Чекменёв С. А. Переселенцы. Пятигорск: ООО «Кинт», 1994. 352 с.

References

1. Avksentev A. V., Avksentev V. A. Severnii Kavkaz v etnicheskoi kartine mira (North Caucasus in the ethnic picture of the world). Stavropol: SSU publ., 1998. 160 p. (In Russian).
2. Dmitriev V. A. Tipologiya russko-severokavkazskikh zaimstvovaniy v materialnoi kulture (Typology of Russian-North Caucasian borrowings in material culture) // «Rossiya i Kavkaz – skvoz dva stoletiya». Istoricheskie chteniya. St. Petersburg: AOZT ZHurnal «Zvezda», 2001. P.58 – 68. (In Russian).
3. Ilyasova A.A., Grankin YU.YU. Torgovii faktor v sisteme politiko-ekonomicheskogo razvitiya Severnogo Kavkaza v XVIII – pervoi polovine XIX vekov (The trade factor in the system of political and economic development of the North Caucasus in the 18th – first half of the 19th centuries). Pyatigorsk: PSLU publ., 2013. 224 p. (In Russian).
4. Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.) (History of the peoples of the North Caucasus (late 18th century – 1917) / ed. by A. L. Narochnikii. Moscow: Nauka, 1988. 659 p. (In Russian).
5. Karpov Yu.Yu. Vzgl'yad na gorcev. Vzgl'yad s gor: Mirovozzrencheskie aspekty kultury i socialnoi opit gorcev Dagestana (A look at the mountaineers. View from the mountains: Worldview aspects of culture and social experience of the highlanders of Dagestan). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007. 656 p. (In Russian).
6. Kobichev V.P. Poseleniya i zhilish'e narodov Severnogo Kavkaza v XIX-XX vv. (Settlements and dwellings of the peoples of the North Caucasus in the XIX-XX centuries). Moscow: Nauka, 1982. 196 p. (In Russian).
7. Lazaryan S.S. Ekonomicheskaya, socialnaya i etno-konfessionalnaya politika knyazya M.S. Vorontsova v Kavkazskom krae. 1845-1854 gg. (Economic, social and ethno-confessional policy of Prince M.S. Vorontsov in the Caucasus region. 1845–1854). Pyatigorsk: PSLU publ., 2014. 398 p. (In Russian).
8. Lazaryan S.S. Ocherki i harakteristiki sobitii kavkazskoi starini pervoi polovini XIX veka (Essays and characteristics of the events of Caucasian antiquity in the first half of the 19th century). Pyatigorsk: PSU publ., 2018. 247 p. (In Russian).
9. Lazaryan S.S. Rol landshaftov v kontekste sociokulturnogo sush'estvovaniya i protivoborstva Rossii s gorskimi obsh'estvami Severnogo Kavkaza v (1801–1864 gg.) (The role of landscapes in the context of socio-cultural existence and confrontation between Russia and the mountain communities of the North Caucasus in (1801–1864) // Dialog so vremenem. Almanah intellektualnoi istorii. Issue 66. Moscow: IWH of RAS publ., 2019. P.287 – 305. (In Russian).
10. Lazaryan S. S. Kavkaz pod upravleniem knyazya M. S. Vorontsova (1844–1854 gg.) (Caucasus under the control of Prince M. S. Vorontsov (1844–1854)). Moscow: Prospekt, 2022. 768 p. (In Russian).
11. Lermontov M.Yu. Sochineniya: In 2 Vols (Compositions: In 2 volumes). Vol. 1. Moscow: Pravda publ., 1988. 720 p. (In Russian).
12. Lur'e S. V. Istoricheskaya etnologiya (Historical ethnology). Moscow: Akademicheskij Proekt: Gaudeamus, 2004. 624 p. (In Russian).
13. Narti. Adigskii geroicheskii epos (Narty. Adyghe heroic epic) / compiler A. I. Alieva, A.M. Gadagatl. Moscow: Nauka, 1974. 415 p. (In Russian).
14. Polani K. Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni (The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time) / ed. by S.E. Fedorova; translated by A. A. Vasileva, S. E. Fedorova, A. P. SHurbeleva. St.Petersburg: Aleteiya, 2014. 312 p. (In Russian).
15. Semenov Yu. I. Ekonomicheskaya antropologiya (Economic anthropology) // Vostok. 2004. Issue 9 (21). P 62–85. (In Russian).
16. Sergeeva O. A. Sootnoshenie novatsij i traditsij v civilizatsionnom processe (The Correlation of Innovations and Traditions in the Civilization Process) // Filosofiya i obshchestvo. 1999. No. 2. P. 185–208. (In Russian).
17. Sidorov V. Putevie zametki i vpechatleniya (Travel notes and impressions). St.Petersburg: M. Akinfeev and I. Leontev publ., 1897. 683 p. (In Russian).
18. Fadeev R.A. Kavkazskaya voyna (Caucasian war). Moscow: Eksmo, 2003. 640 p. (In Russian).
19. CHekmenev S.A. Pereselenci (Settlers). Pyatigorsk: OOO «Kint», 1994. 352 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Кузнецова Екатерина Викторовна – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета / april-86@mail.ru
 Адрес: д. 9, проспект Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the author

Ekatherina V. Kuznetsova – Postgraduate Student, Historical and Socio-philosophical Courses, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University / april-86@mail.ru
 The address: 9, Kalinina Avenue, 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.

УДК 396.4

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.8>

О. М. Кукленко

РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ КАВКАЗСКОЙ (СТАВРОПОЛЬСКОЙ) ЕПАРХИИ)

В современном мире все больший интерес вызывает женская (гендерная) история, позволяющая сравнить социальные, культурные и психологические особенности в соотношении «мужского» и «женского» в истории. В настоящее время остается малоизученной сфера жизни женщин духовного сословия, в том числе особенности их образования. Стоит отметить, что образование женщин духовного сословия было тесно взаимосвязано с деятельностью Русской православной церкви, оказывающей значительное влияние на политическую и общественную жизнь общества.

Реформы второй половины XIX в. открыли дорогу женщинам всех сословий к образованию и общественной деятельности и повлекли за собой изменения общественных представлений о роли и месте женщины в обществе. В то время как в светских учебных заведениях начали обучать женщин новым профессиям, духовные учебные заведения были направлены исключительно на педагогическую деятельность.

Для обучения и воспитания девушек духовного сословия в епархиях создавались специальные епархиальные женские училища. На Северном Кавказе существовало

всего три епархиальных женских училища, а самым первым, и долгое время остававшимся единственным, было Кавказское (Ставропольское) епархиальное женское училище. В связи с этим, значительное внимание в статье уделяется роли и истории именно этого училища, внесшего значительный вклад в развитие женского духовного образования в Кавказской (Ставропольской) епархии.

Автором обосновывается вывод, что, несмотря на веяния и запросы общества второй половины XIX в., женское образование духовного сословия оставалось консервативным, что связано с ролью, которую выполняла девушка духовного сословия, и обязанностями будущей жены священнослужителя.

Ключевые слова: История Русской православной церкви, Кавказская епархия, образование, Кавказское (Ставропольское) епархиальное женское училище.

Для цитирования: Кукленко О. М. Развитие женского духовного образования в России во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Кавказской (Ставропольской) епархии) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 64–70. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.8

Oksana M. Kuklenko

THE DEVELOPMENT OF EDUCATION OF WOMEN OF THE CLERGY BY THE EXAMPLE OF THE CAUCASIAN (STAVROPOL) DIOCESE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES

In the modern world, women's (gender) history is of increasing interest, which makes it possible to compare social, cultural and psychological features in the ratio of "male" and "female" in history. At present, the life of women of the clergy, including the peculiarities of their education, remains poorly studied. It is worth noting that the education of women of the clergy was closely interrelated with the activities of the Russian Orthodox Church, which has a significant impact on the political and social life of society.

The reforms of the second half of the XIX century opened the way for women of all classes to education and social activities and led to changes in public perceptions of the role and place of women in society. While secular educational institutions began to teach women new professions, religious educational institutions were focused exclusively on pedagogical activities.

Special diocesan women's schools were created in dioceses for the education and upbringing of girls of the clergy. There were only three diocesan women's schools in the North Caucasus, and the very first, and for a long

time remained the only one, was the Caucasian (Stavropol) diocesan Women's School. In this regard, considerable attention is paid in the article to the role and history of this particular school, which made a significant contribution to the development of women's spiritual education in the Caucasian (Stavropol) diocese.

The author substantiates the conclusion that despite the trends and demands of society in the second half of the XIX century, the female education of the clergy remained conservative, which is associated with the role played by the girl of the clergy, and the duties of the future wife of a clergyman.

Key words: History of the Russian Orthodox Church, Caucasian Diocese, education, Caucasian (Stavropol) Diocesan Women's College.

For citation: Kuklenko O. M. The development of education of women of the clergy by the example of the Caucasian (Stavropol) diocese in the second half of the XIX – early XX centuries // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 64–70 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.8

Образование всегда являлось определенным социальным лифтом в обществе. Для девушек духовного сословия после великих реформ XIX в. открылись широкие возможности в сфере привлечения их в систему развивающегося народного образования в Российской империи. В отличие от Европейских государств, в Российской империи развитие капитализма не привело к значительному использованию женского труда. Незамужним девушкам не было места ни в деревне, ни в городе, где они играли лишь роль прислуги. В связи с чем, многие женщины уходили в монастырь или стремились получить образование и возможность преподавать в народных школах, где они могли внести свой вклад в развитие жизни общества.

Духовенство в целом было значительно образованнее других сословий, а по некоторым данным по уровню образования превосходило даже дворянство. В книге «Женщина в православии» авторы в качестве аргумента представляют соотношение образованного духовенства и дворянства. Так, в середине XIX в. среди священников насчитывалось 83 % людей со средним и высшим образованием, в то время как в среде высшей бюрократии – только 61 % [2, с. 305–306].

В первой половине XIX в. девушки из духовного сословия практически не получали образования, в основном это было домашнее образование, которое давала девочкам многодетная мать, на плечах которой лежали также и заботы по ведению хозяйства. Большую роль в развитии образования для девушек духовного сословия сыграли монастыри, при которых открывались школы и училища. Первые школы при монастырях начали появляться с конца 30-х годов XIX в. и представляли собой приюты для девочек-сирот духовного звания, а затем стали появляться училища. Первый приют-училище был образован в 1841 г. в Одессе при Михайло-Архангельском монастыре для девочек-сирот [2, с. 264]. Программа большинства монастырских школ не выходила за рамки начального обучения, а уровень подготовки в монастырских училищах был не хуже подготовки в епархиальных женских училищах (далее – духовные училища) [2, с. 284–285]. Обучением девочек занимались жены монастырских причтов, монахини, послушницы, священнослужители [2, с. 266]. Женские монастыри постепенно начали заниматься благотворительной деятельностью, открывались амбулатории, больницы и аптеки, к которым привлекали воспитанниц монастырского училища. Таким образом в некоторых губерниях при монастырях стали готовить фельдшериц и сестер милосердия [2, с. 279].

С середины XIX в. начали появляться специальные учебные заведения для дочерей духовенства, епархиальные женские училища. Первоначально перед епархиальными женскими училищами стояла задача подготовки образован-

ных жен духовенства, которые бы могли дать образование своим детям и воспитывать достойных будущих сыновей-священнослужителей и дочерей, а в последующем они стали «социальным лифтом» помогающим женщинам найти пути к самостоятельному существованию. Первое духовное училище было открыто в 1843 г. в Царском Селе, устав которого был положен в основу уставов других женских епархиальных училищ, которые стали появляться позднее [2, с. 306].

Первые училища содержались за счет средств ведомства – Духовно-учебного комитета Св. Синода, воспитанницами которых в большинстве своем были сироты. К 1860 г. по всей Российской империи существовало всего четыре епархиальных женских училища: Царскосельское (1843 г.), Ярославское (1849 г.), Казанское (1852 г.) и Иркутское (1854 г.). В них обучалось в общей сложности всего 279 девушек. К 1866 г. училищ стало 11, соответственно и увеличилось количество учениц до 594 человек [2, с. 306]. Постепенно их численность увеличивалась.

В связи с необходимостью контроля и организации деятельности епархиальных училищ, которых с каждым годом становилось все больше, в 1868 г. был утвержден Устав епархиальных женских училищ, который определял порядок принятия в училище, организацию обучения и воспитания дочерей православного духовенства. В духовные училища могли поступать и девушки из других сословий, но со взносом оплаты обучения, которая определялась местным духовенством, однако приоритет отдавался именно девочкам из духовного сословия. Во главе духовного училища состояла начальница, которая избиралась съездом духовенства из лиц разных сословий, не только духовного, принадлежащих к Православной церкви [4, л. 256]. В ее обязанности входило религиозно-нравственное воспитание девушек, наблюдение за ними и их поведением. Помимо начальницы штат училища состоял из воспитательниц, инспектора, классов, преподавателей, почетного блюстителя по хозяйственной части, эконома и врача [4, л. 256–259].

Училище состояло из шести классов с годичным курсом, либо из трех классов с двухгодичным курсом. В первый класс поступали девочки не моложе 9 лет. При этом поступая в училище они уже должны были уметь читать по-русски и знать «общеупотребительные» молитвы. Девушки проходили вступительные испытания и в зависимости от уровня знаний и умений, а также возраста их могли зачислить сразу во второй, третий или более старшие классы.

В училище девушки изучали два вида предметов: обязательные и необязательные. К обязательным для изучения всеми ученицами относились: Закон Божий, включающий в себя Историю Ветхого и Нового Завета, пространный катехизис,

объяснения богослужения, Церковная история (всеобщая и русская); русский язык и русскую словесность, и практическое ознакомление со славянским языком; арифметику и общие основания геометрии; всеобщую и русскую географию; всеобщую и русскую гражданскую историю, общие необходимые сведения из физики, педагогику, чистописание, церковное пение. К необходимым относились новейшие языки, музыка, рисование, которые изучали девушки за дополнительную плату. Помимо классных занятий, в училищах девочек обучали кройке, шитью, вязанию, домашнему рукоделию. Особое внимание уделялось воспитанию в христианских традициях: девочки ходили на службы, молились до и после приема пищи, а также до и после окончания уроков [4, л. 259].

Девочки-сироты принимались на жительство в училище без вноса платы. Если позволяло финансовое положение училища, то на жительство в училище без вноса платы, либо со взносом уменьшенной платы, принимались дочери бедных священнослужителей по определению Совета училища. Остальные девушки духовного и иных сословий, которые принимались в училище, должны были вносить плату. Те, что пользовались помещениями и всем содержанием, назывались «пансионерками». В училище также принимались и так называемые «полупансионерки», которые за определенную плату посещали занятия и могли пользоваться только столом, а также оставаться там для приготовления уроков. После окончания занятий и приготовления уроков полупансионерки отправлялись домой. В случае нехватки помещений в училище, приоритет на поступление в него пансионерками отдавался девушкам духовного сословия. Девушки, окончившие полный курс получали право на звание домашних учительных тех предметов, в которых у них были наилучшие успехи [4, л. 260–261].

В Кавказской епархии, да и в целом на Северном Кавказе, первое епархиальное женское училище было открыто только 1 октября 1875 г. [7, л. 24] по указу Св. Синода от 14 июня 1874 г. № 1789 [19, л. 239], состоящее из четырех классов: подготовительного и трех обычных классов, позднее, с 1880 года, их стало семь: подготовительный и шесть обычных [7, л. 24]. Должности воспитательниц в нем занимали бывшие воспитанницы уже существовавших к тому моменту на Северном Кавказе светских учебных заведений для девушек: бывшие воспитанницы Ставропольской и Екатеринодарской женских гимназий. [13, л. 163–164]. Помимо воспитательниц женщины занимали должности: больничной дамы и гардеробной дамы [13, л. 164]. Среди преподавателей училища были кандидаты и магистры богословия.

В 1878 г. из 126 воспитанниц училища 115 были дочери духовенства, 11 представительниц других сословий, в том числе 6 дворянского,

2 купеческого, 1 казачьего и 2 мещанского [14, л. 208–209]. Из общего числа воспитанниц 17 девушек на итоговых годичных испытаниях оказались неуспевающими, что говорит о высоком уровне требований к обучению и воспитанию девушек в училище [14, л. 209]. К 1886 г. численность воспитанниц училища выросла в 2 раза. Так, в 1886 г. в училище обучалось 297 воспитанниц, 25 из которых были приходящими, то есть «полупансионерками». 70 воспитанниц находились на казенном содержании, 8 обучались за счет средств сторонних лиц и учреждений, а 194 обучались за счет родителей или иных родственников со взносом платы 117 руб. для лиц духовного звания и 234 руб. для представителей других сословий. Из 297 воспитанниц 274 были из духовного и 23 из других сословий [15, л. 56–57]. К 1898 г. численность воспитанниц училища выросла до 478, из которых 438 девушки духовного сословия и 40 иносословные [17, л. 17].

В училище значительное внимание уделяли развитию у воспитанниц вкуса, порядочности и опрятности, воспитательная деятельность склонялась к тому, чтобы с самого поступления в училище приучить к чистоте, бережливости в одежде и строгому приличию в поступках и движениях. Кроме того, воспитательницы обращали внимание на то, чтобы девушки вводили в свой внутренний быт все то, что «сами (воспитательницы) считали в теории порядочным». Сознывая необходимость физического труда при умственных занятиях и вместе с тем желая развить в детях понимание разумной экономии, воспитательницы все нужные работы в доме распределяли по очереди между девочками. Ученицы сами убирали классы и спальни, служили в столовой заведовали буфетом, разводили комнатные цветы, летом работали в саду и выполняли другие работы [14, л. 213].

В 1878 г. был поднят вопрос о необходимости открытия при Кавказском епархиальном женском училище 7 педагогического класса, что было связано с необходимостью практической подготовки воспитанниц училища. Несмотря на то, что выпускницы епархиального женского училища в соответствии с Уставом уже имели право на звание домашней учительницы и изучали педагогику, этих знаний и умений было недостаточно для того, чтобы преподавать в народных школах. Они могли устроиться туда, однако приоритет отдавался выпускницам женских учебных заведений, состоящих в ведении Министерства Народного Просвещения, более подготовленным к педагогической деятельности в дополнительных педагогических классах [8, л. 718–720].

Идея создания при епархиальном женском училище педагогического класса была не новой и уже возникала в Харьковском, Полтавском, Нижегородском и Черниговском духовных училищах, однако она не была распространена по всей

Российской империи. В Кавказском епархиальном училище инициативу открытия такого класса проявил исправляющий должность председателя совета училища А.И. Васильев. Он составил план и смету расходов по устройству и содержанию специального педагогического класса, которая составила 2620 р. в первый год и 2236 р. в последующие ежегодно, и представил их перед Советом [7, л. 26]. Его план и смета были направлены на рассмотрение в Св. Синод, а в 1879 г. по указу Св. Синода было принято решение открыть с начала 1880–1881 учебного года седьмой дополнительный педагогический класс при Кавказском епархиальном женском училище с целью более полного ознакомления воспитанниц с предметами училищного курса и практическими приемами преподавания.

Поступление в дополнительный педагогический класс было необязательным для воспитанниц, оканчивающих установленный шестиклассный курс [9, л. 581–582]. Обучение в специальном педагогическом классе продолжалось один год, но неуспевающие воспитанницы могли быть оставлены на второй год обучения по их желанию или усмотрению училищного совета. Девушки изучали Закон Божий, педагогику, дидактику, русский язык с церковно-славянским и словесность, математику, историю и географию. Занятия делились на теоретические и практические. Во время практических – воспитанницы поочередно исполняли обязанности помощниц воспитательниц в трех низших классах училища, наблюдали за другими воспитанницами и давали пробные уроки. Результаты наблюдения они записывали в дневник, а в назначенное время обсуждали вопросы и проведенные уроки в особой педагогической комиссии [7, л. 28–32].

С 1885 г. при Кавказском епархиальном женском училище была открыта церковно-приходская одноклассная школа с тремя отделениями и трехлетним курсом. Эта школа была базой для организации практики для воспитанниц 5 и 6 классов училища. Воспитанницы посещали занятия, осуществляли наблюдение, а также, руководствуясь указаниям руководителя практических занятий, самостоятельно давали уроки [16, л. 205–206].

Несмотря на то, что дополнительные педагогические классы начали открываться во второй половине XIX в., Положение о седьмом дополнительном педагогическом классе при Епархиальных женских училищах было утверждено Св. Синодом только в 1907 г. Согласно положению, курс дополнительного педагогического класса был рассчитан на один год, а в некоторых случаях мог длиться два. Одногодичный курс предназначен был для подготовки учительниц начальных народных школ, а второй курс – для подготовки учительниц младших классов Епархиальных женских Училищ

и церковных учительских школ. Приоритет при поступлении в педагогические классы отдавался выпускницам этого духовного училища, а затем, если оставались вакантные места, принимались выпускницы других Епархиальных училищ.

Список обязательных предметов, изучаемых в педагогических классах, расширился, были добавлены дисциплины, нацеленные на практическую и методическую подготовку воспитанниц. На втором курсе педагогического класса воспитанницы делились на два отделения, в зависимости от выбранных для преподавания дисциплин и изучали их более углубленно с методикой преподавания. Помимо теоретических занятий, в рамках обучения в классе предполагались и практические занятия. [3, л. 586–587].

Епархиальные власти были заинтересованы в развитии духовного училища, в связи с чем выделяли значительные суммы для его благоустройства. Согласно статье, опубликованной в 1880 г. в «Кавказских епархиальных ведомостях» ежегодно выделялось 36 тыс. руб. Кроме этого, для училища были приобретены две большие усадьбы с садом, домами, службами за 28 тыс. руб. и планировалось устройство нового корпуса на 300 учениц стоимостью до 200 тыс. руб. [7, л. 24–28]. Епархиальное училище развивалось во много благодаря благотворительным взносам, как со стороны духовенства, так и со стороны представителей других сословий. Все доходы и расходы духовного училища в течение года записывались и контролировались Епархиальными властями [10, л. 142]. В Кавказских (Ставропольских) епархиальных ведомостях регулярно публиковались отчеты о деятельности училища, состоянии, нуждах, расходах и приходах средств, а также об успеваемости воспитанниц.

Женские училища постоянно подвергались проверкам. Так, в 1879–1880 г. в Кавказском епархиальном женском училище была проведена ревизия, по результатам которой в воспитательной части замечаний отмечено не было, а в учебной были замечены некоторые незначительные погрешности, не приводящие к закрытию учреждения, которые сразу же были устранены [7, л. 24–28].

Училищное правление и педагогический коллектив несмотря на перемены в составе справлялись с поставленными задачами и уже в 1880 г. Кавказское епархиальное училище впервые осуществило выпуск воспитанниц, который прошел в торжественной обстановке и в присутствии Епархиальных властей [1, л. 464–465].

В 1886 г. в связи с переименованием Кавказской епархии в Ставропольскую, были переименованы консистории, семинарии, училища. С этого момента училище стало носить название «Ставропольское епархиальное женское училище» [18, л. 133].

Длительно время Ставропольское епархиальное женское училище оставалось единственным на Северном Кавказе. Однако численность воспитанниц с каждым годом росла, а места для принятия всех дочерей духовенства со всего Северного Кавказа не хватало. В связи с чем было принято решение открыть новые епархиальные женские училища. Так, в 1894 г. во Владикавказе было открыто трехклассное епархиальное женское училище, которое в том же году преобразовано в шестиклассное.

В 1896 г. по указу Святейшего Синода от 14 июня были открыты подготовительный и первый классы епархиального женского училища в г. Екатеринодаре с начала 1896–1897 учебного года [11, л. 744]. Всего в новое епархиальное училище вместе с переведенными из Ставропольского училища было принято 68 воспитанниц: 38 в подготовительный и 30 в первый класс. Собственного здания у училища не было, а временным помещением служило бывшее мужское духовное училище, которое было незначительно переделано и дополнено новыми постройками.

Открытие епархиального женского училища в г. Екатеринодаре имело большое значение для Кубанского духовенства, так как теперь им не нужно было везти своих дочерей в отдаленный г. Ставрополь, где не всегда хватало мест для всех девушек. В то же время потребность в открытии данного училища была высокая. В связи с тем, что помещений в училище не хватало, в новом 1897–1898 учебном году было принято только 45 воспитанниц, хотя документов было подано значительно больше [12, л. 802]. В 1898 г. было заложено здание Екатеринодарского епархиального женского училища [20, л. 461], постройка которого завершилась к 1901 г.

К 1897 г. в Российской империи существовало 51 епархиальное женское училище, в 12 из которых существовали подготовительные классы, в том числе в Екатеринодарском и Ставропольском. Несмотря на то, что в приходах были школы, духовенство очень редко направляло своих дочерей в них, в связи с тем, что в большинстве своем они были смешанные, то есть девочки и мальчики обучались вместе. В то время как в подготовительных классах девочки привыкали к учи-

лищной дисциплине и жизни и поступали в первый класс более подготовленными, чем, если бы поступали сразу из дома родителей [6, л. 1033].

В 1901 г. был утвержден новый Устав женских училищ духовного ведомства, в котором все также отмечалось, что назначение епархиальных женских училищ состоит в воспитании и образовании девушек в правилах благочестия и добродетели, чтобы они могли быть достойными супругами священнослужителей, добрыми матерями и распорядительными хозяйками [5, л. 1180]. В Устав были добавлены статьи по обязанностям начальницы, воспитательниц и других работников училища, добавлены новые предметы: дидактика, рукоделие, обучение естествоведению и гигиене, прописана система оценивания, а также расписание учебных предметов [5, л. 1180–1197].

Таким образом, можно сказать, что образование женщин духовного сословия было консервативным и оставалось таким вне зависимости от запросов общества. В то время как образование в целом набирало все большую популярность среди женщин, для них начали открываться все новые профессии, в том числе появлялись курсы бухгалтеров, стенографии и др., епархиальные женские училища были направлены исключительно на подготовку учительниц. На Северном Кавказе такое училище появилось значительно позднее, чем в других частях Российской империи и оставалось единственным вплоть до 1894 г. В связи с ростом численности воспитанниц и нехваткой мест на Северном Кавказе были открыты еще два епархиальных женских училища: во Владикавказе и в Екатеринодаре.

Кавказское (Ставропольское) епархиальное училище было одним из первых в Российской империи, при котором были созданы дополнительные педагогические классы. В то время как Положение о дополнительном педагогическом классе было утверждено только в 1907 г., в Кавказском епархиальном училище с 1881 г. он уже был организован, что дало возможность девушкам заниматься педагогической деятельностью, а их уровень образования не уступал девушкам, оканчивающим учебные заведения подведомственные Министерству народного просвещения Российской империи.

Литература

1. Акт по случаю первого выпуска воспитанниц Кавказского епархиального женского училища // Ставропольские епархиальные ведомости 1880 года. № 14. С. 464–467.
2. Белякова Е. В., Белякова Н. А., Емченко Е. Б. Женщина в православии: церковное право и российская практика. М.: Кучково поле, 2011. 704 с.
3. Высочайше утвержденное положение о седьмом дополнительном педагогическом классе при Епархиальных женских училищах (01 октября 1907 года) // Полное собрание законов Российской империи (1881–1913). Т. 27. № 29618.
4. Высочайше утвержденный Устав епархиальных женских училищ (20 сентября 1868 года) // Полное собрание законов Российской империи (1825 – 1881). Т. 43: Ч. 2. № 46271.
5. Высочайшее повеление об утверждении устава женских училищ духовного ведомства // Ставропольские епархиальные ведомости 1901 года. № 21. С. 1180 – 1198.
6. Журналы съезда депутатов духовенства Екатеринодарского духовно-училищного округа, бывшего в августе 1897 года. // Ставропольские епархиальные ведомости 1897 года. № 18. С. 1026–1037.

7. О дополнительном специально-педагогическом классе при Кавказском епархиальном женском училище // Кавказские епархиальные ведомости 1880 года. № 1. С. 24–32.
8. Об открытии при Кавказском епархиальном женском училище специального педагогического класса // Кавказские епархиальные ведомости 1878 года. № 20. С. 718–720.
9. Определение Св. Синода о разрешении открыть седьмой дополнительный специальный класс при Кавказском епархиальном женском училище (Указ на имя Преосвященного Германа, Епископа Кавказского) // Кавказские епархиальные ведомости 1879 года. № 17. С. 581–582.
10. Определение Св. Синода от 29 ноября – 2 января 1878–879 г. за № 2102 об отчетности женских училищ духовного ведомства // Кавказские епархиальные ведомости 1879 года. № 4. С. 142–143.
11. Определения Святейшего Синода // Ставропольские епархиальные ведомости 1896 года. № 13. С. 741–744.
12. От Совета Екатеринодарского епархиального женского училища // Ставропольские епархиальные ведомости 1897 года. № 14. С. 801–803.
13. Отчет о состоянии Кавказского епархиального женского училища по учебной и религиозно-нравственной частях за 1876–1877 учебный год // Кавказские епархиальные ведомости 1878 года. № 5. С. 162–174.
14. Отчет о состоянии Кавказского епархиального женского училища по учебной и религиозно-нравственной частям за 1876–1877 учебный год // Кавказские епархиальные ведомости 1878 года. № 6. С. 207–214.
15. Отчет о состоянии, находящегося под Августейшем Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Федоровны покровительством, Кавказского епархиального женского училища за 1884–1885 учебный год // Кавказские епархиальные ведомости 1886 года. № 2. С. 53–57.
16. Отчет о состоянии, находящегося под Августейшим Ее императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны покровительством, Ставропольского епархиального женского училища за 1895–1896 учебный год (XXI со времени открытия) // Ставропольские епархиальные ведомости 1897 года. № 4. С. 205–214.
17. Отчет о состоянии, находящегося под Августейшим Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны покровительством, Ставропольского епархиального женского училища за 1896–1897 учебный год (XXII со времени открытия) // Ставропольские епархиальные ведомости 1898 года. № 1. С. 11–18.
18. Распоряжения высшего правительства // Ставропольские епархиальные ведомости 1886 года. № 11. С. 133.
19. Распоряжения епархиального начальства. О доставлении в консисторию процентного сбора с церковных доходов, установленного в замен свечного сбора на общие потребности по духовно-учебной части // Кавказские епархиальные ведомости 1878 года. № 7. С. 237–244.
20. Торжество закладки здания для Екатеринодарского епархиального женского училища // Ставропольские епархиальные ведомости 1898 года. № 9. С. 461–466.

References

1. Akt po sluchayu pervogo vypuska vospitannits Kavkazskogo eparkhial'nogo zhenskogo uchilishcha (The act of the first graduation at the Caucasian Diocesan Women's School) // Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti. 1880. No. 14. P. 464–467. (In Russian).
2. Belyakova E. V., Belyakova N. A., Emchenko E. B. Zhenshchina v pravoslavii: tserkovnoe pravo i rossiiskaya praktika (Woman in Orthodoxy: Church Law and Russian Practice). Moscow: Kuchkovo pole, 2011. 704 p. (In Russian).
3. Vysochaishe utverzhdennoe polozhenie o sed'mom dopolnitel'nom pedagogicheskom klasse pri Eparkhial'nykh zhenskikh uchilishchakh (01 oktyabrya 1907 goda) (The most highly approved regulations on the seventh additional pedagogical class at Diocesan women's schools) // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (1881–1913). Vol. 27. Art 29618. (In Russian).
4. Vysochaishe utverzhdennyy Ustav eparkhial'nykh zhenskikh uchilishch (20 sentyabrya 1868 goda) (The Most highly approved Charter of Diocesan Women's schools) // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (1825–1881). T. 43: Vol. 2. Art 46271. (In Russian).
5. Vysochaishee povelenie ob utverzhenii ustava zhenskikh uchilishch dukhovnogo vedomstva (The Highest decree on the approval women's schools charter of the spiritual department) // Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti. 1901. No. 21. P. 1180–1198. (In Russian).
6. Zhurnaly s'ezda deputatov dukhovenstva Ekaterinodarskogo dukhovno-uchilishchnogo okruga, byvshego v avguste 1897 goda. (Journals of the Congress of Deputies) // Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti. 1897. No. 18. P. 1026–1037. (In Russian).
7. O dopolnitel'nom spetsial'no-pedagogicheskom klasse pri Kavkazskom eparkhial'nom zhenskom uchilishche (On the additional special pedagogical class at the Caucasian Diocesan Women's School) // Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti. 1880. No. 1. P. 24–32. (In Russian).
8. Ob otkrytii pri Kavkazskom eparkhial'nom zhenskom uchilishche spetsial'nogo pedagogicheskogo klassa (On the opening of a special pedagogical class at the Caucasian Diocesan Women's College) // Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti. 1878. No. 20. P. 718–720. (In Russian).
9. Opredelenie Sv. Sinoda o razreshenii otkryt' sed'moi dopolnitel'nyi spetsial'nyi klass pri Kavkazskom eparkhial'nom zhenskom uchilishche (Ukaz na imya Preosvyashchennogo Germana, Episkopa Kavkazskogo) (Definition of St. Synod about the permission to open the seventh additional special class at the Caucasian Diocesan Women's School) // Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti. 1879. No. 17. P. 581–582. (In Russian).
10. Opredelenie Sv. Sinoda ot 29 noyabrya – 2 yanvarya 1878–879 g. za № 2102 ob otchetnosti zhenskikh uchilishch dukhovnogo vedomstva (Definition of St. Synod on the reporting of women's schools of the Spiritual Department) // Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti. 1879. No. 4. P. 142–143. (In Russian).
11. Opredeleniya Svyateishego Sinoda (Definition of St. Synod) // Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti. 1896. No. 13. P. 741–744. (In Russian).
12. Ot Soveta Ekaterinodarskogo eparkhial'nogo zhenskogo uchilishcha (From the Council of the Ekaterinodar Diocesan Women's College) // Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti. 1897. No. 14. P. 801 – 803. (In Russian).

13. Otchet o sostoyanii Kavkazskogo eparkhial'nogo zhenskogo uchilishcha po uchebnoi i religiozno-nravstvennoi chastyakh za 1876–1877 uchebnyi god (Status Report of the Caucasian Diocesan Women's College) // Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti. 1878. No. 5. P. 162–174. (In Russian).
14. Otchet o sostoyanii Kavkazskogo eparkhial'nogo zhenskogo uchilishcha po uchebnoi i religiozno-nravstvennoi chastyam za 1876–1877 uchebnyi god (Status Report of the Caucasian Diocesan Women's College) // Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti. 1878. No. 6. P. 207–214. (In Russian).
15. Otchet o sostoyanii, nakhodyashchegosya pod Avgusteishem Ee Imperatorskogo Vysochestva Velikoi Knyagini Ol'gi Fedorovny pokrovitel'stvom, Kavkazskogo eparkhial'nogo zhenskogo uchilishcha za 1884–1885 uchebnyi god (Status Report of the Caucasian Diocesan Women's College) // Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti. 1886. No. 2. P. 53–57. (In Russian).
16. Otchet o sostoyanii, nakhodyashchegosya pod Avgusteishim Ee imperatorskogo Vysochestva Velikoi Knyagini Elizavety Fedorovny pokrovitel'stvom, Stavropol'skogo eparkhial'nogo zhenskogo uchilishcha za 1895–1896 uchebnyi god (XXI so vremeni otkrytiya) (Status Report of the Caucasian Diocesan Women's College) // Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti. 1897. No. 4. P. 205–214. (In Russian).
17. Otchet o sostoyanii, nakhodyashchegosya pod Avgusteishim Ee Imperatorskogo Vysochestva Velikoi Knyagini Elizavety Fedorovny pokrovitel'stvom, Stavropol'skogo eparkhial'nogo zhenskogo uchilishcha za 1896–1897 uchebnyi god (XXII so vremeni otkrytiya) (Status Report of the Caucasian Diocesan Women's College) // Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti. 1898. No. 1. P. 11–18. (In Russian).
18. Rasporyazheniya vysshego pravitel'stva (Supreme Government Orders) // Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti. 1886. No. 11. P. 133. (In Russian).
19. Rasporyazheniya eparkhial'nogo nachal'stva. O dostavlenii v konsistoriyu protsentnogo sbora s tserkovnykh dokhodov, ustanovlennogo v zamen svechnogo sbora na obshchie potrebnosti po dukhovno-uchebnoi chasti (Orders of the diocesan authorities) // Kavkazskie eparkhial'nye vedomosti. 1878. No. 7. P. 237–244. (In Russian).
20. Torzhestvo zakladki zdaniya dlya Ekaterinodarskogo eparkhial'nogo zhenskogo uchilishcha (The celebration of laying the building of the Ekaterinodar Diocesan Women's School) // Stavropol'skie eparkhial'nye vedomosti. 1898. No. 9. P. 461–466. (In Russian).

Сведения об авторе

Кукленко Оксана Михайловна – аспирант кафедры теории и методики истории и обществознания Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь) / kuklenko1997@yandex.ru
Адрес: д. 417 А, ул. Ленина, 355029, Ставрополь, Российская Федерация

Information about the author

Oksana M. Kuklenko – Postgraduate Student, Chair of Theory and Methods of History and Social Science, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / kuklenko1997@yandex.ru
The address: 417 A, Lenina st., 355029, Stavropol, Russian Federation.

УДК 358.4(9)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.9>В. В. Кушнерёв
В. А. Майоров

СПЕЦИАЛЬНАЯ ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ШКОЛА ВВС В КРАСНОДАРЕ (1941–1955 гг.)

В начале XX в. появилось новое средство вооружённой борьбы – военная авиация, которая уже применялась в Балканских и Великой войнах. Это дорогостоящее средство имело особенность или летать, или падать, требовавшее его эксплуатировать особенно подготовленных людей – лётчиков. В царской России было организовано 15 учебных заведений по подготовке лётчиков и лётчиков-наблюдателей (штурманов). К окончанию Гражданской войны в военная авиация Советской России имела плачевное состояние, где и система подготовки лётных кадров испытывала кризис, учебных заведений в РСФСР осталось семь. Советское военное руководство, оценивая военно-политическую обстановку в мире и понимая важность и эффективность авиации на поле боя, взяло курс на развитие самолётостроения и подготовку авиационных кадров. Так к началу Второй мировой войны лётных учебных заведений уже было 18. Даже с учётом подготовки молодёжи в аэроклубах ОСОАВИАХИМа (ДОСААФ) лётчиков для вооружённых сил не хватало и было принято решение об образовании 20 специальных школ Военно-Воздушных Сил, что позволило к началу Великой Отечественной войны довести учебных авиационных заведений до 83. Авторы на основе архивных данных, периодической печати, мемуаров выпускников школы вводят в оборот

исторический материал об образовании, ее деятельность и информацию о выпускниках специальной школы Военно-воздушных сил № 12 в Краснодаре.

Написание данной статьи вызвано сложившейся военно-политической обстановкой вокруг нашей Родины, проведением специальной военной операции на Украине, опытом мобилизационных мероприятий восполнения высоко подготовленных людских ресурсов к защите Отечества и целью показать, на примере 12 спецшколы ВВС, забытый 80-летний опыт Советского Союза и напутствие В.И. Ленина: ...пока есть капиталисты на свете, будем готовы к войне... (ПСС. изд. 5, Т. 42). Данная тема в сложившейся обстановке практически не рассматривалась. Показанный материал опирается на источниковую базу фондов Государственного архива Краснодарского края, периодическую печать и мемуары выпускников 12 Краснодарской спецшколы ВВС.

Ключевые слова: г. Краснодар, спецшкола ВВС № 12, школьники, лагерный сбор, г. Енисейск, г. Абakan, преподаватели, курсанты.

Для цитирования: Кушнерёв В. В., Майоров В. А. Специальная подготовительная школа ВВС в Краснодаре (1941–1955 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 71–76. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.9

Valery V. Kushnerev
Victor A. Mayorov

SPECIAL AIR FORCE PREPARATORY SCHOOL IN KRASNODAR (1941–1955)

At the beginning of the twentieth century a new means of armed struggle, military aviation, appeared. It was already used in the Balkan and Great Wars. This expensive means had the peculiarity of either flying or falling, requiring it to be exploited by especially trained people – pilots. In tsarist Russia, 15 educational institutions were organized to train pilots and observer pilots (navigators). By the end of the Civil War, the military aviation of Soviet Russia had a deplorable state, where the flight personnel training system was experiencing a crisis, there were seven educational institutions left in the RSFSR. The Soviet military leadership, assessing the military-political situation in the world and understanding the importance and effectiveness of aviation on the battlefield, set a course for the development of aircraft engineering and training of aviation personnel. By the beginning of World War II, there were 18 flight educational institutions. Even taking into account the training of young people in the OSOAVIAKHIM (DOSSAF) flying clubs, there were not enough pilots for the armed forces and a decision was made to form 20 special schools of the Air Force, which made it possible to bring educational aviation institutions to 83 by the beginning of World War II. The authors, based on archival data, periodicals, memoirs of school graduates,

introduce into circulation a historical matrix about education, its activities, information about graduates of the special school of the Air Force No. 12 in Krasnodar.

The study is caused by the current military-political situation around our Motherland, a special military operation in Ukraine, the experience of mobilization measures to replenish highly trained human resources for the defense of the Fatherland and the goal of 12 special schools of the Air Force, the forgotten 80-year experience of the Soviet Union and the parting words of V.I. Lenin: ... as long as there are capitalists in the world, we should be ready for war... (Complete works, 5 ed., Vol. 42). This topic has practically not been considered in the current situation. The material shown is based on the source base of the funds of the State Archive of the Krasnodar Territory, the periodical press and memoirs of graduates of the 12th Krasnodar Special School of the Air Force.

Key words: Krasnodar, special school of the Air Force No. 12, schoolchildren, camp gathering, Yeniseisk, Abakan, teachers, cadets.

For citation: Kushnerev V. V., Mayorov V. A. Special Air Force Preparatory school in Krasnodar (1941–1955) // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 71–76 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.9

... И не зря Земля считает цветом нации
тех, кто был, кто есть, кто будет в авиации ...

Феликс Чуев «Крылатая книга»

Осознавая возможность войны с фашистской Германией и прогнозируя потери лётных кадров, советское военное руководство принимает Постановление СНК от 6 ноября 1940 г. № 2276 «Об организации специальных школ Военно-Воздушных Сил» [9, с. 1003–1005]. В целях подготовки кадров для комплектования военно-воздушных училищ, летчиков и летчиков-наблюдателей ВВС Красной Армии Совнаркомом республик было предложено организовать в системе народных комиссариатов просвещения 20 специальных средних школ Военно-воздушных сил, в том числе четыре на Кавказе. Тем же числом было утверждено Положение о спецшколах ВВС. В Положении указывалось обязательное обучение школьников математике, физике, химии, географии, черчению, общей тактике, тактик ВВС и предметам по специальности служб ВВС. По окончании выпускники получали аттестат и распределялись в военные авиационные училища. Большую роль в создании этих школ сыграл прославленный летчик М. М. Громов.

В Краснодаре в октябре 1940 г. организация Спецшколы ВВС № 12 была поручена Краснодарскому краевому отделу народного образования во главе с назначенным начальником школы Тимофеем Ивановичем Чернушенко [7. Л. 1], о чём писала краевая газета «Большевик» № 268 от 16 ноября 1940 г. Завучем был назначен опытный педагог Спасский Георгий Михайлович, заместителем начальника школы по военной подготовке – бывший лётчик-истребитель капитан Крылов Василий Фёдорович, комиссаром школы – политработник, старший батальонный комиссар Греков Евгений Александрович.

После двухмесячных организационных мероприятий 12 января 1941 г. на ул. Октябрьской № 19 состоялся вечер, посвящённый открытию специальной средней школы ВВС [1; 7, л. 12]. Школа начала свою деятельность 13 января в здании бывшей школы № 27. В здании школы из 25 выделенных классных помещений использовалось 17. Всех поступивших распределили по возрастным ротам: восьмиклассников (164 школьника) определили в 3 роту, девятые классы составляли 2 роту (150 школьников).

1 рота была набрана из 150 десятиклассников. 1 рота была самая уважаемая из-за их возраста, молодежавшей выправки, спортивных достижений, ведь почти каждый из роты заслуженно носил на груди престижные знаки спортивной доблести – ГТО-2 (готов к труду и обороне СССР 2-й ступени) и имели 2 или 3 разряд по какому-либо виду спорта. Организационно рота состояла из пяти взводов (в обычных школах они называются классами), взводы состояли из отделений.

В этом молодёжном коллективе была создана комсомольская организация, в которую вошли 292 члена ВЛКСМ. Большая часть школьников (250) проживала в основном интернате, а часть на ул. Шаумяна, 11. Педагогический персонал состоял из 25 преподавателей [4, л. 32]. Это были высококвалифицированные специалисты, среди которых был профессор Г.Ф. Сумеркин, преподававший астрономию. Занятия велись по тем же программам и учебникам, что и в обычных школах, только больше внимания уделяли физической подготовке и военному делу.

Форменное обмундирование включало однобортный китель цвета хаки, гимнастерку и брюки защитного цвета, синие диагональные брюки с голубым кантом, фуражку с голубым околышем, шапку-ушанку со звездой на зиму, шинель офицерского покроя и черные ботинки фабрики «Скороход». Весной учащихся переодевали в новую форму одежды: китель с воротником стойкой и голубыми петлицами, брюки навыпуск и пилотка. Уже 1 мая 1941 г. ученики спецшколы в новой тёмно-синей форме приняли участие в праздничном параде в г. Краснодаре.

Самолет УТ-2

С 13 июня по 31 июля школьники 2 и 3 рот прошли сборы в летнем лагере «Джемете» Анапского района [4, л. 22–23], здесь, параллельно с укреплением здоровья, осваивая военную-специальные дисциплины. Курсанты 1-ой роты после ускоренной программы подготовки приступили к сдаче выпускных экзаменов [2]. 20 июня состоялся 1-й выпуск из 125 человек-десятиклассников, трое – Г. Г. Андреев, В. Н. Иващенко, Е. К. Московкин – окончили школу с «отличием». Выпускников распределили в Майкопскую военную авиашколу первоначального обучения (17 ВАШПО) и отпустили в отпуск, но через два дня они вернулись в Краснодар в связи с началом войны. Приняв 11 июля воинскую присягу, они приступили к полётам на самолётах У-2, Ут-2 на аэродромах у Апшеронской и Хадыженской. Осенью 1941 г. часть курсантов убыла в Сальяны под Баку в Первомайскую школу пилотов.

В это время в Краснодаре был проведён набор 224 учащихся. Это был второй набор в спецшколу [6, л. 3]. Из принятых 506 учащихся к концу первого учебного года в школе числилось 450 школьников [5, л. 21].

В трудные первые дни войны здание, которое занимала спецшкола, было занято под госпиталь, а спецшколе было отдано здание средней школы № 8 на углу улиц Красноармейской и Советской. Здесь они провели 1941–1942 учебный год под частый вой сирен воздушных тревог. Общежитие в доме на улице Шаумяна, 11 осталось за школой, разместились учащиеся 3-й роты, а вот с улицы Октябрьской были переведены вторая рота на ул. Красноармейскую, 82, а первая рота – на улицу Красную, 69.

К 1 сентября 1941 г. в школе обучалось 523 школьника [5, л. 4].

А. М. Карелин

В. А. Ермолаев

Весной 1942 г. курсанты Майкопской 17 ВАШПО, в которую были направлены выпускники 12 КСШ ВВС, переведены в Краснодарскую военную авиационную школу пилотов (КВАШП). После её окончания выпускники 1-го выпуска 12 КСШ ВВС были распределены в истребительную и бомбардировочную авиации, а часть осталась инструкторами в школе, они с честью выполнили свой долг в Великой Отечественной войне, 29 человек погибли. Среди выпускников Герой Советского Союза генерал-майор А. М. Карелин, генерал-майор В. П. Черепашин, другие были награждены боевыми орденами.

Второй выпуск школы из 138 человек состоялся 24 мая 1942 г., в котором было 12 отличников. Почти весь выпуск был направлен в Астраханскую военную авиационную школу механиков (АВАШМ).

20 выпускников отправили в Военно-Воздушную академию им. Н. Е. Жуковского, дислоцированную в Свердловске. Курсанты этого выпуска в августе 1942 г. в 709 сводном курсантском полку принимали участие в обороне Сальска на Сталинградском фронте, а также воевали в различных родах войск РККА. Из выпускников этого года выпуска можно отметить Героя Советского Союза танкиста В. А. Ермолаева, мастера спорта парашютной подготовки А. В. Ванярхо.

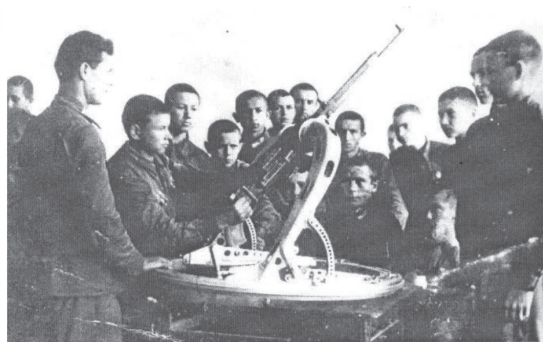
После проведенного выпуска школа в составе 2 и 3 рот убыла на летний сбор в Горячий Ключ, здесь школьники разместились в санатории. 27 июля 1942 г. школа вернулась в Краснодар.

Руководство школы не учтя положение на фронте, ведь немцы подошли к Ростову-на-Дону, отпустило школьников на каникулы. Поступивший 2 августа запоздалый приказ на эвакуацию спецшколы в Сочи, позволил собрать только третью часть школьников по тревоге. 3 августа школа пешим порядком выдвинулась в Сочи, но от бомбежек потеряла несколько человек и свой обоз с имуществом [7, л. 14]. 10 августа личный состав добрался до Сочи и расположился в санатории «Текстильщик», затем отправился в Гагры. Пешим порядком сохранившийся численный состав к 21 августа добрался до Сухуми, далее по железной дороге в Тбилиси, Баку и паромом «Узбекистан» через Каспийское море в Краснодарск. Школа прибыла в Алма-Ата, а к 23 сентября добралась до Красноярска. Только к 5 октября оставшиеся школьники доехали до места перебазирования – г. Енисейска, где расположились в заброшенных бараках. На переселение ушло 62 дня. В труднейших жизненных условиях в Красноярском крае был проведен дополнительный набор школьников, и уже 26 октября 1942 г. школа возобновила занятия [7, л. 12].

Третий выпуск спецшколы прошел в июне 1943 г. До выпуска из 164 школьников третьей роты первого 1941 г. набора дошло только 56, остальных разбросала война. Часть учеников доучивались в других школах, часть выживала в оккупации, часть воевали в партизанах. Выпускников распределили в Харьковскую военную

*В красном уголке
Горячий Ключ, июль 1942 г.*

*Пивнов Г. С. проводит занятие по изучению
пулемета ШКАС. Горячий Ключ, июль 1942 г.*

авиационную школу стрелков-бомбардиров (ХВАШБ), в Красноярск и в Военно-Воздушную академию им. Н. Е. Жуковского. Выпуск с 9-ю отличниками оказался штурманским, особых успехов добились и стали кандидатами наук В. И. Дашевский, К. Я. Швецов, К. П. Карпунин, Н. А. Кадыгроб, А. Г. Барабанов, Б. П. Печерица.

В октябре 1943 г. школа переводится в г. Абакан. Во время переезда от тяжёлого заболевания умирает второй директор школы Георгий Михайлович Спасский, на его место назначается Василий Александрович Землянский, воевавший до 1926 г. с бело-зелёными на Кубани. В Абакане учащиеся после учёбы работали на местном мясокомбинате, что помогло им выжить.

В июне 1944 г. выпустилось 79 человек, из них двое отличников. Этот четвёртый выпуск тоже оказался штурманским, основную часть выпускников распределили в Омскую школу пилотов.

В феврале-августе 1944 г. началась эвакуация: спецшколы вернулись на свои прежние места и в них снова стали проводить наборы учащихся. 30 июня 1944 г. спецшкола вернулась в свой родной Краснодар. Вернувшиеся 108 человек, из них 83 курсанта, разместились в здании бывшей средней школы № 36. В начале школа размещалась в одном из уцелевших зданий на главной улице города – Красной, 62. Вход во двор школы, где располагались двухэтажные корпуса, проходил через арку главного четырёхэтажного здания. Двор, он же плац, представлял прямоугольник длиной 100–120 м и шириной до 30–35 м, где стоял самолет По-2. Интернат спецшколы располагался по ул. Шаумяна, 11.

Весной 1945 г. закончили школу 72 сибиряка пятого выпуска, из которых 6 выпускались с золотыми и серебряными медалями. Они распределились в Батайское авиационное училище им. А. К. Серова. Младшие классы летом проходили сборы на базе Адамов в Адыгейской области.

Выпуски 1946 г., наполовину состоящими из набора сибиряков в Абакане, в основном были распределены в Армавирское ВВАУЛ (47 чел.), Харьковское ВАУ (24 чел.), в Военно-Воздушную академию им. Н. Е. Жуковского (6 чел.). Наилучших результатов в своей деятельности добились А. А. Коробенко (генерал-майор, кандидат наук), Э. С. Малахов (кандидат наук), Л. Н. Петерин (Заслуженный лётчик-испытатель СССР), В. С. Лукья-

ненко (Заслуженный изобретатель РСФСР), П. М. Кондратов (Заслуженный преподаватель Литовской ССР).

Тяжелые условия проживания и учебы продолжались вплоть до 1947 г., ежедневная норма хлеба школьника составляла 500 граммов. Сохранялся произвол старшеклассников над младшими – «дедовщина», что приводило к оттоку учеников из школы. Процветало воровство.

В 1947 г. школа и интернат переселяются в здание по ул. Красноармейской, 48. В восстановленные архитектурные здания спецшколы ВВС на Красноармейской 52 (48) впоследствии находились школа № 12, школа № 36 и Краснодарский гарнизонный дом офицеров.

На новом месте учебным процессом руководили директор В. А. Землянский, зам. директора по военной части подполковник Марков, участник воздушных боев на Халхин-Голе, кавалер ордена Ленина. Командовал третьей ротой капитан Григорьев, обязанности старшины исполнял В. И. Кривошеев, выпускник школы 1942 г., комсоргом был танкист старший лейтенант запаса Быстров, награжденный тремя орденами Красного Знамени.

Условия обучения значительно улучшились. Работал авиакружок, проводились уроки танцев. Городские ребята проживали у себя дома и сразу после самоподготовки уходили на прогулку и далее ехали ночевать домой. Выпускники этого года параллельно с экзаменами, проходили медицинскую комиссию на пригодность к летной службе в Полтавской военной авиационной школе штурманов, находившейся у аэродрома на окраине города. Школьников возили туда на двух машинах по 40–45 человек, отбор был серьезный, возвращались годными к летной работе по 10–15 человек. В этом 1947 году школу окончили 122 человека, из них 8 с медалями. 80 выпускников были распределены в Батайское ВАУЛ, а оставшиеся в авиационно-технические училища. В историю школы выпуска 1947 г. внесён генерал-майор П. И. Белоножко – «Заслуженный военный лётчик СССР».

В 1948 г. школу окончили 91 выпускник, из которых было 9 медалистов. Основная часть выпускников была распределена в истребительное Армавирское ВАУЛ, штурманское Чкаловское ВАУ, а отличники – в Ленинградскую Военно-воздушную инженерную академию. Из выпуска наиболее известными стали В. В. Яцук, ставший «Заслуженным лётчиком-испытателем СССР» и генерал-майор В. А. Попков.

В декабре в школе была побеждена «дедовщина».

В 1949 г. из школы выпустилось 80 человек, из них 7 с медалями. Из этого выпуска В. К. Дедков стал доктором наук, профессором, лауреатом двух Государственных премий.

Выпуск 1950 г. состоял из 78 человек, из них 13 медалистов. Медалисты ушли в Ленинградскую Краснознаменную Военно-воздушную инженер-

ную академию им. Можайского, 50 выпускников – в лётные училища, а остальные – в авиатехнические училища. В этом выпуске отличились В. М. Красковский (генерал-полковник), Ю. В. Дождиков (генерал-майор), Н. С. Попов (академик, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и двух Государственных премий).

Самолет ЯК-18

Н. С. Попов

В последующие 5 лет спецшкола выпустила 662 школьника, из них 45 медалистов. В эти годы летние выходы выполнялись в два разных лагеря: восьмиклассники на базе Адамий у Тщикского водохранилища, где река Белая впадает в реку Кубань в Адыгейской АО, а девятиклассники в посёлке Джемете вблизи Анапы. При этом в Анапе руководством лагеря были организованы полёты на двухместном учебно-тренировочном самолёте Як-18 над морем.

Тщикское водохранилище

С 1952 г. выпускники стали направляться на стажировку в 15 ВАШПОЛ (Военная авиационная школа первоначального обучения лётчиков), расположенную в г. Уральск. После ее окончания будущие лётчики распределялись в летные учи-

лища. Выпускники стали осваивать реактивную авиационную технику, многие из них стали генералами, «Заслуженными военными лётчиками», мастерами самолетного спорта, кандидатами наук. Особо можно выделить подвиг И. Т. Куница, который, покинув в аварийной ситуации самолет над Белым морем, двое суток пробыл в холодной воде [3, с.4].

И. Т. Куницин

В соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 8.07.1955г. № 886 спецшкола ВВС № 12 была расформирована. Последний выпуск школьников был распределен в Кременчугскую 10 ВАШПОЛ, Балашовское и Харьковское авиационные училища.

За 15 лет функционирования школы ее окончили 1577 выпускников, из них 94 с отличием, 53 с золотой и 41 с серебряными медалями [8, с. 298]. По окончании специальной школы ВВС выдавался аттестат среднего образования с присвоением воинских званий: командирам отделений – младший сержант, помощникам командиров взводов – сержант и старшинам рот – старший сержант, эти звания сохранялись и при поступлении и обучении в военных училищах. 70 % выпускников спецшколы поступали в лётные училища, 15 % – в технические и примерно столько же в инженерные училища и академии.

Школа воспитала много заслуженных людей, летчики проходили воинскую службу в боевых частях СССР, стран Варшавского Договора, выполняли интернациональный долг в Корее, Вьетнаме, Египте, Алжире, Сирии, Эфиопии, Йемене, Анголе.

Б. П. Печерица у самолета Пе-2

Весомый вклад в качество подготовки специалистов внесли преподаватели. Ордена Трудового Красного Знамени и Знак Почета получили Ю. И. Мокрая, Н. Н. Мудренко; орден Трудового Красного Знамени – М. Е. Варич; медали «За трудовую доблесть» и «Трудовое отличие» – О. П. Антипова, П. Д. Войцехович, Н. Д. Дроздова, В. А. Землянский, С. И. Землянская, А. М. Манило, Н. М. Никифоров. Многие преподаватели отмечены Почетным знаком «Отличник народного просвещения» [8, с. 306].

Материалы о специальной школе Военно-Воздушных сил № 12 находятся в тематической экспозиции музея гимназии № 36 на улице Красноармейской, а в 2008 г. выпускник школы 1943 г., участник Великой Отечественной войны Борис Петрович Печерица, воюя штурманом на бомбар-

дировщике Пе-2, написал историю школы, нашел интересную дополнительную информацию о выпускниках и издал книгу «Мальчишки с голубыми петлицами».

В целом надо отметить, что школа способствовала подготовке школьников к деятельности в критических ситуациях, освоению основ воздушного пространства на летательный аппарат, расширяла познания молодежи по истории страны и края, формировала чувство патриотизма. Кроме того, представленная статья пропагандирует восстановить забытый опыт начальной воинской подготовки в школах, подготовку семей (старшеклассников) в отдаленных гарнизонах (по опыту авторов прохождения службы в Группе войск в СССР), иметь начальные знания и практические навыки в военном деле.

Литература

1. Большевик. 1941. 14 января.
2. Большевик. 1941. 10 июня.
3. Вуклов В. 68 часов в открытом море // Красная Звезда. 1962. 10 ноября.
4. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК) Ф. Р-1590. Оп. 1. Д. 1.
5. ГАКК. Ф. Р-1590. Оп. 1. Д. 4.
6. ГАКК. Ф. Р-1590. Оп. 1. Д. 15.
7. ГАКК. Ф. Р-1590. Оп. 1. Д. 45.
8. Печерица Б.П. Мальчишки с голубыми петлицами. Краснодар: «Инфорай ко., лтд», 2008. 352 с.
9. Собрание постановлений и распоряжений правительства Союза Советских Социалистических республик. 1940. №30.

References

1. Bolshevik. 1941. January 14. (In Russian).
2. Bolshevik. 1941. June 10. (In Russian).
3. Vukolov V. 68 hours on the high seas // Red Star. 1962. November 10. (In Russian).
4. State Archive of the Krasnodar Territory (GAKK) F. R-1590. Inv. 1. D. 1. (In Russian).
5. GAKK. F. R-1590. Inv. 1. D. 4. (In Russian).
6. GAKK. F. R-1590. Inv. 1. D. 15. (In Russian).
7. GAKK. F. R-1590. Inv. 1. D. 45. (In Russian).
8. Pecheritsa B.P. Mal'chishki s golubymi petlicami (Boys with blue buttonholes). Krasnodar: In-Foray ko., Ltd, 2008. 352 p. (In Russian).
9. Sobranie postanovlenij i rasporyazhenij pravitel'stva Sojuza Sovetskikh Socialisticheskikh respublik (Collection of resolutions and orders of the government of the Union of Soviet Socialist Republics). 1940. No. 30. (In Russian).

Сведения об авторах

Кушнерёв Валерий Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры навигации и боевого применения Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков имени А. К. Серова / kvv830@mail.ru

Адрес: д.135, ул. Дзержинского, 350005, Краснодар, Российская Федерация.

Майоров Виктор Алексеевич – преподаватель кафедры навигации и боевого применения Краснодарского высшего военного авиационного училища летчиков имени А. К. Серова / viktor725@yandex.ru

Адрес: д.135, ул. Дзержинского, 350005, Краснодар, Российская Федерация.

Information about the authors

Valery Kushnerev – PhD in History, Senior Lecturer, Chair of Navigation and Combat Use, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after A. K. Serov / kvv830@mail.ru

The address: 135, Dzerzhinsky st., 350005, Krasnodar, Russian Federation.

Viktor Mayorov – teacher, Chair of Navigation and Combat Application, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after A. K. Serov / viktor725@yandex.ru

The address: 135, Dzerzhinsky st., 350005, Krasnodar, Russian Federation.

УДК 94: 327.5

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.10>М. Младенович
М. Томич

ОДНОСТОРОННЕЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ КОСОВО И МЕТОХИИ – ПРЕЦЕДЕНТ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

Попытка отделения Косово, начавшаяся в девяностых годах XX в., завершилась агрессией НАТО против Югославии, формально узурпировавшей южную сербскую провинцию наиболее могущественными западными странами. Угроза национальной безопасности Республики Сербии вооруженной агрессией пакта НАТО является уникальным примером нарушения всех действующих международно-правовых норм, запрещающих агрессию против суверенного и независимого государства.

Подчеркивается, что даже с введением временной международной администрации (МООНК), ситуация с безопасностью не стабилизировалась. Политические решения представителей международного сообщества оформлялись в парадигму «абсолютной независимости» Косово и Метохии, несмотря на недовольство тогдашних высших должностных лиц Республики Сербии. Незаконная попытка отделения Косово и Метохии путем принятия Декларации независимости в 2008 г. представителями албанского национального меньшинства поставила целый ряд политических, экономических и социальных вопросов о стратегии действий субъектов и сил система национальной безопасности Республики Сербии.

Указывается, что осуществляемый диалог между представителями временных косовских учреждений и представителями РС способствовал подписанию со-

глашений в различных областях. Однако их реализация оказывает негативное влияние на суверенитет, т.е. юрисдикции учреждений Республики Сербия.

Созданная на сегодняшний день международная администрация не смогла обеспечить выполнение резолюции 1244 Совета Безопасности ООН. В статье анализируется динамика событий, приведших к одностороннему провозглашению независимости в нарушение всех норм международного права, в том числе права на политическое самоопределение.

Результаты работы свидетельствуют о неравномерном толковании некоторых норм, регулирующих статус национальных меньшинств (в данном случае албанцев), а также о попытке западными странами навязать решение косовской проблемы Республике Сербии исключительно через различные формы признания так называемой независимости.

Ключевые слова: международная политика, нарушение международного права, Косово, Метохия, Республика Сербия.

Для цитирования: Младенович М., Томич М. Одностороннее провозглашение независимости Косово и Метохии – прецедент в международной политике // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 77–87. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.10

Miroslav Mladenovich
Milos Tomic

THE UNILATERAL DECLARATION OF INDEPENDENCE OF KOSOVO AND METOHIJA IS A PRECEDENT IN INTERNATIONAL POLITICS

The attempt to secede from Kosovo, which began in the nineties of the twentieth century, ended with NATO's aggression against Yugoslavia, which formally usurped the southern Serbian province by the most powerful Western countries. The threat to the national security of the Republic of Serbia by the armed aggression of the NATO Pact is a unique example of the violation of all existing international legal norms prohibiting aggression against a sovereign and independent state.

It is emphasized that even with the introduction of the Interim International Administration (UNMIK), the security situation has not stabilized. The political decisions of the representatives of the international community were framed in the paradigm of "absolute independence" of Kosovo and Metohija, despite the dissatisfaction of the then top officials of the Republic of Serbia. The illegal attempt to secede from Kosovo and Metohija through the adoption of the Declaration of Independence in 2008 by representatives of the Albanian national minority raised a number of political, economic and social questions about the strategy of the subjects and forces of the national security system of the Republic of Serbia.

It is indicated that the ongoing dialogue between representatives of the Provisional Kosovo Institutions and representatives of the Republic of Serbia contributed to

the signing of agreements in various fields. However, their implementation has a negative impact on the sovereignty, i.e. the jurisdiction of the institutions of the Republic of Serbia.

The international administration created to date has failed to ensure the implementation of UN Security Council resolution 1244. The article analyzes the dynamics of events that led to the unilateral declaration of independence in violation of all norms of international law, including the right to political self-determination.

The results of the work indicate an uneven interpretation of some norms regulating the status of national minorities (in this case, Albanians), as well as an attempt by Western countries to impose a solution to the Kosovo problem on the Republic of Serbia exclusively through various forms of recognition of the so-called independence.

Key words: international politics, violation of international law, Kosovo, Metohija, Republic of Serbia.

For citation: Mladenovich M., Tomic M. The unilateral declaration of independence of Kosovo and Metohija is a precedent in international politics // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 77–87 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.10

Динамика сепаратистского процесса (с ярко выраженными насильственными элементами) в пределах южного сербского края после создания Миссии ООН по делам временной администрации приобрела относительно «новые» характеристики, столь же неблагоприятные для национальной безопасности Республики Сербии. Поскольку резолюция 1244 СБ ООН добилась своего рода интернационализации статуса края Косово и Метохия и, таким образом, ограничения суверенитета Республики Сербия, ожидаемое выполнение МООНК делегированных полномочий в отношении мирного урегулирования сепаратистского кризиса отсутствовало. Различные толкования резолюции 1244 СБ ООН способствовали дополнительному осложнению политической ситуации и ситуации с безопасностью в южной провинции с тенденцией продолжения сепаратистского насилия косовских албанцев. Именно это является одной из причин, по которой Национальное собрание Республики Сербия приняло в 2003 г. «Декларацию по Косово и Метохии», в которой высказываются сомнения в намерениях представителей (должностных лиц) миссии ООН в Косове с предупреждением: этнические дискриминация, организованная свобода передвижения и несоблюдение прав человека, неудачный процесс возвращения беженцев и внутренне перемещенных лиц и членов сербской национальной общины [9]. Кроме того, явное отсутствие скоординированных действий со стороны СДК (как военной) и МООНК (как гражданской) миссии с постоянным упором на внезапный вывод сил СРЮ из района Косово привело к реактивации экстремистов, а также террористов «ОАК», наряду с систематическим преследованием оставшихся сербов.

Сепаратистские устремления косовских албанцев в основном конкретизируются насильственными действиями, направленными против ценностей, охраняемых национальной безопасностью Республики Сербии как принимающей страны. В докладе МВД РС под названием «Терроризм в Косово», изданном по поводу эскалации насилия и террора против сербов в Косове в период с 17 по 24 марта 2004 г., хорошо спланированная, организованные и скоординированные действия и применение насилия на стороне сепаратистского движения косовских албанцев. Большинство мест в Косове, где сербы составляют большинство населения (Косовска-Митровица, Печ, Витина, Клина, Приштина, Липлян, Старо Грацко, Штрпце), подвергались различным формам угроз, от поджогов и уничтожения имущества до убийств, похищение и запугивание. Общий баланс трехдневного насилия косовских албанцев и террора против сербов, хотя и не окончательный, включает следующее: 8 убитых и 143 раненых сербской национальности, более 800 поврежденных и сожженных сербских домов, более 200 уничтожен-

ных транспортных средств, в том числе 144 автомобили международных сил безопасности [8]. Многовековые православные монастыри, церкви, кладбища и другие святыни, свидетельствующие о постоянном присутствии сербов в этих районах, также становятся объектами мишеней албанских террористов. Авторы доклада заявляют, что помимо большого числа албанских экстремистов из южной и центральной части Республики Сербия, Корпус защиты Косово (КЗП), Косовская полиция (КПС) и некоторые подразделения международных сил безопасности внесли особый вклад в организованный террор [8]. Поэтому более чем видимая пассивность международного сообщества в отношении обязательства по сохранению мира и стабильности в Косово и Метохии может быть истолкована как манипулятивный дипломатический ход, предпринятый ради создания благоприятных условий для решения сепаратистского кризиса, в первую очередь в пользу косовских албанцев, т.е. попытка добиться независимости южной сербской провинции. Соответственно, устоявшаяся модель поведения представителей сепаратистского движения косовских албанцев узнаваема исключительно по использованию насилия и террора как основных инструментов политической борьбы.

Этническая чистка сербов из Косово и Метохии. 26 марта 2004 г. в связи с неоднократными попытками этнической чистки Косова от сербов Ассамблея Республики Сербия приняла «Резолюцию по Косово и Метохии», в которой говорится, что организованное насилие албанских террористов и сепаратистов способствует повсеместной угрозе или нестабильная ситуация с безопасностью. Также в Резолюции содержится просьба к правительству РС выступить с предложением политического решения сложившейся ситуации с целью защиты сербов в Косове, которые непосредственно подвергаются различным формам этнической чистки.

Поддержка международным сообществом сепаратистского движения косовских албанцев является частью их усилий по достижению высшей степени суверенитета южной сербской провинции во всех аспектах (правовом, политическом, экологическом и экономическом)¹. В качестве одного из примеров явной предвзятости Миссии ООН в Косове можно привести дело Гарри Холкери, который в 2004 г. представил в Совет Безопасности ООН документ о ситуации в Косове под названием «Стандарты для Косово», который, по сути, представляет собой конституционный акт, регулирующий «строительство демократических

1 Соединенные Штаты Америки благодаря поддержке членства в так называемой Косово Всемирному банку и Международному валютному фонду пытаются установить международную субъектность провозглашенной в одностороннем порядке независимости Южного сербского края.

институтов», «уважение прав меньшинств» и «создание функциональной экономики» [25]. В одной части документа говорится о «проведении свободных и справедливых выборов для установления беспристрастной правовой системы», что прямо нарушает предыдущие международно-правовые соглашения (в первую очередь резолюцию 1244 Совета Безопасности ООН), гарантирующие территориальную целостность и конституционный строй Республики Сербии. Депутаты Собрания РС специально предупредили о несостоятельности упомянутого документа и нереалистично представленной фактической ситуации в ходе обсуждения принятия «Плана политического решения ситуации в Косово и Метохии». В отличие от документа главы МООНК Холкери, принятый План Республики Сербия предусматривает создание т.н. территориальная автономия путем создания регионов (всего 5), в рамках которых сербская община в Косове могла бы более эффективно защищать права человека, культурные и национальные права, а также свою идентичность. Реализации плана РС помешало сопротивление представителей международного сообщества и их испытанный метод дипломатического принуждения, игнорирующий интересы сербов.

Интерес Евросоюза к геополитическому пространству Западных Балкан (в данном случае к статусу южно-сербского края Косово и Метохия) особенно усилился после насилия албанских экстремистов в 2004 г. В этой связи назначение финского дипломата Мартти Ахтисаари спецпредставителем ООН по урегулированию статуса Косова можно трактовать как начало «компромиссного диалога двух сторон» под патронажем ведущих членов Европейский Союз. Переговоры между сербской и албанской сторонами начались со встречи в Вене в 2006 г., когда, по словам Керр-Линдсей, с самого начала Запад продемонстрировал свою решимость поддерживать «независимость Косово», исключая возможность любой другой альтернативы решению [22]. Полное игнорирование интересов Республики Сербии посредством отклонения всех предложений ее представителей в контексте расширенной автономии края показывает, что для Европейского Союза и других западных стран статус Косово уже решен, и что нужно только найти адекватные механизмы (право на политическое самоопределение) для его реализации – полный выход, т. е. «независимость».

О неравном отношении к Республике Сербии как к стороне диалога свидетельствует заявление Ахтисаари, сделанное перед встречей в Вене. В ходе переговоров 8 августа спецпредставитель Генерального секретаря ООН Ахтисаари заявил переговорной делегации РС, что «сербы виновны как народ» [28]. Заявление высокого представителя международного сообщества послужило

поводом для серии террористических актов (например, нападения на кафе в северной части Косовска-Митровицы 26 августа 2006 г.) со стороны албанских экстремистов, угрожавших безопасности сербов в Косово и Метохия. С другой стороны, постоянное выражение несогласия с навязанным предложением решения статуса Косова со стороны представителей сербского политического руководства сопровождалось серией официальных заявлений, подчеркивающих, что независимость южной провинции абсолютно неприемлема.

Комплексное предложение по урегулированию статуса Косово и Метохии (автор Марти Ахтисаари) было представлено 26 марта 2007 г. как единственное жизнеспособное решение сепаратистского кризиса. Однако сам документ, находящийся в открытом доступе, изобилует серией спорных определений, которые в формальном и политическом смысле даруют государственность части территории в составе существующего суверенного национального государства, прямо подорывая его безопасность. Содержание документа состоит в общей сложности из 12 глав (приложений), в которых подробно объясняется механизм регулирования и соблюдения основных ценностей (политических, экономических и социальных) демократического общества, независимо от того, что Косово и Метохия входят в состав Республики Сербии, а косовские албанцы являются ее гражданами со статусом национального меньшинства.

Уже в первой главе обсуждается необходимость «принятия Конституции Косово» как высшего правового и политического акта, формально завершающего «контролируемую независимость» сепаратистского движения косовских албанцев. С другой стороны, Республика Сербия рассматривается как соседняя страна, что требует «добросовестного сотрудничества» при реализации предлагаемого решения. Остальные 11 глав можно рассматривать как дополнительную модернизацию «государственного аппарата», с помощью которого сначала будет реализовано отделение Косова, а затем оно будет поддерживаться под патронажем международного сообщества (пример Международного гражданского представителя, предусмотренного в плане Ахтисаари).

Что особенно важно для динамики сепаратистского процесса, помимо правового и экономического принципов решения, так это вопросы, связанные с «Безопасностью Косово» [12]. Статья 1 Приложения 8 гласит, что «Косово обладает компетенцией в областях обеспечения правопорядка, безопасности, правосудия, общественной безопасности, разведки, гражданской защиты и реагирования в чрезвычайных ситуациях и пограничного контроля» на своей территории, что приводит к выводу, что монополия на физическую силу должна быть передана (по плану Архтисари)

косовским албанцам. Дальнейшее объяснение необходимости создания системы безопасности вносит дополнительную путаницу, имея ввиду попытку легализовать бывших членов террористической организации «ОАК» в составе «Сил безопасности Косово». В частности, заявлено, что КБС будет легковоруженным в составе 2500 активных и 800 резервистов, сначала с задачей реагирования в кризисных ситуациях, а затем с выполнением других «задач безопасности». Именно «другие задачи безопасности» оставляют возможность преобразования КБС в сторону воинских частей, которые имели бы более широкий потенциал угрозы безопасности Республики Сербии и ее граждан, прежде всего в районе Косово. Поэтому предложенное спецпосланником Генерального секретаря ООН Марти Ахтисаари решение полностью совпадает с сепаратистской целью косовских албанцев сделать южный сербский край независимым, т.е. квазигосударство со всеми прерогативами правительства.

Представители Республики Сербии, участвовавшие в диалоге, состоявшемся в несколько этапов, дали понять посредникам, что отвергнут любое предложение по урегулированию сепаратистского кризиса, ведущему к нарушению территориальной целостности. Об этом свидетельствует заявление премьер-министра РС Воислава Коштуницы, заявившего в конце марта 2007 г., что «первым государственным и национальным интересом является провал плана посланника ООН Марти Ахтисаари по расчленению Сербии» [16]. В том же интервью Воислав Коштуница назвал Соединенные Штаты Америки, Европейский Союз и Пакт НАТО единственными, кто несет ответственность за поддержку отделения Косово. Поскольку Комплексное предложение по урегулированию статуса Косово и Метохии было официально отклонено из-за ряда противоречий и злонамеренных сил временных институтов с центром в Приштине, международное сообщество, представленное теперь в роли «новых» посредников США, ЕС и РФ (так называемая Тройка), организует продление начатого диалога.

В отличие от прежнего формата переговорного процесса под руководством Марти Ахтисаари, предложения по урегулированию сепаратистского кризиса в Косово и Метохии должны быть направлены именно непосредственными участниками переговоров с ограничением времени для диалога. Соответственно, предложение делегации Республики Сербии касалось предоставления особого статуса южной провинции, аналогичной Гонконгу, где часто упоминался термин «значительная автономия, гарантированная международным сообществом» [16]. Кроме того, упоминались некоторые решения особого статуса, такие как Территория Оклэндских островов, как пример сохранения территориальной целост-

ности и суверенитета национального государства с возможностью широкой автономии отдельных регионов. Батакович описывает, что гонконгская модель предусматривает высокую степень автономии, при которой определенные полномочия остаются в компетенции властей республики, а в случае с Косово это: оборона и внешняя политика, пограничный контроль и защита сербского культурного и исторического наследия [13].

Однако попытки навязывания индивидуальных решений все же предпринимались, где, по некоторым данным, наиболее заметное место занимал Европейский Союз. А именно, ряд авторов отмечают, что представитель Европейского Союза Вольфганг Ишингер предложил, чтобы по примеру Западно-Восточной Германии все политические и экономические отношения между Республикой Сербией и Косово (и Метохия) должны быть одинаково урегулированы во внутреннем и международном плане [23; 31]. Неофициальное предложение представителя Евросоюза по урегулированию статуса Косово показалось сербской переговорной делегации совершенно неприемлемым по той причине (как заявил тогда министр по делам Косово и Метохии Слобаодан Самраджич), что оно основано на соглашении между двумя независимыми государствами от 1972 г., по которому Ишингер выходит из вверенного ему мандата [30]. Провал начавшегося в 2007 г. диалога между двумя сторонами, который осуществлялся через международных посредников, не отвечал первоначально предполагаемым требованиям, как из-за пассивности переговорщиков, так и из-за постоянного противодействия со стороны албанской переговорной делегации, которая категорически отвергала любые предложения, исключавшее независимость южной сербской провинции.

Необходимость уникального согласования позиций (а затем и действий в переговорном процессе) сербского политического руководства была четко подчеркнута при принятии Резолюции о защите суверенитета, территориальной целостности и конституционного строя Республики Сербия¹. Во вступительной части Резолюции констатируется, что сепаратистские устремления косовских албанцев приобретают все более агрессивный характер при открытой угрозе попыток одностороннего провозглашения независимости, что ставит под сомнение, т.е. наносит ущерб территориальной целостности и суверенитету РС над Косово [11]. Соответственно, тогдашний президент Республики Сербия Борис Тадич вместе с премьер-министром Воиславом Коштуницей открыто критикуют определенные страны (крупные державы) за их поддержку сепаратистского движения косовских албанцев и тем самым под-

¹ В тексте резолюции говорится, что Республика Сербия будет нейтральной в военном отношении по отношению к существующим внешнеполитическим союзам.

рыв национальной безопасности. Согласно их заявлениям, переговорный процесс послужил, прежде всего, созданию благоприятной политической обстановки, в которой отделение Косова могло бы быть эффективно завершено [26]. При этом смена любой существующей международной администрации (под эгидой ООН) обусловлена поиском компромиссного решения по статусу Косова, которое будет поддержано Советом Безопасности ООН [17]. Поэтому определенные намеки на возможное незаконное провозглашение независимости южной сербской провинции вызвали принятие ряда мер (например, принятие семи парламентских резолюций о защите суверенитета РС, а также других подзаконных актов и постановлений), посредством которого все государственное руководство Республики Сербия активно участвует в защите основных ценностей национальной безопасности, т.е. политическая стабильность, конституционный порядок, суверенитет, территориальная целостность, а также самое главное защита сербского населения в районе Косово и Метохии.

В Интегральном докладе переговорной тройки Контактной группы по статусу Косово и Метохии, который был представлен Генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну 4 декабря 2007 г., констатируется отсутствие окончательного решения вопроса о суверенитете южной сербской провинции. Среди прочего, авторы доклада отмечают диаметрально противоположные позиции договаривающихся сторон, согласно которым косовские албанцы требуют независимости, а представители Республики Сербии предлагают гарантии широкой автономии Косово [4; 24]. С другой стороны, можно заметить, что в отчете Контактной группы южная сербская область Косово и Метохия представлена как практически независимая (пункт 14), особенно при описании нестабильной ситуации с безопасностью. О том, что это совершенно запутанная ситуация, свидетельствует постоянное упоминание резолюции 1244 СБ ООН, гарантирующей суверенитет и территориальную целостность РС, с одной стороны, и плана Ахтисаари, требующего «контролируемой независимости Косово», с другой. Поэтому представители сепаратистского движения косовских албанцев используют возможность заручиться поддержкой ведущих западных стран посредством своего разностороннего лоббирования и обвинить Республику Сербия в качестве виновника срыва переговоров, что сделало бы право политическое самоопределение — идеальное оправдание для односторонне провозглашенной независимости.

Попытка провозгласить независимость в 2008 году. 17 февраля 2008 г. временные органы самоуправления в Косове опубликовали декларацию об односторонней независимости Косово и Метохии от Республики Сербии. Реакция респу-

бликанских властей на принятие спорных документов об отделении южной провинции относится, прежде всего, к их полной отмене. В связи с этим Правительство Республики Сербии принимает Решение об отмене незаконных актов временных органов самоуправления в Косово и Метохии о провозглашении независимости в одностороннем порядке [20]. Сепаратистское движение косовских албанцев своими односторонними действиями поставило под сомнение конституционное устройство Республики Сербия, в котором автономный край Косово и Метохия является неотъемлемой частью его территории, что оно имеет положение существенной автономии в пределах суверенного государства Сербия, и что с этой позиции все государственные органы, включая Правительство Республики Сербия, несут конституционную обязанность представлять и защищать государственные интересы Республики Сербия в Косово и Метохии [1]. Кроме того, провозглашенная в одностороннем порядке независимость находится в прямом противоречии с ведущими международными договорами, из которых особо выделяются Устав ООН и резолюция 1244 СБ ООН. 18 февраля 2008 г. Национальное Собрание Республики Сербия подтверждает решение Правительства, которое, среди прочего, объявляет недействительными все решения властей Европейского Союза об отправке миссии в Косово и Метохию¹ [11]. Ключевой посыл, посланный упомянутыми документами национальной и международной общественности, заключается в том, что АП Косово и Метохии является неотъемлемой частью уникального и неделимого конституционного и правового строя Республики Сербии.

Позиция других членов ООН в отношении одностороннего провозглашения независимости Косова весьма неоднозначна. С одной стороны, открытое продвижение независимости Косова является частью внешнеполитической повестки пакта НАТО как военно-политического союза, объединяющего ряд высокоразвитых стран Запада. А именно, в числе первых стран, признавших провозглашенную в одностороннем порядке независимость Косова, находятся Соединенные Штаты Америки, Франция, ФРГ, Великобритания, Канада, а также страны со статусом региональных держав, а именно Турция и Япония. Следует отметить показательное поведение Евросоюза, который за две недели до незаконного провозглашения независимости на основании Совместного действия Совета ЕС 2008/124/CFSP учредил гражданскую миссию EULEX. Среди прочего, в состав миссии EULEX входили международные судьи, имевшие исполнительные полномочия на вынесение решений по определенным делам

¹ В ходе международных переговоров по статусу Косова делегация РС заявила о неприемлемости любого разветывания миссии ЕС вне решения Совета Безопасности ООН.

в Косове, особенно в сфере международной преступности, межэтнических преступлений и, конечно же, приватизации [5; 20]. Некоторые государства, хотя формально и не признали «Республику Косово», поддерживают определенные контакты в сфере дипломатии (признание проездных документов, таких как паспорта), культуры, спорта, где в качестве примера можно привести Боснию и Герцеговину, и Словакию. С другой стороны, можно назвать сильных и узнаваемых противников независимости Косово: Российскую Федерацию, КНР, Иран и пять членов Евросоюза (Испанию, Грецию, Румынию, Словакию и Кипр). Соответственно, по данным Управления по Косово и Метохии Правительства Республики Сербия, из общего числа государств-членов ООН к 2021 г. 98 из них не признали квазигосударство «Косово» [3; 2]. Поэтому с самого начала сепаратистского конфликта в 90-х годах XX века, а затем и начала мирного процесса произошла поляризация взглядов международного сообщества: глобальный север – за независимость, а глобальный юг – против независимости Косово.

Прецедент в международной политике, которым ознаменовалось первое десятилетие XXI века, сторонники независимости Косово пытаются умело скрыть и представить как существенную проблему *suí generis* (так называемый уникальный случай). Джеймс Керр-Линдсей в статье «Предотвращение появления самоопределения как нормы отделения: оценка аргументов «уникального» случая Косово» описывает три конкретных элемента, которые вместе составляют сильный аргумент в пользу утверждения, что «Косово уникальный случай», а именно: распад Югославии; кризис прав человека в Косово; Ответ Организации Объединенных Наций [22]. *Первый элемент* касается статуса Косова в составе Югославии, где автор через историческую ретроспективу (из Конституции 1974 г.) представляет условия, способствовавшие эскалации сепаратистских устремлений косовских албанцев. Один из выводов, к которому пришел автор, заключается в том, что с самого начала процесса отделения косовские албанцы отвергают любой компромисс в виде предложения о широкой автономии, поскольку это угрожало бы их праву на независимость [22]. *Второй элемент* основан на последствиях нарушения прав человека, что, среди прочего, по мнению Европарламента, является основным обоснованием права на отделение Косова от Республики Сербии [22]. Соответственно, автор задается вопросом: почему в других случаях этнического конфликта (две группы в рамках одного государства) нет оправдания независимости одной из них, как, например, в Косово (и Метохии)? Кроме того, почему случай угнетения прав косовских албанцев должен быть возможностью для обретения государственно-

сти, когда серьезные и длительные нарушения прав человека не считаются веской причиной для признания государственности других угнетенных народов [22]? В качестве конкретных примеров непризнания государственности, несмотря на нарушение прав человека, автор приводит курдов, турок-киприотов, тамиллов на Шри-Ланке, а также крупнейший зарегистрированный случай нарушения прав человека в ходе операции хорватской армии «Буря», когда 200 000 этнических сербов были изгнаны из сепаратистского региона Краина [22]. Таким образом, роль международных акторов в сепаратистском процессе, происходящем на территории Республики Сербии, сильно отличается от других частей мира, где существуют относительно схожие проблемы безопасности попыток отделения территорий.

Третий компонент аргумента об «уникальном случае» Косово и Метохии, использованный для оправдания попытки отделения, Керр-Линдси цитирует ответ ООН. А именно под управлением ООН Косово была признана частью национальной территории Республики Сербия, хотя официальный Белград не имел контроля над южной провинцией [22]. Однако управление конфликтом в Косове со стороны администрации ООН позволило косовским албанцам передать суверенные полномочия, делегированные им Республикой Сербией. Поэтому автор приводит обращение делегации Кипра как хороший пример реалистичной постановки вопросов относительно будущего вовлечения международной администрации в задачу урегулирования балканских конфликтов, т. е. сомнительное согласие принимающих стран делегировать полномочия, которые потом у них навсегда отнимут [22]. Именно под управлением ООН сепаратистское движение косовских албанцев беспрепятственно развивало свою политическую программу независимости, что можно интерпретировать как парадоксальную ситуацию, которая привела к созданию непостижимых негативных последствий для национальной безопасности Республики Сербия.

Приоритетом всех институтов Республики Сербия является сохранение конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности в соответствии с позитивными правовыми нормами и принятыми международными соглашениями. Поэтому первой реакцией сербского политического руководства на незаконное одностороннее провозглашение независимости Косово стало обращение в Генеральную Ассамблею ООН с просьбой получить консультативное заключение Международного Суда. А именно, 15 августа 2008 г. постоянное представительство Республики Сербия при организации ООН представило в Генеральную Ассамблею документ с просьбой получить ответ Международного Суда на следующий вопрос: является ли односторон-

нее заявление независимость временных органов самоуправления в Косово в соответствии с международным правом [18]? Предложение резолюции Республики Сербия, направленное в Генассамблею ООН, было официально принято на 22-м пленарном заседании, где из 157 присутствовавших представителей государств его поддержали 77, против – 6 и воздержались – 74 [15].

В следующем, 2009 г., начался судебный процесс в Международном Суде, который ознаменовался обсуждением десятками делегаций законности провозглашения независимости Косово. С одной стороны, представители Сербии, России, Китая, Испании, Румынии, Кипра, Аргентины, Бразилии, Вьетнама, Венесуэлы, Боливии, Азербайджана и Беларуси выступили с резкой критикой действий временных приштабских учреждений [15]. С другой стороны, США, Великобритания, Франция, Германия, Нидерланды, Австрия, Норвегия, Дания, Финляндия, Болгария, Хорватия, Албания, Иордания и Саудовская Аравия оказывали поддержку сепаратистскому движению косовских албанцев¹ [15]. Учитывая решение Международного Суда по акту отделения косовских албанцев, количество государств, признавших независимость, резко не увеличилось, что свидетельствует о нерешительности и недоверии ряда государств к существованию концепции *suoi generis* относительно независимости Косова.

В ходе обсуждения особенно интересное толкование незаконной процедуры временных органов самоуправления с центром в Приштине было предложено делегацией Кипра. А именно, в стенограммах обсуждения делегация Кипра констатирует следующее: «Если бы Суд выразил позицию относительно приостановления действия закона (правовых норм) по одному делу в силу его особенностей, он создал бы прецедент для приостановления действия закона в связи с каким-либо делом в связи с его особыми признаками». Более того, маловероятно, что Суд мог бы ограничить действие заключения *svg* особым случаем Косово. Некоторые характеристики, которые можно было услышать в заявлениях в Суде, приводят к выводу, что Косово является делом *suoi generis*, на которое не распространяются нормы международного права, которые в руках любого опытного адвоката или политика-манипулятора могут быть обобщены ради применения к разным случаям... Если бы Суд основывал свое мнение на характеристике Косово как *suoi generis*, он перестал бы быть судом справедливости и взял бы на себя роль других органов Организации Объединенных Наций, которые решают, как следует разрешить ту или иную ситуацию политиче-

ским путем [19]. Именно разрозненность позиций членов Евросоюза привела к изданию заявления Совета Европы, в котором четко сказано, «что государства-члены будут решать в соответствии со своей национальной практикой и международным правом свои отношения с Косово» [14].

Окончательное заключение Международного Суда о том, что попытка сепаратистского движения косовских албанцев в одностороннем порядке провозгласить независимость «не противоречит ни международному праву, ни резолюции 1244 СБ ООН, ни временным конституционным рамкам в Косово», оказало негативное влияние на национальную безопасность Республики Сербии, о чем свидетельствуют заявления политических представителей того времени. А именно на внеочередной сессии МС 26 июля 2010 г. первым пунктом повестки дня было принятие решения о консультативном заключении Министерства юстиции и дальнейших мероприятиях, связанных с защитой территориальной целостности и суверенитета РС, где все руководство государства представило свой взгляд на проблему [9]. Общим для каждой отдельной презентации является то, что консультативное заключение МС основано, прежде всего, на инструментальном и частном толковании норм международного права, а не на последствиях, когда право на отделение вызвало для конституционного строя нарушение целостности и суверенитета РС. Хотя консультативное заключение СМП было представлено как юридическая несостоятельность, участники парламентских дебатов заявили о необходимости проведения ряда дипломатических мероприятий, которые остановили бы волну новых признаний самопровозглашенной в одностороннем порядке независимости Косова.

Интересное мнение высказал академик и видный юрист Коста Чавошки, который в авторском тексте в журнале «Печат» утверждает, что вопрос, адресованный МС, в первую очередь, некорректно сформулирован, имея в виду, что он сводится к вопросу: запрещает ли применимое международное право провозглашение независимости субъекта в составе единого государства [30]? Автор приводит в пример Канаду как страну, которая столкнулась с попыткой отделения Квебека, когда генерал-губернатор Канады обратился к Верховному суду Канады со следующим вопросом: «Дает ли международное право Национальному собранию, законодательному органу или правительству Квебека право в одностороннем порядке осуществить отделение Квебека от Канады?» В связи с этим существует ли какое-либо право в соответствии с международным правом, которое давало бы Национальному собранию, законодательному органу или правительству Квебека право в одностороннем порядке осуществить отделение Квебека от

¹ В 2008 году Хорватия, как и Македония, признала независимость Косово как раз в момент возбуждения дела в Международном Суде, что может быть истолковано как открытый подрыв двусторонних отношений соседних стран.

Канады?» [7]. Если бы вопрос РС об одностороннем провозглашении независимости Косова был сформулирован аналогично, то Суд должен был бы ответить, что отделение Косово не основывается на праве, которое прямо и недвусмысленно предусматривает применимое международное право [7]. Поскольку сам Суд в одной части признает, что специальное международное право подтверждает территориальную целостность и суверенитет федеративного государства, можно отметить, что временное самоуправление Косово временно приостановило власть Сербии, которая происходит из сохранения суверенитета над территорией Косово [7]. Таким образом, автор приходит к выводу, что МСП, давая свое консультативное заключение, использовала инфантильные остроты (например, заявив, что Декларация о независимости Косова была вынесена группой представителей косовских албанцев за пределы временных органов самоуправления), все с целью молчаливого одобрения незаконной процедуры провозглашения независимости Косово, т.е. ее ложного представления [7]. Чрезвычайно важно то, что, по ее мнению, МСП нигде не называла Косов государством [6]. В связи с этим в юридической литературе отмечается, что содержание документа указывает на вывод о том, что Косово нельзя считать независимым государством или государством-правопреемником, и что в заключении нет ничего, что говорило бы в поддержку государственности Косово и Метохии [6]. Государства-члены Евросоюза, оказывая решающее влияние на поведение представителей сепаратистского движения косовских албанцев в плане их поддержки (финансовой, военной, юридической и политической) для достижения их целей с использованием различного рода дипломатического давления и шантажа, направленных на Республику Сербия, положили начало сегодняшнему текущему диалогу об окончательном статусе Косово.

Постоянное отстранение представителей сепаратистского движения косовских албанцев от руководящих должностей (и, следовательно, участников переговоров) никоим образом не влияет на изменение политических требований, распознаваемых применением насильственных средств для их достижения. Одним из них является политическая организация «Движение за самоопределение», объединяющая большое количество этнических албанцев с сепаратистскими устремлениями, в своей программе она представляет Республику Сербия как «постоянного врага из-за параллельных структур, которые ставят под сомнение территориальную целостность и суверенитета Косово». Коллеги констатируют, что из-за плохой внутривнутриполитической ситуации, отсутствия экономики, слабых торговых, политических и культурных связей с другими странами, Косово

теряет эти элементы двустороннего сотрудничества со странами, признавшими самопровозглашенную независимость [27]. Соответственно, уникальный объединяющий фактор, который албанские политические организации в Косове часто используют для мобилизации электората, в основном касается агрессивной позиции в отношении Республики Сербии как принимающего государства на местном и международном уровне.

Угроза национальной безопасности Республики Сербии вооруженной агрессией пакта НАТО является уникальным примером нарушения всех действующих международно-правовых норм, запрещающих агрессию против суверенного и независимого государства. Ежедневная террористическая деятельность албанцев в сочетании с воздушными ударами пакта НАТО вызвала насильственную миграцию большого числа сербов из района Косово и Метохии, чему не помешало даже подписание Военно-технического соглашения 1999 г. Более того, нестабильная ситуация с безопасностью и старением населения сербской национальности не изменились даже с введением временной международной администрации (МООНК), о чем свидетельствуют многочисленные отчеты национальных и международных организаций (например, погром 2004 г.). С другой стороны, политические решения представителей международного сообщества (МООНК и СДК) укладывались в парадигму «абсолютной независимости» Косово и Метохии, несмотря на недовольство тогдашних высших должностных лиц Республики Сербии. Незаконная попытка отделения Косово и Метохии путем принятия Декларации независимости в 2008 г. представителями албанского национального меньшинства поставила целый ряд политических, экономических и социальных вопросов о стратегии действий субъектов и сил система национальной безопасности Республики Сербии.

Диалог, проведенный между представителями временных косовских учреждений и представителями Республики Сербии, способствовал подписанию соглашений в различных областях (например, полиция, судебная система, гражданская защита, границы, международный код зоны). Однако, по имеющимся пока показателям, реализация упомянутого соглашения оказывает негативное влияние на суверенитет, т.е. юрисдикции учреждений Республики Сербии (что, в том числе, гарантируется резолюцией 1244 СБ ООН). Произвольное толкование, выборочное выполнение или невыполнение политических договоренностей представителями албанского сепаратистского движения при более чем заметной терпимости части международного сообщества приводит к выводу о том, что самокупаемость проекта «независимого» Косова практически невозможна.

Литература

1. Влада РС (2008). Одлуку о поништавању противправних аката привремених органа самоуправе на Косову и Метохији о проглашењу једностране независности. URL: <http://otvorenavlada.rs/odluka-ponistavanje-protivpravni-akata-kim-lat-doc/> (Дата обращения: 04.03.2023)
2. Канцеларија за координационе послове у преговарачком процесу са Привременим институцијама самоуправе у Приштини (2021). Етнички мотивисани инциденти на КиМ. URL: <http://www.kord-kim.gov.rs/incidenti-kim.php> (Дата обращения: 04.03.2023)
3. Косов Г. В., Галда М. В., Гандалоев И. И. Политическое участие в условиях кризиса: теоретические основы и новые эмпирические данные // Философия права. 2022. № 2 (101). С. 60–65.
4. Косов Г. В., Нефедов С. А., Тишкин Д. Н. Направления корректировки государственной политики по противодействию организованной преступности в условиях гибридной войны // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 30–35.
5. Косов Г. В., Тишкин Д. Н., Солдатов Н. Ф. Организованная преступность как элемент гибридных войн: политологический анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 4. С. 198–203.
6. Кривокапић Б. Право народа на самоопредељење и случај Косова. У: Сецесија са становишта унутрашњег и међународног права и њене политичке последице (203–257). Београд: САНУ, 2021. 259 с.
7. Чавошки Коста Судска софистика у МСП. URL: <http://www.pecat.co.rs/2010/07/kosta-cavoski-sudska-sofistika-u-msp/> (Дата обращения: 04.03.2023).
8. МУП (2004). Тероризам на Косову. URL: <http://arhiva.mup.gov.rs/domino/mup.nsf/terorizam.pdf> (Дата обращения: 04.03.2023).
9. Народна скупштина РС (2003). Декларација о Косову и Метохији. URL: <https://www.srbija.gov.rs/kosovo-metohija/?id=19938> (Дата обращения: 04.03.2023).
10. Народна скупштина РС (2010). Шесто ванредно заседање Народне скупштине РС у 2010. години. URL: http://www.parlament.gov.rs/%C5%A0esto_vanredno_zasedanje_Narodne_skup%C5%A1tine_Republike_Srbije_u_2010._godini_4728.941.html (Дата обращения: 04.03.2023).
11. Резолуција НСРС (2007). Резолуција о заштити суверенитета, територијалног интегритета и уставног поретка Републике Србије. URL: <https://www.srbija.gov.rs/kosovo-metohija/index.php?id=80729> (Дата обращения: 04.03.2023).
12. Свеобухватни предлог за решавање статуса Косова и Метохије (2006). URL: <https://kossev.info/wp-content/uploads/public/dokumenti/Sveobuhvatni%20predlog%20Martija%20Ahtisarija.pdf> (Дата обращения: 04.03.2023).
13. Batakovic, D. (2014). A Turbulent Decade, The Serbs in Post-1999 Kosovo, Paris, Dialogue. URL: https://www.academia.edu/8727745/A_Turbulent_Decade_The_Serbs_in_post_1999_Kosovo_Destruction_of_Cultural_Heritage_Ethnic_Cleansing_and_Marginalization_1999_2009_Paris_Dialogue_2014_324_%D1%80 (Дата обращения: 04.03.2023).
14. Council of the European Union (2008). Press Release of 18 February 2008 (regarding proceedings at the 2850th meeting on General Affairs (6946/08)). (citirano prema Ryngaert & Sobrie, 2010) URL: www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/gena/98818.pdf (Дата обращения: 04.03.2023).
15. Dimitrijević, D., Lađevac, I., & Vučić, M. Analiza preduzetih aktivnosti u okviru sistema UN u vezi sa rešavanjem pitanja Kosova i Metohije // Међународни проблем. 2012. №64. P.442-478.
16. Dnevne novine Danas (2007a). Koštunica: Državni interes je da propadne Ahtisarijev plan. URL: <https://www.danas.rs/politika/kostunica-drzavni-interes-je-da-propadne-ah-tisarijev-plan/> (Дата обращения: 04.03.2023).
17. Dnevne novine Danas (2007b). Svi sporazumi u funkciji čuvanja integriteta. URL: <https://www.danas.rs/politika/svi-sporazumi-u-funkciji-cuvanja-integriteta/> (Дата обращения: 04.03.2023).
18. General Assembly (2008). Resolution adopted by the General Assembly URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Kos%20A%20RES63%203.pdf> (Дата обращения: 04.03.2023).
19. International Court of Justice (2009). Public sitting held on Monday 7 December 2009, at 10 a.m., at the Peace Palace, President Owada, presiding, on the Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence by the Provisional Institutions of Self-Government of Kosovo (Request for advisory opinion submitted by the General Assembly of the United Nations) (citirano prema Ker-Lindsay, 2013:20). URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/141/141-20091207-ORA-01-00-BI.pdf> (Дата обращения: 04.03.2023).
20. Istrefi K. Contestation of Kosovo's Statehood from Within: EULEX Judges Adjudicating Privatization Matters through 'Status Neutrality' // Review of Central and East European Law. 2020. № 45(4). P. 432–443.
21. Ker-Lindsay J. Kosovo: the path to contested statehood in the Balkans. London: IB Tauris, 2009.
22. Ker-Lindsay J. Preventing the Emergence of Self-Determination as a Norm of Secession: An Assessment of the Kosovo 'Unique Case' Argument // Europe-Asia Studies. 2013. №65(5). P. 837–856.
23. Lehne S. Resolving Kosovo's Status. Vienna: Austrian Institute for International Affairs, 2009.
24. Security Council (2003). Standard for Kosovo. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Kos%20Standards.pdf> (Дата обращения: 04.03.2023).
25. Security Council (2007). Report of the European Union/United States/Russian Federation Troika on Kosovo. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Kosovo%20S2007%20723.pdf> (Дата обращения: 04.03.2023).
26. Vreme (2007b). Deset događaja koji su obeležili 2007. godinu. URL: <https://www.vreme.com/cms/view.php?id=554484> (Дата обращения: 04.03.2023).
27. Visoka G., Doyle J. & Newman E. Routledge Handbook of State Recognition. New York: Routledge, 2020.
28. Vreme (2006). Zaoštravanje. URL: <https://www.vreme.com/cms/view.php?id=463592> (Дата обращения: 04.03.2023).
29. Vreme (2007a). Olandski argument. URL: <https://www.vreme.com/cms/view.php?id=535223> (Дата обращения: 04.03.2023).
30. Vreme (2008). Ljutnja i razum. URL: <https://www.vreme.com/cms/view.php?id=588302> (Дата обращения: 04.03.2023).
31. Weller M. Negotiating the Final status of Kosovo. Paris: European Union Institute for Security Studies, 2008.

References

1. Vlada RS (2008). Odluku o ponishtavanju protivpravnih akata privremenih organa samouprave na Kosovu i Metohiji o proglašenju jednostrane nezavisnosti (The decision on annulment of illegal acts of temporary self-government bodies in Kosovo and Metohija on the declaration of unilateral independence) URL: <http://otvorenavlada.rs/odluka-ponistavanje-protivpravnih-akata-kim-lat-doc/> (Accessed: 04.03.2023). (In Serbian).
2. Kancelarija za koordinacione poslove u pregovarachkom procesu sa Privremenim institucijama samouprave u Prishtini (2021). Etnichki motivisani incidenti na KiM (Office for Coordination Affairs in the negotiation process with the Provisional Institutions of Self-Government in Prishtina) (2021). Ethnically motivated incidents in Kosovo and Metohija URL: <http://www.kord-kim.gov.rs/incidenti-kim.php> (Accessed: 04.03.2023). (In Serbian).
3. Kosov G. V., Galda M. V., Gandaloiev I.I. Politicheskoe uchastie v uslovijah krizisa: teoreticheskie osnovy i novye jempiricheskie dannye (Political Participation in a Crisis: Theoretical Foundations and New Empirical Evidence) // *Filosofija prava*. 2022. No. 2 (101). P. 60–65. (In Russian).
4. Kosov G. V., Nefedov S. A., Tishkin D. N. Napravljenja korektivirovki gosudarstvennoj politiki po protivodejstvuju organizovanoj prestupnosti v uslovijah gibridnoj vojny (Directions for adjusting state policy to counter organized crime in a hybrid war) // *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. 2021. No. 1. P. 30–35. (In Russian).
5. Kosov G.V., Tishkin D.N., Soldatov N.F. Organizovannaja prestupnost' kak jelement gibridnyh vojn: politologicheskij analiz (Organized Crime as an Element of Hybrid Wars: A Political Science Analysis) // *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. 2020. No. 4. P. 198–203. (In Russian).
6. Krivokapih B. Pravo naroda na samoopredeljenje i sluchaj Kosova. U: Secesija sa stanovishta unutrashnjeg i mejunarodnog prava i njene politichke posledice (203–257) (The right of peoples to self-determination and the case of Kosovo. In: Secession from the point of view of domestic and international law and its political consequences (203–257). Beograd: SANU, 2021. 259 p. (In Serbian).
7. Chavoshki Kosta Sudska sofistika u MSP. (Judicial sophistication at the International Court of Justice) URL: <http://www.pecat.co.rs/2010/07/kosta-cavoski-sudska-sofistika-u-msp/> (Accessed: 04.03.2023). (In Serbian).
8. MUP (2004). Terorizam na Kosovu (Terrorism in Kosovo). URL: <http://arhiva.mup.gov.rs/domino/mup.nsf/terorizam.pdf> (Accessed: 04.03.2023). (In Serbian).
9. Narodna skupština RS (2003). Deklaracija o Kosovu i Metohiji (National Assembly of the RS (2003). Declaration on Kosovo and Metohija). URL: <https://www.srbija.gov.rs/kosovo-metohija/?id=19938> (Accessed: 4.03.2023). (In Serbian).
10. Narodna skupština RS (2010). Shesto vanredno zasedanje Narodne skupštine RS u 2010. Godini (National Assembly of the RS (2010). (The sixth extraordinary session of the National Assembly of the RS in 2010.) URL: http://www.parlament.gov.rs/%C5%A0esto_vanredno_zasedanje_Narodne_skup%C5%A1tine_Republike_Srbije_u_2010._godini_.4728.941.html (Accessed: 4.03.2023). (In Serbian).
11. Rezolucija NSRS (2007). Rezolucija o zashtiti suvereniteta, teritorijalnog integriteta i ustavnog poretka Republike Srbije (NSRS Resolution (2007). Resolution on protection of sovereignty, territorial integrity and constitutional order of the Republic of Serbia). URL: <https://www.srbija.gov.rs/kosovo-metohija/index.php?id=80729> (Accessed: 04.03.2023). (In Serbian).
12. Sveobuhvatni predlog za reshavanje statusa Kosova i Metohije (2006) (Comprehensive proposal for resolving the status of Kosovo and Metohija (2006) URL: <https://kossev.info/wp-content/uploads/public/dokumenti/Sveobuhvatni%20predlog%20Martija%20Ahtisarija.pdf> (Accessed: 04.03.2023). (In Serbian).
13. Batakovic, D. (2014). A Turbulent Decade, The Serbs in Post-1999 Kosovo, Paris, Dialogue. URL: https://www.academia.edu/8727745/A_Turbulent_Decade_The_Serbs_in_post_1999_Kosovo_Destruction_of_Cultural_Heritage_Ethnic_Cleansing_and_Marginalization_1999_2009_Paris_Dialogue_2014_324_%D1%80 (Accessed: 04.03.2023).
14. Council of the European Union (2008). Press Release of 18 February 2008 (regarding proceedings at the 2850th meeting on General Affairs (6946/08)). (citirano prema Ryngaert & Sobrie, 2010) URL: www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/gena/98818.pdf (Accessed: 04.03.2023).
15. Dimitrijević, D., Lađević, I., & Vučić, M. Analiza preduzetih aktivnosti u okviru sistema UN u vezi sa rešavanjem pitanja Kosova i Metohije // *Međunarodni problem*. 2012. №64. P. 442–478.
16. Dnevne novine Danas (2007a). Koštunica: Državni interes je da propadne Ahtisarijev plan. URL: <https://www.danas.rs/politika/kostunica-drzavni-interes-je-da-propadne-ahtisarijev-plan/> (Accessed: 04.03.2023).
17. Dnevne novine Danas (2007b). Svi sporazumi u funkciji čuvanja integriteta. URL: <https://www.danas.rs/politika/svi-sporazumi-u-funkciji-cuvanja-integriteta/> (Accessed: 04.03.2023).
18. General Assembly (2008). Resolution adopted by the General Assembly URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Kos%20A%20RES63%203.pdf> (Accessed: 04.03.2023).
19. International Court of Justice (2009). Public sitting held on Monday 7 December 2009, at 10 a.m., at the Peace Palace, President Owada, presiding, on the Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence by the Provisional Institutions of Self-Government of Kosovo (Request for advisory opinion submitted by the General Assembly of the United Nations) (citirano prema Ker-Lindsay, 2013:20). URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/141/141-20091207-ORA-01-00-BI.pdf> (Accessed: 04.03.2023).
20. Istrefi K. Contestation of Kosovo's Statehood from Within: EULEX Judges Adjudicating Privatization Matters through 'Status Neutrality' // *Review of Central and East European Law*. 2020. No 45(4). P. 432–443.
21. Ker-Lindsay J. Kosovo: the path to contested statehood in the Balkans. London: IB Tauris, 2009.
22. Ker-Lindsay J. Preventing the Emergence of Self-Determination as a Norm of Secession: An Assessment of the Kosovo 'Unique Case' Argument // *Europe-Asia Studies*. 2013. No.65(5). P. 837–856.
23. Lehne S. Resolving Kosovo's Status. Vienna: Austrian Institute for International Affairs, 2009.
24. Security Council (2003). Standard for Kosovo. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Kos%20Standards.pdf> (Accessed: 04.03.2023).

25. Security Council (2007). Report of the European Union/United States/Russian Federation Troika on Kosovo. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Kosovo%20S2007%20723.pdf> (Accessed: 04.03.2023).
26. Vreme (2007b). Deset događaja koji su obeležili 2007. godinu. URL: <https://www.vreme.com/cms/view.php?id=554484> (Accessed: 04.03.2023).
27. Visoka G., Doyle J. & Newman E. Routledge Handbook of State Recognition. New York: Routledge, 2020.
28. Vreme (2006). Zaoštavanje. URL: <https://www.vreme.com/cms/view.php?id=463592> (Accessed: 04.03.2023).
29. Vreme (2007a). Olandski argument. URL: <https://www.vreme.com/cms/view.php?id=535223> (Accessed: 04.03.2023).
30. Vreme (2008). Ljutnja i razum. URL: <https://www.vreme.com/cms/view.php?id=588302> (Accessed: 04.03.2023).
31. Weller M. Negotiating the Final status of Kosovo. Paris: European Union Institute for Security Studies, 2008.

Сведения об авторах

Младенович Мирослав – доктор политических наук, профессор Факультета безопасности Белградского университета / m.mladenovic@fb.bg.ac.rs

Адрес: 1, Студенческая площадь, 11000, г. Белград, Республика Сербия.

Томич Милош – доктор наук безопасности, доцент факультета безопасности Белградского университета / milos.tomic@fb.bg.ac.rs

Адрес: 1, Студенческая площадь, 11000, г. Белград, Республика Сербия.

Information about the authors

Miroslav Mladenovic – Doctor of Political Sciences, Professor, Faculty of Security, University of Belgrade / m.mladenovic@fb.bg.ac.rs

The address: 1 Studentski trg, 11000, Belgrade, Republic of Serbia.

Milos Tomic – Doctor of Security Sciences, Associate Professor, Faculty of Security, University of Belgrade / milos.tomic@fb.bg.ac.rs

The address: 1 Studentski trg, 11000, Belgrade, Republic of Serbia.

УДК 94(37).08

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.11>

С. А. Сахаров

КОРРУПЦИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА

Проблемы восприятия Августином коррупции привлекли в свое время внимание профессора Ричмондского университета Питера Кауфмана, который в своей статье с характерным названием «Августин и коррупция», вышедшей в 2009 г., вступает в полемику с рядом видных исследователей поздней античности, в числе которых, к примеру, Рамсей МакМаллен, склонных видеть в воззрениях епископа Гиппона признаки потворства и оправдания коррупции. В своей статье мы вновь обращаемся к вопросам восприятия названного феномена в системе социально-политических ориентаций великого отца церкви. Основой анализа для нас стало эпистолярное наследие Августина. В его письмах, среди адресатов которых высокопоставленные должностные лица центральной имперской администрации, судьи, коллеги-епископы, прослеживается двойственное отношение к вопросам использования личных связей, власти в интересах защиты имущественных прав как отдельных лиц, так и всей церковной организации, позволяющее делать столь же неоднозначные выводы относительно поддержки или отрицания им коррупционных связей как способа решения вопросов, имеющих социально-политическое значение. Августин имеет совершенно рациональное отношение к

имуществу, собственности. Он понимает значимость материальных благ для существования в условиях «земного града». Являясь лицом, осуществляющим управленческие функции, он не может не отстаивать имущественных прав возглавляемой им организации, ибо на них зиждется само существование последней. При этом анализ данных переписки Августина позволяет обнаружить принципиально иной по сравнению с современным нам подход к восприятию коррупции. Для него последняя состоит не в форме, а в сущности. Он считает совершенным злом взяточничество и продажность, но готов использовать связи с влиятельными людьми для достижения целей, которые сам он считает благом, даже если чисто внешне они могут нести в себе признаки злоупотребления влиянием, связями в интересах третьих лиц.

Ключевые слова: Аврелий Августин, эпистолярное наследие Августина, письма Августина, коррупция, восприятие Августином коррупции.

Для цитирования: Сахаров С. А. Коррупция в системе социально-политических ориентаций Аврелия Августина // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 88–97. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.11

Stanislav A. Sakharov

CORRUPTION IN THE SYSTEM OF SOCIAL AND POLITICAL VIEWS OF AURELIUS AUGUSTINE

Peter Kaufman, the professor of the University of Richmond, took interest in Augustine's interpretation of corruption and, in his article with the characteristic title "Augustine and Corruption", published in 2009, enters into controversy with several prominent researchers of late antiquity, including, for example, Ramsey McMullen, who are inclined to see in the views of the bishop of Hippo signs of indulgence and justification of the corruption.

In our article, we again turn to the problems of perception in connection with the socio-political views of the great father of the church. The epistolary legacy of Augustine has become the basis of our analysis. In his letters, among the addressees who are in high-ranking areas of general authority, judges, and fellow bishops, there is an ambivalent attitude towards the choice of personal contacts, the power in protecting the property rights of individuals and the whole church organisation, allowing to do ambiguous conclusions regarding support or denial of corruption ties as a solution to issues having socio-political values.

Проблемы коррупции всегда привлекали внимание историков, философов, юристов. В любой ценностной системе координат взятки, использование власти в корыстных целях и пр. рассматриваются как явления, таящие в себе экзистенциальную угрозу обществу и государству.

Augustine has a completely rational attitude towards the property. He understands the significance of material goods for existence in the conditions of the Earthly City. Being a person realising managerial functions, he cannot but defend the property rights of his organisation as its determination is based on them.

At the same time, the analysis of Augustine's correspondence data allows us to discover a brand new approach to the perception of corruption in comparison with the well-known one. For him, venal practice does not consist in form, but in essence. He considers bribery and venality to be a complete evil, but he is ready to use connections with influential people for beneficial purposes, even if outwardly they may bear signs of abuse of influence and connections in the interest of third parties.

Key words: Aurelius Augustine, Augustine's epistolary heritage, Augustine's letters, corruption, Augustine's perception of corruption.

For citation: Sakharov S. A. Corruption in the system of social and political views of Aurelius Augustine // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 88–97 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.11

Так было и в Поздней Римской империи, где коррупция, в определениях Дж. Кайдена [8] и Дж. Куаха [23], стала «образом», а не «фактом» жизни, отражая саму сущность системы домината, в которой, по словам М. М. Казакова, бюрократия превратилась в самостоятельную силу, потребля-

ющую значительную часть прибавочного продукта и постоянно претендующую на дополнительные средства и услуги [2, с. 40]. Сказанное вызвало обеспокоенность властей, которые десятилетие за десятилетием пытались положить конец использованию чиновниками личных связей и влияния, денег и служебных полномочий и которые, к слову сказать, оставались безрезультатными, свидетельствуя о принципиальной неспособности империи поставить под должный контроль собственную административную систему.

На опасности, порождаемые бюрократическим произволом и коррупцией, обращали внимание и представители позднеантичной интеллектуальной элиты. В их числе видное место принадлежит Аврелию Августину, для которого коррупция – гораздо больше, чем просто посягательство на установленный государством порядок, она являет для него свидетельство разрушения общественной нравственности, в конечном итоге – человеческой души.

На «роль» коррупции в истории Позднего Рима обращали внимание и исследователи античности. В их числе, например, А. Альфельди, указывавший на превращение в империи эпохи домината высших государственных должностей в объект купли-продажи [5, р. 35]; или Р. МакМаллен, для которого вовсе коррупция и падение Рима являются едва ли не синонимами [20].

Принимаясь за работу над данной статьей, мы определили предметом исследования эпистолярное наследие одного из отцов христианской церкви Аврелия Августина. Такой выбор обусловлен двумя обстоятельствами. Во-первых, к решению подобного рода задач располагает само содержание интеллектуального наследия Августина, ибо христианский мыслитель напрямую затрагивает вопросы злоупотребления властью в корыстных целях, развивает собственную концепцию богатства, которая в своей сущности дает августиновский ответ на вопрос о причинах непобедимости коррупции. К слову сказать, именно анализ данных категорий в контексте этики отца церкви, его социально-экономического учения нашел наиболее полное осмысление в историографии. К примеру, вопросы богатства и бедности в творчестве Аврелия Августина стали предметом пристального изучения американской исследовательницы К. Уорд [25; 26; 27; 28], а также английского и американского антиковеда П. Брауна [6; 7]. Вместе с тем, обращение к взглядам Августина в качестве одного из оснований изучения проблем восприятия коррупции в среде позднеантичной интеллектуальной элиты обусловлен тем колоссальным влиянием, которое отец церкви оказал как на римское общество, так и на весь ход мировой истории. Личный авторитет и влияние епископа подчеркивает широта адресатов его писем, в числе которых мы встречаем и богатую вдову Пробу,

с которой он обсуждает духовно-нравственные проблемы богатства и бедности, и высшего гражданского чиновника империи (*magister officiorum*) Олимпия. Как отмечает С. Мрачек, «письма, которыми обменивались Августин и Олимпий, иллюстрируют короткое, но очень эффективное сотрудничество между духовенством и людьми, обладавшими политическим влиянием, которые представлены епископом Гиппона и главой администрации империи» [21, р. 224].

Широта сведений, содержащихся в письмах Августина, поистине впечатляет своим размахом. Обусловлено это тем, что и для него, и для других церковных деятелей эпохи, письма зачастую были единственным средством поддержания связи. Они могли иметь характер открытых посланий, которые открывали путь к известности и признанию [9, р. 196].

Эпистолярное наследие Августина содержит богатый материал, среди прочего, характеризующий воззрения отца церкви на вопросы богатства и жадности, продажности и коррупции, использования личных связей и влияния. Причем, что крайне важно, письма епископа Гиппона, в отличие от, к примеру, трактата «О граде Божьем», рисуют нам несколько иного Августина. Не философа-идеалиста, а Августина – реального человека, обладающего огромными властью и влиянием, обремененного массой совершенно земных проблем, вынужденного заботиться о мирских вещах в той же мере, как и о благах высшего порядка. Иными словами, переписка показывает отца церкви во всем разнообразии его личности, неминуемо обращая внимание на некоторые кажущиеся нам значимыми противоречия. Среди них и противоречия в отношении к богатству, к все той же коррупции.

Несмотря на то обстоятельство, что изучение интеллектуального наследия Аврелия Августина традиционно составляет значимое направление в мировой историографии, на сегодняшний день остаются недостаточно изученными взгляды отца церкви на вопросы коррупции. Названная проблема находит свое отражение в статье профессора Ричмондского университета Питера Кауфмана с характерным названием – «Августин и коррупция» [13]. На страницах работы находит отражение своего рода дискуссия между ее автором и рядом известных историков, в числе которых Р. МакМаллен [19; 20], С. Лансель [14], К. Лепелье [17; 18] и др., склонных находить в воззрениях Августина признаки принятия, оправдания и, едва ли, не поддержки коррупции. В свою очередь, П. Кауфман доказывает, что тот же Р. МакМаллен мог допустить неточность, приняв признание Августином неумолимости и неотвратимости коррупции за ее оправдание или поддержку [13, р. 54].

Разногласия по поводу поддержки Августином коррупции строятся на разной интерпретации ряда фрагментов из обширной переписки отца

церкви. Таким образом, следует сразу оговориться, что сама полемика строится на анализе конкретных примеров, отражающих реальное отношение Августина к коррупционным связям, а не всего массива данных, затрагивающих вопросы коррупции, стяжательства, губительного влияния денег и материальных благ на человека, государство и общество, которыми изобилует наследие епископа Гиппона.

Так, в частности, основываясь на данных писем Августина, мы можем предположить, что в сознании епископа существует неразрывная связь между коррупцией и донатистским расколом, начался который еще во времена гонения Диоклетиана в связи с разделением христианской общины на сторонников «строгости» и «умеренных». Первые, как пишет Ф. Шафф, устремились за мученическим венцом, считая бегство от опасности или выдачу священных книг трусостью и предательством. В свою очередь «партия умеренных», во главе которых стоял епископ Мензурий и его преемник Цецилиан, выступали за терпимость, не считая отступниками и предателями тех, кто во имя спасения христиан выдавал язычникам для сожжения священные книги. Среди таковых был и сам Цецилиан. Его оппоненты настаивали на необходимости повторного крещения всех, кто был крещен официальной церковью, священниками Цецилиана, в связи с избранием которого епископом Карфагена по оговоренным выше причинам возникло немало трудностей, ибо донатисты отказывались признавать его [4, с. 245].

У Цецилиана в Карфагене было много оппонентов, в числе которых был примас Нумидии Секунд, около семидесяти нумидийских епископов и, наконец, суевверная и богатая вдова Лусиллы, которой предстояло сыграть особую роль в «деле Цецилиана». И эта роль, в интерпретации Августина, как раз и связана с той самой «чистой» коррупцией, источниками которой будут два взаимосвязанных фактора, а именно богатства Лусиллы и «пороки души» семидесяти «продажных» епископов [4, с. 245].

Секунд и те самые семьдесят епископов, среди которых, по словам Ф. Шаффа, преобладали «сторонники строгости», собрались на собор в Карфагене, сместили и отлучили от церкви Цецилиана и избрали на его место Майорина, любимца Лусиллы [4, с. 245].

В конце же IV – начале V в. Августин попытался примирить донатистов с официальной церковью. По этому поводу он написал несколько работ. А в 411 г. по приказу императора дело было передано на рассмотрение нового суда в Карфагене, где Августин выступал в роли главного обвинителя. Закончилось рассмотрение дела победой официальной церкви. Против донатистов были применены суровые гражданские меры, включая высокие штрафы, конфискации имущества. В 415 г. им вовсе запретили проводить свои религиозные собрания под страхом смерти [4, с. 245].

Теперь посмотрим, как интерпретирует описанные выше события Августин. Его позиция по делу о донатистском расколе изложена в нескольких письмах, которые были написаны отцом церкви между 397 и 402 гг. В одном из этих писем, которое, по существу, носит открытый характер, ибо, помимо указанных в качестве адресатов лиц, обращено оно ко «всем, кому это может быть интересно», Августин пишет о том, что около семидесяти епископов осудили Цецилиана, бывшего епископа Карфагена вместе с его соратниками и теми, кем он был рукоположен. Отец церкви сразу обозначает свое отношение к произошедшему, обращая внимание на следующее обстоятельство: приговор был вынесен без обсуждения в отсутствие тех, кто был затем осужден, и без ознакомления их с предметом обвинения (Aug. Ep. 43. 3; 43. 6; 43. 10). Иными словами, как бы мы сказали сегодня, с явными «процессуальными нарушениями». При этом примас Секунд Августин ставит в вину то, что он привлек к суду людей, вина которых не была доказана, но которых судили люди, обнаружившие свою продажность (Aug. Ep. 43. 3; 43. 6; 43. 10).

Однако на этом Августин не заканчивает. Он пишет о том, что сознание участников собора было затуманено Лусиллой, очень богатой женщиной, которую он (Цецилиан) оскорбил, когда был дьяконом. Они были подкуплены и специально подстрекаемы против Цецилиана ее деньгами (Aug. Ep. 43. 17). В итоге Майорин под влиянием Лусиллы собрал фракцию епископов и, осудив Цецилиана в его отсутствие, был рукоположен в епископы (Aug. Ep. 43. 26). Таким образом, деньги в данной ситуации возымели верх, перевесив даже то обстоятельство, что Майорин был лишь скромным чтецом, не имевшим значимых заслуг перед христианской общиной, но, вероятно, имевший их перед своей богатой покровительницей.

«Коррупционные» обвинения в адрес донатистов содержатся и в письме 402 г., адресованном Августинем Криспину, епископу донатистов Каламы. «Возможно, – пишет отец церкви, – тебе будет сложно заплатить штраф, наложенный на тех, кто крестил людей повторно, поскольку ты был вовлечен в большие расходы, подкупая тех, кого повторно крестил... Пусть Христос наполняет тебя страхом! Я хочу знать, что ты ему ответишь, если он спросит: «Криспин, сколь высока была цена, которую ты заплатил, чтобы купить страх малоплакийского крестьянства; и разве моя смерть, цена, уплаченная мной во имя любви ко всем народам, ... недостаточна?»» (Aug. Ep. 66. 1). Иными словами, Августин как бы предупреждает недовольства донатистов по поводу затруднений, вызванных необходимостью выплачивать наложенные на них штрафы, указывая на то, что не меньшие расходы они уже понесли в связи с подкупом участников собора, осудившего Цеци-

лиана, и прочих лиц, причастных к повторному крещению всех тех, кто был крещен служителями официальной церкви. Последняя, в интерпретации епископа, действует как носитель справедливости, «оплаченной» Христом собственной кровью. Еретики-донатисты же могут апеллировать лишь к «человеческим законам», а также к деньгам, посредством которых они получили возможность спекулировать на жадности людей, не ведающих истинной справедливости.

Названный эпизод в переписке отца церкви представляется весьма значимым в контексте спора о «поддержке» им коррупции. Донатистский раскол, по мысли Августина, помимо доктринальной составляющей, имеет и своего рода правовую составляющую. Она находит выражение в двух аспектах, обнаруживаемых в приведенных выше фрагментах переписки. Это, во-первых, те самые «процессуальные» нарушения, которые делают решения собора оспоримыми с формальной точки зрения. Во-вторых, это подкуп участников собора, осудившего Цецилиана, в котором епископ недвусмысленно обвиняет донатистов. Названные обвинения, эмоциональная оценка и общий контекст определения роли денег и факта подкупа, повлекшие за собой нарушение религиозного единства, свидетельствуют об осуждении Августином продажности и подкупности как элементов коррупционного поведения. Иными словами, о поддержке коррупции тут не может быть и речи.

К слову сказать, история с Цецилианом и донатистами – не единственный пример «чистой» коррупции, упоминаемой Августином, и свидетельствующий о ее проникновении также в сферу церковной жизни. Есть примеры и иного рода.

Если в «деле Цецилиана» речь идет о продажности, подкупности, то, к примеру, в письме, написанном Августином в 402 г. своему коллеге Ксантипу, речь, очевидно, идет о злоупотреблении влиянием и даже властью одним из служителей церкви. Здесь говорится о деле Абуденция, рукоположенного в пресвитера во владении Страбонии, принадлежащем к епархии Августина. Епископ изобличает Абуденция в присвоении денег земляка, вверенных ему для религиозных целей. Помимо этого, пресвитер был уличен в том, что во время поста обедал, ужинал и ночевал в доме женщины, известной дурной славой. Названные обстоятельства послужили для Августина достаточным основанием к тому, чтобы отстранить Абуденция от обязанностей пресвитера: «Я боялся, – пишет епископ, – оставить его руководить церковью, особенно той, которая находилась в самой гуще еретиков» (Aug. Ep. 65. 1).

Информация об этом деле сохранилась в переписке Августина в силу того, что он счел возможным удовлетворить просьбу Абуденция дать ему письмо с изложением дела к пресвитеру прихода, из которого он прибыл, чтобы не допустить

преувеличения подозрений в отношении его характера, позволив ему жить там «более последовательной жизнью». «Сострадание побудило меня сделать так как он хотел», – пишет Августин (Aug. Ep. 65. 1).

В переписке отца церкви мы встречаем фрагмент, относящийся к коррупции и в светской среде. В письме 410 г., адресованном Августином своему коллеге Фортунату, епископ пишет следующее: «Ваше священство хорошо знакомо с Фавенцием, арендатором Парацинского поместья. Он, спасаясь от преследований со стороны владельца названного имени, укрылся в одной из церквей Гиппона и оставался там, как обычно поступают беглецы, ожидая пока при моем посредничестве его вопрос будет улажен. Становясь с каждым днем все менее бдительным, он, ... выходя из дома после ужина, был похищен неким Флорентином, который использовал для его похищения группу вооруженных людей... Я сразу же обратился к трибуну, который руководит охраной (в этой местности) ... Утром мы узнали, где ночевал похищенный, а также узнали о том, что ранним утром он покинул дом, в котором провел ночь, вместе с человеком, удерживавшим его ... На следующий день я направил письмо с просьбой предоставить ему установленное императором для таких случаев право, находясь в течение тридцати дней под умеренной охраной, уладить спор или найти деньги для судебного разбирательства. Я надеюсь, что в течение этого срока мы сможем довести его дело до какого-либо мирного урегулирования ... Однако, я вместе с тем опасаясь, что если он предстанет перед судом магистрата, то нельзя гарантировать того, что он не станет жертвой несправедливости. Ибо, хотя этот судья широко известен своей честностью и неподкупностью, Фавенций имеет своим противником очень богатого человека ...» (Aug. Ep. 115).

Далее отец церкви просит Фортуната передать сопроводительное письмо самому судье, дабы гарантировать, что деньги не возымеют вверх в этом процессе (Aug. Ep. 115). Епископ выражает надежду, что судья отложит слушание этого дела, ибо он не уверен в виновности похищенного и в том, что судья не упустит из внимания того обстоятельства, что внезапное похищение (Фавенция) нарушает императорский закон, лишая его упомянутого выше права на отсрочку для улаживания дел.

И вот тут мы подходим к этому самому сопроводительному письму, которое вносит совершенно новую интонацию в наше исследование.

Для начала обратимся к существу письма. Августин начинает обращение к судье Генерозу следующими словами: «Хотя добрая молва о твоей деятельности и славное имя во всякое время приносят мне величайшее наслаждение, которым я обязан твоим заслугам и благожелательности,

я никогда еще не обременял тебя просьбой о помощи... Когда твое превосходительство узнает из писем, которые я направил достопочтенному брату и коллеге Фортунату, что произошло в городе, где я служу Господу, твое доброе сердце сразу же поймет необходимость, из-за которой я вынужден отрывать тебя от дел этой просьбой» (Aug. Ep. 116).

Завершив лестное обращение, отец церкви подходит к главному. Он пишет: «И, несомненно, ты поступишь, как подобает не только праведному, но и христианскому судье, лелея по отношению к нам чувства, которых мы вполне можем ожидать во имя Христа» (Aug. Ep. 116).

Приведенные выше фрагменты двух писем Августина подводят нас к ряду мыслей.

Во-первых, о «чистой коррупции». Само по себе сомнение или опасение отца церкви по поводу того, что деньги могут повлиять на исход рассмотрения дела, указывают на одну простую и понятную мысль, которая состоит в том, что, по мнению Августина, взяточничество и подкуп были распространенным явлением в римской судебной администрации. В свою же очередь опасения относительно того, что Фавенций может стать жертвой несправедливости, обусловленной влиянием денег, вновь свидетельствуют об осуждении епископом коррупции.

Однако прочтение писем Августина, связанных с «делом Фавенция», позволяет заподозрить самого епископа в готовности использовать личное влияние в целях давления на суд. Очевидно, что, получив письмо от столь влиятельного в церковных кругах, да и в кругах политических, деятеля, каковым является Августин, судья Генероз не мог просто «отмахнуться». Он должен был реагировать. А как именно, Августин уже написал в своем обращении: «... ты поступишь, как подобает не только праведному, но и христианскому судье» (Aug. Ep. 116).

Можем ли мы рассматривать данный эпизод как пример коррупции? Вряд ли! Причина тому – отсутствие личной материальной заинтересованности епископа. Но мы можем смело утверждать, что Августин не просто был готов, но и использовал свое влияние, вмешиваясь в дела совершенно светского порядка. Зачем он это делал? Очевидно, что не во имя личных корыстных интересов. В каких именно целях Августин использовал свою власть и влияние он сам объясняет в одном из писем, заявляя о своем стремлении сделать так, чтобы никто не подвергался чрезмерной суровости наказания, стремлении способствовать истинному благополучию людей, которое заключено в «блаженстве добрых дел, а не в гарантии безнаказанности за злодеяния» (Aug. Ep. 91. 7). Во имя милосердия и во имя того самого истинного благополучия церковь могла содействовать освобождению от штрафа, наложенного гражданской администрацией на еретиков, повинных во все том же донатистском расколе (Aug. Ep. 88. 7).

На подобные эпизоды в переписке Августина обращал внимание тот же К. Лепелье, анализируя письмо 413 г. викарию Африки Македонию, в котором отец церкви объясняет, почему епископы иногда ходатайствуют о помиловании преступников, и почему светские чиновники должны отвечать на эти ходатайства положительно. По мнению епископа, церковные лидеры во имя справедливости должны приходить на помощь в подобных ситуациях, выступая в качестве посредников в судебных тяжбах [18, р. 387]. К слову сказать, на это письмо обращал внимание и Р. МакМаллен, используя его в качестве средства доказывания тезиса о «поддержке» Августином коррупции. Историк, в частности, обращал внимание на то, что сами епископы, оказывая помощь заблудшим, сами нередко получали за свои услуги вознаграждение, которое, по мнению Р. МакМаллена, равносильно взятке. П. Кауфман, в свою очередь, и в данном эпизоде расставляет акценты иначе. По его мнению, для Августина в данном контексте гораздо более важным было то, что прощение, пусть даже и добытое с помощью денег, давало преступникам время для покаяния (Aug. Ep. 153, 3). Да и в целом эти подношения епископам по своему характеру и последствиям совершенно несопоставимы с крупными хищениями высокопоставленных чиновников и ущербом от лжесвидетельства или злонамеренного преследования в судах (Aug. Ep. 153, 3, 24) [13, р. 49].

В контексте сказанного следует обратить внимание на то обстоятельство, что само по себе вмешательство церковного лидера в судебные дела во времена Августина не было чем-то совершенно новым или противоестественным. Напротив, по словам П. Кауфмана, Августин развивает институциональное новшество IV века, которое как раз отчасти и было направлено на обуздание коррупции – епископские суды, в которых церковные иерархии улаживали споры между верующими [13, р. 57]. Однако не следует думать, что эти суды были совершенно защищены от пороков коррупции. Напротив, по утверждению К. Ухальде, они были поражены многочисленными пороками мирского правосудия [12; 24, р. 52–53, 66–67, 135–137].

В переписке Августина, тем не менее, присутствуют эпизоды, прочтение которых обнаруживает противоречия гораздо более масштабные, нежели те, которые выявляются в связи с рассмотренным выше «делом Фавенция». И эти противоречия позволяли и позволяли вновь и вновь задаваться вопросами о поддержке Августином коррупционных связей. Тот же Р. МакМаллен обращает внимание на еще один эпизод использования Августином своих связей и влияния для улаживания гражданских дел. Причем если в случае с «делом Фавенция» мы довольно легко могли отвести любые подозрения на наличие в

действиях епископа Гиппона какой-либо коррупционной составляющей ввиду отсутствия в нем составляющей имущественной, то в новом деле – «деле Бонифация» – сделать это сложнее, ибо тут эта имущественная составляющая уже проявляется со всей очевидностью.

Итак, обратимся к переписке отца церкви. В 408 г., едва получив слухи о повышении Олимпия, с которым Августин был знаком задолго до того, и быстро воспользовавшись ситуацией [21, р. 225], епископ пишет вновь назначенному магистру официальной письма следующего содержания: «Кем бы ты ни был в этом мире по своему положению, – начинает Августин, – я обращаюсь к тебе как к моему возлюбленному сподвижнику-христианину... Что касается твоего процветания, я ни на мгновение не сомневаюсь, что ты мудро распорядишься им в целях вечного спасения, ибо чем большее влияние ты обретишь на этой земле, тем более сможешь посвятить себя интересам Небесного града, которому ты обязан своим рождением во Христе» (Aug. Ep. 96. 1).

Завершив приветствие, епископ Гиппона переходит к изложению существа вопроса, вынудившего его писать столь высокопоставленному сановнику: «Я вновь верю твоей благосклонности прошение моего коллеги и брата Бонифация в надежде, что то, что не могло найти решение ранее, найдет решение теперь. Возможно, он мог бы законно сохранить имущество, обретенное его предшественником от чужого имени и которым он владел от имени Церкви. Однако я не хочу, чтобы бремя долгов перед казной лежало на нашей совести» (Aug. Ep. 96. 2).

Отвлекаясь от витиеватых фраз Августина, отметим, что он просил помощи Олимпия в решении сложного имущественного вопроса епископа небольшого городка Катаквы, расположенного неподалеку от Гиппона – Бонифация. Просьба эта касалась принадлежащего ему земельного владения. Уже будучи в долгах перед фиском, Павел, предшественник Бонифация, купил его на имя одной влиятельной семьи, желая таким образом скрыть свое новое земельное владение и тем самым избежать налогового бремени [21, р. 226–227].

Вследствие изложенного, по словам Августина, церковь может обрести это имущество не путем обмана, совершенного своим епископом, а лишь в силу открытого акта щедрости своего императора-христианина (Aug. Ep. 96. 2). И вот собственно этот акт щедрости Августин просит «обеспечить» Олимпия. Епископ Августин не просит налоговых льгот для Бонифация. Он хочет, чтобы христианский император проявил христианскую щедрость, восстанавливая собственность церкви Катаквы [21, р. 228]: «Я прошу тебя снисходительно поддержать это ходатайство ... Ибо ответ, который он (Бонифаций) получил ранее, не соответствует нашим ожиданиям. А теперь, поскольку у тебя до-

брый нрав и ты обладаешь огромным влиянием, я не сомневаюсь, что его просьба будет легко удовлетворена милостью Господа. Если бы ты попросил даровать эту собственность от своего имени и затем подарил ее церкви, то кто бы стал порицать твою просьбу? Нет! Скорее кто бы не одобрил ее, ибо продиктована она не земной алчностью, а христианским благочестием?» (Aug. Ep. 96. 3).

Иными словами, Августин предлагает Олимпию вполне конкретный путь решения проблемы Бонифация. Магистр должен ходатайствовать перед императором о передаче ему прав на участок. Затем он должен был передать права на землю Бонифацию. Желая убедить Олимпия сделать то, что он хочет, отец церкви представляет свой план как акт христианского милосердия [21, р. 228].

Судя по следующему письму, отправленному Августином Олимпию, его план удался: «Узнав о твоём заслуженном повышении, верю, что никаких других чувств по отношению к Церкви, чьим истинным сыном к нашей радости ты являешься, ты не испытываешь кроме тех, о которых ты сказал в предыдущем письме» (Aug. Ep. 97. 1).

В рассматриваемом фрагменте переписки Р. МакМаллен усматривает потворство отца церкви уклонению от уплаты налогов, ибо он не только хвалит Бонифация за речение о церковных имуществвах, но и сам, как мы видели выше, активно включается в дело отстаивания прав церкви на земельное владение, не обращая внимания на налоговые нарушения, связанные с его приобретением, и используя для достижения своих целей личные власть и влияние высшего сановника империи [20, р. 167, 271]. Как отмечает П. Кауфман, по крайней мере один из современников Августина, имя которого нам неизвестно, подверг его за это критике. Сам текст обвинения, которое Р. МакМаллен и С. Лансель рассматривают как свидетельство потворства Августина стяжательскому обществу в Гиппоне [14, р. 313; 19, р. 167], не сохранился, но мы знаем о нем благодаря отрицанию епископом обвинения в свой адрес [13, р. 49].

П. Кауфман не соглашается с Р. МакМалленом, усматривая в открытом письме Августина Олимпию не признак поддержки коррупции или потворства уклонению от уплаты налогов, а лишь зерно рационализма, ибо, будучи епископом, он не мог не ценить того, что его коллеги проявляли заботу о сохранении имуществ церкви [13, р. 49]. Этот рационализм П. Кауфман находит и в желании Августина «очистить» от последствий махинаций предшественника нового главу церкви Катаквы, обращая внимание на то, что само по себе это желание вовсе не означает ни поддержки, ни оправдания коррупции [13, р. 49].

Но тут нужно заметить и обратное. Августин признает факт «непрозрачности» обретения имущества Павлом. И, тем не менее, он принимает усилия к тому, чтобы сделать незаконное – законным. Причем как он это делает? Используя

личные связи, личное влияние. Даже заискивая перед высокопоставленным светским чиновником. Иными словами, отстаивая имущественные интересы церкви, епископ Гиппона не стесняется в выборе средств.

Весьма интересно то, что, улаживая с помощью личных связей дела Бонифация, с самим Бонифацием отец церкви ведет переписку совершенно иного свойства, разъясняя вопрос о том, причиняют ли родители вред своим крещенным детям, когда пытаются исцелить их во время болезни, принося жертвы ложным богам (Aug. Ep. 98. 1).

В качестве контраргумента против тезиса о поддержке Августином стяжательского общества в Гиппоне П. Кауфман приводит поставившую епископа в крайне неловкое положение историю с попыткой населения города едва ли не силой рукоположить в священники богатого христианина Пиниана. Названные события нашли отражение в его переписке. В нескольких письмах, датированных 411 г., епископ как бы оправдывается за поведение прихожан, которые проявили чрезмерную настойчивость в своих требованиях относительно рукоположения Пиниана. К. Лепелье объясняет оправдания Августина смущением. Он, вероятно, хотел верить, что для его прихожан показное презрение гостя к деньгам гораздо более важно, нежели его богатства и преимущества, которые в этой связи могло сулить его рукоположение. Однако поведение населения города явно свидетельствовало об обратном, разрушая иллюзии епископа и вынуждая его оправдывать самого и оправдывать свою паству. Таким образом, своими письмами отец церкви как пытался заставить замолчать внутренний голос, который указывал ему на истинные мотивы требований горожан [18, р. 387].

Проанализированные нами примеры, таким образом, позволяют сделать ряд выводов.

1. В своей переписке Августин осуждает коррупцию в таких ее проявлениях, как подкуп, использование служебных полномочий, власти и влияния в интересах личного обогащения. Названные формы коррупции в сознании отца церкви являются экзистенциальными угрозами, нарушающими социально-политическую стабильность и справедливость.
2. При этом Августин не видит ничего плохого в том, чтобы, во-первых, использовать личные связи и влияние для достижения целей, которые представляются ему справедливыми, как в случае с «давлением» на судью Генероза, и, во-вторых, использовать власть и влияние высокопоставленного чиновника центральной имперской администрации, каковым являлся Олимпий, для защиты имущественных прав и интересов церкви, как в случае с историей Бонифация.

3. В последнем случае действительно можно найти основания к тому, чтобы заподозрить епископа Гиппона в поддержке и даже использовании коррупционных связей. Ибо в современной интерпретации этого понятия одной из форм коррупционного поведения как раз и является использование должностным лицом своих служебных полномочий в личных интересах или в интересах третьих лиц.

4. Вместе с тем следует задаться вопросом: являлись ли названные действия проявлением коррупции в эпоху самого Августина? Судя по горячей убежденности последнего в справедливости и непорочности предложенной им Олимпию схемы, в этом можно усомниться. Л. Хилль по этому поводу отмечает, что современная концепция коррупции серьезно отличается от классической, в которой она рассматривается исключительно в морализаторских категориях как утрата добродетели [10, р. 565]. Аналогичным образом и законы против коррупции, как пишет Дж. ЛаПаломбара, должны рассматриваться не абстрактно, а в историческом, культурном, институциональном, экзистенциальном контекстах, поскольку закон сегодня может определять, как коррупцию то, что ранее не воспринималось в качестве таковой [15, р. 325].

Таким образом, «дело Бонифация» и спор о поддержке Августином коррупции по сути дела ставят вопрос о восприятии названного явления в эпоху поздней античности в целом. Поскольку только в этом случае мы сможем дать однозначный ответ на вопрос о том, поддерживает ли Августин коррупцию.

С учетом данных, которые имеются в нашем распоряжении на данный момент, мы можем уверенно утверждать, что он не только не поддерживает коррупцию, но и решительно осуждает ее. Судя по проанализированным нами фрагментам источников, для отца церкви, вероятнее всего, коррупция отождествляется со взятками, подкупом и злоупотреблением властью в целях личного обогащения. При этом епископ оправдывает использование власти в имущественных интересах церкви, в интересах того, что он считает справедливым и праведным, не рассматривая это как проявление коррупции. То есть, не имея оснований обвинять отца церкви в поддержке коррупции, мы вслед за Р. МакМалленом можем усмотреть в его взглядах признаки ее оправдания.

Констатируя таким образом определенную двойственность в отношении Августина к коррупции, мы должны задаться вопросом о ее причинах.

Дело в том, что сам Августин являет собой пример личности, существующей на грани двух измерений. И речь тут вовсе не о переходной эпохе между античностью и средневековьем. Речь об измерениях совершенно иного свойства.

Это измерения – божественное и человеческое, измерение Града небесного и Града земного. Сам же Августин и в силу своих убеждений, и в силу своего высокого статуса должен сохранять причастность к этим обоим «градам» одновременно. Это и порождает некоторые трудности или даже противоречия.

Так, будучи епископом, Августин должен проявлять заботу о делах мирского порядка. Это естественно. Являясь великим христианским мыслителем, он совершенно не склонен к религиозному фанатизму. Напротив, отец церкви демонстрирует острое понимание происходящего, он действует абсолютно рационально, здраво оценивает свое положение и свои возможности. Отсюда мы получаем готовность епископа сотрудничать со светскими властями, использовать личное влияние, связи во имя отстаивания интересов земного порядка, будь то свобода и доброе имя Фавенция, или имущественные права Бонифация и всей церковной организации.

Иными словами, в письмах, предназначенных, как бы мы сказали сегодня, «для служебного пользования» мы видим «Августина-прагматика», Августина земного, которому совершенно не свойственна оторванность от действительности. Напротив, он живет в этой действительности, действуя согласно ее требованиям, условиям. Августин видит пороки окружающего его мира, изобличает их, но при этом не пытается от этого мира изолироваться.

В письмах же, адресованных миру, а равно как и в трактате «О граде Божьем», перед нами предстает другой Августин – это «Августин-романтик», Августин Небесного града. Он преисполнен надежд на наступление лучшего мира, мира свободного от коррупции, стяжательства, жадности власти и сопряженной с ней жажды обогащения. Однако для этого мира время еще не пришло, что отчетливо понимает отец церкви.

Мы не согласимся с теми историками, которые склонны обвинять Августина в одобрении или даже поддержке коррупции. Он не только не поддерживает ее, но и не принимает. Отстаивая это, мы можем обратить внимание на то обстоятельство, что, используя те же личные связи, свое влияние, отец церкви совершенно не пытается скрыть этого. Напротив, как мы могли убедиться выше, он совершенно открыто и ясно настаивает на том, что, к примеру, реализация его схемы с имуществом Бонифация являет собой совершенное благо, в справедливости и целесообразности которого едва ли кто-то смог бы усомниться. Горячая убежденность епископа в этом не оставляет сомнений в искренности его слов, в чистоте его помыслов. Кроме того, в переписке отца церкви мы не находим признаков желания каким-либо образом использовать свое высокое положение

в интересах личного обогащения. Защищая имущественные права Бонифация, Августин также действует не в интересах личного материального благополучия частного лица, а в интересах лишь некой высшей справедливости. Суть последней условно можно свести к простой формуле: «справедливо все, что сделано в интересах церкви».

«Августин-прагматик» имеет совершенно рациональное отношение к имуществу, собственности. Он понимает значимость материальных благ для существования в условиях «земного града». Являясь лицом, осуществляющим управленческие функции, он не может не отстаивать имущественных прав возглавляемой им организации, ибо на них зиждется само существование последней.

Как отмечает К. Уорд, экономическая этика Августина основана на взаимозависимости, взаимной заботе богатых и бедных, внимании к моральным последствиям богатства и бедности [26, р. 217]. В свою очередь, епископ Гиппона, защищая, к примеру, интересы арендатора Фавенция пред лицом богатого землевладельца, действует в качестве посредника, обеспечивающего согласованное взаимодействие разных социальных сил римского общества. И в этой связи использование Августином личных связей и влияния, рассматриваемые даже как элементы коррупционного поведения, прекрасно укладывается в рамки функционального подхода к самой коррупции, согласного которому она воспринимается как временное связующее звено между элитой и низами [1, с. 88] в условиях низкой работоспособности государственных институтов [11; 22], компенсируя издержки чрезмерной бюрократизации государства [3], побуждая правительство содействовать экономическому росту, давая стимул для мобилизации бюрократии и т.д. [16].

Таким образом, обнаруживая некоторую двойственность в отношении отца церкви к вопросам богатства и собственности, к вопросам использования влияния, связей, мы можем констатировать иной по сравнению с современным нам подход к восприятию коррупции. Для Августина она несводима к набору формальных признаков. Для отца церкви коррупция состоит не в форме, а в сущности. Он считает совершенным злом взяточничество и продажность, но готов использовать связи с влиятельными людьми для достижения целей, которые сам он считает благом, даже если чисто внешне они могут нести в себе признаки злоупотребления влиянием, связями в интересах третьих лиц.

Коррупция для Августина – это порок души, высшим проявлением которой является продажность, разрушающая человека, государство и общество. Продажность проистекает из жадности, сребролюбия, которые и образуют саму сущность коррупции и которых, вместе с тем, мы не видим в мотивах поступков самого Августина.

Литература

1. Ардельянова Я. А. Теоретико-методологические подходы к понятию «коррупция» // Идеи и идеалы. 2013. № 3 (17). С. 86–93.
2. Казаков М. М. Римская империя: от принципата к доминату // Актуальные проблемы государства и права: VIII Кирилло-Мефодиевские чтения. Сборник научных статей. Смоленск: Универсум, 2002. С. 27–42.
3. Роуз-Акерман С. Коррупция и государство: Причины, следствия, реформы. М.: Логос, 2003. 343 с.
4. Шафф Ф. История христианской церкви. Т. III. Никейское и посленикеевское христианство. От Константина Великого до Григория Великого. 311–590 гг. по Р. Х. СПб.: Библия для всех, 2007. 955 с.
5. Alföldi A. A conflict of ideas in the Late Roman Empire. The Clash between the Senate and Valentinian I. Oxford: Clarendon Press, 1952. 151 p.
6. Brown P. Augustine and Crisis of Wealth in Late Antiquity // Augustinian Studies. 2005. Vol. 36. No. 1. P. 5–30.
7. Brown P. Through, the Eye of a Needle: Wealth, the Fall of Rome, and the Making of Christianity in the West, 350–550 AD. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012. 759 p.
8. Caiden G. E. Public Maladministration and Bureaucratic Corruption // Hong Kong Journal of Public Administration. 1981. Vol. 16. No. 1. P. 58–62.
9. Flood J. St. Augustine in His Letters // The Furrow. 1952. Vol. 3. No. 5. P. 196–202.
10. Hill L. Conceptions of political corruption in ancient Athens and Rome // History of Political Thought. 2013. Vol. 34. No. 4. P. 565–587.
11. Huntington S. Political order in changing societies. New Haven: Yale University Press, 1968. 488 p.
12. Kaufman P. I. Augustine, Macedonius, and the Courts // Augustinian Studies. 2003. Vol. 34. No. 1. P. 67–82.
13. Kaufman P. I. Augustine and Corruption // History of Political Thought. 2009. Vol. 30. No. 1. P. 46–59.
14. Lancel S. Saint Augustine. London: SCM Press, 2002. 590 p.
15. LaPalombara J. Structural and institutional aspects of corruption // Social Research. 1994. Vol. 61. No. 2. P. 325–350.
16. Leff N. H. Economic development through bureaucratic corruption // American Journal of Chinese Studies. 2009. Vol. 16. No. 2. P. 119–135.
17. Lepelly C. Aspects de l'Afrique romaine les cités, la vie rurale, le Christianism. Bari: Edipuglia, 2001. 462 p.
18. Lepelly C. Les cités de l'Afrique romaine au bas-empire. Vol. 1. Paris: Études augustiniennes, 1979. 422 p.
19. MacMullen R. Changes in the Roman Empire: Essays in the Ordinary. Princeton: Princeton University Press, 1990. 416 p.
20. MacMullen R. Corruption and the Decline of Rome. New Haven, London: Yale University Press, 1988. 319 p.
21. Mratschek S. Te velimus ... consilii participem: Augustine of Hippo and Olimpius – a case study of religious-political cooperation in the fifth century // Studia patristica. 2001. Vol. 38. P. 224–232.
22. Political corruption: A Handbook by A. J. Heidenheimer, M. Johnston, V. T. LeVine, eds. New Brunswick, N. Y.: Transaction Book, 1989. 1017 p.
23. Quah J. S. T. Governance and Corruption: Exploring the Connection // American Journal of Chinese Studies. 2009. Vol. 16. No. 2. P. 119–135.
24. Uhalde K. Expectations of Justice in the Age of Augustine. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007. 233 p.
25. Ward K. Augustine on Wealth, Poverty, and Property // Journal of Religious Ethics. 2014. No. 42 (2). P. 55–62.
26. Ward K. Porters to heaven: Wealth, the poor, and moral agency in Augustine // Journal of religious ethics. 2014. Vol. 42. No. 2. P. 216–242.
27. Ward K. Toward a Christian Virtue Account of Moral Luck // Journal of the Society of Christian Ethics. 2018. Vol. 38. No. 1. P. 131–145.
28. Ward K. Wealth, Poverty, and Economic Inequality. A Christian Virtue Response. A Dissertation submitted to the Faculty of the department of Theology in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. Boston, 2016. 308 p.

References

1. Ardel'janova Ja. A. Teoretiko-metodologicheskie podhody k ponjatiju «korrupcija» (Theoretical and methodological approaches to the concept of «corruption») // Idei i idealy. 2013. № 3 (17). P. 86–93.
2. Kazakov M. M. Rimskaja imperija: ot principata k dominatu (The Roman Empire: from Principate to Dominate) // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava: VIII Kirillo-Mefodievskie chtenija. Sbornik nauchnyh statej. Smolensk: Universum, 2002. P. 27–42.
3. Rouz-Akerman S. Korrupcija i gosudarstvo: Prichiny, sledstvija, reformy (Corruption and the State: Causes, Consequences, Reforms). M.: Logos, 2003. 343 p.
4. Shaff F. Istoriya hristianskoj cerkvi. T. III. Nikejskoe i poslenikejskoe hristianstvo. Ot Konstantina Velikogo do Grigorija Velikogo. 311–590 (History of the Christian Church. T. III. Nicene and post-Nicene Christianity. From Constantine the Great to Gregory the Great. 311–590). SPb.: Biblija dlja vseh, 2007. 955 p.
5. Alföldi A. A conflict of ideas in the Late Roman Empire. The Clash between the Senate and Valentinian I. Oxford: Clarendon Press, 1952. 151 p.
6. Brown P. Augustine and Crisis of Wealth in Late Antiquity // Augustinian Studies. 2005. Vol. 36. No. 1. P. 5–30.
7. Brown P. Through, the Eye of a Needle: Wealth, the Fall of Rome, and the Making of Christianity in the West, 350–550 AD. Princeton, NY: Princeton University Press, 2012. 759 p.
8. Caiden G. E. Public Maladministration and Bureaucratic Corruption // Hong Kong Journal of Public Administration. 1981. Vol. 16. No. 1. P. 58–62.
9. Flood J. St. Augustine in His Letters // The Furrow. 1952. Vol. 3. No. 5. P. 196–202.
10. Hill L. Conceptions of political corruption in ancient Athens and Rome // History of Political Thought. 2013. Vol. 34. No. 4. P. 565–587.
11. Huntington S. Political order in changing societies. New Haven: Yale University Press, 1968. 488 p.

12. Kaufman P. I. Augustine, Macedonius, and the Courts // *Augustinian Studies*. 2003. Vol. 34. No. 1. P. 67–82.
13. Kaufman P. I. Augustine and Corruption // *History of Political Thought*. 2009. Vol. 30. No. 1. P. 46–59.
14. Lancel S. *Saint Augustine*. London: SCM Press, 2002. 590 p.
15. LaPalombara J. Structural and institutional aspects of corruption // *Social Research*. 1994. Vol. 61. No. 2. P. 325–350.
16. Leff N. H. Economic development through bureaucratic corruption // *American Journal of Chinese Studies*. 2009. Vol. 16. No. 2. P. 119–135.
17. Lepelly C. *Aspects de l'Afrique romaine les cités, la vie rurale, le Christianisme*. Bari: Edipuglia, 2001. 462 p.
18. Lepelly C. *Les cités de l'Afrique romaine au bas-empire*. Vol. 1. Paris: Études augustinienes, 1979. 422 p.
19. MacMullen R. *Changes in the Roman Empire: Essays in the Ordinary*. Princeton: Princeton University Press, 1990. 416 p.
20. MacMullen R. *Corruption and the Decline of Rome*. New Haven, London: Yale University Press, 1988. 319 p.
21. Mratschek S. *Te velimus ... consilii participem: Augustine of Hippo and Olimpius – a case study of religious-political cooperation in the fifth century* // *Studia patristica*. 2001. Vol. 38. P. 224–232.
22. *Political corruption: A Handbook* by A. J. Heidenheimer, M. Johnston, V. T. LeVine, eds. New Brunswick, N. Y.: Transaction Book, 1989. 1017 p.
23. Quah J. S. T. Governance and Corruption: Exploring the Connection // *American Journal of Chinese Studies*. 2009. Vol. 16. No. 2. P. 119–135.
24. Uhalde K. *Expectations of Justice in the Age of Augustine*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007. 233 p.
25. Ward K. Augustine on Wealth, Poverty, and Property // *Journal of Religious Ethics*. 2014. No. 42 (2). P. 55–62.
26. Ward K. Porters to heaven: Wealth, the poor, and moral agency in Augustine // *Journal of religious ethics*. 2014. Vol. 42. No. 2. P. 216–242.
27. Ward K. Toward a Christian Virtue Account of Moral Luck // *Journal of the Society of Christian Ethics*. 2018. Vol. 38. No. 1. P. 131–145.
28. Ward K. *Wealth, Poverty, and Economic Inequality. A Christian Virtue Response. A Dissertation submitted to the Faculty of the department of Theology in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy*. Boston, 2016. 308 p.

Сведения об авторе

Сахаров Станислав Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета / sacharov.stanislav@yandex.ru
 Адрес: д. 4, ул. Пржевальского, 214000, Смоленск, Российская Федерация.

Information about the author

Stanislav A. Sakharov – PhD in History, Associate Professor, State and Legal Courses Department, Smolensk State University / sacharov.stanislav@yandex.ru
 The address: 4, Przhevalsky st., 214000, Smolensk, Russian Federation.

УДК 94: 378.4

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.12>И. В. Любезный
С. М. Смагина**ПРОЦЕСС ЧИСТКИ СТУДЕНЧЕСКОГО СОСТАВА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
ЮГА РОССИИ В 1924 ГОДУ: ПРИОРИТЕТЫ И ИТОГИ**

В статье на основе архивных документов краевой и местных проверочных комиссий, а также апелляций студентов, отложившихся в фондах Государственного архива Ростовской области, рассматривается процесс масштабной академической и качественной проверки студенческого состава высшей школы Юга России (в то время – Юго-Востока), произведенной в 1924 г. Официальной целью её было провозглашено устранение перегруженности высших учебных заведений и избавление их от «балласта», то есть студентов, не подходивших под критерии «красного» специалиста, способного принести пользу государству. Авторами предпринята попытка выявления степени понимания местными комиссиями их задач и условной границы между академическим и качественным подходом и сделан вывод о значительной степени зависимости хода проверки от настроений составов местных проверочных комиссий, нередко слишком увлекавшихся классовым подходом в своей работе. Сделан вывод о слабой эффективности самого процесса проверки, не приведшего к устранению перегруженности высшей школы, но лишний раз встревожившего студенческие

массы. Анализ содержания апелляций отчисленных студентов позволил сделать вывод о высокой степени антагонизма не только в студенческой среде, но и советском обществе в целом, что выражалось, в первую очередь, в поиске внутренних врагов. Студент, в годы Гражданской войны оказавшийся в стане белой армии и не сумевший скрыть это, зачастую был обречен на исключение или становился объектом доноса. Кроме того, как показал анализ реакций студенчества, чистка обратной своей стороной была и по пролетарскому студенчеству, вынужденному ежедневно трудиться и фактически бороться за свое выживание в условиях крайней степени материальной необеспеченности, что приводило к низкой успеваемости.

Ключевые слова: чистка вузов, советское студенчество, социальная дискриминация, высшая школа, пролетаризация вузов, большевизм.

Для цитирования: Любезный И. В., Смагина С. М. Процесс чистки студенческого состава высшей школы Юга России в 1924 году: приоритеты и итоги // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 98–105. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.12

Il'ya V. Lyubeznyi
Svetlana M. Smagina**THE PROCESS OF PURIFICATION OF THE STUDENT STRUCTURE
OF THE HIGHER SCHOOL OF THE SOUTH OF RUSSIA IN 1924:
PRIORITIES AND RESULTS**

The article studies the process of extensive academic and qualitative inspection of the student body of the higher school of Southern Russia (South-Eastern Russia at that time) made in 1924. The study is based on archival documents of territorial and local inspection commissions, as well as students' appeals deposited in the funds of the State Archive of the Rostov Region. The official goal of the inspection was to ease the overcrowding of universities and to get rid of the «dead weight» meaning students who did not fit the criteria of a «red» specialist capable of benefiting the state. The authors attempted to determine whether the local commissions properly understood their tasks and the conditional boundary between academic and qualitative approaches, which led to the conclusion of a significant dependence of the inspection process on the mood of the local inspection commissions, often too keen on the class-based approach in their work. Another conclusion is the poor effectiveness of the inspection process itself, which did not lead to solving the overcrowding of the higher school problem, but once again alarmed the students. An analysis

of the appeals of expelled students led to the conclusion of a high level of antagonism not only among the student body, but also in Soviet society in general, which was expressed, first of all, in searching for internal enemies. A student who had joined the White Army during the Civil War and failed to conceal it was often condemned to be expelled or to be denounced. Moreover, as an analysis of the reactions of the students has revealed, the purge also negatively affected the proletarian student body, which was forced to work every day and actually struggle for its survival under conditions of extreme material insecurity, leading to poor academic performance.

Key words: purge of universities, soviet students, social discrimination, high school, proletarianization of universities, bolshevism.

For citation: Lyubeznyi I. V., Smagina S. M. The process of purification of the student structure of the higher school of the South of Russia in 1924: priorities and results // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 98–105 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.12

Взятие власти большевистской партией в 1917 г., по словам В. И. Ленина, стало началом «видоизменения обычного исторического порядка» [20, с. 381]. То есть наступлением эпохи управляемой социальной трансформации, целью которой являлось построение «нового мира». И если ранее все внимание исследователей послереволюционного десятилетия было приковано к противостоянию в «верхах» партии, к персонализированной борьбе за власть и постижению проблем «военного коммунизма», а затем НЭПа, – иначе говоря, к глобальным социально-экономическим процессам и истории «великих личностей», – то ныне, благодаря использованию новых междисциплинарных подходов, расширению источниковой базы, на первый план выступает история «низов», рядовых граждан. Таким образом, «безмолвные» прежде широкие народные массы, погруженные в гущу глубоких социальных преобразований и экспериментов, ныне становятся объектом исследовательских интересов, нацеленных на выявление мыслей и чувств их представителей, стратегий выживания, реакций на проводимые большевиками трансформации и способы участия в них.

Особые надежды большевиками возлагались на одну из самых активных частиц социума раннего советского государства – учащуюся молодежь, которой, как указывал в одной из своих речей Ленин, «предстоит настоящая задача создания коммунистического общества» [15, с. 298]. Декретом СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. перед ней были открыты двери всех высших учебных заведений. Однако вскоре выяснилось, что не каждый студент способен был стать ценным для государства специалистом, а потому учащуюся среду все 1920-е гг. сотрясали академические и качественные проверки студенческого состава, зачастую именуемые просто чистками. Обращение к подобной теме имеет актуальность еще и в том плане, что современное Российское государство находится во многом в схожих условиях, что и в 1920-е гг., и стоит в очередной раз перед необходимостью выбора перспектив дальнейшего развития, особенно в образовательной сфере.

Тема студенческих чисток, даже несмотря на активное изучение процесса трансформации высшего образования в 1920-е гг., не стала в отечественной историографии предметом специального исследования. Даже в 1985 г. в кандидатских диссертациях не имелось о них упоминаний [19]. И позднее, в исследованиях о развитии высшего образования, авторы писали о чистках в отношении профессорско-преподавательского состава, но не студенчества [17]. Раньше всех к теме студенческих чисток обратились зарубежные исследователи. Так, наиболее известные работы по данной теме принадлежат американской исследовательнице Ш. Фицпатрик, затрагивавшей тему

чисток в совокупности с процессом социальных преобразований советского общества [30], и канадскому историку П. Конечному, сосредоточившемуся в своей статье на процессе студенческой чистки 1924 г. в Ленинграде [31]. Ныне же тема университетских чисток является составной частью изучения проблемы пролетаризации [1] и трансформации [28] высшего образования, а также истории студенческой повседневности [23], внутрипартийной борьбы [24] и стратегий студенческой самопрезентации в глазах власти [2]. Однако степень проработанности данной темы еще нельзя признать удовлетворительной во всех аспектах.

Отсюда цель данной статьи – рассмотреть процесс чистки высших учебных заведений Юга России (в то время – Юго-Востока) в 1924 г. и попытаться установить взаимосвязь между официально постулируемыми целями чистки и их воплощением на местах, в том числе через восприятие хода чистки студентами. Основой источниковой базы исследования выступают материалы краевой и местных комиссий по академической и качественной проверке вузов Юго-Востока, отложившиеся в фондах Государственного архива Ростовской области (ГАРО): переписка по вопросам проведения чистки, протоколы и отчеты проверочных комиссий, опросные листы и апелляции студентов.

Недовольство партийцев Юго-Востока страны к состоянию вузовской среды проявлялось еще за год до чистки. В партийной печати Донской области высшая школа, даже через 5 лет после революции именовалась «буржуазной крепостью», где профессура, «почтительно расшаркиваясь перед идеализмом, читает рефераты перед тысячами студентов на тему «Гегель и Маркс»» [14, с. 32], и в которой только к 1923 г. «пробили значительную брешь» [16, с. 4]. Вызывал нарекания со стороны партийцев медленный процесс пролетаризации вузов и исправления ее «засоренной выходящими из буржуазии и мещанской среды» [13, с. 127]. Призывы к очищению рабфактов и вузов от непролетарского элемента имели место еще в период дискуссии 1923 – начала 1924 г. [27, л. 8].

Официально вопрос о необходимости проверки студенческого состава и его сокращения в общегосударственном масштабе был вынесен заведующим Главным управлением профессионального образования И. И. Ходоровским 30 апреля 1924 г. на страницы центральной газеты «Правда». Её он обосновывал двумя главными причинами – переполнением «сверх всякой мыслимой нормы» вузов и перепроизводством «лишних» специалистов, которым не будет возможности найти применение. Из первой причины закономерно, по словам Ходоровского, вытекала низкая успеваемость значительного числа студентов, а также невозможность перехода к более прогрессивным и эффективным

методикам преподавания. Выход из сложившейся ситуации им виделся в сокращении приема в новом учебном году и проведении пересмотра «наличного состава студенчества в целях избавления наших вузов от балласта». При этом И. И. Ходоровский указывал, что наибольшими льготами должны были при проверке пользоваться рабочие и крестьяне: им позволялось иметь слабую успеваемость с тем условием, что они все в скором времени наверстают, а при невозможности освоить программу одного вуза они могли быть переведены в другой. Кроме того, «сугубая осторожность» требовалась им в проверке студентов старших курсов, так как государство уже потратило на них огромное количество средств. В отношении же представителей других классов выдвигалось требование «полной академической успешности» [24]. Статья не являлась выражением личного мнения Ходоровского, потому как повторяла пункты утверждённой Президиумом коллегии Наркомпроса днем ранее секретной инструкции «О проведении качественной проверки студентов вузов РСФСР», где, помимо уже выше обозначенных положений, была расписана организационная структура проверочных комиссий и прописаны критерии для исключения студентов. § 8 инструкции обязывал комиссию исключать студентов, проявивших себя «как элемент враждебно настроенный к политике соввласти и пролетаризации ВУЗ» [12, л.7об]. До начала чистки последовал еще ряд подробных дополняющих и поясняющих инструкций, в которых прописывались в том числе и формулировки для отчисляемых [12, Л.16 об], рекомендательные цифры по количеству отчисляемых – не менее 30 000 по всей стране, с разверсткой в процентном соотношении по социально-экономическим (30 %), медицинским (15–20 %), индустриально-техническим (20 %), педагогическим (20–25 %), художественным (20 %) и сельскохозяйственным (15–20 %) вузам [12, л. 24].

Санкционировано проведение чистки было 16 мая 1924 г., хотя в некоторых вузах она уже к этому моменту проводилась несколько дней [21, с.199–200], а на Юго-Востоке шла к ней подготовка [12, л. 8]. В опубликованном постановлении Совнаркома РСФСР сообщалось, что «в виду чрезмерного переполнения высших учебных заведений, ... а также в виду невозможности для республики использовать все количество оканчивающих студентов», необходимо сократить количество учащихся по «линии их академической успешности с тем, чтобы по отношению к пролетарскому студенчеству были допущены возможные преимущества и льготы». Не подвергались проверке выпускные курсы [22]. Таким образом, уже с самого начала в процессе чистки не было четкого разграничения между классовым и ака-

демическим подходом в проверке, что создавало угрозу перерастания чистки в политический экзамен и расправу над классовым врагом.

После 18 мая Ходоровский вновь выступил в печати с повторением ранее сказанного, «так как и сейчас с разных сторон продолжают раздаваться недоуменные вопросы относительно причин проверки» [26, с. 112]. Примечательно, что в том же выпуске журнала присутствовали две статьи, прямо тему академической чистки вузов не затрагивающие, но достаточно показательные. Н. К. Крупская в своей статье, прямо не критикуя процесс чистки, заявляла, что «сортровка по «происхождению» – пережиток средневековой сословности и в корне противоречит классовому принципу» и нужно лишь правильно воспитывать человека, чтобы он стал красным спецом и сознательным пролетарием-ленинцем» [18, с. 18]. Вторая статья принадлежала известному партийному публицисту Е. М. Ярославскому. Он, хотя и говорил о проверке партийных ячеек вузов, одновременно подверг разгромной критике всю среду высшей школы за её аморфность и подверженность мелкобуржуазным влияниям, за поведение её членов во время дискуссии 1923 – начала 1924 г., фактически поставив знак равенства между понятием «оппозиционный» и «вузовский» [29]. Таким образом, есть все основания полагать, что не все партийные круги имели одинаковые взгляды на процесс чистки студенческого состава. И если Крупская представляла скорее умеренное крыло работников Наркомпроса, то Ярославским была представлена позиция партийцев середняков, как раз и входивших в проверочные комиссии.

Уже к 27 мая Ходоровский счёл возможным подвести основные итоги проверки на основании материалов Москвы и Ленинграда: «мы имеем самую настоящую, разумно и правильно проводимую академическую проверку учащихся». По его словам, не менее 90 % исключений приходилось на академическую неуспешность, 10 % – на «балласт», непригодный ко своей специальности, и в «единичных случаях» решающую роль играл «момент политический». Этот последний момент разъясняется Ходоровским на примере разоблаченного студента-белогвардейца – бывшего адъютанта Деникина, который еще и «спекулянт, торгующий кокаином» [25]. В этом последнем моменте проявился еще один важный аспект чистки – поиск людей с белогвардейским прошлым.

Чистка на Юго-Востоке началась позднее, чем в центре и разворачивалась неравномерно. Так, хотя о создании проверочных комиссий было сообщено еще 9 мая [3, л. 16], в ДГУ только 20 мая председателям университетских проверочных комиссий были вручены удостоверяющие мандаты, а 20–22 мая комиссии приступили к обсуждению организационных вопросов [3, л. 36]. Председатель проверочной комиссии по Медфаку ДГУ Розин

сообщил, что «чистке подлежат все студенты без исключения», а в комиссию будут входить представители партийных и профорганизаций, а также от студенчества. Оказывать помощь им должны были подкомиссии, которые обязывались подготавливать всю необходимую к проверке информацию об успеваемости, в том числе устанавливать «политфизиономию студента, его отношение к Соввласти и Компартии». При этом, не обратив внимания на требование не производить чистку в рядах выпускных курсов, участники совещания развернули дискуссию о том, к каким курсам необходим наиболее строгий подход. Так, Мишнаевский и Бахмутский высказались за строгое отношение к первым курсам, так как на старшие курсы уже затрачены государственные средства, и они представляют из себя «вполне лояльный элемент, на который можно положиться и использовать несмотря на то, что это мелкобуржуазный элемент». Их оппонентами выступили Сурвило и Канашенок, в своих выступлениях напиравшие на то, что первые два курса «являются по своему составу наиболее пролетарскими» и «представляют для государства идеологическую ценность» [10, л. 1]. Сам Розин позднее на собрании 1–2 курсов студентов сообщал, «что в основу чистки ляжет не только академическая успеваемость, но и классовое происхождение и общественная польза от студента», потому что Соввласть ожидает только «красных врачей» [12, л. 2]. Для студентов 3–5 курсов общее собрание производилось отдельно и при участии большего количества высокопоставленных лиц. Так, председатель Юго-Восточного бюро ВЦСПС Беленький сделал обстоятельный доклад с разъяснением причин проверки студенческого состава, основными причинами назвав необходимость концентрации средств и классового подбора в деле подготовки врачей [12, л. 3 об].

26 мая ректор ДГУ В. П. Вельмин и председатель проверочной комиссии ДГУ по физматву, педфаку и факультету общественных наук В. М. Ботвинов подписали обращение к студентам, в котором скорректировали позицию по чистке старших курсов, указав, что производиться она будет «исключительно для ознакомления представителей широких трудящихся масс с работой и продукцией Донского университета» [3, л. 41]. В Донском политехническом институте комиссия приступила к чистке с 21 мая и заседала по 10 часов ежедневно, кроме праздничных дней, вплоть до 27 июня [5, л. 16]. Похожий темп работы был у комиссии Медфака ДГУ, проводившей проверку в том числе и в вечерние часы [6, л. 1–16]. Подобный подход к проверке, когда в один день комиссией проверялось до 100 человек, несомненно, приводил к ошибкам и возмущению со стороны студентов. Так, одна студентка жаловалась, что проведенный опрос комиссией был «поверх-

ностным», а потому комиссия вынесла неверный вердикт и постановила перевести её в другой университет, вопреки ее воле [5, л. 10]. Другой студент уверял, что он из-за болезни не смог появиться на проверке, а комиссия каким-то образом вынесла решение отчислить его заочно «как неуспевающего при полной матер. обеспеченности», в то время как ему приходилось «пухнуть от голода» [8, л. 50]. Студентка педфака ДГУ обвиняла комиссию в том, что её отчислили якобы из-за политической неграмотности, при том, что не было задано ни одного подобного вопроса [8, л. 63]. Писавший заявление вместо своей исключенной сестры красноармеец Перлин Б. М. прямо указывал, что её исключение стало одной из ошибок, «которые неизбежны при такой массовой проверке» [8, л. 64].

В фондах ГАРО сохранилась значительная часть протоколов чистки с пофамильным перечислением проверенных студентов и вынесенных им вердиктов. Однако их разбросанность в рамках двух фондов по различным делам и отсутствие некоторых протоколов, вкупе с большим количеством внесенных от руки правок, не позволяют по ним произвести точный подсчет отчисленных. На большое количество исправлений и путаницу в цифрах жаловалась Центральная проверочная комиссия [7, л. 14]. Это еще и усугубляется тем, что только в ДГУ на чистку не явилось 468 студентов (15.6 % от общего числа) [3, л. 106]. Все они, – как и прошедшие чистку, но исключенные ей, – имели возможность подать апелляцию, прием которых растянулся вплоть до 20 сентября 1924 г. [3, л. 158]. А на Кубани тяжбы по апелляциям растянулись вплоть следующего года [9, л. 199].

Тем не менее, сохранившиеся общие отчеты по университетам позволяют выявить хотя бы первичные цифры «вычищенных» (включая неявившихся). Так, даже наиболее крупный университет – ДГУ – потерял 1050 человек (35 %): по § 8 инструкции по проверке 192 (6,4 %), по академической неуспешности 390 (13 %), не явились – 468 (15.6 %) [3, л. 106]. Кубанский пединститут исключил из своих рядов 158 человек (24.88 %) [5, л. 50]. Кубанский сельскохозяйственный институт – 60 (17.6 %) [11, л. 6, л. 11–12]. Больше всего исключений в процентном соотношении было в Донском ветеринарном институте – 107 человек (46,9 %). Относительно невысокие первичные цифры затем еще и корректировались Центральной комиссией путем восстановления значительного числа студентов. Подобные действия явно не могли привести к «разгрузке» вузов.

Тексты отчетов достаточно красноречиво позволяют удостовериться в том, что классовый подход для некоторых комиссий стоял на первом месте, что подтверждается и секретным письмом в адрес Ходоровского от уполнаркомпроса

Томашевского, в котором сообщалось о том, что «у многих членов комиссии склонность экзаменовывать студентов по политграмоте», а в Новочеркаске «все комиссии... перегибали палку», превращая проверку в «допрос с подлавливанием» [11, л. 2]. На данное письмо Ходоровский подготовил официальный ответ, в котором еще раз напомнил от лица Центральной проверочной комиссии, что «проверка не должна носить характера экзамена по политзнаниям» [7, л. 6]. Комиссия по Медфаку ДГУ в своем отчете сосредоточилась практически полностью на описании социального облика студентов-медиков и их политических знаний. Наиболее пострадавшим оказался 4 курс, так как он был назван комиссией «самым неблагополучным по социальному составу» по причине большого процента «детей бывш. купцов, торговцев, I и II-й гильдии, офицеров, генералов, чиновников, жандармов и т. д.» [5, л. 14]. Такое увлечение классовым подходом даже вызвало негативную реакцию со стороны представителей Наркомпроса, обращение в Краевую комиссию которых привело к восстановлению значительного числа отчисленных и горестное сожаление комиссии по медфаку, что её работа «сведена на нет» [5, л. 4 об]. Комиссия ДПИ сообщала в отчете, что в первый же день работа была осложнена конфликтом с профессором Беляевым, покинувшим комиссию из-за исключения преуспевающего в академическом плане сына крупного промышленника Фон-Дитмара. После чего Правление ДПИ направило в комиссию деканов факультетов, «которые придерживались принципа оставления всех кои мало-мальски успевают, а в отношении комсомольцев настаивали на исключении за неуспешность». Аналогично комиссия ДПИ сожалела, что Краевая комиссия восстановила 167 человек [5, л. 16]. Более того, 27 июня комиссия ДПИ постановила в протоколе обратиться в Краевую комиссию и потребовать прекращения приема апелляций от студентов, так как в противном случае она «оставляет за собой право подымать вопрос о пересмотре постановлений в отношении восстановленных» [5, л. 18]. Против действий местных комиссий было настроено и руководство вузов. К примеру, Правление Донского института сельского хозяйства и мелиорации направляло прошение в Краевую комиссию о восстановлении 88 студентов, вполне успевающих в учебе, но отчисленных ввиду своей «социальной чуждости» [5, л. 42–47]. Даже отмечавшая свой внимательный подход к студентам комиссия Кубанского пединститута указывала, что апелляции на исключение (всего 9) подавались главным образом исключенными «по политическим мотивам, как антисоветский и социально чуждый элемент» [5, л. 51].

Однако тексты студенческих апелляций все же не позволяют считать чистку полностью политической. Среди исключенных оказывались и впол-

не классово близкие по духу партии студенты. К примеру, среди исключенных оказался общественно активный и деятельный студент, служивший ранее в «карательно-политических органах», а ныне профсоюзный деятель и автор статей для местной печати, «который, – по собственным словам, – много сделал на укрепление нашей Республики, не щадя своих сил и здоровья» [8, л. 9–10]. Свою академическую неуспеваемость он обосновывал тем, что сдачу всех зачетов можно требовать только от студента, «вполне материально обеспеченного и который имеет много свободного времени». А ему же приходится жить в невыносимых условиях, давать уроки и спать по 4 часа в сутки. Особенно данный студент выделял в своей биографии сопротивление белогвардейской мобилизации: «мне пришлось удирать из Ростова... моя фамилия публиковалась вместе с другими студентами в газете как дезертира» [8, л. 10]. Другой студент сообщал, что исключен по недоразумению, так как имел хорошую успеваемость, а самое главное – «начал служить, начиная с 16 лет», успев побывать в армии и на производстве, пока не был командирован в ДПИ [8, л. 51 а]. Казимир Понятовский сообщал в апелляции, что был отчислен из-за отсутствия документов, подтверждающих его службу в «Красной гвардии, а потом в Красной армии» [8, л. 54]. За академическую неуспешность был отчислен сын рабочего, бывший боец Красной армии Бабков П. В., свою неуспешность объяснявший необходимостью постоянно искать случайные заработки «как-то: уроки, переписка и летние полевые работы» [9, л. 155].

Уже после окончания основной волны подачи апелляций в Краевую комиссию поступила коллективная жалоба студентов. Назвав себя «группой пролетарского студенчества», они заявили, что работа Краевой комиссии была организована неверно, так как в её основу был положен «принцип академической успешности студентов», что привело к восстановлению значительного числа чуждых элементов и отклонению апелляций пролетарских студентов. Корень этой, по их словам, «нелепости» скрывался в том, что простому студенту пролетарию тяжелее конкурировать с материально обеспеченным представителем социально чуждого элемента. В пример они приводили факт восстановления в числе студентов сына богатого промышленника Фон-Дитмара [9, л. 38–40].

Интересным представляется понимание сути пролетарского происхождения в одной из апелляций. Студентка педфака ДГУ заявила, что причисление её к социально чуждому элементу «грешит против истины», так как она «пролетарского происхождения (казачка Полтавской губ)». Отец ее – с 1910 г. стал землемером. А исключение его из рядов пролетариата, по её мнению, «равносильно тому, что чуть ли не половину трудящейся интел-

лигенции России необходимо будет причислить к чуждому элементу» [8, л. 33]. Близким к пролетарскому, свое происхождение определяла и дочь зубного врача, исключенная за академическую неуспешность, социальную чуждость и политическую неграмотность. «Еще один год обучения и государство имеет в своем распоряжении педагога, воспитанного в духе советского строительства и целиком воспринявшего, и могущего проводить его принципы», – писала она о себе [4, л. 63]. А студент Кубанского государственного мединститута обосновывал свое право учиться в высшей школе в том числе аргументом, что его отец, – маляр по профессии, – «никогда не был чужд рабочему классу, наоборот он спас в 1918 году 9 (девять) коммунистов», укрыв их в своем доме [9, л. 134].

Одним из важнейших аспектов чистки стала уже упоминаемая «охота» на студентов с «белогвардейским» прошлым. Студент ДПИ в своей апелляции заявлял, что дважды подвергся проверке и после второго опроса был отчислен за службу в рядах Белой армии, хотя ранее был оставлен с условием сдачи зачетов к 1 декабря [4, л. 49]. Активно к «охоте» присоединялась и некоторая часть студенческой массы. Так, от одной из студенток с партийным билетом поступило заявление в Краевую комиссию, в котором она сообщала, что местная комиссия оставила «дочь чиновника белогвардейца». Её присутствие, по мнению заявительницы, «не пролетаризирует Высшую школу, а развращает ее» [4, л. 3]. Другой студент ДПИ жаловался, что исключен был по доносу за «сокрытие социального происхождения и службы в белой армии», хотя сам являлся сыном рабочего и проходил службу в советских войсках до 1923 года. «Исключение для меня равносильно смерти, высшая квалификация мечта моих родителей и цель моей жизни», – завершал он свое письмо [8, л. 52]. Оправдывать свою службу

в рядах Белой армии пришлось краснодарцу Бусыгину: «я в анкетах службу у белых не указывал, т. к. служба эта была мне неприятна нравственно и не желал это иметь каким-либо препятствием к моему дальнейшему учению» [9, л. 139]. Он не стал скрывать это на опросе перед комиссией, надеясь на ее понимание. Она же, в свою очередь, якобы потребовала от студента написать донос на другого учащегося, от чего он отказался и получил вердикт: «тем хуже для Вас». Комиссия не исключила Бусыгина, но вскоре в ГПУ поступил уже на его имя поступил донос, приведший к кратковременному аресту [9, л. 139 об].

В итоге, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что характер академической и качественной проверки студенческого состава 1924 г. чрезвычайно сильно зависел от настроений ее исполнителей на местном уровне. Что косвенно подтверждается значительным числом восстановленных Краевой комиссией. Даже несмотря на четкую регламентацию процесса, активное его сопровождение со стороны Главпрофобра, академическая проверка слишком часто превращалась в классовую. Ведь сама идея чистки уже содержала в себе это противоречие, во многом навязанное идеологией – стране и партии нужны были не простые «красные» специалисты, готовые к строительству «нового мира». С другой стороны, эти «красные» специалисты имели слишком слабую материальную базу, от чего чрезвычайно сильно страдала их успеваемость. Таким образом, чистка 1924 г. не могла удовлетворить ни пролетарское студенчество, ни студенчество вообще, так как не привела к разгрузке высшей школы. Зато она смогла выявить высокий уровень антагонизма в обществе, не так давно пережившем Гражданскую войну, и все еще нацеленном на поиск идейных врагов. Это был важный лейтмотив образовательной политики этого периода.

Литература

1. Андреев Д. А. Пролетаризация советской высшей школы: 1921 – 1925 годы // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. №44. С. 22–26.
2. Андреев Д. А. Советский студент первой половины 1920-х: особенности самопрезентации // Социологический журнал. 2007. № 2. С. 156–166.
3. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Р-46. Оп.1. Д. 179.
4. ГАРО. Р-46. Оп.1. Д. 184.
5. ГАРО. Р-46. Оп.1. Д. 192.
6. ГАРО. Р-46. Оп.1. Д. 193.
7. ГАРО. Р-64. Оп.1. Д. 179.
8. ГАРО. Р-64. Оп.1. Д. 184.
9. ГАРО. Р-64. Оп.1. Д. 203.
10. ГАРО. Р-64. Оп.1. Д. 44.
11. ГАРО. Р-64. Оп.1. Д. 56.
12. ГАРО. Р-64. Оп.1. Д. 58.
13. Глухов Г. Профессиональная организация студенчества Юго-Востока // Коммунист. Ежемесячный орган Ю.-В. Бюро ЦКРКП(б) и Донского комитета РКП(б). 1924. №3.
14. Еремеев В. Так не годится // Коммунист. Ежемесячный орган Донского комитета РКП(б). 1923. №12.
15. Задачи союзов молодежи (Речь на 3-м Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Издание пятое. Т. 41. М.: Издательство политической литературы, 1970. 696 с.

16. И. О. Работа партии в высшей школе // Коммунист. Ежемесячный орган Донского комитета РКП(б). 1923. № 9.
17. Кононенко В. М. Развитие высшего образования на Юге России (20-90-е годы XX века): дисс. ... докт. ист. наук. Ставрополь, 2006. 619 с.
18. Крупская Н. К. Партия и студенчество // Красная молодёжь. 1924. № 1.
19. Монтеро З. А. Партийное руководство становлением и развитием высшей школой Дона и Северного Кавказа (1917–1927 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1985. 223 с.
20. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. – Издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 45. С. 378–382.
21. Остракизм по-большевистски: Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. / сост., предисл. В.Г. Макарова, В. С. Христофорова; Коммент. В. Г. Макарова. М.: Русских путь, 2010. 800 с.
22. Правда. 1924. 17 мая.
23. Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.
24. Халфин И. В поисках оппозиции: чистка 1924 г. в Ленинградском коммунистическом университете им Г.Е. Зиновьева // Личность, общество и власть в истории России: сборник научных статей, посвященный 70-летию д-ра ист. наук, проф. В. И. Шишкина / редкол.: Т. И. Морозова (отв. секр.), В. М. Рынков (отв. ред.), А. И. Савин (отв. ред.) [и др.]; Ин-т истории СО РАН. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2018. С. 398–420.
25. Ходоровский И. И. К проверке состава студенчества // Правда. 1924. 30 апреля.
26. Ходоровский И. И. К проверке состава учащихся // Красная молодёжь. 1924. № 1.
27. Центр документации Новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф-12. Оп. 5. Д. 167.
28. Шандулин Е. В. Университетская трансформация в 1920-е гг. В СССР как отражение государственной политики реформирования системы высшего образования (по материалам Донского университета) // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. №1. С. 135–140.
29. Ярославский Е.М. К проверке коммунистического состава ВУЗ'ов // Красная молодёжь. 1924. № 1.
30. Fitzpatrick Sh. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge: Cambridge University press, 1979. – 355 p.
31. Konecny P. Chaos on Campus: The 1924 Student Proverka in Leningrad // Euro-Asia Studies. 1994. V. 46. № 4. P. 617–635.

References

1. Andreev D. A. Proletarizatsiya sovetskoi vysshei shkoly: 1921–1925 gody (Proletarianization of the Soviet higher school: 1921–1925) // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. 2007. No. 44. P. 22–26. (In Russian).
2. Andreev D. A. Sovetskii student pervoi poloviny 1920-kh: osobennosti samoprezentatsii (Soviet student of the first half of the 1920s: features of self-presentation) // Sotsiologicheskii zhurnal. 2007. No. 2. P. 156–166. (In Russian).
3. State Archives of the Rostov Region (GARO). R-46. Inv.1. D. 179. (In Russian).
4. GARO. R-46. Inv.1. D. 184. (In Russian).
5. GARO. R-46. Inv.1. D. 192. (In Russian).
6. GARO. R-46. Inv.1. D. 193. (In Russian).
7. GARO. R-64. Inv.1. D. 179. (In Russian).
8. GARO. R-64. Inv.1. D. 184. (In Russian).
9. GARO. R-64. Inv.1. D. 203. (In Russian).
10. GARO. R-64. Inv.1. D. 44. (In Russian).
11. GARO. R-64. Inv.1. D. 56. (In Russian).
12. GARO. R-64. Inv.1. D. 58. (In Russian).
13. Glukhov G. Professional'naya organizatsiya studenchestva Yugo-Vostoka (Professional organization of students of the South-East) // Kommunist. Ezhemesyachnyi organ Yu.-V. Byuro TsKRKP(b) i Donskogo komiteta RKP(b). 1924. No.3. (In Russian).
14. Eremeev V. Tak ne goditsya (That won't do) // Kommunist. Ezhemesyachnyi organ Donskogo komiteta RKP(b). 1923. No. 12. (In Russian).
15. Zadachi soyuzov molodezhi (Rech' na 3-m Vserossiiskom s'ezde Rossiiskogo Kommunisticheskogo Soyuz Molodezhi) (Tasks of Youth Unions (Speech at the 3rd All-Russian Congress of the Communist Youth Union of Russia) // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1970. Vol. 41. 696 p. (In Russian).
16. I. O. Rabota partii v vysshei shkole (The work of the party in high school) // Kommunist. Ezhemesyachnyi organ Donskogo komiteta RKP(b). 1923. No. 9. (In Russian).
17. Kononenko V. M. Razvitie vysshego obrazovaniya na Yuge Rossii (20-90-e gody KhKh veka) (Development of higher education in the South of Russia (20-90-ies of the twentieth century): thesis. Stavropol', 2006. 619 p. (In Russian).
18. Krupskaya N. K. Partiya i studenchestvo (Party and students) // Krasnaya molodezh'. 1924. No 1. (In Russian).
19. Montero Z.A. Partiinoe rukovodstvo stanovleniem i razvitiem vysshei shkoloi Dona i Severnogo Kavkaza (1917–1927 gg.) (Party leadership of the formation and development of the Higher School of the Don and the North Caucasus (1917–1927): thesis. Rostov-on-Don, 1985. 223 p. (In Russian).
20. O nashei revolyutsii (Po povodu zapisok N. Sukhanova) (About our Revolution (On N. Sukhanov's notes) // Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii. – Izdanie pyatoe. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1970. Vol. 45. 729 p. (In Russian).
21. Ostrakizm po-bol'shevistski: Presledovaniya politicheskikh opponentov v 1921–1924 gg. (Bolshevik Ostracism: Studies of Political Opponents in 1921–1924.) / Compiler V.G. Makarov, V.S. Khristoforov; comments. V.G. Makarov. Moscow, 2010. 800 p. (In Russian).

22. Pravda. 1924. May 17. (In Russian).
23. Rozhkov A.Yu. V krugu sverstnikov: Zhiznennyi mir mladogo cheloveka v Sovetskoi Rossii 1920-kh godov (In the circle of peers: The Life world of a young man in Soviet Russia of the 1920s). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 640 p. (In Russian).
24. Khalfin I. V poiskakh oppozitsii: chistka 1924 g. v Leningradskom kommunisticheskom universitete im G.E. Zinov'eva (In Search of the Opposition: the Purge of 1924 at the Leningrad Communist University named after G.E. Zinoviev) // Lichnost', obshchestvo i vlast' v istorii Rossii: sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 70-letiyu d-ra ist. nauk, prof. V. I. Shishkina / Novosibirsk: SA of RAS publ., 2018. P. 398–420. (In Russian).
25. Khodorovskii I.I. K proverke sostava studenchestva (On the check of the composition of the student body) // Pravda. 1924. April 30. (In Russian)
26. Khodorovskii I.I. K proverke sostava uchashchikhsya (On check of the composition of students) // Krasnaya molodezh'. 1924. No.1. (In Russian).
27. Center for Documentation of the Modern History of the Rostov Region (TsDNIRO). F-12. Inv. 5. D. 167. (In Russian).
28. Shandulin E. V. Universitetskaya transformatsiya v 1920-e gg. V SSSR kak otrazhenie gosudarstvennoi politiki reformirovaniya sistemy vysshego obrazovaniya (po materialam Donskogo universiteta) (University transformation in the 1920s. In the USSR as a reflection of the state policy of reforming the higher education system (based on the materials of the Don University) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2017. No.1. P. 135–140. (In Russian).
29. Yaroslavskii E.M. K proverke kommunisticheskogo sostava VUZ'ov (On the check of the communist composition of universities) // Krasnaya molodezh'. 1924. No. 1. (In Russian).
30. Fitzpatrick Sh. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge: Cambridge University press, 1979. 355 p.
31. Konecny P. Chaos on Campus: The 1924 Student Proverka in Leningrad // Euro-Asia Studies. 1994. V. 46. No. 4. P. 617–635.

Сведения об авторах

Смагина Светлана Михайловна – кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории XX – XXI веков института истории и международных отношений Южного федерального университета / smagina.svetlana2020@yandex.ru

Адрес: д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Любезный Илья Витальевич – аспирант Института истории и международных отношений Южного федерального университета / ilya.lyubeznyi@yandex.ru

Адрес: д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006, Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Information about the authors

Svetlana M. Smagina – PhD in Historical Sciences, Professor, Chair of Russian History of XX – XXI, Institute of History and Foreign Relations, South Federal University / smagina.svetlana2020@yandex.ru

The address: 105/42, Bolshaya Sadovaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation.

Il'ya V. Lyubeznyi – post-graduate student, Institute of History and Foreign Relations, South Federal University / ilya.lyubeznyi@yandex.ru

The address: 105/42, Bolshaya Sadovaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russian Federation.

УДК 94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.13>

Е. Н. Стрекалова

«ИНСТРУМЕНТЫ» НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РАЗВИТИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В 1920–1930-е гг.

На основе архивных источников показаны механизмы воздействия советской власти на национальную политику на Северном Кавказе посредством высшего образования в 1920–1930-е гг. Процесс становления высшей школы в регионе проходил в эти годы, и он развивался параллельно становлению национальной государственности в рамках РСФСР. Первые вузы возникли в 1918–1919 гг. по инициативе общества и советской власти. Разруха 1920-х гг. не дала возможности выжить всем вузам. Тем не менее, новая власть не отступила в своем стремлении создать национальные кадры во всех областях хозяйства, образования, культуры. В 1930-е гг. индустриальные преобразования первых пятилеток привели к потребности в кадрах. Мобилизационно, в сжатые сроки, заработало значительное количество высших учебных заведений в национально-территориальных образованиях региона. Обучение не имело национальных перегородок. Были созданы особые подготовительные рабочие факультеты. Становление системы высшего образования в короткий срок происходило сложно и тяжело, но при сильной поддержке государства. Не хватало помещений, учебников, преподавателей, их собирали по всему СССР. Руководство прилагало все усилия для привлечения к обучению горских народов. Вузы центральных городов бронировали бюджетные места.

Поддержка стипендиями, обеспечение общежитиями, работой молодых специалистов в своих республиках, сыграли важную роль. К 1940-м гг. система высшего образования в регионе уже полностью функционировала, создавала наднациональные, общегосударственные связи, и тем самым влияла на межнациональные коммуникации. Современное студенчество региона признает уровень и качество высшего образования в СССР как важнейшую ценность советской эпохи, вторую по значимости после победы над нацизмом в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: СССР, Северный Кавказ, высшее образование, национальная государственная политика, институты, студенчество, государственная поддержка, наднациональные связи, бронирование мест, социокультурные процессы.

Для цитирования: Стрекалова Е. Н. «Инструменты» национальной политики в развитии высшей школы на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 106–115. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.13

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43018 «Национальная политика СССР и ее влияние на современную этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа».

Elena N. Strekalova

«INSTRUMENTS» OF NATIONAL POLICY IN THE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION IN THE NORTH CAUCASUS IN THE 1920s – 1930s

Based on archival sources, the mechanisms of the influence of Soviet power on national policy in the North Caucasus through higher education in the 1920s and 1930s are shown. The process of formation of higher education in the region took place during these years and it developed in parallel with the formation of national statehood within the RSFSR. The first universities appeared in 1918 – 1919 on the initiative of the society and the Soviet government. The devastation of the 1920s made it impossible for all universities to survive. Nevertheless, the new government did not retreat in its desire to create national cadres in all areas. In the 1930s, the industrial transformations of the first five-year plans led to the need for personnel. Mobilizationally, in a short time, a significant number of higher educational institutions in the national-territorial formations of the region have earned. The management made every effort to attract the mountain peoples to the training. Universities in central cities booked budget places. The support of scholarships, the provision of dormitories, the work of young specialists in their republics played an important role. By the 1940s, the higher education system in the region has already fully

functioned, created supranational, nationwide ties, and thereby influenced interethnic communications. Modern students of the region recognize the level and quality of higher education in the USSR as the most important value of the Soviet era, the second most important after the victory over Nazism during the Great Patriotic War.

Key words: USSR, North Caucasus, higher education, national state policy, institutions, students, state support, supranational ties, seat reservations, socio-cultural processes.

For citation: Strekalova E. N. «Instruments» of national policy in the development of higher education in the North Caucasus in the 1920s – 1930s // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 106–115 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.13

Financing: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the scientific project No. 21-09-43018 «National policy of the USSR and its influence on the modern ethno-political situation in the views of the youth of the North Caucasus.»

Национальная безопасность, геостратегические интересы, полинациональная уникальность Северного Кавказа и весомая роль молодежи в будущем страны определяют актуальность темы. Этнические процессы на Кавказе постоянно фигурируют в междисциплинарном исследовательском поиске ученых. Формирование этнической и общероссийской гражданской идентичности, ее влияние на молодежную среду региона вызывает особый интерес [14]. В этом ключе роль высшего образования, формирующего наряду с профессиональными компетенциями знания об истории страны и региона, ответственную гражданскую позицию, ценностные ориентиры, взаимоуважение в межнациональной среде, чрезвычайно велика в значительной части молодежного студенческого сегмента общества. Опыт советской системы высшего образования по влиянию на межнациональные процессы заслуживает изучения.

Важно, что студенческая молодежь в ходе междисциплинарного исследования проводимого в Северо-Кавказском федеральным университетом в 2021–2022 г. по проекту «Национальная политика СССР и ее влияние на современную этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа» при опросе показала, что важнейшую ценность советской эпохи современные двадцатилетние граждане России после победы над нацизмом в годы Великой Отечественной войны видят в уровне, качестве, социальной роли высшего образования в СССР. 97 % опрошенных считает также, что «дружба народов СССР» формировалась во многом системой образования и социальной политикой [36].

В истории народов Северного Кавказа процесс формирования высшей школы проходил в 1920–1930-е гг. Он развивался параллельно становлению национальной государственности в рамках РСФСР. Историография вопроса весьма обширна, она находится на пересечении целого ряда исследовательских полей. В первую очередь, советские северокавказские исследователи 1960–1980-х гг. изучали процессы культурной революции, формирование национальной интеллигенции в межвоенные десятилетия советской государственности. К ним можно отнести работы М. М. Бекижева [3], З. Х. Джамбулатовой [13], Г. Ш. Каймаразовой [39], А. К. Хачирова [19], А.-К. Б. Эфендиева и др. [46]. На архивной источниковой базе эти исследователи первыми написали о формировании на Северном Кавказе системы подготовки специалистов высшей квалификации, появлении полинациональной интеллигенции из горских народов к концу 1930-х гг.

Второе направление историографии – непосредственно история становления и развития высшей школы в регионе в 1920–1930-х гг. Оно стало предметом анализа в работах и советских и постсоветских ученых: Д. М. Нагучева [30],

В. М. Кононенко [21], Н. М. Нагиевой [28], С. Б. Калинин [5], А. Г. Наумовой [32], С. В. Бычихиной [4], Р. Г. Ошроева [34], Х. А. Матаговой [26] и др. В этих работах, большая часть из которых диссертационные исследования, показано какой сложный и вместе с тем успешный путь прошла высшая школа Северного Кавказа с 1917 г. к появлению разветвленной сети вузов в национальных республиках, Ставропольском и Краснодарском краях к 1940-м гг. Педагогические, сельскохозяйственные, медицинские и технические вузы стали гордостью достижений региона предвоенного времени.

Наиболее многочисленны и политизированы исследования по третьему направлению: советскому нацистроительству 1920–1930-х гг. Анализ региональной историографии на стыке 1990-х гг. и нового тысячелетия в сравнении с трудами советских ученых провела в докторском исследовании Т. П. Хлынина [40]. В последующем, в ближайшие два десятилетия XXI в., на отдельные аспекты темы написано значительное количество интересных исследований, среди них диссертации Н. Н. Потокова [35], В. А. Шнайдера [38], А. Г. Кожарова [18], А. В. Аверьянова и др. [1].

Анализ историографической ситуации темы позволяют сказать, что современные исследования становятся более взвешенными, всесторонними, уходят от политической ангажированности, некоторой доли антисоветизма 1990-х гг., основываются на прочной архивной базе. Однако остается еще множество лакун. Развитие высшей школы Северного Кавказа под углом национальной политики – один из подобных вопросов.

Поэтому задачи статьи на основе широкого круга источников из местных и центральных архивов, опубликованных документов показать цели, способы, механизмы, степень усилий власти для формирования в вузовском пространстве действительно полинационального студенческого состава на Северном Кавказе и значение для национальной политики в регионе. Такая политика способствовала межнациональной коммуникации и ускорила интеграцию в единую наднациональную общность – советский народ. Распад СССР в значительной степени скорректировал представления о наднациональном единстве, тем не менее этот опыт требует изучения. Очевидно, что в ходе реализации национальной политики советская власть в 1920–1930-е гг. кроме национально-территориального деления, административного фактора, ставку делала на формирование «нового человека», на новую общность и новую интеллигенцию из рабочих и крестьян, объединенную наднациональными чертами и ценностями. В 1920–1930-е гг. наблюдается использование высшего образования для воздействия на этнонациональные процессы. В официальных документах идеологические обоснования этих мер называлось «коренизация», «борьба за преодоление неравенства народов».

Сегодня в каждом вузе Северного Кавказа если не на одном курсе, так в одном институте точно можно встретить представителей всех национальностей региона. Однако наша молодежь зачастую не имеет представления, что начало этому было положено всего лишь столетием ранее. Такого не было до 1917 г. в первую очередь потому, что на всем пространстве современных национальных республик Дагестана, Северной Осетии, Карачаево-Черкессии, Кабардино-Балкарии, Чечни, Ингушетии, а также на территории Ставропольского и Краснодарского краев не было высших учебных заведений. Самыми ближайшими вузами были Донской политехнический институт в г. Новочеркасске, открытый в 1907 г. и университет в Ростов-на-Дону, появившийся в результате эвакуации Варшавского университета в 1915 г. в ходе Первой мировой войны [21, с.18–20]. В 1912 г. в Ставрополе был открыт учительский институт, но он давал среднее педагогическое образование [10, л. 19].

В целом к 1917 г. в России существовало 124 высших учебных заведения: 65 государственных и 59 общественных и частных. Причем 9 (14 %) из государственных вузов появились в начале XX в. Повлияла промышленная модернизация, но только 25 из вузов были направлены на развитие производственной сферы [15, с. 20–25]. С позиции логики развития производства, экономических потребностей втягивания региона в общероссийский рынок, технический и сельскохозяйственный вузы были особенно необходимы региону. Появление высшей школы в регионе, в особенности промышленной, ждали многие, но открыть вузы смогли только после 1917 г. [25, с. 11]. Царское правительство сдерживало развитие высшего образования в империи, особенно на окраинах. Опасение революционной борьбы со стороны студенчества вступало в явное противоречие с прагматическими потребностями развития производства в стране.

Советская эпоха привела к становлению и развитию высшего образования в регионе, к его доступности для широких слоев общества и формированию полинационального северокавказского студенчества, затем многонациональной интеллигенции. Власть в СССР дала толчок процессу ускоренной, мобилизационной модернизации и образованные люди из всех национальностей были необходимы для всестороннего преобразования региона. Комплексный процесс переустройства первых довоенных советских десятилетий, включавший переустройство общественной жизни, экономики, политико-правовой, социальной, образовательной, культурной сфер, представлял собой переход от традиционного, аграрного к индустриальному обществу, но с идеологической спецификой ВКП(б).

Термином «культурная революция» обозначался в этом процессе модернизации общий подъем культуры, всеобщее начальное образование, ликвидация безграмотности взрослых и подготовка специалистов высшей квалификации из разных национальностей, формирование национальной интеллигенции. По грандиозности замыслов этот действительно был революционный подход. Уровень грамотности в целом по стране по неполным данным на начало 1920-х гг. составлял около трети населения, на Северном Кавказе значительно ниже: от 0,8 % – в Чечне, до 12 % – в Осетии [19, с. 3–37]. Политика царского правительства, недостаток финансирования образования, отсутствие всеобщего начального образования в царской России были тому виной. Попечитель Кавказского учебного округа М. Завадский еще в 1902 г. говорил, что 199 тыс. человек обучающихся на тот момент в округе составляли в 4,5 раза меньше общего числа детей школьного возраста [33, с. 52].

Один из отчетов начала 1920-х гг. сообщал, что до 1910 г. на территории, входящей к этому времени в Ингушетию, была только одна школа. Под влиянием первой русской революции 1905–1907 гг. и подъема национально-освободительного движения до 1914 г. количество школ увеличилось до 17. В них училось 500 учащихся и преподавало 25 учителей по данным Терской дирекции народных училищ, то есть не во всех школах было по 2 учителя. К 1924 г. работало 16 школ, но училось в них 1100 учащихся, вдвое больше, чем в 1914 г. Вели обучение и 24 пункта ликбеза (ликвидации безграмотности) для взрослых [16, с. 137].

Отчет о состоянии здравоохранения в Ингушской автономной области к 1926 г. еще более углубляет картину стоящих перед властью задач. В нем говорится, что до 1917 г. на территории будущей Ингушетии совершенно отсутствовали медико-санитарные службы, без которых нормальное жизнеобеспечение народа просто было невозможно. Назрановская больница с 10 койками появилась в 1920 г. Она работала по три месяца в году. В остальное время происходил амбулаторный прием одним врачом и двумя фельдшерами пунктами. С 1924 г., после оформления автономной области появились 2 больницы, 2 родильных отделения, малярная станция, на 5 коек, венеро-диспансер на 20 коек, 7 врачебных амбулаторий, 3 зуб-кабинета, 3 санврача. Население области лечили 19 врачей общей практики, 3 зубных врача, 10 фельдшеров, 3 акушерки [16, с. 139].

Дефицит специалистов влиял на социокультурную сферу, тормозил ее развитие. Подобная ситуация с кадрами высшей квалификации с небольшими нюансами была характерна для всех территорий Северного Кавказа. Катастрофически не хватало инженеров и техников для восстановления промышленности, транспорта, геологоразведки. Практически не было специалистов из гор-

ских национальностей. Вместе с тем, в политике новой власти с начала 1920-х гг. уже существовала четкая направленность на подготовку кадров специалистов из коренных народов – отсюда термин «коренизация». Под лозунгом «преодоления культурного неравенства» окраин России звучала на X, XII съездах ВКП(б) политическая воля государства в этом направлении как направленность социокультурной и национальной политики [22, с. 366; 23, с. 83–84]. Работе в направлении просвещения, повышении общекультурного уровня народов, отводилась особая роль, поскольку это являлось основой для последующих преобразований и взаимодействия национальностей.

Необходимым условием для преодоления кадрового дефицита становилось создание высшей школы в регионе. За два десятилетия после революции на Северном Кавказе практически с нуля в этом направлении были достигнуты огромные успехи: созданы вузы для подготовки специалистов во всех отраслях экономики. Четко можно выделить два этапа на этом тернистом пути: 1920-е и 1930-е гг.

На первом этапе, совпадающим с НЭПом, руководствуясь желанием ускорить процесс подготовки специалистов в регионе, Совет народных комиссаров пошел даже на признание вузов, возникших при поддержке белогвардейского правительства Деникина в годы Гражданской войны. Малоизвестная широкому кругу исследователей страница истории высшей школы российской провинции. В 1918–1919 гг. благодаря общественной инициативе возникли вузы в Екатеринодаре, Владикавказе, Ставрополе [5, с. 139]. После захвате белыми этих городов их сначала признало правительство ВСЮР А. И. Деникина, а после завершения Гражданской войны в регионе весной 1920 г. – правительство В. И. Ленина.

В 1918 г. во Екатеринодаре «Общество попечения о Кубанском политехническом институте» добилось реализации идеи о вузе, ранее не поддержанной царем [25, с. 139]. Тогда же в Терской области появился политехнический институт во Владикавказе, в дальнейшем Горский политехнический институт [24, с. 174.]. «Ставропольское общество содействия распространению сельскохозяйственного, технического, экономического знания на Северном Кавказе» удивительным образом привело в самый тяжелейший год Гражданской войны к созданию первого вуза в г. Ставрополе. Ставропольский губернский сельскохозяйственно-мелиоративный институт, был создан в 1919 г. Революционная буря вытолкнула из центра страны на окраины недостающие кадры профессуры, необходимые для открытия вузов: А. А. Карелин, А. А. Календарь, Р. Р. Глиндзич, профессор М. А. Шапошников, В. А. Савич. Местные интеллектуалы также приложили к этому свои усилия, среди них

был известный краевед, коллекционер, один из основателей Ставропольского краеведческого музея Г. К. Пправе [11, л. 14–48].

Признание вузов советской властью после Гражданской войны показывает приоритеты, определенный компромисс и политическую волю на пути по преобразованию общества. В регионе нужно было создавать высшее образование для всех народов и на связь вузов с белогвардейцами закрывали глаза. Интеллигенция также была признательна новой власти в ее стремлении повышать образовательный и культурный уровень общества, в частности через сохранение вузов. Так, техник Армавири-Туапсинской железной дороги Иван Акулов в 1920 г. писал в Губком Ставрополя о желании получить педагогическое образование, стать учителем, «бороться с темнотой народа» и принести пользу «революции и человечеству» [12, л. 2].

Ответом на подобное мнение в 1920 г. в самом конце Гражданской войны на европейской территории России практически одновременно в Ставрополе и Владикавказе были образованы Институты народного образования. В Ставрополе он стал называться Практический институт народного образования (ПИНО). Институт располагался на месте бывшего Епархиального женского училища вместо закрытых «старорежимных» учительского института и учительской семинарии. 200 студентов начали готовить для обучения в советских школах I и II ступени. Во Владикавказе в 1920 г. открыли Терский институт народного образования (ТИНО), также на основе упраздненных Терской и Осетинской дореволюционных учительских семинарий [5, с. 151–152].

Однако последствия войны, разрухи и голода 1921–1922 гг. привели к тому, что государственное финансирование вузов обеспечивало 8–25 % бюджета. Страна выкарабкивалась из тяжелейшего кризиса. Часть вузов прекратили свое существование. Тем не менее, даже в этих тяжелых условиях, государством были сохранены значимые для многонационального региона ТИНО, ставший Горским пединститутом во Владикавказе, Горский сельскохозяйственный институт [21, с. 38]. Сохранение вузов в многонациональном регионе показывает не только социокультурную, но и национальную политику власти. К сожалению, в 1921 г. ПИНО в Ставрополе преобразовали в педагогический техникум, в июле 1923 г. прервалась история первого сельскохозяйственного института Ставропольского края. В это время в вузе училось 411 студентов [11, л. 3]. Тем не менее опыт работы этих учебных заведений не пропал зря и был использован в 1930-е гг. [5, с. 153].

В оценке этих событий можно идти вслед за официальными формулировками решений XII съезда весной 1923 г., где проблему «преодоления неравенства» в образовательной сфере называл «второй очередной задачей коммунистической

партии», после экономической разрухи [23, с. 84]. Можно называть целью сохранения вузов прежде всего исключительно прагматической работой власти по формированию верной коммунистическим идеалам интеллигенции как проводника политики ВКП(б). Реальная действительность национально-государственного строительства в самом деле требовала подготовки кадров из местных национальностей, которые должны были стать опорой советской власти: поддерживать и укреплять влияние ВКП(б) на окраинах страны. Вели подготовку краевые курсы парторботников, туда привлекали национальную молодежь [7, л. 6–18]. Однако время показало, что идеологическая составляющая отпала с распадом СССР, значение же социокультурной работы по развитию образования в полинациональном пространстве Северного Кавказа сохранилось и до сих пор. Подобные оценки преобладают в современной региональной историографии [26; 28; 29; 45].

В дальнейшем, конец 1920-х – 1930-е гг. можно выделить во второй этап в развитии высшей школы Северного Кавказа. Политика форсированной модернизации экономики, промышленности, сельского хозяйства в полной мере отразилась на использовании высшего образования как инструмента для формирования кадров, которые «решают все». Мобилизационно, в сжатые сроки, заработало значительное количество высших учебных заведений в национально-территориальных образованиях региона. Они готовили специалистов практически для всех отраслей хозяйственной, культурной сферы и из всех национальностей региона. Страна «торопилась» вслед за политиками, желавшими при своей жизни увидеть сдвиги в промышленной, культурной, социальной сферах.

Большая роль в этом процессе, конечно, отводилась учителю. Появилась значительная группа педагогических институтов на основе Горского педагогического во Владикавказе: Осетинский, Кабардино-Балкарский, Дагестанский. Последний был открыт в 1931 г. на базе Дагестанского отделения Горского пединститута во Владикавказе в качестве агропедагогического. В Ставрополе в 1930 г. открылся агропединстит, а уже с 1932 г. он разделился на сельскохозяйственный и педагогический для отраслевой специализации и профессионализма. Педагогический вуз в Краснодаре получил национальное адыгейское отделение. В 1938 г. возник педагогический институт в Чечено-Ингушетии. Учительские институты как подразделения при педагогических институтах были призваны готовить учителей начальных и семилетних школ. Они готовили преподавателей для всех национальных областей ускоренно, в течение двух лет. При желании выпускники могли продолжить обучение заочно, учебные планы составлялись с учетом этого фактора [8, л. 12–54].

Финансирование вузов было усиленно из общегосударственного бюджета, что показывает повышение статуса и новый уровень понимания задач высшего образования.

В ходе учебы шло межнациональное, межкультурное взаимодействие. Формировалось принятие своего «другого», понимание значимости культуры, многообразия соседних народов и общность целей. Стратегически именно педагогические вузы были призваны создать основу, подготовить образовательный уровень учителей. Они во многом и совершали основную культурную революцию, закладывали фундамент культурного рывка. Отсюда уважительное отношение к учителю. В 1930 г. СССР переходил на всеобщее начальное обучение детей школьного возраста. Подготовка учителей из горской молодежи имела первостепенное значение. Об этом говорят множество решений региональных и центральных властей. Во многих резолюциях того времени говорится о нехватке учителей из местных народов, о низком уровне образования среди учителей-горцев даже к концу 1930-х гг. [31].

Органы партии и комсомола на местах должны были проводить агитацию, разъяснять горской молодежи необходимость и значимость профессии учителя, подыскивать абитуриентов. Однако подготовка учителей из горских народов Северного Кавказа по объективным причинам развития среднего образования, знания русского языка не успевала за плановыми показателями. Типичным по национальным территориям было заявление подобное Дагестанскому ЦИК от 11 марта 1936 г. «о ненормальности» ситуации, когда из «464 студентов пединститута в Махачкале всего 232 являются представителями коренных национальностей» [31, с. 262–264]. Приведенный пример ярко иллюстрирует как государство «подтягивало» культурный уровень и директивными методами. Также он показывает несостоятельность обвинений в колониальном отношении центра к национальным окраинам страны.

Понимание сложности проходивших процессов невозможно без анализа индустриального рывка региона в годы первых пятилеток для которого были необходимы квалифицированные специалисты. Создание отраслевых вузов в 1930-е гг. произошло повсеместно по республикам и областям Северного Кавказа. Сельскохозяйственные, медицинские, технические вузы появились в Махачкале, Владикавказе, Грозном, Краснодаре, Ставрополе [5; 21; 30; 32]. Появление Грозненского нефтяного института и института цветных металлов во Владикавказе в начале 1930-х гг. были особо значимы с точки зрения перехода на индустриальный уровень развития [37]. Становление всей системы высшего образования на Северном Кавказе происходило сложно, но при сильной поддержке государства. Не хва-

тало помещений, учебников, преподавателей и контингента региональных абитуриентов, способных освоить программы вузов. Преподавательский состав для вузов собирался по всему СССР, поэтому представители прежде всего советской русской интеллигенции внесли огромный вклад в становление этих вузов. Особенно важно, что в современной историографии региона не забыты имена этих ученых и педагогов, чьи дела и по сей день приносят свои плоды высшей школе Северного Кавказа [27; 29].

Важно отметить трудности с набором студентов. Особенно в 1920-е гг. большинство будущих потенциальных абитуриентов были низко грамотны. Исходя из низкой грамотности основных абитуриентов – рабочих и крестьян, правительство создало уникальную систему подготовительных рабочих факультетов – рабфаков. Названы они были так по основной марксистской идее пролетаризации для высшей школы как пролетаризации в перспективе и всего общества. На рабфаках ускоренно и сокращенно, в течение двух лет готовили молодежь к вузовскому обучению. Отсев не справляющихся был просто огромным, но это воспринимали нормально. Если вдуматься, иначе быть и не могло, практически с нуля за три года создавался образовательный уровень средней школы. В 1924 г. 70 студентов Кубанского рабфака из 199 были отчислены по неуспеваемости. Отчисление 35% состава студентов называли в отчете «неплохой» успеваемостью [41, л. 12].

Тем не менее, рабфаки с национальными группами с 1920 г. обучали в Ростове, Краснодаре, Владикавказе, с 1921 г. в Грозном, с 1927 г. – в Махачкале. Для студентов горцев обучение растягивалось на три года и более, освоения необходимого уровня русского языка требовало времени [42, л. 25]. Рабфаки региона в обязательном порядке набирали студентов всех горских национальностей. В следствие этого провозглашенный советской властью принцип – «обучение на национальных языках» из-за многонационального состава не реализовывался. Даже не потому, что первоначально не было учебников на национальных языках, у ряда народов своей письменности, но и из элементарного решения учебных задач по освоению профильных предметов. Рабфаки стали важным «инструментом» в арсенале государства по подготовке национальных кадров, национальной интеллигенции и, как опосредованное следствие, на национальную политику.

Краевым руководством четко устанавливалась разверстка мест по административным единицам. Количество устанавливаемых вакансий зависела от потребностей каждой республики в кадрах по расчетам планового отдела. Например, в 1925 году в Грозненском нефтяном рабфаке из 143 мест 27 мест выделили г. Грозному в силу потребностей Грознефти [42, л. 5].

Руководство прилагало все усилия для привлечения к обучению на рабфаках абитуриентов из коренных народов, предоставляя им больше мест. Хотя в первые годы существования рабфаков в регионе, по причине небольшого количества грамотных из числа северокавказских народов, большинство студентов были русские: в 1922 г. во Владикавказском рабфаке 161 студент из 211 был русским. Второе место среди национальностей рабфаковцев занимали осетины [43, л. 6–16]. Но постепенно ситуация начала меняться.

Сборник к десятилетию рабфаков показывает, как пришло понимание приемов, которые действительно готовили горскую молодежь к учебе в вузе. В Краснодаре обучение в национальных группах рабфака открылось в 1927–28 гг. и растягивалось до пяти лет. Два года студенты разных национальностей региона: адыгейцы, черкесы, кабардинцы, балкарцы, ингуши, шапсуги, таты усиленно изучали русский язык, изучали грамматику. Изучение на родном языке было затруднено, поскольку группы не собирались, русский язык, наоборот, служил коммуникации. Параллельно шел сжатый интенсив по школьной программе, усиленный общественно-политическими курсами. За рабфаком был закреплен совхоз, и он помогал материальному снабжению студентов [17, с. 3–14]. Сквозь деятельность рабфаков проступает большая, кропотливая работа, координируемая государственная политика.

Местные органы власти, ячейки комсомола и партии должны были подыскивать, предлагать, помогать мобилизации на учебу. В частности, ноябрьский (1929 г.) Пленум ЦК ВКП(б) принял решение направлять на учебу во вузы в 1930 – 1932 гг. не менее 5 тыс. человек по Северному Кавказу. Из расчета подготовки первых 2 тыс. региону предоставлялось 80 мест. Коммунистам с длительным партийным стажем предоставлялось 12 мест. Рабочие в наборе должны были составлять 75–80 %. Причем рабочие с 5-летним стажем, а служащие – не менее чем с 6-7 летним стажем ответственной работы [44, л. 12]. Таким образом, «инструментом» влияния на процессы национального взаимодействия через влияние на высшее образование стала еще и система бронирования мест. Вузы центральных городов закладывали бюджетные места для конкретной национальности сначала по большей части в Рабфаках, затем в 1930-е гг. по наиболее необходимым специальностям на разные факультеты. Поддержка стипендиями, обеспечение общежитиями, обеспечение работой молодых специалистов в своих республиках также сыграли важную роль [9].

Перечисленные механизмы были заложены в невероятно тяжелые, цивилизационного экзистенциальные 1920–1930-е гг. Это доказывает мощный преобразовательный потенциал новой власти, которая параллельно решала огромное

количество задач: по выходу из экономической разрухи, национально-территориальное строительство, становление советской системы школьного образования, ликвидация безграмотности среди взрослых, сложные вопросы международной жизни и многое другое. В 1930-е гг. эта система уже полностью функционировала, создавала наднациональные, общегосударственные связи. Медленно, сложно шли эти процессы, но результаты тех преобразований современная Россия пожинает и сегодня.

Тогда большинство специалистов, как показала проведенная в 1939 году перепись населения, получили образование в советское время. Так, в Дагестане уже работало 2781 специалистов разных профилей с высшим образованием, а в 1920 г. их было всего 40 чел., в 1930 г. – 625 [44]. Для автора статьи, занимающегося, в частности изучением технической интеллигенцией Северного Кавказа важно, что в национальных областях работало 138 инженеров из горских народов из 2 326 представителей этой профессии в регионе. Наибольшее количество инженеров было среди осетин – 75 человек и дагестанцев – 42. В Кабардино-Балкарии работало 2 инженера кабардинца и 1 балкарец. В Чечено-Ингушетии 8 инженеров чеченцев и 10 ингушей [6, с.155-186]. Это был весьма значимый результат. Осваивать технические специальности особенно сложно и, вместе с тем, без них невозможно было развитие индустриального потенциала региона.

Итак, за созданием и развитием в два предвоенных десятилетия 1920–1930-х гг. системы высшего образования на Северном Кавказе и сопутствующих механизмов подготовки необходимого

уровня знаний у северокавказского полинационального студенчества стоит общегосударственный созидательный план. Народности Северного Кавказа получили возможность, получив диплом специалиста, вернуться в родные места, что позволило значительно расширить интеллектуальный потенциал региона и создать механизмы социокультурных преобразований. Политическая составляющая в подготовке коммунистически настроенных специалистов имела важное значение для власти, тем не менее, главное значение заключается в повышении социокультурного уровня всего Северного Кавказа. С течением времени именно эта составляющая становится еще более важной в оценке советского прошлого. Опрос студентов, о котором говорилось в начале статьи подтверждает это. Большая часть из них (98%) не связывают шаги в области формирования высшего образования с национальной политикой. Вместе с тем, они признают значимость высшего образования по созданию профессионально-компетентной группы в обществе, которая могла реализоваться как в регионе, так и по всему СССР [36]. С историографической точки зрения значимо, что признание важности социокультурной составляющей этого процесса наблюдается как в работах региональных ученых старшего поколения с советским прошлым, так и тех, кто стал исследователем в современной России [2; 6; 20]. Непреходящее значение ценности созданной системы высшего образования создает положительную оценку советского прошлого. Высшее образование стало важнейшим социальным лифтом и интегрирующим инструментом советского полинационального общества.

Литература

1. Аверьянов А. В. Национальная политика Советского государства на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е гг.: дисс. ... докт. ист. наук. Ростов-на Дону, 2021. 701 с.
2. Адухов М. Д. Формирование системы высшего образования в Дагестане // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: общественные науки. 2006. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sistemy-vysshego-obrazovaniya-v-dagestane-1920-1930-gg>. (Дата обращения 9.10.2022).
3. Бекижев М. М. Формирование социалистической интеллигенции у народов Северного Кавказа (1917–1941 гг.). Черкесск: Ставропольское книжное издательство. Карачаево-Черкесское отделение, 1978. 285 с.
4. Бычихина С. В. Становление и развитие высшего образования Дагестана в 20-е – 70-е гг. XX века: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2004. 25 с.
5. Булыгина Т. А., Калинин С. Б., Колесникова М. Е. Интеллектуальное пространство России XIX–XX вв. (на материалах Северного Кавказа): научное исследование. Ставрополь: СКФУ, 2017. 361 с.
6. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. М.: Наука, 1992. 256 с.
7. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А. – 1565. Оп. 4. Д. 173.
8. ГАРФ. Ф. Р. – 1318. Оп. 7. Д. 24
9. ГАРФ. Ф. Р. – 5515. Оп. 15. Д. 768. Л. 11–12.
10. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р. – 1872. Оп. 1. Д. 63.
11. ГАСК. Ф. Р. 89. Оп. 1. Д. 2.
12. ГАСК. Ф. Р. – 164. Оп. 1. Д. 46.
13. Джамбулатова З. К. Культурное строительство в советской Чечено-Ингушетии. (1920 – 1940). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1974. 235 с.
14. Ерохин А. М., Воробьев С. М., Авдеев Е. А. Этнополитические процессы на Кавказе: конфликт идентичностей и политическая активность молодежи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 5. С. 112–125.
15. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: Академия наук СССР. Институт истории СССР, 1991. 392 с.

16. Из отчета исполкома ингушской автономной области о сети учебных заведений // От великой отсталости к социализму. (1917–1941гг.) Сборник документов и материалов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1977. 203 с.
17. К десятилетнему юбилею рабфаков. Научно-методический сборник. / под ред. М. Лола и др. Краснодар: Б.и., 1929. 128 с.
18. Кажаров А. Г. Становление национальной автономии Кабардино-Балкарии: предпосылки, альтернативы, итоги: 1917–1920-е гг.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Нальчик. 2018. 26 с.
19. Каймаразов Г. Ш. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе: По материалам Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной-Осетии и Чечено-Ингушской АССР. М.: Наука, 1988. 334 с.
20. Каймаразов Г. Ш., Каймаразова Л. Г. Ликвидация массовой неграмотности населения Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии в 20–30-е гг. XX века: проблемы, взаимодействие. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/likvidatsiya-massovoy-negramotnosti-naseleniya-dagestana-kabardino-balkarii-severnoy-osetii-i-checheno-ingushetii-v-20-30-e-gg-xx-veka> (Дата обращения 9.10.2022)
21. Кононенко В. М. Высшая школа Юга России (20-е – 90-е годы XX века): Монография. Ставрополь: ООО «Базис», 2005. 332с.
22. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 2: 1917–1922. М.: Политиздат, 1983. 606 с.
23. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 3: 1922–1925. М.: Политиздат, 1984. 494 с.
24. Культурное строительство в Северной Осетии: сборник документов и материалов / Партийный архив Северо-Осетинского обкома КПСС и др. Т. 1: (1917–1941 гг.) / сост. Л. Д. Бирюкова. Орджоникидзе: Ир, 1974. 545 с.
25. Куценко И. Я. Кубанский государственный технологический университет, 1918–2008. Краснодар: Диапазон-В, 2008. 502 с.
26. Матагова Х. А. Становление и развитие высшего образования Чечни в 1920-1944 гг. XX века: дисс. ... канд. ист. наук. Грозный, 2009. 214 с.
27. Матагова Х. А. Они были первыми: директора Чечено-ингушского государственного педагогического/учительского института в 1938–1951гг.// Научный журнал КубГАУ. 2017. №125(01). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oni-byli-pervymi-direktora-checheno-ingushskogo-gosudarstvennogo-pedagogicheskogo-uchitelskogo-instituta-v-1938-1951-gg> (Дата обращения 5.09.2022)
28. Нагиева М. К. Подготовка национальных кадров в Дагестане в 1920-е гг. // Известия СОИГСИ. 2018. Вып. 29 (68). С. 97–106.
29. Нагиева М.К. Роль русской интеллигенции в социально-экономическом и культурном развитии Дагестана в 20-30-е гг. XX века. (История и опыт деятельности). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2010. 287 с.
30. Нагучев Д.М. Высшая школа на Северном Кавказе: история и современность. Майкоп: Адыгейское книжное изд-во, 1992. 311с.
31. Наука и высшая школа в Дагестане. Документы и материалы. Т. 1. 1918 – июнь 1941. Махачкала, 2003. 409с.
32. Наумова А.Г. Становление и развитие высшего образования на Кубани: исторический аспект: на примере вузов г. Краснодара (1918–1970 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. 198 с.
33. Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского Учебного Округа за 1902г. Тифлис: Кавказский учебный округ. Попечитель, 1903. 600 с.
34. Ошроев Р. Г. Становление и развитие университетского образования Кабардино-Балкарии в XX – начале XXI в.: дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2004. 206 с.
35. Потоков Н.Н. Национально-государственное строительство на Северном Кавказе в 20-30-е гг. XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2000. 24 с.
36. Проект РФФИ № 21-09-43018 «Национальная политика СССР и ее влияние на современную этнополитическую ситуацию в представлениях молодежи Северного Кавказа». Оп.1. Опрос Стрекаловой Е.Н. декабрь 2021 – октябрь 2022 г.
37. Стрекалова Е. Н. Между реформами и советской модернизацией: техническое образование на Северном Кавказе в 1917–1940 гг. // История науки и техники. 2009. №12. С.52 – 65.
38. Шнайдер В. Г. Национальное строительство как фактор социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в советское общество: 1917 – конец 1950-х гг.: дисс. ... докт. ист. наук. Армавир, 2008. 491 с.
39. Хачиров А. К. О формировании осетинской интеллигенции. Орджоникидзе: «ИР», 1964. 92 с.
40. Хлынина Т. П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа 1917–1937 гг.: проблемы историографии: дисс. ... докт. ист. наук. М., 2003. 324 с.
41. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 314.
42. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО) Ф. 7. Оп. 1. Д. 252.
43. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 177.
44. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1036.
45. Цориева И. Т. Советская культура народов Северного Кавказа в Отечественной историографии второй половины XX – начала XXI вв. // Известия СОИГСИ. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-kultura-narodov-severnogo-kavkaza-v-otechestvennoy-istoriografii-vtoroy-pолоviny-xx-nachala-xxi-vv> (Дата обращения 11.09.2022).
46. Эфендиев А. Б. Формирование советской интеллигенции в Дагестане. Махачкала: Б.и., 1960. 155 с.

References

1. Averyanov A. V. Nacionalnaya politika Sovetskogo gosudarstva na Donu, Kubani. i Stavropol'e v 1920-1930-e gg: Dissertacii ... doktora istoricheskix nauk. (The national policy of the Soviet State on the Don, Kuban and Stavropol in the 1920s–1930s.). Rostov-on-Don, 2021. 701 p. URL: https://www.ncfu.ru/export/uploads/dokumenty-dissertacii/Dissertaciya-Aver_yanov-A.V_.pdf (Accessed: 10.09.2022). (In Russian).

2. Aduxov M. D. Formirovanie sistemy vysshego obrazovaniya v Dagestane. // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Seriya: Obshchestvennyye nauki. 2006. (Formation of the higher education system in Dagestan) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sistemy-vysshego-obrazovaniya-v-dagestane-1920-1930-gg>. (Accessed: 9.10.2022). (In Russian).
3. Bekizhev M.M. Formirovanie socialisticheskoy intelligencii u narodov Severnogo Kavkaza (1917–1941 gg.) (Formation of the Socialist intelligentsia among the peoples of the North Caucasus (1917–1941). Cherkessk: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo. Karachaevo-Cherkesskoe otделение, 1978. 285 p. (In Russian).
4. Bychixina S.V. Stanovlenie i razvitie vy'sshego obrazovaniya Dagestana v 20-e – 70-e gg. XX veka. (Formation and development of higher education in Dagestan in the 20s–70s of the XX century.): abstract of thesis. Maxachkala, 2004. 25 p. (In Russian).
5. Bulygina T. A., Kalinchenko S. B., Kolesnikova M. E. Intellektual'noe prostranstvo Rossii XIX–XX vv. (na materialah Severnogo Kavkaza): nauchnoe issledovanie (Intellectual space of Russia of the XIX–XX centuries. (Based on the materials of the North Caucasus): scientific research.). Stavropol: NCFU publ., 2017. 361 p. (In Russian).
6. Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1939 goda. Osnovnye itogi (All-Union Population Census of 1939. The main results.) Moscow: Nauka. 1992. 256 p. (In Russian).
7. State Archive of the Russian Federation. (GARF). F.A.-1565. Inv. 4. D. 173. (In Russian).
8. GARF. F. R. – 1318. Inv. 7. D. 24. (In Russian).
9. GARF. F.R. – 5515. Inv. 15. D. 768. (In Russian).
10. State Archive of the Stavropolskogo kraia. (GASK). F.R.-1872. Inv. 1. D.63. (In Russian).
11. GASK. F.R. – 89. Inv.1. D.2. (In Russian).
12. GASK. F.R. – 164. Inv.1. D 46. (In Russian).
13. Dzhambulatova Z. K. Kulturnoe stroitel'stvo v sovetskoj Checheno–Ingushetii. (Cultural construction in Soviet Chechen–Ingushetia) (1920–1940). Grozniy: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1974. 235 p. (In Russian).
14. Erohin A. M., Vorobev S. M., Avdeev E. A. E'thnopoliticheskie processy' na Kavkaze: konflikt identichnostej i politicheskaya aktivnost' molodezhi (Ethnopolitical processes in the Caucasus: conflict of identities and political activity of youth) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodny'e otnosheniya. 2021. Vol. 26. No. 5. P. 112–125. (In Russian).
15. Ivanov A. E. Vysshaya shkola Rossii v konce XIX – nachale XX veka. (Higher school of Russia in the late XIX – early XX century.) Moscow: IH of RAS publ.. 1991. 392 p. (In Russian).
16. Iz otcheta ispolkoma ingushskoj avtonomnoj oblasti o seti uchebnyx zavedenij (From the report of the executive committee of the Ingush Autonomous Region on the network of educational institutions) // Ot velikoj otstalosti k socializmu. (1917–1941 gg.). Sbornik dokumentov i materialov. Grozniy: Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1977. 203 p. (In Russian).
17. K desyatiletnemu yubileyu rabfakov. Nauchno-metodicheskij sbornik (To the tenth anniversary of the work faculties. Scientific and methodological collection) / ed by. M. Lol and etc. Krasnodar, 1929. 128 p. (In Russian).
18. Kazharov A. G. Stanovlenie nacional'noj avtonomii Kabardino-Balkarii: predposyl'ki, al'ternativy', itogi: 1917–1920-e gg. (Formation of the national autonomy of Kabardino-Balkaria: prerequisites, alternatives, results: 1917–1920): abstract of thesis. Nal'chik, 2018. 26 p. (In Russian).
19. Kajmarazov G. Sh. Formirovanie socialisticheskoy intelligencii na Severnom Kavkaze: Po materialam Dagestana, Kabardino-Balkarii, Severnoj-Osetii i Checheno-Ingushskoj ASSR. (Formation of the Socialist Intelligentsia in the North Caucasus: Based on the materials of Dagestan, Kabardino-Balkaria, North Ossetia and the Chechen-Ingush ASSR.). Moscow: Nauka, 1988. 334 p. (In Russian).
20. Kajmarazov G. Sh., Kajmarazova L. G. Likvidaciya massovoj negramotnosti naseleniya Dagestana, Kabardino-Balkarii, Severnoj Osetii i Checheno-Ingushetii v 20–30-e gg. XX veka: problemy, vzaimodejstvie. (Elimination of mass illiteracy of the population of Dagestan, Kabardino-Balkaria, North Ossetia and Chechen-Ingushetia in the 20–30s of the twentieth century: problems, interaction) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/likvidatsiya-massovoy-negramotnosti-naseleniya-dagestana-kabardino-balkarii-severnoj-osetii-i-checheno-ingushetii-v-20-30-e-gg-xx-veka> (Accessed: 9.10.2022). (In Russian).
21. Kononenko V. M. Vysshaya shkola Yuga Rossii (20–90-e gody' XX veka) (Higher School of the South of Russia (20s–90s of the twentieth century). Stavropol': OOO «Bazis», 2005. 332 p. (In Russian).
22. KPSS v rezolyuciyax i resheniyax sezdov, konferencij i plenumov CzK (The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee) (1898–1986). Vol. 2: 1917 – 1922. Moscow: Politizdat, 1983. 606 p. (In Russian).
23. KPSS v rezolyuciyax i resheniyax sezdov, konferencij i plenumov CzK (The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee) (1898–1986). Vol. 3: 1922–1925. Moscow: Politizdat, 1984. 494 p. (In Russian).
24. Kulturnoe stroitel'stvo v Severnoj Osetii: sbornik dokumentov i materialov / Partijnyj' arxiv Severo-Osetinskogo obkoma KPSS i dr. Vol. 1: (1917–1941 gg.) (Cultural construction in North Ossetia: collection of documents and materials / Party archive of the North Ossetian Regional Committee of the CPSU) / compiler L.D. Biryukova. Ordzhonikidze: Ir, 1974. 545 p. (In Russian).
25. Kucenko I. Ya. Kubanskij gosudarstvennyj' technologicheskij universitet. 1918–2008. (Kuban State Technological University). Krasnodar: Diapazon-V, 2008. 502 p. (In Russian).
26. Matagova X. A. Stanovlenie i razvitie vysshego obrazovaniya Chechni v 1920–1944 gg. XX veka (Formation and development of higher education in Chechnya in 1920–1944. XX century): thesis. Grozniy, 2009. 214 p. (In Russian).
27. Matagova X. A. Oni byli pervymi: direktora Checheno-ingushskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo/uchitel'skogo instituta v 1938–1951gg. (They were the first: directors of the Chechen-Ingush State Pedagogical/Teachers' Institute in 1938–1951.) // Nauchnyj zhurnal KubGAU. 2017. №125(01). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oni-byli-pervymi-direktora-checheno-ingushskogo-gosudarstvennogo-pedagogicheskogo-uchitel'skogo-instituta-v-1938-1951-gg> (Accessed: 5.09.2022). (In Russian).

28. Nagieva M. K. Podgotovka nacionalnykh kadrov v Dagestane v 1920-e gg. (Training of national personnel in Dagestan in the 1920s.) // Izvestiya SOIGSI. 2018. Issue. 29(68). P. 97–106. (In Russian).
29. Nagieva M. K. Rol russkoj intelligencii v socialno-ekonomicheskom i kulturnom razvitii Dagestana v 20–30-e gg. XX veka. (Istoriya i opyt deyatel'nosti) (The role of the Russian intelligentsia in the socio-economic and cultural development of Dagestan in the 20–30s of the XX century. (History and experience of work). Maxachkala: RAS publ., 2010. 287 p. (In Russian).
30. Naguchev D.M. Vysshaya shkola na Severnom Kavkaze: istoriya i sovremennost. (Higher School in the North Caucasus: History and Modernity.) Majkop: Adygea Publishing House, 1992. 311 p. (In Russian).
31. Nauka i vysshaya shkola v Dagestane. Dokumenty i materialy (Science and higher education in Dagestan. Documents and materials.). Vol.1. 1918 – June 1941. Maxachkala, 2003. 409 p. (In Russian).
32. Naumova A. G. Stanovlenie i razvitie vysshego obrazovaniya na Kubani: istoricheskij aspekt: Na primere vuzov g. Krasnodara (Formation and development of higher education in the Kuban: historical aspect: On the example of universities in Krasnodar) (1918–1970 gg.): thesis. Krasnodar, 2005. 198 p. (In Russian).
33. Otchet o sostoyanii uchebnykh zavedenij Kavkazskogo Uchebnogo Okruga za 1902. (Report on the state of educational institutions of the Caucasian Educational District for 1902.) 1902g. Tiflis, 1903. 600 p. (In Russian).
34. Oshroev R.G. Stanovlenie i razvitie universitetskogo obrazovaniya Kabardino-Balkarii v XX – nach. XXI v. (Formation and development of university education in Kabardino-Balkaria in the XX – beginning. XXI century): thesis. Nalchik, 2004. 206 p. (In Russian).
35. Potokov N. N. Nacionalno-gosudarstvennoe stroitel'stvo na Severnom Kavkaze v 20–30-e gg. XX v. (National-state construction in the North Caucasus in the 20–30s of the XX century.): abstract of thesis. Majkop, 2000. 24 p. (In Russian).
36. Proekt RFFI № 21-09-43018 «Nacionalnaya politika SSSR i ee vliyanie na sovremennuyu etnopoliticheskuyu situaciyu v predstavleniyax molodezhi Severnogo Kavkaza» Op.1. Opros Strekalovoj E.N. dekabr 2021-oktyabr' 2022g. (RFBR Project No. 21-09-43018 «The national policy of the USSR and its impact on the current ethno-political situation in the views of the youth of the North Caucasus» Op.1. Strekalova E.N. Survey December 2021-October 2022). (In Russian).
37. Strekalova E. N. Mezhd reformami i sovetskoj modernizaciej: texnicheskoe obrazovanie na Severnom Kavkaze v 1917–1940 gg. (Between reforms and Soviet Modernization: Technical education in the North Caucasus) // Istoriya nauki i tekhniki. 2009. No.12. P. 52–65. (In Russian).
38. Shnajder V. G. Nacionalnoe stroitel'stvo kak faktor sociokulturnoj integracii narodov Severnogo Kavkaza v sovetskoe obshchestvo: 1917 – konec 1950-x gg. (Nation-building as a factor of Socio-cultural Integration of the Peoples of the North Caucasus into Soviet Society: 1917 – the end 1950s.): thesis. Armavir, 2008. 491 p.
39. Xachirov A. K. O formirovanii osetinskoj intelligencii. (On the formation of the Ossetian intelligentsia). Ordzhonikidze: IR, 1964. 92 p. (In Russian).
40. Xlynina T. P. Stanovlenie sovetskoj nacional'noj gosudarstvennosti u narodov Severnogo Kavkaza 1917–1937 gg.: problemy istoriografii (The Formation of Soviet National Statehood among the Peoples of the Northern Caucasus 1917–1937: problems of Historiography): thesis. Moscow, 2003. 324 p. (In Russian).
41. Documentation Center of the modern history of the Krasnodar Territory. (CzDNIKK). F. 9. Inv. 1. D. 314. (In Russian).
42. Documentation Center of the modern history of the Rostov Territory (CzDNIRO). F. 7. Inv. 1. D. 252. (In Russian).
43. CzDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 177. (In Russian).
44. CzDNIRO. F. 7. Inv. 1.D. 1036. (In Russian).
45. Czorieva I. T. Sovetskaya kultura narodov Severnogo Kavkaza v Otechestvennoj istoriografii vtoroj poloviny XX -nachala XXI vv. (Soviet culture of the Peoples of the North Caucasus in the Russian Historiography of the second half of the XX-early XXI centuries.) // Izvestiya SOIGSI. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovetskaya-kultura-narodov-severnogo-kavkaza-v-otechestvennoj-istoriografii-vtoroy-poloviny-xx-nachala-xxi-vv> (Accessed: 11.09.2022). (In Russian).
46. Efendiev A. B. Formirovanie sovetskoj intelligencii v Dagestane (Formation of the Soviet intelligentsia in Dagestan). Makhachkala, 1960. 155 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Стрекалова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / strecalova-lena@yandex.ru
 Адрес: д. 1, ул. Пушкина, 355017, г. Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Elena N. Strekalova – PhD in History, Associate Professor, Chair of Russian History, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University / strecalova-lena@yandex.ru
 The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ LEGAL SCIENCES

УДК 340.13

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.14>

А. А. Волков
Н. А. Ряснянская

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРАВОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проведен анализ условий формирования правовой культуры и правосознания современного молодого поколения. Показаны особенности реализации программ правового просвещения в России. Раскрыты причины нигилизма в российском обществе. Дан анализ правительственных программ. Предложен вариант разработки национальных программ по повышению правовой культуры современного молодого поколения. Обоснована актуальность вопроса о национальном правосознании, определении социально-правовых ценностей в обществе. Показана неразрывная связь с правовым воспитанием личности и вместе с тем – правовым формированием гражданина, что представляет собой непосредственно правоприменительную деятельность. Под правовым воспитанием понимается совместная деятельность государства и общества по передаче накопленных правовых знаний, либерально-демократических идеалов, национальной правовой культуры от одного поколения к другому. Процесс воспитания национального правосознания показано как многогранное явление, определяющее особенности развития правовой культуры в обществе. Правовое воспитание рассмотрено с такими этическими нормами поведения, как внимание к людям, готовность к сотрудничеству и дружбе, оказание помощи нуждающимся, уважение к окружающим. Немаловажное значение уделяется так-

же роли правовой пропаганды посредством рекламы, социальных роликов, средств массовой информации. В качестве причин, препятствующих гражданам защищать свои права и свободы, был выделен как низкий уровень правовой культуры общества, так и недоверие властным структурам. При этом особый акцент был сделан на отсутствие знаний у граждан о существующих правозащитных механизмах, и как следствие – неумение отстаивать свои права на законных основаниях. Дано определение процессу воспитания национального правосознания как многогранному явлению, определяющему особенности развития правовой культуры в обществе. Особое внимание уделено процессу глобализации и цифровизации, охвативших все стороны жизни общества и оказывающих непосредственное влияние на мировоззрение социума.

Ключевые слова: правосознание, правовая культура, национальное правосознание, личность, общество, молодежь, ценности, право, гражданин, государство, глобализация, цифровизация.

Для цитирования: Волков А. А., Ряснянская Н. А. К вопросу об условиях формирования правовой культуры и правосознания современного молодого поколения в Российской Федерации // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 116–122. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.14

Alexander A. Volkov
Natalia A. Rysnyanskaya

ON THE CONDITIONS FOR THE FORMATION OF LEGAL CULTURE AND LEGAL AWARENESS OF THE MODERN YOUNG GENERATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

In the paper the analysis of the conditions for the formation of legal culture and legal awareness of the modern young generation is carried out. The features of the implementation of legal education programs in Russia are shown. The causes of nihilism in Russian society are revealed. The analysis of government programs is given. A variant of the development of national programs to improve the legal culture of the modern young generation is proposed. The relevance of the issue of national legal consciousness, the definition of socio-legal values in

society is substantiated. The inextricable connection with the legal education of the individual and at the same time – the legal formation of the citizen, which is directly law enforcement activity, is shown. Legal education is understood as the joint activity of the state and society to transfer accumulated legal knowledge, liberal democratic ideals, and national legal culture from one generation to another. The process of education of national legal consciousness is shown as a multifaceted phenomenon that determines the peculiarities of the development of

legal culture in society. Legal education is considered with such ethical standards of behavior as attention to people, willingness to cooperate and friendship, assistance to those in need, respect for others, the role of legal propaganda through advertising, social videos, and mass media is also given great importance. As the reasons preventing citizens from defending their rights and freedoms, both the low level of legal culture of society and distrust of power structures were singled out. At the same time, special emphasis was placed on the lack of knowledge among citizens about the existing human rights mechanisms, and as a result – the inability to defend their rights legally. The definition of the process of education of national legal consciousness is

Правовая культура современного общества в целом и каждого человека в частности формируется под влиянием сложившейся системы историко-правовых ценностей социума, выстраданных веками в ходе войн, революций, гражданских противостояний и достижений населения страны [1]. Поэтому задача старшего поколения заключается в передаче молодежи «целостного национального наследия», а не осколков, полученных в ходе смены политических режимов.

Реальность постсоветского периода развития страны выдвинула на первый план личные интересы индивида, семьи, определив последнее место правосознанию общества. Вместе с тем исследователи Центра социального прогнозирования обратили внимание, что несмотря на выявленные признаки деформации правосознания граждан, во время опроса были выявлены критерии, которые по мнению респондентов, характеризуют правовое государство. В частности – это законопослушность граждан, правовое обеспечение реализации гражданских прав и свобод, доверие населения независимой судебной власти [6].

Очередной социальный опрос, проводимый Аппаратом Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации осенью 2004 г. на предмет соблюдения прав человека в стране, показал, что мнение респондентов начало постепенно изменяться. Официальная статистика показала, что больше половины опрошенных заявили о частичном соблюдении прав человека и гражданина в России [7, л.45–58].

В качестве причин, препятствующих гражданам защищать свои права и свободы, был выделен как низкий уровень правовой культуры общества, так и недоверие властным структурам. При этом особый акцент был сделан на отсутствие знаний у граждан о существующих правозащитных механизмах, и как следствие – неумение отстаивать свои права на законных основаниях. Проведенный опрос показал также, что недоверие к государству ассоциировалось у респондентов с низким уровнем правовой культуры самих государственных служащих.

Полученные в ходе проведения социологических опросов данные, позволили правительству не только дать оценку социально-политической

given – as a multifaceted phenomenon that determines the peculiarities of the development of legal culture in society. Special attention is paid to the process of globalization and digitalization, which have covered all aspects of society, and have a direct impact on the worldview of society.

Key words: legal consciousness, legal culture, national legal consciousness, personality, society, youth, values, law, citizen, state, globalization, digitalization.

For citation: Volkov A. A., Rysnyanskaya N. A. On the conditions for the formation of legal culture and legal awareness of the modern young generation in the Russian Federation // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 116–122 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.14

обстановке в стране, но и наметить курс на дальнейшие преобразования. Поиск российским государством своей «ниши» на международной арене среди развитых европейских государств в условиях глобализации, идет наряду с определением самоидентичности России. Во многом этот процесс определяется кризисом духовности российского общества, переоценкой ценностей, определением новых правовых ориентиров, возрождением утраченного культурно-исторического наследия нации.

Исторически у России сложился свой путь государственного и общественного развития. Важным отличием стало отношение к правам человека больше, как к нравственной категории, а не юридической. Вместе с тем, российский путь развития представлений о правах человека во многом далек от западного подхода индивидуализма. Однако в настоящее время для обеспечения стабильности в обществе и демократического пути развития государства, необходимо выявить факторы, препятствующие процессу формирования в Российской Федерации правовой культуры общества и повышению уровня правосознания [3, л. 228–233]. Вместе с тем перед правительством стоит задача выработать актуальные направления дальнейшей деятельности.

Важным шагом на пути к этому, стала разработка и официальное опубликование в 2011 г. «Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан». Соответственно, программный документ ставил ряд задач, а именно:

- поддержать на государственном уровне традиции уважения к закону;
- обеспечить правопорядок в судебной системе;
- преодолеть правовой нигилизм в обществе.

Особое внимание в нем уделялось факторам, влияющим на формирование правовой культуры населения. В частности, важными факторами в этом процессе определялись характер воспитания и моральный климат в семье, и соответственно, законопослушное поведение родителей. Наряду с воспитанием, законодатель уделяли внимание качеству уровня обучения в сфере образования, как фактору, регулирующему уровень правосознания в обществе [2].

Учитывая результаты социологических опросов прошлых лет, в качестве фактора, влияющего на правопонимание граждан, определена понятность, доступность и эффективность законодательства.

Правовое воспитание должно быть неразрывно связано с такими этическими нормами поведения, как внимание к людям, готовность к сотрудничеству и дружбе, оказание помощи нуждающимся, уважение к окружающим и т. д. Особое внимание в документе уделялось обучению подрастающего поколения основам права в образовательных учреждениях [2].

Разработчики данного документа учитывали начавшийся процесс глобализации и цифровизации. Поэтому в качестве долгосрочной задачи определялась разработка мер по развитию системы правового просвещения населения. Наряду с этими мерами предусматривалось проведение адвокатов и нотариусами дней бесплатной юридической помощи населению. Соответственно, выработка мер по преодолению недоверия населения властным структурам, начиналась с повышения уровня правовой культуры чиновников и сотрудников правоохранительных органов.

Рассмотрим подробно «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» (2011 г.). В главе I п.1 прописано, что развитие правового государства, формирование гражданского общества и укрепление основ межнационального согласия, может обеспечить только высокий уровень правовой культуры граждан [2]. Вместе с тем она является базисом действующего законодательства и реализации прав и свобод человека и гражданина. Разработанная программа определяла основные направления, принципы и цели внутри политического курса российского правительства в определении пути развития правового просвещения населения страны.

Особое внимание в ней уделялось формированию уровня правовой культуры, путем воспитания чувства уважения к закону, доверия суду, поддержанию правопорядка, что по мнению законодателя, позволило бы преодолеть правовой нигилизм в обществе. Весьма примечателен тот факт, что в документе предусматривалась реализация данной программы с учетом многонационального состава населения, различных социальных групп, и самое главное – подрастающего поколения [5, л. 45–58].

Для реализации данного направления во внутриполитическом курсе правительства, планировалось привлечь все ветви власти, в том числе различные юридические сообщества. При этом оговаривалось, что государственная политика будет проводиться в тесном сотрудничестве со структурами гражданского общества. Со своей стороны, на государственном уровне правительство обещало поддержку, в виде социального партнерства, негосударственным организациям.

Следует отметить признание на правительственном уровне наличие условий, способствующих распространению правового нигилизма. Среди них выделяется:

- несовершенство действующего российского законодательства;
- недоработки в практике применения законодательных норм;
- избирательность в применении определенных норм права;
- слабо развитые институциональные механизмы;
- господство правового нигилизма, подрывающего духовно-нравственные ценности общества;
- неустойчивость социальной сферы, что выражается в проявлении таких негативных социальных явлений, как аморальное поведение граждан различных социальных групп, рост преступности, в том числе на бытовой почве, игнорирование действующей правовой системы.

На втором месте законодателем было определено качество воспитания и обучения в образовательных организациях (от дошкольных до ВУЗа), на которое возлагалась обязанность сформировать правосознание у молодого поколения на общественном уровне.

Особую актуальность в последнее время приобретает вопрос о национальном правосознании, определении социально-правовых ценностей в обществе. Этот процесс неразрывно связан с правовым воспитанием личности и вместе с тем – правовым формированием гражданина, что представляет собой непосредственно правоприменительную деятельность.

Итак, под правовым воспитанием понимается совместная деятельность государства и общества по передаче накопленных правовых знаний, либерально-демократических идеалов, национальной правовой культуры от одного поколения к другому. При этом не существует социальных и возрастных ограничений в повышении уровня правовой культуры и правосознания населения. Процесс воспитания национального правосознания – это многогранное явление, определяющее особенности развития правовой культуры в обществе.

Опыт западноевропейских государств показал, что воспитание национального правосознания во многом зависит от правового воспитания личности с учетом социально-экономической и политической обстановки в стране, уровню исторического самосознания личности, отношения к религиозному и традиционно-культурному наследию своей родины, готовности принять новое, сохранив при этом свое национальное самосознание. Следует отметить, что в процессе правового воспитания населения, важную роль играет степень доверия властно-государствен-

ным структурам, уровень правовой защиты человека и гражданина, эффективное функционирование правозащитных механизмов. Именно это позволит стимулировать правовую активность населения, подразумевающую инициативность индивида, его заинтересованность, способность юридически грамотно обосновывать свою позицию по тому или иному вопросу, имеющему общественно важное значение.

Если рассматривать цель правового воспитания в широком смысле, то в этом случае акцент будет сделан на процесс социализации человека, включающий в себя восприятие личностью политико-правовой ситуации в стране и функционирование правозащитного механизма на государственном уровне. В отличие от него, в узком смысле подразумевается программа по целенаправленному повышению правовой культуры общества, определения социально-правовых ценностей социума.

В идеале, главной целью правового воспитания, независимо от широкого или узкого смыслового значения, является акцентирование таких качеств личности, как честность, справедливость, законопослушность, сформированность правосознания. При этом сам процесс правового воспитания, выполняет функцию транслирования определенного объема требуемых правовых знаний для полноценного функционирования общественных процессов.

В настоящее время вопросам сохранения и воспитания уважительного отношения к культурно-историческим ценностям в Российской Федерации уделяется большое внимание, как на государственном уровне, так и на общественном. Это подразумевает знание культурно-исторического наследия родины, принятие и следование социально-правовым и морально-нравственным ценностям общества, что приобретает все большую актуальность в условиях глобального процесса цифровизации.

Однако, на сегодняшний день российское общество стало «мало читающим». За последние 20 лет библиотеки значительно опустели, так как книгу заменили социальные сети, Internet, аудиокниги. Но если для старшего поколения аудиокнига – это вполне допустимый вариант из-за плотного графика работы и состояния здоровья, тем более что свою «языковую подготовку» они уже прошли, то для молодого поколения – это катастрофично [5, л. 45–58].

К сожалению, современную молодежь вполне устраивает краткая информация из Internet. Вместе с тем независимые социальные опросы показали, что более 50 % вчерашних выпускников школ плохо владеют даже школьной программой по литературе, не говоря уже о зарубежной и отечественной классике. В обычном разговоре им тяжело выразить свои мысли, построить

предложение, используя научную терминологию, а речь многих вообще состоит практически из одних «слов-паразитов». Страшнее всего то, что именно они становятся наиболее «доступной категорией» для экстремистских и террористических организаций, для оппозиционных и радикальных течений. Такому поколению проще «навязать» несуществующие идеалы и «разбить» в их глазах национальное достояние.

Поэтому, как ни парадоксально, но одной из задач XXI в. является возвращение в руки молодого поколения простой книги. Следует отметить, что в этом направлении работают и сами библиотеки, когда устраивают мероприятия, к примеру «Ночь в библиотеке». Конечно же, работы одних библиотек в этом направлении на сегодняшний день недостаточно. Это проблема должна решаться на уровне правительства, так как она касается нации в целом, развития национального правосознания, а также «национального достоинства» молодого поколения.

Одновременно из этой проблемы вытекает следующая, а именно коммуникативная функция законодательных текстов. На практике она регулирует общественные отношения, так как правомерное и неправомерное поведение констатируется благодаря национальному языку. Поднимая вопрос о качественной, отвечающей запросам современного общества, правотворческой и правоприменительной деятельности, необходимо рассмотреть грамотное использование социумом средств национального языка.

Решение данного вопроса будет неразрывно связано с дальнейшим усовершенствованием действующего российского законодательства. Не секрет, что в современном законодательстве имеют место быть формулировки с достаточно сложной и не всегда верной логической связью. Это приводит к нарушению лексической сочетаемости текстов правовых норм. К тому же специального лингвистического толкования требуют юридические термины, которые встречаются в российских кодексах.

Данная проблема актуальна как для практикующих юристов, так и для самих граждан, которые сталкиваются с проблемами при толковании и подготовки обращений по тому или иному вопросу. Это также приводит к недоверию со стороны граждан к действующему законодательству, а у юристов вызывает затруднения при работе с ним, что приводит порой к судебным ошибкам.

Поэтому в вопросе формирования основных компонентов и форм механизма гарантий воспитания национального правосознания, следует рассматривать не только возможности и готовность общества возродить социально-правовые, морально-нравственные и духовные ценности как основу современной правовой культуры, но и признать существующие недоработки в законодательстве, в правозащитных, правоприменительных

и правоохранительных механизмах. При этом следует помнить, что владение национальным языком является гарантом ценностей национального правосознания, эффективности практического применения действующего законодательства, повышением уровня правовой культуры социума.

Проведенное исследование показало, что современное российское общество нуждается в проведении мероприятий в целях повышения уровня национального правосознания и правовой культуры населения. Однако разработка программ должна проходить поэтапно и предусматривать:

- выявление и определение степени влияния противоречий в социальной, политической, культурной среде на мировоззрение социума;
- разработку национального проекта по повышению уровня правовой культуры общества;
- определение финансовых затрат на реализацию национального проекта по повышению уровня национального правосознания российского общества.

Планируя работу в этом направлении следует учесть ряд факторов, повлиявших на деформацию общественного правосознания и появление правового нигилизма в России. На основе этих данных следует проводить разработку программ по преодолению сложившейся ситуации, рассчитанной на разные возрастные и социальные категории населения. Особое внимание следует уделить методике проведения правовой воспитательной работе, начиная с семьи и заканчивая учебными заведениями и предприятиями.

Для получения эффективных результатов при внедрении национального проекта по повышению уровня национального правосознания, следует определить роль государства и степень готовности общества для создания механизма гарантий по определению и защите социально-правовых и духовно-нравственных ценностей на национальном уровне.

В методиках и национальной программе, следует уделить внимание ключевым моментам в работе с определенной социальной группой, а именно:

- выявление категории, склонной к противоправным деяниям и аморальному поведению;
- разработать программу для работы с подобной категорией, с учетом личностных психологических особенностей индивида и причин отклонений от установленной нормы поведения;
- подготовить планы педагогическо-правовой коррекции взглядов личности с учетом причин правовой и морально-нравственной деформации индивида;
- привлечение различных социальных групп к общественно-значимым мероприятиям, позволяющим индивиду почувствовать свою значимость для социума;

- разработка программ по правовому воспитанию и сопровождению семей.

Многочисленные социальные опросы показали, что в группе риска как правило оказываются дети и подростки из неблагополучных семей. К тому же достаточно четкие, а порой непреодолимые «социальные границы» в семьях, детских садах, школах, техникумах, колледжах, вузах, и в самом обществе создают благоприятные условия для антагонизма в социальной среде, порождают деформированное восприятие современных морально-нравственных, духовных и правовых ценностей, и как следствие – правовой нигилизм.

Разрушить эти «социальные границы» на сегодняшний день будет очень сложно, так как с экранов телевизоров, Internet, социальных сетей идет широкая пропаганда и «воспевание» богемной жизни узкого круга «элиты» российского общества, причем нередко далеко не самых их лучших человеческих качеств. К подобной информации каждый отнесется по-разному: один проигнорирует, другой посмеется, а третий «вдохновится на подвиги» противоправного характера ради быстрого достижения «всех земных благ».

Именно поэтому, прежде чем реализовывать какие-либо программы по повышению уровня правовой культуры общества, следует обратить внимание на качество информации, которая находится во всеобщем доступе в обществе. Мировая историческая практика показала, что невозможно говорить о значимости духовно-нравственных и правовых ценностей, тем более добиться их признания обществом как социально-необходимых, если параллельно транслировать во всеобщем доступе «низкопробную» информацию о «национальном смысле жизни» [2].

Важной проблемой на сегодняшний день является также вопрос занятости подрастающего поколения. Чтобы «оторвать» молодежь от современных гаджетов, необходимо им предложить достойную и увлекательную замену. При этом конечно же следует учитывать, что многочисленные кружки и спортивные секции далеко доступны не всем семьям по их оплате. Подобные учреждения нуждаются, прежде всего, в достойной регулярной государственной финансовой поддержке. В дальнейшем, это позволит молодому поколению найти свое место в жизни, научиться доверять властным структурам и уважать действующую государственно-правовую систему.

В качестве элементов правового воспитания можно выделить субъекты, на которые возложена миссия осуществлять данный процесс. К ним можно отнести ученых-теоретиков, преподавателей, органы власти, общественные организации, средства массовой информации. Соответственно объектами правового воспитания выступает индивид, социальные группы (с учетом ряда критериев, к примеру, возрастных) и само общество.

Элементы правового воспитания неразрывно связаны с методами, позволяющими осуществлять данный процесс и формами, раскрывающими внешние особенности данного процесса. Большей мобильностью будет обладать современная система правовых норм, которая во многом определяет специфику национального правового воспитания граждан. Как правило, она предусматривает в определенных случаях использование возможных мер государственного принуждения, определенных средств и методов. В этом случае методы рассматриваются в более широком диапазоне и предусматривают применение психолого-педагогических приемов для продуктивного воздействия на граждан. В том числе используются и более распространенные методы, такие как убеждение и наказание, поощрение и принуждение.

Как правило, система методов правового воспитания неразрывно связана с внешним анализом протекания данного процесса, и в частности — с правовым обучением, включающим процесс накопления, актуализации и трансляции правовых знаний в обществе. Особое внимание в этом случае уделяется роли системы образования, начиная с дошкольных заведений и заканчивая высшими учебными заведениями.

Немаловажное значение уделяется также роли правовой пропаганды посредством рекламы, социальных роликов, средств массовой информации. Большой популярностью пользуются в настоящее время публичные лекции на правовую тематику, консультационные центры бесплатной юридической помощи, телепередачи по типу правового всеобщего и правового ликбеза. Но ключевое значение, безусловно, играет семья, где ребенок впервые получает представления о правилах жизни в обществе, что в дальнейшем ему позволяет самостоятельно осваивать особенности действующей правовой системы в государстве.

В жизни современного общества правовое образование и воспитание представляет собой единый взаимосвязанный и взаимодополняющий процесс. Но вместе с тем, можно обозначить различие по сфере взаимодействия. Воспитание оказывает непосредственное влияние на морально-нравственную составляющую сознания человека, а обучение — на информационно-аналитические способности. Вместе воспитание и обучение формируют социально-правовые ценности, определяющие содержание национального правосознания.

В эпоху глобализации и цифровизации практически всех сфер жизни общества, в качестве доступной формы правового воспитания, следует рассматривать распространение правовой информации в социальных сетях, в Internet, в поисковых системах. Учитывая различные категории населения, продуктивными безусловно являются встречи, беседы, консультации с юристами, в том числе издание правовой литературы для различных возрастных категорий, баннерная рекламная пропаганда. При этом, конечно же, главный акцент должен быть сделан на Конституцию Российской Федерации — как основополагающий документ, закрепляющий на государственном уровне права и свободы человека и гражданина. Поэтому для получения планируемых результатов в области правового воспитания предусмотрено использование соответствующих методов правового воспитания психолого-педагогического, аксиологического, историко-юридического направления.

Таким образом, ключевые составляющие в правовом воспитании и образовании, являются правовым базисом демократического государства и гражданского общества. Они определяют уровень правосознания и правовой культуры общества, способствуют дальнейшему формированию социально-правовых ценностей с учетом процессов, происходящих в мире.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.02.2021.
2. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан: утв. Президентом РФ 4 мая 2011 г. // Российская газета. 2011. 14 июля.
3. Пензина Е. В. Феномен глобализации: глобализация и вестернизация // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012. №8. С. 228–233.
4. Ряснянская Н. А. Проблемы массового информационного потока в условиях глобализации // Личность, общество, государство в условиях цифровизации: сборник материалов международной научно-практической конференции. — Ставрополь: Параграф, 2020. С. 235–239.
5. Ряснянская Н. А. Формирование правосознания молодежи в современном информационном обществе // Правосознание обучающихся в юридическом вузе в условиях информатизации российского общества: сборник материалов международной научно-практической конференции. Т. 1. Ставрополь: ИП Светличная С.Г., 2020. С. 177–181.
6. Троян (Фадеева) Н. А. Современный подход и перспективы развития правовой грамотности и правосознания граждан // Мониторинг правоприменения. 2017. № 3 (24). С. 77–85. DOI: 10.21681/2412-8163-2017-3
7. Тарасова С. Ю. Ценности современного российского общества в условиях глобализации // Век глобализации. 2016. Вып. №4(20). С. 45–58.

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020) (The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Ofsial'noy internet-portal pravovoy informatsii <http://www.pravo.gov.ru>, 04.02.2021. (In Russian).

2. Osnovy gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v sfere razvitiya pravovoy gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan: utv. Prezidentom RF 4 maya 2011 g. (Fundamentals of the state policy of the Russian Federation in the field of development of legal literacy and legal awareness of citizens: approved. By the President of the Russian Federation on May 4, 2011) // Rossiyskaya gazeta. 2011. July 14. (In Russian).
3. Penzina E. V. Fenomen globalizatsii: globalizatsiya i vesternizatsiya (The phenomenon of globalization: globalization and Westernization) // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2012. No. 8. P. 228–233. (In Russian).
4. Ryasnyanskaya N. A. Problemy massovogo informatsionnogo potoka v usloviyakh globalizatsii (Problems of mass information flow in the conditions of globalization) // Lichnost', obshchestvo, gosudarstvo v usloviyakh tsifrovizatsii: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Stavropol': Paragraf, 2020. P. 235–239. (In Russian).
5. Ryasnyanskaya N. A. Formirovanie pravosoznaniya molodezhi v sovremennom informatsionnom obshchestve (Formation of legal awareness of youth in the modern information society) // Pravosoznanie obuchayushchikhsya v yuridicheskom vuze v usloviyakh informatizatsii rossiyskogo obshchestva: sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Vol. 1. Stavropol': IP Svetlichnaya S. G., 2020. P. 177–181. (In Russian).
6. Troyan (Fadeeva) N. A. Sovremennyy podkhod i perspektivy razvitiya pravovoy gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan (Modern approach and prospects for the development of legal literacy and legal awareness of citizens) // Monitoring pravoprimeneniya. 2017. No. 3 (24). P. 77–85. DOI: 10.21681/2412-8163-2017-3 (In Russian).
7. Tarasova S. Yu. Tsennosti sovremennogo rossiyskogo obshchestva v usloviyakh globalizatsii (Values of modern Russian society in the context of globalization) // Vek globalizatsii. 2016. Issue. No. 4(20). P. 45–58. (In Russian).

Сведения об авторах

Волков Александр Александрович – доктор психологических наук, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека юридического института Северо-Кавказского федерального университета / volkoffss@yandex.ru
Адрес: д. 1, ул. Пушкина, 355017, г. Ставрополь, Российская Федерация.

Ряснянская Наталья Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры правовой культуры и защиты прав человека юридического института Северо-Кавказского федерального университета / natalya.rgsu@mail.ru
Адрес: д. 1, ул. Пушкина, 355017, г. Ставрополь, Российская Федерация.

Information about authors

Alexander A. Volkov – Doctor of Psychology, Professor, Chair of Legal Culture and Human Rights Protection, Law Institute of the North-Caucasus Federal University / volkoffss@yandex.ru

The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

Natalia A. Ryasnyanskaya – PhD in History, Associate Professor, Chair of Legal Culture and Human Rights Protection, Law Institute, North-Caucasus Federal University / natalya.rgsu@mail.ru

The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

УДК 347.1

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.15>

Д. А. Дудкин

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РАМКАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ ДЕТЕКТИВАМИ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что в современных условиях для борьбы с административными и уголовными правонарушениями наряду с органами, действующими в рамках публично правового регулирования, продолжают развиваться различные виды предпринимательской деятельности, действующие в рамках частноправовых средств правового регулирования.

Взаимодействие детективов и правоохранительных органов в Российской Федерации выступает как неотъемлемый элемент механизма реализации правоохранительной функции нашей страны. Это связано, прежде всего, с тем, что и государственные (в лице правоохранительных органов), и негосударственные (в лице частных детективов) органы выступают субъектами, которые реализуют правозащитную (правоохранительную) функцию государства. Актуальность рассматриваемой темы не вызывает сомнения ввиду усугубившейся политической обстановки на международном уровне, сложившейся в ходе специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией. Сложившаяся внешнеполитическая ситуация перевернула представление о незыблемом приоритете международного права, нормы и положения которого попросту не принимаются во внимание и игнорируются рядом стран. В сложившейся обстановке

правоохранительные органы не всегда имеют возможность осуществлять свою деятельность вне юрисдикции России, подпадая под санкции недружественных государств, в то время как у частного детектива развязаны руки ввиду того, что он является субъектом предпринимательской деятельности и действует, в первую очередь, в интересах заказчика данных услуг.

Статья посвящена освещению проблемных вопросов реализации договорных отношений в рамках взаимодействия между детективами и правоохранительными органами, на основе этого выявляются гражданско-правовые проблемы, препятствующие осуществлению ими своей правозащитной функции, рассматриваются признаки и условия заключения между сторонами договора о конфиденциальном сотрудничестве в рамках действующего законодательства.

Ключевые слова: конфиденциальный договор, взаимодействие, детективная деятельность, проблемы, правоохранительные органы.

Для цитирования: Дудкин Д. А. Гражданско-правовые проблемы договорных отношений в рамках взаимодействия между детективами и правоохранительными органами // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 123–129. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.15

Denis A. Dudkin

CIVIL LAW PROBLEMS OF CONTRACTUAL RELATIONS IN THE FRAMEWORK OF INTERACTION BETWEEN DETECTIVES AND LAW ENFORCEMENT AGENCIES

The relevance of the topic under consideration is due to the fact that in modern conditions, in order to combat administrative and criminal offenses, along with bodies operating within the framework of public legal regulation, various types of entrepreneurial activities operating within the framework of private legal means of legal regulation continue to develop.

The interaction of detectives and law enforcement agencies in the Russian Federation acts as an integral element of the mechanism for implementing the law enforcement function of our country. This is primarily due to the fact that both state (represented by law enforcement agencies) and non-state (represented by private detectives) bodies act as subjects that implement the human rights (law enforcement) function of the state. The relevance of the topic under consideration is beyond doubt in view of the aggravated political situation at the international level that has developed during the special military operation conducted by the Russian Federation. The current foreign policy situation has turned the idea of the unshakable priority of international law, the norms and provisions of which are simply not taken into account and ignored by a number of countries. In the

current situation, law enforcement agencies do not always have the opportunity to carry out their activities outside the jurisdiction of Russia, falling under the sanctions of unfriendly states, while a private detective has a free hand since they are a business entity and act primarily in the interests of the customer of these services.

The article highlights the problematic issues of the implementation of contractual relations arising within the framework of interaction between detectives and law enforcement agencies. On the basis of this, civil law problems are identified that prevent them from exercising their human rights function, the signs and conditions of concluding a confidential cooperation agreement between the parties within the framework of current legislation are considered.

Key words: confidential contract, interaction, detective work, problems, law enforcement agencies.

For citation: Dudkin D. A. Civil law problems of contractual relations in the framework of interaction between detectives and law enforcement agencies // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 123–129 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.15

Стоит отметить, что деятельность частного детектива – это особая, отдельная форма деятельности физического лица, оказывающего услуги на коммерческой основе. Эта деятельность входит в более широкое понятие – профессиональный сыск, которым занимаются и государственные и негосударственные органы, то есть юридические и физические лица, во главу угла которых ставятся конкретные цели и задачи в соответствии с законодательством [6, с. 10].

Приверженцы сыска различают такие виды и функции субъектов профессионального сыска как: оперативно-розыскную, контрразведывательную, разведывательную и оперативно-боевую деятельности, розыскную функцию следователей, органов дознания и дознавателей, административный розыск, розыск судебными приставами-исполнителями имущества должников, журналистское расследование [1, с. 12 – 14]. В этот список включается в том числе и деятельность, осуществляемая частным детективом в рамках оказания им услуг своим клиентам (заказчикам). Указанные виды деятельности можно соотнести между собой как часть и целое, к примеру деятельность частного детектива и в целом профессиональная сыска деятельность [14, с. 72].

Правоохранительные органы исполняют, в частности, публично-правовую правоохранительную функцию государства, а частный детектив выражает своими действиями осуществление гражданами защиты своих прав и законных интересов. Законом Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон о частном сыске) в частности статьей 3, регламентирующей, что «организации, осуществляющие частную охранную деятельность, оказывают содействие правоохранительным органам в обеспечении правопорядка, в том числе в местах оказания охранных услуг и на прилегающих к ним территориях, а частные детективы оказывают содействие правоохранительным органам в предупреждении и раскрытии преступлений, предупреждении и пресечении административных правонарушений в порядке, установленном Правительством РФ» предусмотрена возможность содействия детектива правоохранительным органам при исполнении и реализации ими своей публичной функции.

У любого действия, равно как и взаимодействия должен быть результат, позволяющий определить эффективность такой деятельности. Результаты взаимодействия детектива и правоохранительных органов могут быть использованы в доказывании по уголовным делам, для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, поиска физических лиц, имущества физических и юридических лиц, принадлежащих им на законном основании.

При исследовании данной темы видится необходимым рассмотреть гражданско-правовые проблемы договорного характера, которые возникают в процессе такого взаимодействия. В целом гражданско-правовые проблемы договорных отношений частного детектива и правоохранительных органов выражаются, во-первых, в не закреплении на законодательном уровне наименования договора, регулирующего данный вид взаимоотношений, как в целом и договора на оказание самим детективом услуг, а во-вторых, предмет такого договора невозможно корректно определить в виду того, что некоторые существенные условия не закреплены легально и содержание многих услуг, оказываемых детективом в ходе взаимодействия с правоохранительными органами, не раскрыто в полной мере. По сути их перечень поименован только в статье 3 Закона о частном сыске, однако он не является обязательным для правоохранительных органов.

Договорные проблемы оказания сыска услуг были рассмотрены в предыдущих публикациях (см. публикации Д. А. Дудкина) [2; 3], тем не менее, наличие нерешенных на законодательном уровне обозначенных проблем еще больше расшатывает состояние договорного взаимодействия между правоохранительными органами и частным детективом. Спасением данной ситуации видится в закреплении на законодательном уровне данных взаимоотношений в форме договора, например, в специальном законе по аналогии с охранной деятельностью, проект которого разработан С. А. Шароновым [13, с. 41].

Таким образом, автор преследует своей целью оценить состояние договорных отношений, возникающих в рамках взаимодействия между детективами и правоохранительными органами, и на основе этого установить гражданско-правовые проблемы, которые мешают им осуществлять свою правоохранительную функцию.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) дать оценку понятию взаимодействия; 2) выявить потребность в договорных отношениях между правоохранительными органами и детективами; 3) рассмотреть основные признаки и условия договора взаимодействия между детективом и правоохранительными органами; 4) предложить практические решения по ликвидации существующих гражданско-правовых проблем.

Для решения первой задачи рассмотрим понятие взаимодействия.

Понятие взаимодействие. Ранее ученые касались такого аспекта как «взаимодействие», но в большей степени это относилось к охране общественного порядка, совместному патрулированию и так далее. Согласно толкованию, изложенному в словаре, термин «соотношение» представляет собой «взаимную связь между чем-нибудь» [8, с. 746].

В толковых словарях можно найти такие значения взаимодействия, как взаимная поддержка, связь явлений, взаимная связь, взаимная обусловленность общественных явлений [11, с. 654].

Ученые различают несколько подвидов рассматриваемой категории, такие как содружество, конкуренция и конфликт. Стоит сказать, что данные подвиды транслируют не только межличностные правоотношения, но и связь между физическим лицом и группой лиц (в том числе юридических), в частности, как в рассматриваемом нами вопросе, между личностью (детективом) и группой (правоохранительными органами), в свою очередь группа делится внутри на более мелкие подгруппы, которые также взаимодействуют между собой (система правоохранительных органов). Таким образом создается взаимосвязанная структура, характеризующаяся определенным уровнем развития, которую сопровождает материальный процесс взаимодействия внутри нее с передачей материалов, информации, совместном действии в определенной форме в пространственно-временных рамках [7, с. 1309].

В целях использования в контексте данной публикации будем рассматривать понятие взаимодействие как участие в общей работе, деятельности, сотрудничестве, совместное осуществление операций.

Не так давно наряду с частным и государственным взаимодействием были выявлены другие смешанные формы, к примеру, когда физическое лицо независимой профессии (такой как частный детектив), вступает в добровольное взаимодействие с властными органами (в рассматриваемом случае правоохранительными), что находится за рамками гражданско-правовых отношений.

В целях осуществления сыщиком оказания услуг по договору с клиентом, у него зачастую возникает потребность во взаимодействии с правоохранительными органами, осуществляющими, например, оперативно-розыскную деятельность. Под ситуацию, когда тайному осведомителю предлагают такие виды сотрудничества с правоохранительными органами как устный, по расписке, а также по договору о конфиденциальном взаимодействии), не подходит ситуация с взаимодействием между сыщиком и органами, хотя бы ввиду того, что номенклатура услуг для госзаказчиков таких видов сотрудничества не содержит [10].

Возмездность такого сотрудничества не вызывает сомнения, так как детектив всё-таки субъект предпринимательской деятельности. Заключение договора о возмездном сотрудничестве между детективом и правоохранительными органами является логичным результатом подобного взаимодействия. Таким образом за детективом будет закреплена правоохранительная функция и появится определенная ниша для таких правоотно-

шений в системе правоохранительных органов. Частный сыск будет более приближен к государственному сыску, появится возможность легально предоставлять доказательства, полученные в ходе такого взаимодействия [5, с. 81].

Потребность в договорных отношениях между правоохранительными органами и детективами. Конституция Российской Федерации декларирует верховенство прав и свобод человека и гражданина, возлагает на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать данные права, содействовать их реализации. Государство реализует данную обязанность, в том числе путём предоставления гражданам различных способов защиты своих прав и свобод, самостоятельно или с помощью профессиональных представителей. На данном этапе в силу загруженности государственных правоохранительных органов, уполномоченных заниматься разведывательной, оперативно-розыскной или следственной деятельностью становится востребованными услуги частной сыскной деятельности. Причинами такой потребности является влияние детективных услуг на решения современных задач государства. Несмотря на то, что частные детективы, не входят в систему правоохранительных органов, осуществляя свою деятельность, содействуют реализации правоохранительных функций либо непосредственно обеспечивают законность правоохранительной деятельности [4, с. 63].

Сыщики в качестве субъекта частной детективной деятельности выступают элементом системы по обеспечению национальной безопасности. Их деятельность, поименованная как «проведение детективных расследований» отражена в абзаце 80.3 Общероссийского классификатора видов экономической деятельности, а Постановлением № 12-6 Парламентской Ассамблеи Организации Договора о коллективной безопасности от 05 ноября 2019 г. «О проекте модельного закона ОДКБ «О негосударственных субъектах обеспечения национальной безопасности» детективы также отнесены к негосударственным субъектам обеспечения национальной безопасности [15, с. 106, 195–207].

Не вызывает сомнения, что деятельность детектива способствует обеспечению безопасности страны, так как направлена на сохранение различного характера конфиденциальной информации заказчиков, которыми могут выступать, как физические, так и юридические лица.

В ст. 17 Закона об ОРД закреплено право детектива на проведение своего расследования при содействии правоохранительным органам в рамках добровольного сотрудничества путем заключения контракта. Детектив при этом обязан сохранять в тайне сведения, ставшие ему известными в ходе подготовки или проведения оперативно-розыскных мероприятий, и не вправе предоставлять заведомо ложную информацию указанным органам.

Тем не менее на практике возникает такая ситуация, что частный сыщик более расположен к заключению соглашения о взаимодействии в виде контракта, чем правоохранительные органы, которые до сих пор предпочитают такие негласные формы взаимодействия с детективом как устное договоренность или подписка.

В виду того, что именно сыщику необходимы гарантии при защите и интересов как самого детектива, так и его клиента (заказчика), инициатором заключения подобного контракта как правило выступает именно детектив. Окончательное решение об оформлении взаимодействия указанных субъектов должно исходить от правоохранительных органов, выступающими принудительным органом по поддержанию правопорядка. Но реализовать право на содействие детектива и, как следствие, взаимодействие сыщика и правоохранительных органов возможно только при согласии обеих сторон сыска (частного и государственного).

Данный вид взаимодействия между сыщиком и правоохранительными органами выходит за рамки договорных отношений гражданско-правового характера. Если бегло просмотреть 39 главу ГК РФ, касающуюся возмездного оказания услуг, которая максимально приближена к фактическим обстоятельствам такого сотрудничества, то становится очевидно, что данной главы, включающей всего 6 статей недостаточно для полноценного регулирования этих правоотношений. Таким образом, стороны могут включать в договор любые положения, которые подробно описывают порядок их конфиденциального сотрудничества.

Стоит отметить, что отличительными условиями по такому контракту между правоохранительными органами и детективом выступают неопределенный срок, зависимость от ситуации и тайна. Вышеназванные условия, специальные требования к частному детективу определяют соглашение как максимально индивидуализированный контракт в виду того, что в нем должны быть отражены в том числе условия, не охватываемые ни гражданским законодательством, ни законодательством о частном сыске и ОРД, такие как: порядок, своевременность услуг сыщика, наименование указанных услуг, права сыщика и его клиента, тайна полученной информации, ответственность, порядок приемки услуг детектива, качество и пределы услуг, особенности и возможно одностороннего расторжения такого контракта при отказе от исполнения услуг в связи с невозможностью, нецелесообразностью исполнения или иными обстоятельствами.

Очевидно, существует потребность в договорных отношениях между правоохранительными органами и детективами в виде заключения между ними возмездного конфиденциального контракта на оказание детективных услуг, сторонами по которому выступает государство в лице

индивидуально определенного правоохранительного органа и детектив, общей задачей которых выступает предупреждение и расследование преступлений

Основные признаки и условия договора взаимодействия между детективом и правоохранительными органами. Проанализируем основные признаки и условия договора взаимодействия между детективом и правоохранительными. Вышеназванный договор возмездного оказания услуг был взят за основу небезосновательно, так как общий признак у данного договора и договора о взаимном сотрудничестве выступает предмет, а именно обязательство исполнителя (детектива) по заданию заказчика (правоохранительных органов) оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), и обязательство правоохранительных органов, выступающих в качестве заказчика по оплате этих услуг. Результат оказанных услуг может быть как о вещественным, так и нет. Овещественным результатом оказания услуг детективом может выступить, к примеру, письменный отчет сыщика с приложением к нему образцов материалов, видео-фото фиксации.

Что касается конфиденциальности контракта, как еще одного важного признака, то стоит сказать, что сама суть деятельности детектива предполагает конспирацию в целях обеспечения жизни и здоровья исполнителя услуг и его близких, сохранности доказательственной базы и тайны клиента. Неразглашение информации, незащищенной законом, а также сведения, которые могут рассматриваться как государственная или коммерческая тайна, полученной в результате взаимного сотрудничества между правоохранительными органами и детективом является обязательным, в связи с чем, такое условия должно быть прописано в контракте. С ним могут быть связаны дополнительные ограничения исполнителя, к примеру, право выезда за границу в ограниченный срок после окончания исполнения услуг.

Что касается такого признака, как порядок исполнения контракта, то стоит отметить повышенный риск исполнителя при оказании данных услуг. В связи с чем правоохранительные органы должны курировать деятельность сыщика в плане подготовки его к заданию, инструктировать, равно как детектив должен уметь рационально взвесить свои возможности прежде чем выразить согласие на выполнение задания.

Возмездность как признак рассматриваемого контракта предполагает оплату деятельности сыщика в рамках взаимодействия. Хочется подчеркнуть, что сыщик все-таки выступает субъектом предпринимательской деятельности [12, с. 219], осуществляющий свою деятельность на свой страх и риск, в виду чего его услуги должны оплачиваться, а не оказываться безвозмездно.

Так как в контракте возможно прописать расширенные условия в виду двух договаривающихся сторон, не связанными только рамками ГК РФ, законами о частном сыске и ОРД, это также является признаком такого сотрудничества. Такие условия, как обеспечение безопасности сыщика и его близких, изменение персональных данных, внешности также возможно предусмотреть в конфиденциальном контракте о сотрудничестве.

Особенным условием контракта выступает невозможность достижения результата оказываемых услуг, это становится актуальным при возникновении обстоятельств непреодолимой силы, когда ни одна из сторон не несет ответственность. Например, поиск ведется в зоне проведения Россией СВО и в любой момент детектив может утратить или повредить, к примеру, специальную технику, выданную правоохранительными органами, при этом он должен быть освобожден от ответственности за сохранность имущества заказчика и обязанности возмещать заказчику понесенные расходы.

По общему правилу на детективе лежит ответственность за сохранность оборудования заказчика. При этом в договоре возможно предусмотреть условие о том, что риск случайной гибели или случайного повреждения спецсредств сыщиком во время исполнения задания до их передачи по акту заказчику несут правоохранительные органы, кроме случаев, когда детектив повредил имущество по халатности, в таком случае это должно быть одним из оснований для одностороннего расторжения контракта.

Важным признаком рассматриваемого соглашения о сотрудничестве выступает характер его расторжения в одностороннем порядке. В соответствии с п.1 ст. 782 ГК РФ заказчик вправе отказаться от исполнения договора возмездного оказания услуг при условии оплаты исполнителю фактически понесенных им расходов, а п. 2 названной статьи говорит о том, что исполнитель вправе отказаться от исполнения обязательств по договору возмездного оказания услуг лишь при условии полного возмещения заказчику убытков. В отличие от данного вида договора, в контракте между детективом и правоохранительными органами должно быть условие о том, что убытки, которые несут правоохранительные органы в связи с исполнением детективом своих услуг, не возмещаются последним. А также, заказчик не компенсирует расходы детектива, которые последний понес при выполнении задания. При нарушении определенных условий контракта любая из сторон может расторгнуть его в одностороннем порядке, например, со стороны заказчика, если детектив нарушил условие о неразглашении секретной информации. В свою очередь, если заказчик не проводит тщательный инструктаж и не наделяет детектива специальными средства-

ми и техникой, что затягивает процесс оказания последним услуг по договору, то он также имеет право прекратить договорные отношения в одностороннем порядке.

Что касается сроков исполнения услуг по контракту, то по общему правилу должен быть определенный срок с началом и окончанием оказания услуг. Но так как характер деятельности сыщика по делу предполагает длительность и зависимость от обстоятельств, то срок окончания, может быть, не определен, в виду чего данное условие также должно быть поименовано в соглашении.

Говоря о системе договорного регулирования оказания детективных услуг, необходимо отметить, что фактически договор сыска в первую очередь выступает в качестве договора услуг, обладающих определенными признаками: 1) процесс совершения действий может осуществляться только теми исполнителями услуг, которые обладают правовым положением частного сыщика; 2) направленность этих действий на получение пользы для сторон договора; 3) нематериальный характер получаемой пользы; 4) неотделимость действий по оказанию услуг от их исполнителя.

Стоит отдельно сказать, что государственные органы при заключении договоров руководствуются Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», который имеет свои ограничения. Под эти ограничения не подпадают вышеперечисленные условия о конфиденциальности договора и одностороннем отказе, а также применении штрафных санкций и неустоек. Таким образом, нормы данного закона также необходимо учитывать при подготовке изменений в действующее законодательство.

В целом хочется отметить, что заключение контракта о взаимодействии правоохранительных органов и детектива видится необходимым и целесообразным в виду того, что только в договоре возможно предусмотреть различные условия такого взаимодействия, права, обязанности, ответственность сторон, их действия в условиях возникновения обстоятельств непреодолимой силы и условия выхода из соглашения посредством одностороннего расторжения контракта. Только в случае заключения контракта с подробными условиями, в том числе по социально-правовой защите сыщика и членов его семьи, стороны смогут открыто ссылаться на взаимное сотрудничество между ними и защищать свои права, в том числе в судебном порядке.

В результате изложенного видится необходимым внести в закон об ОРД изменения, выделив из «граждан, содействующих оперативно-розыскным органам» нового субъекта сотрудничества – частного детектива, а в ГК РФ и Федеральном законе от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ предусмотреть

такой вид контракта (договора) как соглашение о возмездном оказании услуг частным детективом при взаимодействии с правоохранительными органами.

Становится очевидным, что возможности взаимодействия правоохранительных органов и частных детективов в решении общих задач по

предупреждению и расследованию противоправных деяний при заключении между ними договора о конфиденциальном сотрудничестве могут принять новую цивилизованную форму, в связи с чем оперативным подразделениям необходимо эффективно использовать ресурсы детективов в противодействии преступности.

Литература

1. Гордин А. В. К вопросу о закономерностях развития оперативно-розыскной науки в современной оперативно-розыскной реальности // Оперативник (сыщик). 2015. №2 (43). С. 12–14.
2. Дудкин Д. А. Поиск без вести пропавших граждан и поиск утраченного гражданами или предприятиями, учреждениями, организациями имущества как виды сыскных услуг, востребованных на современном этапе гражданского оборота // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования: сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции: в 2 т. Т.1. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 80–84.
3. Дудкин Д. А. Динамика договорного регулирования услуг частной детективной деятельности // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы: сборник научных трудов 4-й международной научной конференции. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 104–106.
4. Дудкин Д. А. Соотношение оказания детективных услуг с оказанием услуг частной охранной деятельности и действиями правоохранительных органов в области сыска и охраны // Российский следователь. 2022. №9. С. 63–67.
5. Криони А. Е. Недопустимые доказательства потерпевшей стороны. О праве частного сыщика представлять доказательства, собранные незаконным способом в Европейский суд по правам человека // Советник юриста. 2011. № 3. С. 79–88.
6. Мазаев В. Сыскология, или Наука о профессиональной сыскной деятельности: первое знакомство. // Оперативник (сыщик). 2007. № 4 (13). С. 10–17.
7. Морозов В. А. Взаимодействие: понятие, виды и свойства // Креативная экономика. 2015. № 9 (10). С. 1309–1318.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1989. 921 с.
9. Приказ Минэкономразвития России от 07 июня 2011 г. № 273 (в ред. от 06 мая 2013 г.) «Об утверждении номенклатуры товаров, работ, услуг для нужд заказчиков» // Зарегистрирован в Минюсте РФ 15 июля 2011 г. Регистрационный № 21367. Российская газета 29 июля 2011 г. № 165.
10. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. М.: Дом Славянской книги, 2014. 959 с.
11. Шаронов С.А. Соотношение договоров на оказание услуг частной охранной и детективной деятельности как средств правового регулирования предпринимательских отношений // Семейный бизнес & качество правовой среды: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М.: Проспект, 2022. С. 219–231.
12. Шаронов С. А. Проблемы формирования конкурентной среды в сфере предпринимательской охранной деятельности в Российской Федерации // Конкурентное право. 2022. №4. С. 41–44.
13. Шестаков В. И. Системный подход к пониманию правовой природы, сущности и правовому регулированию частной детективной деятельности (Часть 1) // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 2 (33). С. 69–79.
14. Шестаков В.И. Негосударственная сфера безопасности, охранная деятельность, частный сыск (становление, современное состояние, перспективы). Т. 1. М.: РадиоСофт, 2017. 460 с.

References

1. Gordin A. V. K voprosu o zakonomernostyakh razvitiya operativno-razysknoi nauki v sovremennoi operativno-razysknoi real'nosti (On the patterns of development of the operational-investigative science in modern operational-investigative reality) // Operativnik (syshchik). 2015. No. 2 (43). P. 12–14. (In Russian).
2. Dudkin D. A. Poisk bez vesti propavshikh grazhdan i poisk utrachennogo grazhdanami ili predpriyatiyami, uchrezhdeniyami, organizatsiyami imushchestva kak vidy sysknykh uslug, vstrebovannykh na sovremennom etape grazhdanskogo oborota (Search for missing citizens and search for property lost by citizens or enterprises, institutions, organizations as types of detective services in demand at the present stage of civil turnover) // Gosudarstvo i pravo: problemy i perspektivy sovershenstvovaniya. Sbornik nauchnykh trudov 4-i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. In 2 Vols. Kursk: Southwest State University, 2021. P. 80–84. (In Russian).
3. Dudkin D. A. Dinamika dogovornogo regulirovaniya uslug chastnoi detektivnoi deyatel'nosti (Dynamics of contractual regulation of private detective services) // Evolyutsiya gosudarstva i prava: problemy i perspektivy. Sbornik nauchnykh trudov 4-i mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Kursk: Southwest State University, 2022. P. 104–106. (In Russian).
4. Dudkin D. A. Sootnoshenie okazaniya detektivnykh uslug s okazaniem uslug chastnoi okhrannoi deyatel'nosti i deistviyami pravookhranitel'nykh organov v oblasti syska i okhrany (The ratio of the provision of detective services with the provision of private security services and the actions of law enforcement agencies in the field of investigation and protection) // Rossiiskii sledovatel'. 2022. No. 9. P. 63–67. (In Russian).
5. Krioni A. E. Nedopustimye dokazatel'stva poterpevshei storony. O prave chastnogo syschika predstavlyat' dokazatel'stva, sobrannyye nezakonnyim sposobom v Evropeiskii sud po pravam cheloveka (Inadmissible evidence of the injured party. On the right of a private investigator to submit evidence collected illegally to the European Court of Human Rights) // Sovetnik yurista. 2011. No 3. P. 79–88. (In Russian).
6. Mazaev V. Syskologiya, ili Nauka o professional'noi sysknoi deyatel'nosti: pervoe znakomstvo (Detective science, or the science of professional detective work: the first acquaintance) // Operativnik (syshchik). 2007. No 4 (13). P. 10–17. (In Russian).

7. Morozov V. A. Vzaimodeistvie: ponyatie, vidy i svoystva (Interaction: concept, types and properties) // Kreativnaya ekonomika. 2015. No. 9(10). P. 1309–1318. (In Russian).
8. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka: 70 000 slov (Dictionary of the Russian language: 70 000 words) / ed. by N. Yu. Shvedovoi. Moscow: Russkii yazyk, 1989. 921 p. (In Russian).
9. Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii ot 07 iyunya 2011 g. № 273 (ed. by 06 may 2013) «Ob utverzhdenii nomenklatury tovarov, rabot, uslug dlya nuzhd zakazchikov» (Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation No. 273 dated June 07, 2011 (as amended. dated May 06, 2013) «On approval of the nomenclature of goods, works, services for the needs of customers») //Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on July 15, 2011. Registration number 21367. Rossiyskaya Gazeta. 2011. 29 July. No. 165. (In Russian).
10. Bol'shoy tolkovyi slovar' russkogo yazyka: sovremennaya redaktsiya (Big explanatory dictionary of the Russian language: modern edition) / ed. by D. N. Ushakov. Moscow: Dom Slavyanskoi knigi, 2014. 959 p. (In Russian).
11. Sharonov S. A. Sootnoshenie dogovorov na okazanie uslug chastnoi okhrannoi i detektivnoi deyatel'nosti kak sredstv pravovogo regulirovaniya predprinimatel'skikh otnoshenii (The ratio of contracts for the provision of services of private security and detective activities as a means of legal regulation of business relations) // Semeinyi biznes & kachestvo pravovoi sredy: monografiya / ed. by I.V. Ershova, A.N. Levushkin. Moscow: Prospekt, 2022. P. 219–231. (In Russian).
13. Sharonov S. A. Problemy formirovaniya konkurentnoi sredy v sfere predprinimatel'skoi okhrannoi deyatel'nosti v Rossiiskoi Federatsii (Problems of formation of a competitive environment in the field of entrepreneurial security activity in the Russian Federation) // Konkurentnoe pravo. 2022. No. 4. P. 41–44. (In Russian).
14. Shestakov V. I. Sistemnyi podkhod k ponimaniyu pravovoi prirody, sushchnosti i pravovomu regulirovaniyu chastnoi detektivnoi deyatel'nosti (Chast' 1) (A systematic approach to understanding the legal nature, essence and legal regulation of private detective activity (Part 1) // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2022. No 2 (33). P. 69–79. (In Russian).
15. Shestakov V. I. Negosudarstvennaya sfera bezopasnosti, okhrannaya deyatel'nost', chastnyi sysk (stanovlenie, sovremennoe sostoyanie, perspektivy) (Non-governmental security sphere, security activity, private investigation (formation, current state, prospects). Vol. 1. Moscow: RadioSoft, 2017. 460 p. (In Russian).

Сведения об авторе

Дудкин Денис Александрович – старший преподаватель кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России / den695@mail.ru.
Адрес: д. 8, Зоя и Александра Космодемьянских ул., 125171, г. Москва, Российская Федерация.

Information about the author

Denis A. Dudkin – Senior Lecturer, Chair of Organization of Financial, Economic, Material, Technical and Medical Support, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia / den695@mail.ru
The address: 8, Zoya & Alexander Kosmodemyanskies st., 125171, Moscow, Russian Federation.

УДК 343.9

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.16>

И. А. Подройкина

ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЕЙ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

В статье отмечается, что криминологическая ситуация в целом по России в последние годы остается достаточно стабильной. Вместе с тем эффективно противодействовать преступности можно только в том случае, если проводить более детальный анализ качественных и количественных показателей преступности с учетом специфики конкретного субъекта (округа, региона). На примере Северо-Кавказского федерального округа показано, что не только в самом Округе по сравнению с Россией в целом, но и в его административно-территориальных единицах показатели преступности отличаются существенным образом. Обращено внимание на то, что несмотря на низкий коэффициент преступности в Северо-Кавказском федеральном округе, который сохраняется уже на протяжении нескольких лет, и общего снижения количества зарегистрированных преступлений в январе-ноябре 2022 года почти во всех субъектах округа, тем не менее, качественная характеристика преступности в СКФО характеризуется рядом негативных тенденций. Так, статистические данные свидетельствуют о более высокой доле совершения в СКФО тяжких и особо тяжких преступлений по сравнению с общероссийским показателем, на доминирование в числе совершаемых преступлений, преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, на более широкое распространение преступлений экстремисткой и террористической направленности, на высокий удельный вес общественно

опасных деяний, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Затронута и социально демографическая характеристика лиц, совершающих преступления, отмечено, что во всех субъектах Округа это как правило лица, не имеющие постоянного источника дохода, а также ранее судимые. Отмечены крайне негативные тенденции показателей преступности в Республике Северная Осетия-Алания. С учетом выявленной специфики преступности в Северо-Кавказском федеральном округе, а также учитывая социально-экономические, демографические и другие особенности Северо-Кавказского федерального округа, автором обращено внимание на те сферы, которые должны быть взяты под особый контроль со стороны руководства Округа и правоохранительных органов, а также высказаны некоторые рекомендации, которые, по его мнению, могут способствовать снижению преступности в данном регионе.

Ключевые слова: преступность, качественные и количественные показатели преступности, коэффициент преступности, противодействие преступности, Северо-Кавказский федеральный округ.

Для цитирования: Подройкина И. А. Особенности преступности и противодействия ей в Северо-Кавказском федеральном округе // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 130–135. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.16

Inna A. Podroykina

FEATURES OF CRIME AND COUNTERACTION TO IT IN THE NORTH-CAUCASUS FEDERAL DISTRICT

The article notes that the criminological situation in Russia as a whole has remained fairly stable in recent years. At the same time, it is possible to effectively counteract crime only if a more detailed analysis of qualitative and quantitative indicators of crime is carried out, taking into account the specifics of a particular subject (district, region). By the example of the North-Caucasus Federal District it is shown that not only in the District itself, compared with Russia as a whole, but also in its administrative-territorial units, crime rates differ significantly. The author draws attention to the fact that despite the low crime rate in the North-Caucasus Federal District, which has been maintained for several years, and the overall decrease in the number of registered crimes in January-November 2022 in almost all subjects of the District, nevertheless, the qualitative characteristics of crime in the North Caucasus Federal District are characterized by a number of negative trends. Thus, statistical data indicate a higher proportion of serious and especially serious crimes committed in the NCFD compared to the all-Russian indicator, the dominance in the number of crimes committed, crimes related to illegal arms trafficking, a wider spread of extremist and terrorist crimes, a high proportion of socially dangerous acts related to illegal

trafficking narcotic drugs, psychotropic substances and their analogues. The socio-demographic characteristics of persons committing crimes are also touched upon, it is noted that in all subjects of the District these are usually persons who do not have a permanent source of income, as well as previously convicted. Extremely negative trends in crime rates in the Republic of North Ossetia-Alania have been noted. Taking into account the revealed specifics of crime in the North-Caucasus Federal District, as well as taking into account the socio-economic, demographic and other features of the North-Caucasus Federal District, the author draws attention to those areas that should be taken under special control by the leadership of the District and law enforcement agencies, and also makes some recommendations that can contribute to reducing crime in this region.

Key words: crime, qualitative and quantitative indicators of crime, crime coefficient, crime prevention, North-Caucasus Federal District.

For citation: Podroykina I. A. Features of crime and counteraction to it in the North-Caucasus federal district // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 130–135 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.16

В теории уголовного права уделяется достаточно много внимания изучению преступности и ее отдельных видов [5; 6]. В настоящее время уже никто не оспаривает тезис о том, что искоренить преступность невозможно. Однако деятельность каждого цивилизованного государства должна быть направлена на минимизацию количества совершаемых преступлений, а также на минимизацию тех негативных последствий, которые наступают в результате совершения преступлений. На преступность влияют разные факторы, и даже в одной стране, в зависимости от региона, области и города структура преступности может сильно отличаться, как может сильно отличаться и коэффициент преступности. Потому актуальным видится исследовать преступность не в целом по стране, а по регионам (округам, субъектам), так как только уяснение специфических особенностей качественных и количественных характеристик преступности, причин и условий, порождающих преступность в целом и способствующих совершению конкретных преступлений, позволит разработать комплекс мер, необходимых и достаточных для снижения уровня преступности.

Несмотря на то, что 2022 г. для России стал переломным, в связи с началом специальной военной операции, увеличением количества беженцев с территории Украины (а как известно изменение миграционных потоков напрямую оказывает влияние на состояние преступности), тем не менее, официальные статистические данные свидетельствуют, что криминологическая ситуация в нашем государстве остается достаточно стабильной. Так, согласно информации, представленной на официальном сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации, в России за январь-ноябрь 2022 г. общее количество зарегистрированных преступлений по сравнению с аналогичным периодом прошлого года сократилось на 1,6%, при этом число преступлений, отнесенных к категориям тяжких и особо тяжких, снизилось на 4,6 % [4].

Генеральная прокуратура Российской Федерации отмечает, что коэффициент преступности в России в расчете на 100 тыс. населения составляет 1024 преступления. По-прежнему более 2/3 из совершаемых в нашей стране преступлений составляют преступления небольшой и средней тяжести, их доля за 10 месяцев 2022 г. в структуре преступности составила более 70 %. Если сравнивать с прошлым годом, то она осталась практически на прежнем уровне [3].

Что касается качественной характеристики преступности за анализируемый период, то следует заметить, что кража традиционно занимает лидирующее положение – так, каждое третье выявленное в стране преступление совершено путем кражи, но их количество в последние годы продолжает последовательно сокращаться.

В 2022 г. такое сокращение составило 3 %. Однако, на смену кражам приходит мошенничество, их число в 2022 году увеличилось с 249,9 тыс. до 250,7 тыс. Все большее вхождение в нашу жизнь информационных технологий не могло не отразиться и на преступности. Так, по официальным данным в структуре преступности на киберпреступления приходится около четверти (25 %) от всех зарегистрированных преступлений. Отмечается ежегодное сокращение таких «классических» преступлений, как грабежи, разбои, угрозы причинения вреда, причинения тяжкого вреда здоровью и некоторых других посягательств на личность. Относительно стабильна картина и в части совершаемых убийств, хотя, исходя из размещенных отчетов, можно увидеть, что в январе – октябре 2022 г. зарегистрировано 6,4 тыс. убийств (с покушениями), что несколько больше, чем годом ранее (январь – октябрь 2021 г. – 6,2 тыс.).

В целом отмечаются положительные тенденции в области противодействия незаконному обороту наркотиков и преступлениям экономической направленности. Однако, что касается преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, то здесь есть некоторые сомнения в достоверности официальной статистики. Не секрет, что преступность в сфере оборота наркотических средств, психотропных и др. запрещенных веществ характеризуется высокой латентностью, что связано с тем, что данные преступления совершаются, как правило, с использованием сети Интернет, в то время как до настоящего времени так и не созданы надлежаще работающие механизмы, с помощью которых возможно было бы эффективно отслеживать ресурсы, на которых сосредотачивается информация о наркотиках и незаконных действиях с ними. Кроме того, отмечают исследователи, эти ресурсы, даже в случае их выявления, могут быть за территорией России, поэтому привлечение их владельцев к ответственности, не только сложно, но порой и невозможно [2].

Однако общая относительно положительная картина преступности на территории России, не значит, что все регионы нашей страны имеют сходные показатели. Как указывалось выше, качественные и количественные показатели преступности имеют существенные отличия в зависимости от субъекта Российской Федерации. Так, например, на протяжении последних лет уровень преступности в Северо-Кавказском федеральном округе остается самым низким в России. Если в 2018 г. коэффициент преступности в данном регионе составлял 712,4 преступлений на 100 тыс. населения, что составляло почти в два раза меньше федерального значения, то в январе-октябре 2022 г. он еще более сократился и составил 600,8 преступлений на 100 тыс. населения, что в 1,7 раза меньше общероссийских показателей.

Но при этом в самих субъектах данного округа этот показатель сильно разнится. Так, самый высокий коэффициент преступности в Ставропольском крае – он составил 1024 преступления на 100 тыс. населения, на втором месте – Республика Северная Осетия-Алания с коэффициентом 1009,5, на третьем – Карачаево-Черкесская республика – 815,3, на четвертом – Кабардино-Балкарская республика – 754,8, на пятом – Республика Дагестан – 401,6, на шестом – Республика Ингушетия – 364,9, на седьмом – Чеченская республика – 135,7. То есть коэффициент преступности в самом Округе в зависимости от субъекта отличается почти в 10 раз [3].

При этом анализируемый показатель в Ставропольском крае и в Республике Северная Осетия практически не отличается от федерального значения. Как отмечают исследователи [1] это обусловлено тем, что, например, Ставропольский край существенно отличается от иных территориальных образований Округа по этническому признаку, социально-экономическому развитию, в крае выше занятость населения, больше представителей из других регионов в силу притока молодых людей для обучения. Большинство социальных, политических и экономических характеристик аналогичны тем, которые присущи иным регионам России. Соответственно, в силу многонациональности, многоконфессиональности, значительного разнообразия населения по роду занятий, и преступность в Ставропольском крае разнообразна, по своим качественным характеристикам она также во многом воспроизводит общероссийские показатели. Если говорить о Республике Северная Осетия-Алания, то ее специфика, по сравнению с другими субъектами Северо-Кавказского округа, состоит в религиозной составляющей, на ее территории доминирует христианское вероисповедание, а не мусульманское, что также оказывает свое влияние на преступность. Христианское вероисповедание доминирует на территории России, в связи с чем и в Северной Осетии-Алании также наблюдается значительное сходство показателей преступности с иными регионами России.

Если сравнивать показатели преступности округа по субъектам, то можно увидеть, что в 2021 г. в большей части из них отмечалось увеличение количества зарегистрированных преступлений, а в тех субъектах, где и было зафиксировано снижение показателей, оно было незначительно. Так, в Республике Ингушетия в 2021 г. рост преступности составил 10,2%, в Республике Дагестан – 5%, в Кабардино-Балкарской республике – 1,8 %, в Республике Северная Осетия-Алания – 1,06 %. Снижение преступности наблюдалось в Чеченской Республике – на 0,4 %, в Ставропольском крае – на 3,3 %, в Карачаево-Черкесской Республике – на 6,9 %. Несколько иная картина

наблюдается в январе-октябре 2022 г. Так, рост преступности сохранился в Республике Ингушетии, количество зарегистрированных преступлений увеличилось на 9,4 %, в Карачаево-Черкесской Республике показатели из отрицательных стали положительными, рост преступности хоть и незначителен, но есть – на 1,2 %. Остальные же субъекты округа за анализируемый период показывают отрицательные значения. Так, в Кабардино-Балкарской Республике число зарегистрированных преступлений сократилось на 0,3 %, в Республике Северная Осетия-Алания – на 1,1 %, в Ставропольском крае – на 2 %, в Республике Дагестан – на 3,2 %, в Чеченской Республике – зафиксировано максимальное снижение – на 23,6 %. Если данная тенденция сохранится, то благодаря отрицательным значениям большинства из субъектов, весь округ продемонстрирует снижение показателей преступности в 2022 г.

Особое внимание привлекают качественные характеристики преступности в округе. Большинство субъектов СКФО демонстрируют минимальный уровень преступности по ряду преступлений, которые имеют широкое распространение в России и составляют основной массив зарегистрированных преступлений.

Это касается, например, краж, мошенничеств, разбоев. Согласно официальным статистическим данным по числу зарегистрированных преступлений коррупционной направленности ситуация в Округе также относительно благоприятная. Так, из 8 округов России по удельному весу зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в 2022 г. Северо-Кавказский федеральный округ занял 5 строчку, при этом его показатели по сравнению с Приволжским федеральным округом, который занял 1 место по уровню коррупционной преступности, почти в 3 раза ниже. Однако исследователи весьма скептически относятся к этому показателю, так как считают, что официальные данные отражают лишь незначительную часть от реально совершаемых преступлений коррупционной направленности, основная их доля, считают они, является латентной [1].

Несмотря на, казалось бы, благополучную ситуацию в плане криминологической обстановки в Северо-Кавказском федеральном округе, тем не менее, на самом деле все обстоит не так как может показаться с первого взгляда. Так, например, удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений за период с января по октябрь 2022 г. в СКФО составил 29,5 %, что превысило общероссийский показатель в 27,4 %. Здесь СКФО уступил только Центральному Федеральному округу на 0,2 % [4].

За анализируемый период на территории СКФО зарегистрировано 690 преступлений террористического характера – это максимальное число среди всех округов России. Причем, занимающий 2 место по количеству зарегистриро-

ванных преступлений террористической направленности Центральный ФО отстает в 2,5 раза. 4 место занял СКФО и по количеству зарегистрированных преступлений экстремисткой направленности. Всего было зарегистрировано 137 таких преступлений.

Обращает на себя внимание и тот факт, что по ряду иных тяжких и особо тяжких преступлений, отдельные субъекты СКФО вошли в число «лидеров» по приросту совершаемых преступлений. Так, например, Республика Ингушетия заняла 8 место и вошла в 10-ку регионов с наибольшими темпами прироста числа зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия (за период с января по ноябрь 2022 г.) (+20,8 %), Республика Северная Осетия-Алания заняла 2 место в 10-ке регионов с наибольшими темпами прироста зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (+25,5 %).

Карачаево-Черкесская Республика заняла 7 место в 10-ке регионов с наибольшими темпами прироста числа зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (+ 29,3 %). Сразу 6 из 7 субъектов СКФО вошли в 10-ку регионов с наибольшим удельным весом преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в общей структуре преступности [4]. Так, удельный вес названных преступлений колеблется в пределах от 17,4 % (Республика Северная Осетия-Алания) до 13,5 % (Карачаево-Черкесская республика). При этом, например, минимальные показатели были зафиксированы в Чукотском АО (2,8 %), Ненецком АО (3,8 %). В силу специфики названных регионов, их труднодоступности, сравнивать данные показатели не вполне корректно, но стоит заметить, что относительно благоприятная ситуация в этой части наблюдается также в Волгоградской области, где удельный вес анализируемых преступлений составил всего 4,6 %, в Тверской области – 5,2 % и др. То есть показатели по удельному весу преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, в общей структуре преступности за период с января по ноябрь 2022 г. в СКФУ превышают в среднем в 3–4 раза показатели регионов с наименьшим удельным весом данных преступлений.

Исходя из приведенных данных, мы видим достаточно широкое распространение в ряде субъектов округа тяжких и особо тяжких преступлений, что и объясняет превышение общероссийского показателя по удельному весу названных преступлений в общей структуре преступности.

По некоторым иным показателям отдельные субъекты округа также демонстрируют крайне негативные тенденции. Так, например, в Республике Северная Осетия-Алания в январе-ноябре 2022 г. зафиксирован почти двукратный рост числа погибших от преступлений (+91,8 %), на 63,9 % выросло число лиц, которым причинен тяжкий вред здоровью (при этом по первому показателю Осетия более чем вдвое превышает показатели г. Севастополя, который занял вторую строчку, и в котором соответствующий прирост составил 43,3 %).

Все 7 субъектов округа заняли верхние строчки рейтинга регионов с наибольшим удельным весом лиц, совершивших преступления, и не имеющих постоянного дохода. Удельный вес таких лиц колеблется в округе от 85,9 % (Республика Ингушетия) до 74,6 % (Ставропольский край). Республика Северная Осетия-Алания возглавила топ регионов с наибольшим весом совершивших преступления лиц, ранее судимых за преступления (65,6 %). В этом же перечне оказалась и Республика Ингушетия, занявшая 3 место (63,4), а также Карачаево-Черкесская республика, занявшая 10 место (58,8 %).

Все сказанное свидетельствует о том, что преступность в Северо-Кавказском федеральном округе имеет серьезные отличия от общероссийской. На фоне низкого коэффициента преступности, общего количества зарегистрированных преступлений по сравнению с другими регионами России, существенным образом отличается ее качественная характеристика, как по кругу преступлений, так и по лицам, совершающим общественно опасные деяния. Кроме того, «разброс» показателей преступности внутри округа по административно-территориальным единицам сильно разнится. Поэтому и меры предупреждения преступности должны разрабатываться с учетом специфики не только региона в целом, но и его отдельных административно-территориальных единиц. Так, в частности, исповедование ислама нередко ведет к риску возможной радикальной исламизации, возрастанию совершения преступлений террористической и экстремистской направленности (что и получило отражение в статистике). Поэтому здесь работа правоохранительных органов, общественных организаций должна быть направлена на недопущение формирования радикальных течений, воспрепятствование проникновению в регион представителей международных террористических и экстремистских организаций. Серьезное внимание должно быть уделено формированию идеологии, переориентации воинствующих настроений с внутреннего врага на внешнего.

Статистические данные показали также на высокий удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в общей

структуре преступности. Наличие проблемы незаконного оборота наркотиков в округе более чем очевидна, что требует соответствующего реагирования как со стороны властей СКФО и правоохранительных структур, так и со стороны представителей общественности, образовательных учреждений, членов семьи. Ведь не секрет, что распространение наркотиков и иных запрещенных веществ ведет и к росту иных общеуголовных преступлений, а также к возрастанию социальной напряженности в целом. Не менее остро стоит и проблема незаконного оборота оружия.

Особую озабоченность вызывает криминологическая обстановка в Республике Северная Осетия-Алания, как видно из приведенных цифр, многократное увеличение фактов посягательств на личность, почти двукратное увеличение количества погибших от преступлений и более чем полуторократное увеличение фактов причинения тяжкого вреда здоровью в 2022 г. не должно остаться без внимания при разработке мер, направленных на противодействие преступности. Следует заметить, что значительная часть преступлений в Республике Северная Осетия-Алания совершается (исходя из данных, размещенных на официальном сайте МВД РФ) на дорогах, в общественных местах (площадях и скверах), соответственно уместным видится усиление контроля за пребыванием на данных территориях и перемещением по ним.

Статистические данные свидетельствуют о том, что в Округе по-прежнему остается достаточно высоким уровень безработицы. Этот факт нашел прямое отражение и в показателях преступности – все 7 субъектов Округа вошли в топ регионов с наибольшим удельным весом лиц, совершивших преступления, и не имеющих постоянного дохода. Очевидна прямая зависимость уровня безработицы и состояния преступности в СКФО. Спецификой большинства субъектов СКФО, в отличие от

иных регионов России, является высокая рождаемость. Соответственно, наиболее пристальное внимание в СКФО должно уделяться проблеме обеспечения вовлеченности молодежи в социально-полезную деятельность, особенно на фоне повышенного интереса со стороны различных зарубежных деструктивных организаций экстремистского и террористического толка к представителям молодежной среды Кавказских республик.

К сожалению, все субъекты СКФО не относятся к числу экономически-развитых регионов, их бюджеты являются дотационными, что и приводит к определенным негативным последствиям. Экономическое благосостояние населения напрямую влияет на уровень преступности, поэтому повышение благосостояния населения должно стать приоритетным направлением политики руководства округа. Не секрет, что все субъекты, входящие в СКФО, отличаются особой культурой, самобытными традициями, уникальными природными комплексами. Возможно, развитие региона и превращение его в один из туристических центров не решит всех обозначенных проблем, но точно поможет поспособствовать их сокращению, в том числе за счет появления новых рабочих мест (рестораны, гостиницы, экскурсии, реклама и др.). На примере г. Ставрополя и г. Грозного можно увидеть достижения этих городов в плане развития их привлекательности для туристического бизнеса – оформленные скверы, наличие парковочных мест в выходные дни, ухоженные фасады зданий, развитая сеть общественного питания, интересные архитектурные решения и многое другое превратил их в места притяжения туристов. Более того, введенные санкции и ограничения в части перемещения наших сограждан открывает широкие горизонты для познания безграничного пространства нашей Родины, чем может воспользоваться, в том числе и Северо-Кавказский федеральный округ.

Литература

1. Волков А. А., Бышевский Ю. Ю. Современная криминологическая обстановка в Северо-Кавказском федеральном округе // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 3. С. 127–134.
2. Маевский С. С. Особенности раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных организованными преступными группами и организациями с помощью всемирной компьютерной сети Интернет // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 5. С. 5–8.
3. Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ. Портал правовой статистики URL: <http://crimestat.ru/analytics> (Дата обращения: 25.12.2022).
4. Официальный сайт МВД РФ. Состояние преступности за январь-ноябрь 2022 года URL: file:///D:/Downloads/Sbornik_22_11.pdf (Дата обращения: 25.12.2022).
5. Подройкина И. А. К вопросу об эффективности противодействия коррупции уголовно-правовыми средствами // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 1 (58). С. 183–186.
6. Подройкина И. А. Современное состояние законодательства в области противодействия экономической преступности // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды. Сборник докладов VIII Московского юридического форума (XIX Международная научно-практическая конференция): в 5 ч. М.: МГЮА, 2021. С. 58–61.

References

1. Volkov A. A., Byshevskij Yu. Yu. Sovremennaya kriminologicheskaya obstanovka v Severo-Kavkazskom federal'nom okruge (Modern criminological situation in the North-Caucasus Federal District) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2020. No. 3. P. 127–134. (In Russian).

2. Maevskij S. S. Osobennosti raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota narkotikov, sovershennyh organizovannymi prestupnymi gruppami i organizაციами s pomoshch'yu vsemirnoj komp'yuternoj seti Internet (Features of the disclosure and investigation of crimes in the field of drug trafficking committed by organized criminal groups and organizations using the worldwide computer network Internet) // *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya*. 2019. No. 5. P. 5–8. (In Russian).
3. Oficial'nyj sajt General'noj Prokuratury RF. Portal pravovoj statistiki (Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Legal Statistics Portal) URL: <http://crimestat.ru/analytics> (Accessed: 25.12.2022). (In Russian).
4. Oficial'nyj sajt MVD RF. Sostoyanie prestupnosti za yanvar'-noyabr' 2022 goda (Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The state of crime for January-November 2022) URL: file:///D:/Downloads/Sbornik_22_11.pdf (Accessed: 27.12.2022). (In Russian).
5. Podroykina I. A. K voprosu ob effektivnosti protivodejstviya korrupcii ugovno-pravovymi sredstvami (On the issue of the effectiveness of combating corruption by criminal legal means) // *Biznes. Obrazovanie. Pravo*. 2022. No. 1 (58). P. 183–186. (In Russian).
6. Podroykina I. A. Sovremennoe sostoyanie zakonodatel'stva v oblasti protivodejstviya ekonomicheskoy prestupnosti (The current state of legislation in the field of combating economic crime) // *Social'no-ekonomicheskoe razvitie i kachestvo pravovoj sredy* // *Sbornik dokladov VIII Moskovskogo yuridicheskogo foruma (XIX Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya): v 5 ch.* Moscow: MSLA named after O. Kutafina publ., 2021. P. 58–61. (In Russian).

Сведения об авторе

Подройкина Инна Андреевна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала ГКОУ ВО «Российская таможенная академия» / 919820@mail.ru
 Адрес: д. 20, пр. Буденновский, 344002, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Information about the author

Inna A. Podroykina – Doctor of Law, Associate Professor, Head, Chair of Criminal Law Disciplines, Rostov Branch of the Russian Customs Academy / 919820@mail.ru
 The address: 20, Budennovsky Ave., 344002, Rostov-on-Don, Russian Federation.

УДК 342.951

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.17>

С. М. Рукавишников

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛУЧЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ

Такие направления государственной политики, как правовое регулирование в сфере высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров отличаются особой актуальностью. С одной стороны, эффективная организация соответствующих процессов требует тщательно подготовленной теоретической и методологической базы, определения ряда категорий административного права, а с другой – постоянного совершенствования действующего законодательства с целью его соответствия динамично развивающимся общественным отношениям и современным вызовам, с которым сталкивается Российское государство и общество. Административно-правовые средства, представляя собой одну из наиболее широких и наиболее государственно-значимых категорий административного права, фактически охватывает все обилие установлений и действий, с помощью которых органы власти и наделенные соответствующими полномочиями организации осуществляют управление в той или иной сфере общественных отношений. При рассмотрении механизма административно-правового регулирования в сфере высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров необходимо исследование основных подходов к понятию, направленности и основных особенностей соответствующих административно-правовых средств. В данной статье автором предлагается анализ названных категорий, который позволил сфор-

мулировать определение административно-правовых средств в сфере высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров и выявить их специфику, что необходимо при выявлении наиболее действенных способов и путей достижения целей административно-правового регулирования, используемого при реализации государственной политики в области науки и высшего образования. Полученные автором выводы имеют значимость для оценки эффективности применяемых в настоящее время административно-правовых средств, применяемых в сфере высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров, что, в свою очередь, необходимо для выявления наиболее уязвимых точек в правовом регулировании соответствующей системы общественных отношений и формирования предложений по их совершенствованию.

Ключевые слова: административно-правовые средства, высшее образование, подготовка научно-педагогических кадров, механизм административно-правового регулирования, новая модель высшего образования.

Для цитирования: Рукавишников С. М. Административно-правовые средства организации получения высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 136–141. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.17

Sergey M. Rukavishnikov

ADMINISTRATIVE LEGAL MEANS FOR THE ORGANIZATION OF GETTING HIGHER EDUCATION AND THE TRAINING OF SCIENTIFIC AND TEACHING STAFF

Such state policy directions as the legal regulation in the sphere of higher education and training of scientific and teaching staff distinguish itself with a special actuality. On the one hand, the efficient organization of the relevant processes require the state-managed theoretical and methodological base, the definition of the series of categories of administrative law, and on the other hand – the permanent improvement of the current legislation with purpose of its compliance to dynamic developing social relations and contemporary challenges of Russian government and society. Administrative legal means, as the one of the most broad and governmental significant categories of administrative law, factually cover all the number of settlements and actions for the governing of any sphere of social relations from the government agencies and specially authorized organizations. Considering the mechanism of administrative legal regulation in the sphere of higher education and training of scientific and teaching staff it is necessary to study the main approaches to the

definition, direction and specific features of the relevant administrative legal remedies. In this article the author suggests the analysis of these categories, which allowed formulating the term of administrative legal means in the sphere of higher education and the training of scientific and teaching personnel and to extract their specific, what is necessary during the research of the most defenseless points in the legal regulation of the relevant system of social relation and formation of the suggestions for their improvement.

Key words: administrative legal remedies, higher education, training of scientific and teaching personnel, mechanism of administrative legal regulation, new model of higher education.

For citation: Rukavishnikov S. M. Administrative legal means for the organization of getting higher education and the training of scientific and teaching staff // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 136–141 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.17

Понятие правовых средств является одним из наиболее распространенных в научной литературе, и его можно отнести числу основных категорий теории права. Однако уровень его исследованности не позволяет говорить о том, что выработано единое понимание правовых средств и составляющих его элементов.

Данное понятие может использоваться в научных трудах в контексте иных категорий, помогая раскрывать их содержание. Например, Л. П. Рассказов показывает, через какие правовые средства может быть реализовано дозволение как способ правового регулирования [7, с. 466]. Имеются и представления, фактически отождествляющие его с механизмом правового регулирования. Так, в одном из изданий правовые средства выражены через такие элементы, как нормы права, правовые отношения и акты реализации права, и те же самые элементы включены в механизм правового регулирования. При этом дефиниция правовых средств, выраженная через их основные признаки, как того требует общий принцип конструирования определений понятий, не сформулирована [5, с. 372–376].

Аналогичный подход, но в усложненном варианте представлен Е. А. Березиной, выделяющей в механизме правового регулирования правовые средства общего нормативного регулирования (правовые нормы, нормативно-правовые и правоинтерпретационные акты) и правовые средства индивидуального характера (правоотношения, юридические факты, правореализационные и правоприменительные акты) [8, с. 200–201]. Определение правовых средств через их набор не отличается единообразием и имеет большую вариативность. С. С. Алексеев указывал в их числе права, средства юридической техники, договоры, индивидуальные веления и предписания и иные инструменты регулирования, которые необходимо рассматривать в единстве характерных для них формы и содержания [15, с. 12].

В то же время еще в советской юридической науке подобные суждения подвергались конструктивной критике в связи с тем, что все составляющие дефиниции правовых средств (нормативные правовые акты, правовые отношения и иные традиционные объекты изучения юридической науки) имеют собственные научно определенные понятия. Поэтому использование термина «правовое средство» оправдано тогда, когда правовые нормы, правоотношения и правовые институты отграничиваются от явлений, не укладывающихся в содержание устоявшихся терминов [6, с. 84–85]. Однако в данном отношении выработка определения данного понятия представляет сложность. Например, А. В. Мильков, посвятив исследованию этого понятия ряд статей [17, с. 113–115; 16, с. 43–46], изучив различные точки зрения, так и не сформулировал собственного определения.

Институциональная теория правовых средств была предложена В. А. Сапуном, который обозначает их в виде имеющих регулятивный потенциал институционных образований, отличающихся реальной применимостью, использование которых в юридической практике обеспечивает достижимость общественно полезных целей [14, с. 47–60].

Деятельностно-институциональную характеристику правовых средств предлагает выделять Ю. Б. Батурина, поскольку они отражают функционально-динамическую сторону как права в целом, так и правовых явлений в частности. Деятельностная сторона правовых средств связана с их инструментальной природой, определяющей их сущность как инструментов, используемых субъектами в юридической деятельности. Институциональное предназначение правовых средств обусловлено тем, что они являются известными правовыми явлениями в структуре права [9, с. 8].

В отличие от Ю. Б. Батуриной в несколько усеченном формате правовые средства предлагает рассматривать П. В. Попинов, выделяющий сугубо инструментальную природу правовых средств, которая выражается в инструментах правового регулирования, установленных правовыми нормами и обусловленных теми или иными целями и задачами [12, с. 7].

А. В. Малько также не выделяет институциональную сторону правовых средств, однако предлагаемая им дефиниция является более широкой и точной, поскольку среди правовых явлений, образующих данное понятие, им выделены не только инструменты (установления), но и технологии (деяния). Их сочетание позволяет достигать общественно значимые цели, удовлетворять интересы субъектов права [4, с. 463].

Разнообразие взглядов по поводу содержания наполнения понятия правовых средств не способствует единству взглядов в отраслевых юридических науках, в том числе в административном праве. Фактически отраслевые исследования проводятся параллельно общетеоретическим, либо представители отраслевых юридических наук выбирают какой-либо из многочисленных общетеоретических вариантов и на его основе выстраивают собственную конструкцию правовых средств (административно-правовых, гражданско-правовых и др.).

Например, И. И. Веремеенко рассматривал административно-правовые средства в контексте механизма административно-правового регулирования, используя при этом прием их перечисления и относя к ним нормы административного права, административные правоотношения и административно-правовые акты [1, с. 48]. Руководствуясь тем же подходом, А. П. Коренев дополнил перечень административно-правовых средств правоинтерпретационными актами и принципами административного права [2, с. 42].

Наличие многочисленных разработок понятия правовых средств в теории права и отраслевых юридических науках, включая административное право, так и не привело к формированию комплексной концепции правовых средств в виде отдельного научного направления, обеспечивающего выработку подходов к их эффективному использованию в рамках реализации правосубъектности субъектов права. При этом можно заметить, что в теории права правовые средства исследуются как таковые без привязки к какой-либо сфере человеческой деятельности. В отраслевых юридических науках термин «правовые средства» используется как исходное начало для характеристики сегмента правового регулирования, охватывающего социальные связи с единым родовым содержанием. В частности, понятие административно-правовых средств исследуется не само по себе, а с привязкой к отраслям и сферам государственного управления, административно-правовым институтам [см., например: 13, 18, 11, 10, 3].

В этом видится определенная направленность административно-правовых средств. Их существование предопределяется наличием цели. Средство и цель являются парными понятиями: для достижения какой-либо цели используется набор средств. В административном праве эти средства закрепляются в содержании административно-правовых норм. Без нормы права административно-правовое средство организующего воздействия существовать не может. Это является обязательным условием их претворения в жизнь, практического использования и достижения целей государственного управления. Иначе введение «административно-правового средства» как категории административного права было бы лишено смысла.

Что касается правовой организации получения высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров, то она является не только сферой применения норм административного права, но и очевидной целью государственного управления. Ее наличие предопределяется конституционными положениями, гарантирующими получение высшего образования на конкурсной основе в соответствующих образовательных организациях, имеющих квалифицированные научно-педагогические кадры.

Совершенно очевидно, что проблема административно-правовых средств организующего воздействия обусловлена потребностью в выявлении наиболее действенных способов и путей достижения целей административно-правового регулирования, которые отвечают насущным потребностям общественного развития в охваченных правом сферах жизнедеятельности социума. Сказанное справедливо и для сферы высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров, поскольку необходимые преобразования в народном хозяйстве, социально-культурной области и

обществе в целом невозможны без надлежащей правовой организации высшего образования, что может быть достигнуто совершенствованием соответствующих административно-правовых средств.

Можно выделить характерные особенности административно-правовых средств организации получения высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров.

1. Публично-правовой характер, вытекающий из специфики самого административно-правового регулирования, призванного обеспечивать реализацию публичного интереса. Безусловно, имеют место потребности конкретных физических лиц (студентов, абитуриентов, докторантов и др.) в повышении своего образовательного уровня, роста в качестве научно-педагогического работника, но эти потребности одновременно соответствуют интересам государства и общества. Их реализация обеспечивает поступательное общественное развитие.
2. Государственно-управленческий характер, вытекающий из их публично-правовой природы. Закрепляя в нормах права исследуемые административно-правовые средства, законодатель определяет и управленческую компетенцию органов государственного управления по их реализации, обеспечению выполнения образовательными организациями высшего образования всех требований к организации обучения и подготовки научно-педагогических кадров независимо от формы собственности этих организаций (государственные, муниципальные, частные).
3. Наличие специфической правовой формы их внешнего выражения, обусловленной административно-правовой природой организационно-управленческих отношений в сфере высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров. Они предусматриваются в законодательстве, содержащем преимущественно нормы административного права (об образовании, о науке и государственной научно-технической политике), выражаются в актах управления, правоприменительных актах, локальных актах образовательных организаций высшего образования и научных организаций.
4. Наличие собственного целевого предназначения, которое обусловлено социальной ролью сферы высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров. Цель определяется в соответствии с законодательством об образовании и о науке и государственной научно-технической политике, то есть обеспечение реализации административно-правовых норм, гарантирующих право на получение высшего образования и подготовку научно-педагогических кадров для вузов.

Для определения сущности рассматриваемых административно-правовых средств важно выявление их содержательной стороны. В данном случае целесообразно использование концепции А. В. Малько о выражении правовых средств через правовые установления и действия (технологии). В этом смысле вряд ли целесообразно отождествление административно-правовых средств организующего воздействия с какими-либо другими элементами механизма административно-правового регулирования – нормами, правоотношениями, актами применения права и др. Если бы все они причислялись к административно-правовым средствам организующего воздействия, тогда было бы невозможным выделение последних в качестве самостоятельного элемента указанного механизма. У административно-правовых средств организующего воздействия, в том числе и в рассматриваемой сфере, имеется собственное нормативно установленное содержание. Если их рассматривать как правовые установления, то в каждой сфере или отрасли государственного управления административно-правовые средства организующего воздействия имеют уникальное содержание. В какой-то мере они, безусловно, совпадают с универсальными административно-правовыми средствами, применяемыми для обеспечения надлежащего функционирования других отраслей и сфер (государственная регистрация в качестве юридического лица, лицензирование, аккредитация). В то же время наличие собственных административно-правовых средств организующего воздействия в каждой отрасли или сфере государственного управления делает возможным рассмотрение их как самостоятельного элемента механизма административно-правового регулирования.

Их содержание определяется объективным ходом развития социума, постоянно обнажающего новые потребности и недостатки существующего регулирования. Отчасти влияют и внешние факторы, делающие возможной постановку вопроса о частичной унификации подходов к организации соответствующей отрасли или сферы, как это было сделано в сфере высшего образования в связи с присоединением России к «болонскому процессу».

Административно-правовые средства организации получения высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров претерпели определенную трансформацию в связи с принятием в 2012 г. нового законодательства об образовании, что выразилось в коррекции уровней образования, в том числе высшего, и ликвидации послевузовского профессионального образования. Среди последних существенных изменений следует выделить устранение цикличности прохождения государственной аккредитации образовательной деятельности и усиление научного компонента в процессе подготовки аспирантов.

Содержательно рассматриваемые административно-правовые средства имеют организационное предназначение, обеспечивая надлежащее функционирование исследуемой сферы. Помимо введения указанных уровней к административно-правовым средствам организации получения высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров следует отнести установление требований к поступлению абитуриентов в вузы, включая прохождение процедуры единого государственного экзамена, введение государственных образовательных стандартов, требований и образовательных программ, организацию обучения студентов и аспирантов, в том числе проведения промежуточной и итоговой государственной аттестации, введение для профессорско-преподавательского состава вузов системы государственной научной аттестации.

Перечисленные компоненты организации высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров, будучи оформленными в нормативные установления, при их реализации превращаются в технологический процесс, обеспечивающий непрерывное функционирование системы вузовского обучения и подготовки научно-педагогических кадров.

Исходя из вышеизложенного административно-правовые средства организации получения высшего образования и подготовки научно-педагогических кадров можно определить как предусмотренные нормами административного права установления и действия, осуществляемые уполномоченными органами исполнительной власти, образовательными организациями высшего образования и научными организациями и направленными на создание надлежащих условий для реализации права граждан на получение высшего образования и подготовки квалифицированных научно-педагогических кадров.

Основные направления совершенствования указанных средств корректируются с учетом формирования новых запросов государства и общества в данной сфере. В настоящее время сложная внешнеполитическая обстановка, обуславливающая целесообразность пересмотра участия России в «Болонской системе», диктует необходимость выработки перспективных подходов к административно-правовой организации системы высшего образования и используемым для этого правовым средствам для формирования новой модели, учитывающей лучшие стороны советского и российского опыта и новые вызовы. В системе подготовки научно-педагогических кадров в контексте оптимизации административно-правовых средств ее обеспечения видится необходимым совершенствование оснований и порядка присвоения ученых званий, процедур присуждения ученых степеней с использованием дистанционных механизмов, подготовки диссертаций в докторантуре и в рамках прикрепления к вузам без освоения программ аспирантуры.

Литература

1. Веремеенко И. И. Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка. Ч. 1. Предмет и понятие. М.: ВНИИ МВД СССР, 1981. 111 с.
2. Корнев А. П. Административное право России (в трех частях). Ч. 1. М.: Щит-М, 1999. 280 с.
3. Малышев Е. А. Административно-правовые средства регулирования внешней трудовой миграции в Российской Федерации. 2-е изд., стереотипное. М.: ИНФРА-М, 2016. 194 с.
4. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. 512 с.
5. Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 464 с.
6. Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юридическая литература, 1984. 224 с.
7. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс: учебник. 2-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2023. 578 с.
8. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 552 с.
9. Батурина Ю. Б. Правовая форма и правовое средство в системе понятий теории права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 149 с.
10. Корнаухова Т. В. Административно-правовые средства противодействия терроризму в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 204 с.
11. Куракин А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2008. 432 с.
12. Попинов П. В. Правовые средства регулирования рыночных отношений в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2005. 188 с.
13. Равнюшкин А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения органами внутренних дел правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 245 с.
14. Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права: дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 321 с.
15. Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 12–19.
16. Мильков А. В. Заметки к вопросу о разработке теории правовых средств // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 43–46.
17. Мильков А. В. К определению понятия «правовые средства» // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 113–115.
18. Пикина Е. А., Беженцев А. А. Понятие и сущность административно-правовых средств управленческой деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения // Закон и право. 2018. № 10. С. 150–155.

References

1. Veremeenko I.I. Mechanism of Administrative Legal Regulation in the Sphere of Public Order. Part 1. Subject and Concept. Moscow: All-Soviet SRI of USSR MIF publ., 1981. 111 p. (In Russian).
2. Korenev A.P. Administrativnoe pravo Rossii (Administrative law of Russia). In 3 parts. Part 1. Moscow: Shield-M, 1999. 280 p. (In Russian).
3. Malyshev E.A. Administrativno-pravovye sredstva regulirovaniya vneshnej trudovoj migracii v Rossijskoj Federacii (Administrative and legal means of regulating external labor migration in the Russian Federation). Moscow: INFRA-M, 2016. 194 p. (In Russian).
4. Matuzov N.I., Malko A.V. Teorija gosudarstva i prava (Theory of Government and Rights): textbook. Moscow: Yurist, 2004. 512 p. (In Russian).
5. Morozova L.A. Teorija gosudarstva i prava (Theory of Government and Rights): textbook. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. 464 p. (In Russian).
6. Puginsky B.I. Grazhdansko-pravovye sredstva v hozjajstvennyh otnoshenijah (Civil Legal Remedies in Economic Relations). Moscow: Legal Literature, 1984. 224 p. (In Russian).
7. Rasskazov L.P. Teorija gosudarstva i prava (Theory of State and Law): Advanced Course: textbook. 2nd ed. Moscow: RIOR: INFRA-M publ., 2023. 578 p. (In Russian).
8. Teorija gosudarstva i prava: uchebnik (Theory of State and Law): textbook / ex. ed. V.D. Perevalov. 5th ed., revised. and additional Moscow: Norma: INFRA-M, 2023. 552 p. (In Russian).
9. Baturina Yu.B. Pravovaja forma i pravovoe sredstvo v sisteme ponjatij teorii prava (Legal Form and Legal Means in the System of Concepts of the Theory of Law): thesis. Moscow, 2001. 149 p. (In Russian).
10. Kornaukhova T.V. Administrativno-pravovye sredstva protivodejstvija terrorizmu v Rossijskoj Federacii (Administrative Legal Means of Countering Terrorism in the Russian Federation): thesis. Saratov, 2013. 204 p. (In Russian).
11. Kurakin A.V. Administrativno-pravovye sredstva preduprezhdenija i presechenija korruptcii v sisteme gosudarstvennoj sluzhby Rossijskoj Federacii (Administrative Legal Means of Preventing and Suppressing Corruption in the Public Service System of the Russian Federation): thesis. Lyubertsy, 2008. 432 p. (In Russian).
12. Popinov P.V. Pravovye sredstva regulirovaniya rynochnykh otnoshenij v sovremennoj Rossii (Legal Means of Regulation of Market Relations in Modern Russia): thesis. Nizhny Novgorod, 2005. 188 p. (In Russian).
13. Ravnyushkin A.V. Administrativno-pravovye sredstva preduprezhdenija i presechenija organami vnutrennih del pravonarushenij v sfere semejno-bytovykh otnoshenij (Administrative Legal Means of Preventing and Suppressing Offenses in the Sphere of Family and Household Relations by Internal Affairs Bodies): thesis. Moscow, 2015. 245 p. (In Russian).
14. Sapun V. A. Teorija pravovykh sredstv i mehanizm realizacii prava (The Theory of Legal Means and the Mechanism for the Implementation of Law): thesis. N. Novgorod, 2002. 321 p. (In Russian).

15. Alekseev S. S. Pravovye sredstva: postanovka problemy, ponjatie, klassifikacija (Legal Means: Statement of the Problem, Concept, Classification) // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1987. Vol. 6. P. 12–19. (In Russian).
16. Milkov A. V. Zametki k voprosu o razrabotke teorii pravovyh sredstv (Notes on the Development of the Theory of Legal Means) // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2009. Vol. 1. P. 43–46. (In Russian).
17. Milkov A. V. K opredeleniju ponjatija «pravovye sredstva» (To the Definition of the Concept of «Legal Means») // Biznes v zakone. 2009. Vol. 1. P. 113–115. (In Russian).
18. Pikina E. A., Bezhtentsev A. A. Ponjatie i sushhnost' administrativno-pravovyh sredstv upravlencheskoj dejatel'nosti po obespecheniju bezopasnosti dorozhnogo dvizhenija (The Concept and Essence of Administrative and Legal Means of Management Activities to Ensure Road Safety) // Zakon i pravo. 2018. Vol. 10. P. 150–155. (In Russian).

Сведения об авторе

Рукавишников Сергей Михайлович – кандидат юридических наук, кафедры административного и муниципального права Саратовской государственной юридической академии / privet085@gmail.com
Адрес: 104, ул. Чернышевского, 410028, Саратов, Российская Федерация.

Information about the author

Sergey M. Rukavishnikov – PhD in Law, Chair of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy / privet085@gmail.com
The address: 104, Chernyshevsky st., 410028, Saratov, Russian Federation.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
PHILOLOGICAL SCIENCES

УДК 811.1/8:81'33

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.18>

М. В. Каменский

ДИСКУРСНЫЕ МАРКЕРЫ КАК КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ
РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

В статье представлены результаты исследования дискурсных маркеров как универсального когнитивного и функционального феномена дискурсивного взаимодействия с точки зрения теоретической концепции когнитивных доминант речевого взаимодействия. Предпринята попытка анализа дискурсных маркеров как компонента концептуальной структуры дискурса с позиции тематического, субъектного, социокультурного, инструментального и интенционального принципов. Обоснование роли и статуса дискурсных маркеров в речевом взаимодействии как когнитивных доминант проведено на современном корпусном материале русского, английского, французского и японского языков как разносистемных и верифицировано на разнонаправленном речевом материале, репрезентирующем различные типы дискурса. Актуальность предпринятого исследования обосновывается практической целесообразностью и необходимостью дальнейшего развития когнитивных исследований дискурсных маркеров по траекториям, позволяющим обеспечить эффективную автоматизированную идентификацию дискурсных маркеров в разносистемных языках с применением эвристических методов и технологий искусственного интеллекта. В данной связи формализация когнитивного потенциала дискурсных мар-

керов разносистемных языков с опорой на концепцию когнитивных доминант представляется существенным теоретико-лингвистическим основанием и обеспечением дальнейшей разработки принципа эвристического анализа дискурсных маркеров в пространстве разнонаправленных дискурсов. Научная новизна исследования заключается в том, что полученные результаты качественно дополняют существующие взгляды на проблему функционирования дискурсных маркеров и предоставляют новые данные для формализации их функционала как когнитивных доминант речевого взаимодействия, что представляет теоретическую и практическую значимость для развития алгоритмических процедур обработки дискурса в части эвристической идентификации дискурсных маркеров в корпусном речевом материале на различных языках мира.

Ключевые слова: дискурс, дискурсный маркер, когнитивная доминанта, речевое взаимодействие, коммуникация.

Для цитирования: Каменский М. В. Дискурсные маркеры как когнитивные доминанты речевого взаимодействия в разносистемных языках // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 142–149. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.18

Mikhail V. Kamensky

DISCOURSE MARKERS AS COGNITIVE DOMINANTS
OF COMMUNICATION IN DIFFERENT LANGUAGE SYSTEMS

The article contains the results of studying the discourse markers as a universal cognitive and functional phenomenon of discourse from the point of view of the theory of cognitive dominants of speech. The attempt is made to analyze discourse markers as a component of the conceptual structure of discourse from the point of view of thematic, subject, sociocultural, instrumental, and intentional principles. The role of discourse markers as cognitive dominants in speech is justified and verified on the basis of the modern corpora of Russian, English, French and Japanese text and speech material which represents different language systems and types of discourse. The topicality of the research is determined by the practical necessity and importance of further development of cognitive studies of discourse markers in directions, which open up the possibility of effective automated identification of discourse markers in different languages through the use of heuristic methods and artificial intelligence technologies. In this regard, the formalization of cognitive potential of

discourse markers belonging to different language systems based on the theory of cognitive dominants is believed to provide a significant theoretical and linguistic basis and new data for the further development of the principle of heuristic analysis of discourse markers in speech belonging to different types of discourse. The scientific significance of the research is determined by the fact that the obtained results provide a qualitatively new approach to the issue of providing a formal description of discourse marker functions as cognitive dominants of speech for the purpose of developing the algorithms of text and discourse processing, and, in particular, the heuristic identification of discourse markers in electronic text corpora in different languages.

Key words: discourse, discourse marker, cognition, cognitive dominant, speech, communication.

For citation: Kamensky M. V. Discourse markers as cognitive dominants of communication in different language systems // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 142–149 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.18

Антропоцентрическая парадигма современной лингвистики предопределяет стабильный интерес исследователей к проблематике дискурсивного взаимодействия, связанной с вопросами влияния социальных, прагматических и когнитивных факторов на язык и речь. В русле означенной доминирующей парадигмы в настоящее время поддерживается интерес научного сообщества к вопросам функционирования в речи дискурсивных маркеров — лексем и их сочетаний с особым статусом, который заключается в их способности управлять пониманием дискурса и функционировать в качестве средств обеспечения дискурсивной когезии и когерентности [3; 10]. В последние годы предпринято немало исследований, направленных на уточнение различных аспектов функционирования дискурсивных маркеров, при этом продолжает наблюдаться терминологическое разнообразие в части именования данного дискурсивного феномена. Так, в фокусе внимания учёных находятся вопросы разграничения дискурсивных маркеров как класса по отношению к другим феноменам языка и речи [2], функционирования дискурсивных маркеров в пространстве определенных типов дискурса [7; 14], а также его устной и письменной форм [12], реализации коннекторной функции дискурсивных маркеров для обеспечения сентенциальной и внутрисемантической когезии [13]. Также не ослабевают интерес исследователей к обсуждению вопроса дефинирования термина «дискурсивный маркер» [20].

В силу того, что дискурсивные маркеры относятся к динамичному и «подвижному» классу речевых единиц, одной из актуальных проблем дискурсологии остается разрешение вопроса об обеспечении возможности автоматизации процесса идентификации дискурсивных маркеров в электронных корпусах текстов. Нами предпринят ряд исследовательских изысканий по линии эвристического поиска дискурсивных маркеров в тексте с применением логического подхода и искусственного интеллекта [4; 6]. Вместе с тем, предложенный подход требует определенного уточнения и расширения в части возможности идентификации дискурсивных маркеров в разносистемных языках, в силу чего целесообразно привлечение дополнительного лингвистического обеспечения, нацеленного на систематизацию и формализацию когнитивно-функционального потенциала дискурсивных маркеров на материале различных языков мира.

Считаем, что дополнительным теоретико-лингвистическим основанием такой формализации и систематизации дискурсивных маркеров разносистемных языков может стать подход к пониманию принципов организации дискурсивной деятельности на основе выделения когнитивных доминант речевого взаимодействия, предложенный Н. Н. Болдыревым и В. С. Григорьевой [1]. В силу

сказанного непосредственной целью настоящего исследования является обобщение и систематизация когнитивно-функционального потенциала дискурсивных маркеров и их социолингвистических параметров в дискурсивном взаимодействии в русле концепции когнитивных доминант речевого взаимодействия.

Отправной точкой настоящего исследования является, с одной стороны, авторская когнитивно-функциональная модель дискурсивных маркеров [3], с другой стороны — теоретическая концепция когнитивных доминант речевого взаимодействия Н. Н. Болдырева и В. С. Григорьевой [1]. Данная теоретическая концепция основана на предположении о том, что «система знаний человека и его взаимодействие с миром и другими людьми подчинены определенным приоритетам, выполняющим функцию когнитивных доминант» [1, с. 15]. При этом авторы концепции указывают, что в качестве когнитивных доминант могут выступать конкретные концепты и категории, модели и схемы восприятия и репрезентации мира в языке [1, с. 15], а также сами принципы построения речевого взаимодействия, детерминированные тематической направленностью общения, субъектом речевого взаимодействия, а также рядом социокультурных, интенциональных и языковых факторов [1, с. 16]. Поскольку в современной лингвистике доказана роль дискурсивных маркеров в организации и построении дискурса, а также вариативность их функционирования в дискурсе в зависимости от социолингвистических, прагматических и когнитивных факторов [3; 10], то использование концепции когнитивных доминант речевого взаимодействия в качестве теоретической основы осмысления представляется валидным и обоснованным.

Дискурсивные маркеры как когнитивно-функциональный феномен речи подвергаются теоретическому осмыслению с позиции пяти предложенных авторами названной концепции принципов, а именно: 1) тематического принципа; 2) субъектного принципа; 3) социокультурного принципа; 4) инструментального принципа; 5) интенционального принципа [1, с. 16].

Подтверждение теоретических построений проводится на актуальном речевом материале на английском, русском, французском и японском языках, основными источниками которого послужили электронные корпуса текстов: 1) *Corpus of Contemporary American English (COCA)* [15]; 2) Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [8]; 3) Параллельный русско-французский корпус Национального корпуса русского языка [9]; 4) Веб-корпус японского языка NINJAL-LWP в рамках проекта Tsukuba Web Corpus [21]. В качестве дополнительных источников эмпирического материала привлечены материалы: 1) словаря японского языка *Jisho* [17]; 2) проекта *Tatoeba*,

представляющего собой многоязычную базу данных предложений и их переводов с возможностью поиска контекстов употребления исследуемых лексических единиц [11]; 3) проекта Linguee, представляющего собой двуязычную франко-английскую базу контекстов с аутентичных франкоязычных веб-ресурсов с открытым доступом [18]. Необходимость привлечения данных ресурсов объясняется их эффективностью в части предоставления данных об употреблении дискурсных маркеров параллельно на нескольких разносистемных языках, находящихся в фокусе исследовательского внимания. В рамках проведенного исследования изучено 130 контекстов функционирования дискурсных маркеров на примере четырех вышеназванных языков.

Ниже изложены результаты принятого теоретического анализа дискурсных маркеров и его эмпирической верификации с позиций пяти принципов, положенных Н. Н. Болдыревым и В. С. Григорьевой в основу концепции когнитивных доминант речевого взаимодействия [1].

► **1. Тематический принцип.** Как отмечают Н. Н. Болдырев и В. С. Григорьева, концептуальная структура дискурса представлена несколькими областями знаний и организована по тематическому принципу, предполагающему знание участниками коммуникативного взаимодействия темы диалога и предмета общения [1, с. 16]. В данном контексте отметим, что одной из важных дискурсивных функций дискурсных маркеров любого языка является их участие в переключении тематической направленности общения, а именно, обеспечение логической связности перехода к новой теме коммуникации, либо возврата к одной из ранее обсужденных тем [3]. Несмотря на то, что дискурсные маркеры не участвуют непосредственно в номинации концептов, репрезентирующих тематическое оформление текущего сегмента дискурса, они выступают логическими связками, обеспечивающими понимание смены информационного фокуса в дискурсивном взаимодействии и переключение темы разговора.

К дискурсным маркерам такого рода относятся лексемы *now* (англ.яз.), *(a) теперь, imak* (рус.яз.), *maintenant* (франц.яз.), *それでは / soredeewa* (яп.яз.). Например:

(1) *Le choix n'est pas agréable, mais beaucoup de gens ont été obligés de le faire... Maintenant, parlons un peu des bourreaux... Des bourreaux ordinaires, pas ceux qui étaient terribles...* (Выбор неприятный, но многие должны были его сделать... **А теперь** о палачах... Обыкновенных, не страшных) (Svetlana Alexievitch. *La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement* (p 1) (Sophie Benech, 2013)) [9].

(2) *Now, where were we?* (**Итак**, о чем мы говорили?) [15].

(3) *それでは、天気予報の時間です。 / Soredewa, tenkeyohō no jikan desu* (**А теперь** прогноз погоды) [11].

Приведенные примеры демонстрируют как обеспечение перехода к новой теме в дискурсивном взаимодействии, так и возврат к ранее обсужденной теме.

► **2. Субъектный принцип.** По Н. Н. Болдыреву и В. С. Григорьевой, субъектный принцип организации речевого взаимодействия раскрывает вариативность дискурса в зависимости от личностных качеств коммуникантов, определяемых рядом социальных и коммуникативно-прагматических факторов, объемом знаний, а также ролью участников коммуникации в дискурсивном взаимодействии [1, с. 18–19]. Результаты коммуникации, тем самым, базируются на личностных ожиданиях коммуникантов и зависят от того, насколько соответствуют друг другу или отличаются их концептуальные системы [1, с. 22].

Выбор дискурсных маркеров в речи, по нашему мнению, выступает одной из форм реализации субъектного принципа, поскольку речевое оформление дискурса в части обеспечения его логики и связности находится в прямой зависимости от личностных качеств коммуникантов и соответствует типу дискурса и коммуникативной ситуации, определяемой, в том числе, и вышеназванными экстралингвистическими факторами.

Так, ярким примером дискурсных маркеров, в большей степени характерных для неинституционального, повседневного межличностного общения, также способных косвенно указывать на недостаточность знаний коммуникантов или же на необходимость дополнительного времени для осмысления высказываний, являются междометные средства паузации (заполнители пауз), такие как ну, это, хмм, гм (рус.яз.), *well, hmm, um* (англ.яз.), *euh, eh* (франц.яз.), *えーと / êto, あの / ano* (яп.яз.). Например:

(4) *And umm, I have something to do today, you know?...* (**И м-м**, у меня есть дела на сегодня, понимаешь?...) [15].

(5) *Euh... Comment ça marche ? (Э-э... как это работаем?)* [11].

(6) *あの、かりんさん・・・、そろそろお開きにしませんか？ / Ano, Karin-san..., sorosoro ohiraki ni shimasen ka?* (**Эм**, Карин-сан... Может, уже хватит на сегодня?) [11].

(7) 「あなたはたしか・・・えーと、えーと・・・も」「頭文字から間違つとるわい!!」 / *Anata wa tashika... êto, êto... mo kashiramoji kara machigattoru wai!* (Ты безусловно... **эм, эм**... ты с самой первой буквы не прав!) [11].

В приведенных примерах дискурсные маркеры одновременно выступают показателями неинституционального (разговорного) типа дискурса и указывают на недостаточность имеющейся у коммуниканта информации для спонтанного формирования высказывания.

► **3. Социокультурный принцип.** Согласно концепции Н. Н. Болдырева и В. С. Григорьевой, социокультурный принцип организации речевого

взаимодействия заключается в следовании определенным принятым моделям и стереотипам поведения в соответствии с нормами определенного социума или культуры и является отражением опыта языкового общения, влияющего на его структуру и языковое оформление [1, с. 19]. С этой точки зрения важность представляет понимание участниками коммуникации статусно-ролевых отношений собеседника, что позволяет учесть его социальный статус и использовать языковое оформление дискурса, соответствующее его ожиданиям в условиях институционального (либо, напротив, неинституционального) дискурсивного взаимодействия.

Дискурсивные маркеры, выступающие средством экономии речевых усилий и языковой компрессии, заключают в своем функциональном потенциале способность передачи информации о социокультурных параметрах дискурсивного взаимодействия. Так, использование в качестве вводных или связующих конструкций дискурсивных маркеров следствия или контраста, таких как *напротив*, вследствие (рус. яз.), *contrariwise*, *as a consequence* (англ.яз.), *d'autre part, par conséquent* (франц. яз.) может служить косвенным индикатором институционального, официально-делового характера общения. Например:

(8) *Contrariwise, I believe that we, as librarians, could be making better use of our tools* (**Напротив**, я уверен что мы, как библиотекари, могли бы лучше использовать имеющиеся у нас инструменты) (Panzer M. DEWEY: how to make it work for you / Knowledge Quest, 2013) [15].

(9) *Je suis occupé, par conséquent je ne peux pas m'y rendre* (Я занят, как следствие, я не могу туда пойти) [11].

(10) *Например, чтобы можно было позволить положительным персонажам отнимать только у отрицательных, первые автоматически снабжаются не фигурирующей в сюжете псевдовещью, а антигерои, напротив, получают такую в качестве цели* (В. Э. Карпов, Т. В. Мещерякова. Об автоматизации нетворческих литературных процессов // «Информационные технологии», 2004) [8].

Интересным в контексте данного обсуждения является происходящее в настоящее время изменение в форме употребления дискурсивного маркера *like* в США под влиянием социальных трансформаций американского общества. Так, в последние годы (2016–2022 гг.) зафиксирован стабильный рост популярности употребления в пространстве виртуального Интернет-дискурса десемантизированного и деграмматизированного дискурсивного маркера *like* в функции «телесного цитирования», то есть эмоционально нагруженного цитирования с передачей жестов и мимики и имитацией действий цитируемого, в субстандартной, некорректной грамматической форме

«местоимение + *be like*», то есть *he be like, they be like* и т. п., при этом количество зафиксированных поисковых запросов с данным компонентом увеличилось со средней величины 7 ед. в 2004 г. до средней величины 80 ед. в 2022 г. при общей тенденции активного спонтанного роста популярности таких запросов в 2021–2022 гг. по данным Google Trends [16]. Например:

(11) *I walk up to him and he be like: "Wow, did you see that?"* (Я подхожу к нему и он такой: "Ого, ты это видел?") [Из разг. речи].

По нашему мнению, отмеченная динамика характеризует либеральные тенденции в современном американском английском языке, связанные с продолжающейся демократизацией языка, проявлением толерантности и политической корректности, а также с речевым подражанием афроамериканскому населению в части использования характерных для него языковых конструктов, в том числе нарушающих правила грамматики английского языка.

Что касается японского языка, являющегося репрезентатом статусно-ориентированной лингвокультуры, то в нем в качестве дискурсивных маркеров-индикаторов статусно-ролевых отношений коммуникантов могут выступать показатели учтиво-вежливой речи (敬語 / *kēgo*), такие как копула *です / desu*, и их эквиваленты в просторечии (常体 / *jōtai*), такие как копула *だ / da*. Например:

(12) *全く同感です。 / Mattaku dōkan desu* (Я полностью с Вами согласен) – учтиво-вежливая речь [11].

(13) *全く君と同感だ。 / Mattaku-kun to dōkan da* (Я полностью с тобой согласен) – просторечие [11].

Для неинституционального общения на японском языке также характерны заключительные частицы, добавляемые в конец предложения и выражающие чувства и эмоции говорящего. Так, использование в повседневной речи заключительных частиц *ぞ / zo*, *ぜ / ze* придает речи эмоциональность и при этом служит как гендерным маркером (показателем мужской речи), так и функциональным показателем предостережения, предупреждения или угрозы. Например:

(14) *あぶないぜ! / Abunai ze!* (Берегись!) [11].

(15) *風邪をひくぞ! / Kaze wo hiku zo!* (Осторожно, простудишься!) [11].

► 4. Инструментальный принцип. Н. Н. Болдырев и В. С. Григорьева определяют инструментальный принцип организации речевого взаимодействия как связанный с использованием определенных речевых стратегий и тактик и соответствующего им языкового оформления высказываний для достижения поставленных коммуникативных целей [1, с. 20].

Предпринятые ранее когнитивно-функциональные исследования дискурсивных маркеров позволили установить важность иллокутивной составляющей в реализации их дискурсивных

функций и обосновать имманентность параметрической триады «дискурсивная функция — иллюкутивный потенциал — когнитивная нагрузка» для всех лексических единиц, обладающих статусом дискурсного маркера [3; 4; 6].

В данной связи отметим, что дискурсивные маркеры выступают важными сопутствующими компонентами реализации прагматических установок коммуникантов. Они участвуют в языковом оформлении высказываний в рамках использования определенных речевых стратегий и тактик и способны управлять тональностью общения и ее целевой ориентированностью на достижение интенций коммуникантов. Продемонстрируем сказанное на примерах.

(16) *I understand that you needed some rest, but shouldn't you, like... get down to business already? (Я понимаю, что тебе был необходим отдых, но не стоит ли тебе... как бы... взяться уже за работу?)* [Из разг. речи].

В данном примере дискурсивный маркер *like* / *как бы* используется с целью смягчения высказывания и сообщения рекомендации коммуниканта в более мягкой, но настоятельной форме.

(17) *Et en même temps, elle devra renforcer son action au niveau des pays (И в то же время, это должно усилить её действие на уровне страны) [речь об организации ЮНЕСКО — прим. автора]* (Discours de M. Koïchiro Matsuura, Directeur général de l'UNESCO, à l'occasion de la réunion avec le personnel; UNESCO, 11 décembre 2008) [18].

В приведенном примере дискурсивный маркер *et en même temps* / и в то же время, использованный в качестве вводного словосочетания, функционирует в качестве информационного фокуса высказывания и позволяет акцентировать внимание реципиента на дополнительной информации, вводимой в дискурсивный контекст.

(18) どうも、お元気ですか？ / *Dōmo, o genki desu ka?* (Здравствуйте. Как у Вас дела?) [11].

В данном примере префикс *お* / *о*, а также копула *です* / *desu* и заключительная частица *か* / *ka*, выступающие показателями учтиво-вежливой речи, обладают функциональным статусом дискурсивных маркеров. Их иллюкутивный потенциал состоит в обеспечении эффективного установления контакта с собеседником и речевом проявлении уважения к нему, что положительно сказывается на расположении коммуниканта к конструктивному дискурсивному взаимодействию.

► **5. Интенциональный принцип.** Интенциональный принцип организации речевого взаимодействия состоит в реализации коммуникативных интенций говорящего и, как следствие, в оказании определенного воздействия на адресата речевого сообщения [1, с. 21]. Н. Н. Болдырев и В. С. Григорьева отмечают, что все типы говоре-

ния с точки зрения их интенциональности сводятся, по сути, к четырем обобщающим намерениям: 1) проинформировать адресанта о чем-либо или ком-либо; 2) воздействовать на него с целью принуждения к совершению определенного речевого или неречевого действия; 3) выразить свое эмоциональное состояние или отношение к нему или к сообщаемому; 4) установить, поддержать или завершить коммуникацию [1, с. 21].

Такое определение интенционального принципа акцентирует внимание на достижении намерений коммуникантов, то есть на создании желаемого перлокутивного эффекта, зависящего от выбора определенных языковых конструкций. Рассматривая дискурсивные маркеры в данном контексте и учитывая их иллюкутивный потенциал, рассмотренный нами ранее при обсуждении инструментального принципа, необходимо отметить следующее. Дискурсивные маркеры, реализующие определенную иллюкутивную цель в дискурсе, характеризуются когнитивной нагрузкой, заключающейся в специфическом перлокутивном эффекте от восприятия дискурсивного маркера, состоящем в изменении когнитивного фона собеседника и его представлений о разворачивании дискурса [3]. Данный перлокутивный эффект проявляется в определенном контролируемом управлении поведением собеседника, склонении его к определенной точке зрения или к совершению определенных действий в соответствии с установкой адресанта речевого сообщения, а также в изменении когнитивного фона собеседника в плане понимания логики дискурса, объема знаний адресанта высказывания и степени его осведомленности о сообщаемом.

Поскольку реализация когнитивной нагрузки дискурсивных маркеров напрямую связана с их иллюкутивным потенциалом и зависит от дискурсивной функции, в которой тот или иной дискурсивный маркер употреблен, считаем целесообразным рассмотреть приведенные выше примеры 16–18 в контексте достигаемого ими перлокутивного эффекта.

В примере (16) английский дискурсивный маркер *like* и параллельный русскоязычный дискурсивный маркер *как бы* в переводе примера реализуют когнитивную нагрузку, связанную с созданием у реципиента ментального представления о том, что информация, предваряемая дискурсивным маркером, является потенциально неудобной или нежелательной для него, однако адресант в мягкой, но настоятельной форме предлагает адресату принять ее к сведению. Тем самым, через смягченную форму подачи информации реализуется аргументативная функция коммуникации и обеспечивается склонение собеседника к совершению требуемого действия, обозначенного в следующем за дискурсивным маркером речевом сегменте.

В примере (17) французский дискурсный маркер *et en même temps* и его русский эквивалент *и в то же время* реализуют когнитивную нагрузку, связанную с обеспечением ментального обнаружения реципиентом речевого сообщения определенных недоговоренностей или недостатков в ранее эксплицированной информации, требующих дополнительного пояснения, вводимого дискурсным маркером. В данном примере реализуется информационная функция коммуникации, при этом дискурсный маркер обеспечивает правильное понимание логической взаимосвязи вводимого высказывания по отношению к ранее эксплицированной информации.

В примере (18) когнитивная нагрузка японских показателей вежливо-учливой речи *お / 〇, です / desu* и *か / ka* как дискурсных маркеров заключается в перлокутивном эффекте, связанном с созданием ментального представления реципиента об уважительном отношении адресанта речевого сообщения и о его настроенности на вежливую, учливую и конструктивную коммуникацию. Данное речевое воздействие положительно влияет на готовность собеседника к коммуникации, нацеливает его на конструктивный диалог в условиях взаимного уважения.

Обобщение полученных результатов и их интерпретация с точки зрения концепции когнитивных доминант речевого взаимодействия, верифицированная на материале английского, русского, французского и японского языков как разносистемных, позволяет сделать следующие выводы.

1. С точки зрения тематического принципа организации речевого взаимодействия дискурсные маркеры представляют собой средство обеспечения логической связи между тематическими блоками дискурса, формирующее когнитивные представления участников коммуникации о переходе к новой теме разговора или о возврате к одной из предыдущих тем. В рамках одной темы дискурсные маркеры выступают средством обеспечения связности дискурса.
2. С позиции субъектного принципа организации речевого взаимодействия выбор дискурсных маркеров в речи определяется рядом микросоциальных, лингвопрагматических и когнитивных факторов, характеризующих дискурсивную личность (пол, возраст, социальный статус, ментальное состояние, целевые установки), а также объемом знаний данной личности.
3. При реализации социокультурного принципа организации речевого взаимодействия основным социолингвистическим фактором выбора дискурсных маркеров в речи выступает тип дискурса. Характер дискурсных

маркеров, используемых в неинституциональном повседневном общении, существенно отличается от дискурсных маркеров в институциональных формах коммуникации. Данный показатель является одним из ярких наблюдаемых отличий в организации дискурса в зависимости от статусно-ролевых отношений участников коммуникации и, как следствие, личностного либо статусного характера речевого взаимодействия. Помимо типа дискурса выбор и использование дискурсных маркеров в речи может определяться, в зависимости от лингвокультуры и коммуникативной ситуации, и другими социальными факторами, в том числе гендерным фактором, а также различием в социальном статусе и социальных ролях коммуникантов.

4. С точки зрения инструментального принципа организации речевого взаимодействия дискурсные маркеры характеризуются специфическим иллокутивным потенциалом, позволяющим управлять тональностью общения и ее целевой ориентированностью на достижение определенных прагматических установок участников дискурсивного взаимодействия.
5. В рамках реализации интенционального принципа организации речевого взаимодействия дискурсные маркеры обладают специфической когнитивной нагрузкой, заключающейся в обеспечении перлокутивного эффекта от восприятия дискурсивного маркера и вводимого или завершаемого им высказывания. Данный эффект состоит в изменении когнитивного фона собеседника и его представлений о развертывании дискурса, что заключается в создании ментального представления реципиента речевого сообщения о состоянии коммуниканта или его эмоциональном отношении к собеседнику, о необходимости установления контакта или завершения разговора, об аргументации собеседника касательно его точки зрения или необходимости совершения определенных действий.

Вышесказанное позволяет нам заключить, что дискурсные маркеры выступают универсальной когнитивной доминантой речевого взаимодействия и проявляют схожие черты в разносистемных языках. Как следствие, их функциональный потенциал может быть формализован на заявленных теоретико-лингвистических основаниях и в существенной степени унифицирован для целей и задач построения эвристических систем идентификации дискурсных маркеров в текстовом материале на различных языках мира.

Литература

1. Болдырев Н. Н., Григорьева, В. С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15-24.
2. Иванов В. Д. К вопросу о разграничении финальных частиц и дискурсивных маркеров в немецком языке / В. Д. Иванов // Актуальные вопросы современной лингвистики: Материалы IX Региональной научно-практической конференции (с международным участием), Москва, 24 сентября 2021 года. М: Московский государственный областной университет, 2022. С. 23-27.
3. Каменский М. В. Когнитивно-функциональная модель дискурсных маркеров: автореф. дисс. ... докт. филолог. наук. Майкоп, 2015. 22 с.
4. Каменский М. В. Эвристический подход к расширению когнитивной классификации дискурсных маркеров английского языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4(57). С. 143–150.
5. Каменский М. В. Постулаты позднего Л. Витгенштейна в когнитивно-функциональном исследовании дискурсных маркеров: реконструкция и интерпретация // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 2. С. 89–98.
6. Каменский М. В. Дискурсные маркеры в трансдисциплинарном освещении: от философии языка Л. Витгенштейна к когнитивной лингвистике и искусственному интеллекту: монография. Ставрополь: СКФУ, 2022. 133 с.
7. Кононова И. В. Маркеры военного дискурса в англоязычном эпическом фэнтези / И. В. Кононова, Е. С. Дьяконова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2016. № 3(53). С. 71–80.
8. Национальный корпус русского языка URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (Дата обращения: 15.09.2022).
9. Параллельный корпус (французский) URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=fra> (Дата обращения: 16.09.2022).
10. Правикова Л. В. Дискурсные маркеры: современное состояние проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2000. № 4. С. 22-34.
11. Проект Tatoeba: коллекция предложений и переводов URL: <https://tatoeba.org> (Дата обращения: 16.09.2022).
12. Устова М. А. Некоторые когерентные особенности устного и письменного дискурса // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 11-2. С. 79-83.
13. Устова М.А. Внутрисемантические и междусентенциальные средства когезии (коннекторы) // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 2. С. 175-179.
14. Чжан Л. Дискурсивные средства выражения речевой агрессии в российских и китайских СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 1. С. 141-145.
15. Corpus of Contemporary American English (COCA) URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (Дата обращения: 16.09.2022).
16. Google Trends: They be like URL: <https://trends.google.com/trends/explore?date=all&geo=US&q=they%20be%20like> (Дата обращения: 16.09.2022).
17. Jisho.org: Japanese Dictionary URL: <https://jisho.org> (Дата обращения: 16.09.2022).
18. Linguee: Traduction anglaise URL: <https://linguee.fr> (Дата обращения: 16.09.2022).
19. Open American National Corpus (OANC) URL: https://www.sketchengine.eu/oanc_masc-corpus/ (Дата обращения: 14.09.2022).
20. Smanova G.I. The notion of a discourse marker / G. I. Smanova, G. Sailau // Образование и наука в России и за рубежом. 2022. No 2(90). P. 174-176.
21. Tsukuba Web Corpus: トップ / NINJAL-LWP for TWC. URL: <https://tsukubawebcorpus.jp/> (Дата обращения: 16.09.2022).

References

1. Boldyrev N. N., Grigor'eva, V. S. Kognitivnye dominanty rechevogo vzaimodeistviya (Cognitive dominants of speech interaction) // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2018. No. 4. P. 15–24. (In Russian).
2. Ivanov V.D. K voprosu o razgranichenii final'nykh chastits i diskursivnykh markerov v nemetskom yazyke (On distinguishing the functional particles and discourse markers in German language) / V. D. Ivanov // Aktual'nye voprosy sovremennoi lingvistiki: Materialy IX Regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem), Moskva, 24 sentyabrya 2021 goda. – Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi oblastnoi universitet, 2022. P. 23–27. (In Russian).
3. Kamenskii M.V. Kognitivno-funktsional'naya model' diskursnykh markerov (Cognitive-functional model of discourse markers): abstract of thesis. Maikop, 2015. 22 p. (In Russian).
4. Kamenskii M.V. Evristicheskii podkhod k rasshireniyu kognitivnoi klassifikatsii diskursnykh markerov angliiskogo yazyka (A heuristic approach to extending the cognitive classification of English discourse markers) // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2018. No. 4(57). P. 143–150. (In Russian).
5. Kamenskii M. V. Postulaty pozdnego L. Vitgenshteina v kognitivno-funktsional'nom issledovanii diskursnykh markerov: rekonstruktsiya i interpretatsiya (Postulates of the later L. Wittgenstein in cognitive-functional study of discourse markers: reconstruction and interpretation) // Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2021. No. 2. P. 89–98. (In Russian).
6. Kamenskii M. V. Diskursnye markery v transdisiplinarnom osveshchenii: ot filosofii yazyka L. Vitgenshteina k kognitivnoi lingvistike i iskusstvennomu intellektu (Discourse markers in transdisciplinary perspective: from L. Wittgenstein's philosophy of language to cognitive linguistics and artificial intelligence): monograph. Stavropol': SKFU, 2022. 133 p. (In Russian).
7. Kononova I.V. Markery voennogo diskursa v angloyazychnom epicheskom fentezi (Markers of military discourse in English epic fantasy) // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. 2016. No. 3(53). P. 71–80. (In Russian).
8. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka (National Corpus of the Russian Language) URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (Accessed: 15.09.2022). (In Russian).
9. Parallelnyi korpus (frantsuzskii) (Parallel Corpus (French)) URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-para.html?lang=fra> (Accessed: 16.09.2022). (In Russian).

10. Pravikova L. V. Diskursnye markery: sovremennoe sostoyanie problemy (Discourse markers: the contemporary state of the problem) // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2000. No. 4. P. 22–34. (In Russian).
11. Proekt Tatoeba: kolleksiya predlozhenii i perevodov (Project Tatoeba: Collection of sentences and translations) URL: <https://tatoeba.org> (Accessed: 16.09.2022). (In Russian).
12. Ustova M. A. Nekotorye kogerentnye osobennosti ustnogo i pis'mennogo diskursa (Several coherence peculiarities of spoken and written discourse) // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2020. No. 11–2. P. 79–83. (In Russian).
13. Ustova M. A. Vnutrisemanticheskie i mezhdusententsial'nye sredstva kogezi (konnectory) (Intersemantic and intersentential means of cohesion (connectors)) // Uspekhi gumanitarnykh nauk. 2021. No. 2. P. 175–179. (In Russian).
14. Chzhan L. Diskursivnye sredstva vyrazheniya rechevoi agressii v rossiiskikh i kitaiskikh SMI (Discursive means of expressing speech aggression in Russian and Chinese mass media // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. Vol. 15. No. 1. P. 141–145. (In Russian).
15. Corpus of Contemporary American English (COCA) URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (Accessed: 16.09.2022).
16. Google Trends: They be like URL: <https://trends.google.com/trends/explore?date=all&geo=US&q=they%20be%20like> (Accessed: 16.09.2022).
17. Jisho.org: Japanese Dictionary URL: <https://jisho.org> (Accessed: 16.09.2022).
18. Linguee: Traduction anglaise URL: <https://linguee.fr> (Accessed: 16.09.2022).
19. Open American National Corpus (OANC) URL: https://www.sketchengine.eu/oanc_masc-corpus/ (Accessed: 14.09.2022).
20. Smanova G. I. The notion of a discourse marker // Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom. 2022. No. 2(90). P. 174–176.
21. Tsukuba Web Corpus: トップ / NINJAL-LWP for TWC URL: <https://tsukubawebcorpus.jp/> (Accessed: 16.09.2022).

Сведения об авторе

Каменский Михаил Васильевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и лингводидактики Северо-Кавказского федерального университета / mkamenskii@ncfu.ru
 Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Mikhail V. Kamensky – D.Sc. in Philology, Professor, Chair of Romance and Germanic Philology and Linguodidactics, North-Caucasus Federal University / mkamenskii@ncfu.ru
 The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

УДК 81.42

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.19>Л. Ю. Манасян
Т. М. Грушевская**АКТУАЛИЗАЦИЯ ВЕСТИМЕНТАРНОГО КОДА
В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО ДИСКУРСА МОДЫ 1960-х гг.
(АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

В статье характеризуется советский дискурс моды 60-х годов XX столетия с особым акцентом на систему ценностей анализируемого периода. Мода рассматривается и анализируется как одна из семиотических систем. Изучается понятие «вестиментарный код» (термин Р. Барта), чему предшествует анализ понятия «мода» в контексте различных видов культурных семиотик, составляющих междисциплинарное поле исследования. Работа строится на базе дефиниций понятия «мода», данных в различных словарях, характеризующих его понимание как междисциплинарного феномена в таких областях, как философия, эстетика, этика, культурология, социология, психология, лингвистика. Показано, что неоднозначное отношение к данному понятию обусловлено его многомерным характером; мода охватывает многие области человеческой деятельности, в результате чего формируются как повседневный, так и научный взгляды на данное явление. В качестве феномена повседневности мода понятна каждому индивиду, а с точки зрения теоретической репрезентации ее статуса мода символизирует совокупность социокультурных и исторических процессов, выступая в качестве одного из кодов культуры. Научная новизна предлагаемого исследования заключается в том, что проблема советского дискурса моды 1960-х годов впервые рассматривается

в качестве лингвистической проблемы. Мода анализируемого периода характеризуется, с одной стороны, ее революционным характером, выраженным в различных ее направлениях (в том числе в стилях молодежных субкультур – модов, рокеров, скинхедов, хиппи), и, с другой стороны, спецификой ее адаптации в нашей стране с учетом социокультурного и идеологического контекстов. Актуальность исследуемой темы с точки зрения дискурсивной реализации обусловлена необходимостью определить, какими средствами репрезентируются особенности вестиментарного кода в контексте отечественного (советского) официального дискурса моды 60-х годов. Выявлено, что специфика вестиментарного кода имеет четкий ценностный ориентир, характеризующий данный дискурс, разворачиваемый на страницах советских СМИ. Делается вывод о значимости вербальной составляющей вестиментарного кода в дискурсе моды анализируемой эпохи в нашей стране.

Ключевые слова: дискурс моды, вестиментарный код, эпоха 60-х, ценности, одежда-образ, одежда-описание.

Для цитирования: Манасян Л. Ю., Грушевская Т. М. Актуализация вестиментарного кода в контексте советского дискурса моды 1960-х гг. (аксиологический аспект) // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 150–158. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.19

Liana Yu. Manasyan
Tatyana M. Grushevskaya**ACTUALISATION OF THE VESTIMENTARY CODE
IN THE CONTEXT OF THE SOVIET FASHION DISCOURSE
OF THE 1960s (AXIOLOGICAL ASPECT)**

The article characterises the Soviet fashion discourse of the 1960s with a special emphasis on the value system of the period under analysis. Fashion is considered and analysed as one of the semiotic systems. The concept of “the vestimentary code” (R. Barthes’s term) is studied, which is preceded by an analysis of the concept of “fashion” in the context of various types of cultural semiotics that make up the interdisciplinary field of research. The present work is based on the definitions of the concept of “fashion” given in various dictionaries, characterising its understanding as an interdisciplinary phenomenon in such fields as philosophy, aesthetics, ethics, cultural studies, sociology, psychology, linguistics. It is shown that the ambiguous attitude to this concept is due to its multidimensional nature; fashion covers many areas of human activity, so that both everyday and scientific views on this phenomenon are formed. As a phenomenon of everyday life, fashion is understandable to every individual, and from the point of view of the theoretical

representation of its status, fashion symbolises the totality of sociocultural and historical processes, acting as one of the culture codes. The scientific novelty of the proposed study lies in the fact that the problem of the Soviet fashion discourse of the 1960s is for the first time considered as a linguistic problem. The fashion of the analysed period is characterised, on the one hand, by its revolutionary nature, expressed in its various directions (including in the styles of youth subcultures – mods, rockers, skinheads, hippies), and, on the other hand, by the specificity of its adaptation in our country, taking into account the sociocultural and the ideological contexts. The relevance of the topic under study from the point of view of discursive realisation arises from the need to determine by what means the features of the vestimentary code are represented in the context of the Soviet official fashion discourse of the 1960s. It is revealed that the specificity of the vestimentary code has a clear value benchmark that characterises this discourse unfolding on the

pages of the Soviet media. The conclusion is made about the importance of the verbal component of the vestimentary code in the fashion discourse of the analysed era in our country.

Key words: fashion discourse, vestimentary code, 1960s-era, values, image-clothing, written clothing.

В настоящее время, когда нет целостного восприятия моды, когда, казалось бы, отсутствует определенная концепция моды, создается почва для появления новых социокультурно значимых исследований в диахронии и синхронии с целью оценить дискурс моды (ДМ) в аспекте реализации вестиментарного кода.

Мода – феномен многоаспектный, затрагивающий различные сферы человеческой жизнедеятельности. Будучи объектом повседневных и научных интересов, она формирует единое пространство обыденного и теоретического знания. С одной стороны, мода как феномен повседневности, как часть материальной культуры понятна любому человеку независимо от его возраста, пола, социального статуса и финансового положения. С другой стороны, она символизирует совокупность процессов, происходящих в обществе в тот или иной исторический период, выступая в качестве одного из кодов культуры. С точки зрения дискурсивной оппозиции «институциональность / персональность» мода представлена в двух типах, в которых «модный образ» актуализируется одновременно социокультурно и индивидуально.

Дефиниции моды. Определение понятию «мода» различными словарями (а их количество велико) дается в зависимости от сферы функционирования, от научного направления. Рассмотрим информацию из некоторых словарей. Как правило, первичная позиция в определении понятия отводится этимологии. Как известно, слово «мода» восходит к французскому «mode». Согласно этимологическому словарю французского языка, слово «mode» зафиксировано в XV веке (от лат. «modus», означает «manière» («манера, способ»)); слово «modiste» («модистка») – в 1661 г., а слово «démodé» («вышедший из моды», «немодный») – в начале XIX в. [23, р. 470].

В словаре иностранных слов: «Мода [фр. mode < лат. modus мера, образ, способ, правило, предписание] – 1) господство в определенное время в определенной среде тех или иных вкусов в отношении одежды, предметов быта и т. п.» [17, с. 318].

Поскольку первоисточником анализируемого понятия является латинское слово, мы полагаем, что следует обратить внимание на ряд значений латинского «modus», данный в Латинско-русском словаре: 1) мера; 2) умеренность; 3) объем, величина, размеры, длина, сумма, число, протяжение, участок, количество; 4) положение, ранг; 5) такт, ритм, размер; 6) муз. лад, тональность; 7) предел, мера, граница; 8) образ, род, способ; 9) правило, предписание; 10–11) грам. залог, наклонение [7, с. 643].

For citation: Manasyan L. Yu., Grushevskaya T. M. Actualisation of the vestimentary code in the context of the soviet fashion discourse of the 1960s (axiological aspect) // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 150–158 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.19

Как видим из перечисленных значений, латинская лексическая единица охватывает различные сферы деятельности, указывая в целом на способ человеческого существования в той или иной системе координат. При этом можно заметить, что во всех значениях, кроме двух последних, имеющих отношение к грамматическому аспекту, латинское «modus» в той или иной степени соотносится с понятием «мода».

Наиболее краткое и обобщенное представление об этом понятии предлагается в Советском энциклопедическом словаре: «Мода (франц. mode, от лат. modus – мера, способ, правило), 1) непродолжит. господство определ. вкуса в к.-л. сфере жизни или культуры. В отличие от стиля, М. характеризует более кратковрем. и поверхностные изменения внеш. форм бытовых предметов и худ. произведений; в узком смысле – смена форм и образцов одежды. 2) Непрочная, быстропроходящая популярность» [19, с. 819].

Толковый словарь русского языка к общему определению понятия вводит языковые образцы его употребления в различных сочетаниях слов:

Мода – это: «1. Совокупность вкусов и взглядов, господствующих в определенной общественной среде в определенное, обычно недолгое время. Войти в моду. Выйти из моды. Дань моде. Одет по последней моде. М. на короткую одежду. Ввести в моду новый фасон. 2. мн. Образцы предметов, отвечающие таким вкусам (обычно об одежде). Журнал мод. 3. Манера поведения, обычай (прост.). Взял моду ругаться. ♦ В моде – моден (в 1 и 2 знач.). В моде – макси. Кружево не в моде» [15, с. 370].

Наиболее развернутое определение моде дается в словаре по этике, в котором акцентируется ценностный аспект: «...социальная и идеологическая направленность М. определяется ценностными ориентациями об-ва и личности, к-рые и обуславливают характер и динамику ее развития» [18, с. 185].

Коллективное и индивидуальное проявления моды толкуются через понятия «поведение», «вкусы» и др. При этом, как и в некоторых других словарях, отмечается быстротечный характер феномена: «Мода – кратковременная форма стандартизированного массового поведения, возникающая преимущественно стихийно, под влиянием доминирующих в данный период и в данном об-ве настроений, вкусов, увлечений» [Там же].

Мода характеризуется как полноценная семиотическая система, выражаемая конвенционально (условно) и неконвенционально (естественно).

Условность не предполагает проблемной ситуации в отношении институционализации моды на стадии ее формирования и законодательного внедрения. Своего рода непослушание (несогласие как объективная причина) возникает на этапе исполнения. В случае отказа от выполнения предписаний, как и в любом виде дискурса, наступают санкционные меры – наказания, штрафы, имеющие различное выражение в зависимости от контекста (ср.: наказания, введенные Петром I для придворных; замечания учащимся и их родителям при нарушении школьного дресс-кода). При этом взаимосвязь «предписание» / «(не)исполнение», «(не)надлежащее исполнение» ясна, прозрачна, предсказуема. Институционально мода «охраняется силой общественного мнения», «тесно связана с образом жизни, с социально-экономическими и культурными условиями» [18, с. 185].

Неконвенциональность, напротив, сложно предвосхитить в силу возможной стихийной актуализации. Специфика моды определяется фактом тесного единства – взаимодействия и взаимовоздействия – коллективного, группового и индивидуального уровней коммуникации. В связи с этим, быстротечность моды, на наш взгляд, может объясняться тем, что мода является одной из чувствительных форм коммуникации, в которой активно используются психологические механизмы: «В процессе общения люди оказывают друг на друга влияние. Одна из его форм – взаимная передача особенностей своего выразительного облика и поведения (речь, одежда, мимика, манеры и т. п.), трансляция внешних форм культуры, осуществляемые на базе психологического механизма подражания, внушения и массового «психического заражения»». Подражание «модным знакам», каковыми являются предметы, вещи, манеры, создает «определенный тип поведения и стиль жизни человека». Предполагается, что при этом сама личность, в основе своей обладающая самостоятельностью, культурой, является носителем нравственных ценностей и не лишена эстетических чувств [18, с. 185].

Мода как семиотическая система преимущественно визуальна. И знаки, прочитываемые в ней, могут быть интерпретированы по-разному; при этом они могут и не соответствовать общепринятой дешифровке. Вполне справедливо звучит следующий фрагмент из развернутого определения моды: «Поскольку М. затрагивает и отражает облик человека лишь поверхностно, следование ее образцам не может служить мерой оценки нравственного мира человека» [18, с. 185].

Социально-исторический контекст вносит свои коррективы, важные для определенной общественной формации, особенно тогда, когда есть проблема идеологического противостояния. В следующем комментарии утверждается мнение о необходимости установления баланса в процес-

се духовного развития личности, одной из сфер которого является мода: «...излишняя приверженность М., несамостоятельность в следовании ее образцам, некритическое заимствование инородных модных стандартов, противоречащих сложившемуся в данном об-ве образу жизни <...>, может отрицательно сказаться на духовном развитии личности. Болезнь “модничанья” становится общественно опасной, если внешняя, “вещная”, сторона жизни превалирует над внутренней, духовной, и человек оказывается под влиянием потребительской психологии» [18, с. 185–186].

Междисциплинарный характер моды, как было отмечено, явлен в определениях самого понятия «мода» в различных словарях. Мода интересовала и продолжает интересовать специалистов в различных областях знания – в философии, этике, эстетике, социологии, культурологии, психологии, истории, антропологии, этнологии, технологии, изобразительном искусстве, филологии, лингвистике.

Мода как особый тип коммуникации представляет собой невербально-вербальный дискурс. Изучение моды предполагает использование семиотического подхода, включающего такие единицы, как «знак», «код», «система». В целом семиотика характеризуется как средство, способное установить «общее в различных знаковых системах», указать на «всеобщую связь между принципами организации» таких феноменов, как язык, материальная и духовная культура [20, с. 26]. С философской точки зрения семиотический подход сопрягается с понятием сознания: «богатейший опыт научного семиотизирования третьей четверти XX века – это опыт перевода символов сознания в знаки культуры. Именно в связи с этим обстоятельством постоянно воспроизводится необходимость культивирования человека (во французском смысле этого слова), то есть воспроизводится установка на сохранение постоянной двойственности знания: изучение себя, изучение мира, осознание своего места в мире и т. д.» [12, с. 102].

Мода – феномен, сочетающий в себе изменчивость и постоянство. Изменчивость моды выражается двояко: долгосрочно (в различных стилях эпох) и краткосрочно (в чередовании стремительно сменяющих друг друга модных тенденций). Изменчивость в последнем случае не есть фиксация естественной, функциональной необходимости, имевшая место, к примеру, в конце XIX – начале XX вв., когда с изменением и ускорением привычного уклада жизни (связанными с набравшим силу движением за реформу женского костюма, а также с появлением первых автомобилей и активно входившими в моду занятиями спортом) юбки и платья у дам стали короче для удобства, и женский гардероб пополнился такими предметами одежды, как юбка-брюки и панталоны [подробнее об этом см., напр., 9, с. 21–23].

Полагаем, что одно из проявлений постоянства в моде – цикличность происходящих в ней изменений. Через определенный отрезок времени, как правило, мода меняется. В быденном языке это постоянство выражено в высказывании «Новое – это хорошо забытое старое». В моде подобный возврат предметно выражен вещами «из бабушкиного сундука», а лингвистически определен как «стиль “ретро”». Каждая культурная эпоха имела свои представления об идеале красоты (в рамках курсов по истории костюма в обязательном порядке рассматривается «эстетический идеал красоты» изучаемой эпохи), об искусстве, о костюме и моде, однако были и периоды дефицита идей (результат – стиль «эклэтика») и дефицита вещей (результат – «неприемлемое» проявление вестиментарной культуры, к примеру, в нашей стране). Итак, можно утверждать, что мода (не только вестиментарная) – это особое пространство, в котором удивительным образом сочетаются указанные характеристики – изменчивость и постоянство. Это пространство, с одной стороны, зависит от необходимости учета критерия функциональности (объективность), с другой стороны, оно свободно от ограничений, поскольку представляет собой выражение творческого порыва, вкуса созидającego художника (субъективность).

Поскольку мода – это прежде всего явление общественной жизни, в качестве объекта изучения она предпочтительно относится к социологии, рассматривающей моду как феномен многомерный: «трудно назвать такую область социально-экономической и культурной жизни, где бы не сказывалось его влияние» [5, с. 4]. В этом направлении отмечается, что мода как «способ символизации социальных изменений» не является социальным институтом и не может быть полностью институционализирована. Однако процесс институционализации в этой сфере отмечается с конца XIX в.; он выражается, в частности, «в возникновении новых (специфических) социальных институтов, посредством которых осуществляются функции моды, либо в приспособлении существующих (неспецифических) социальных институтов к выполнению таких функций» [14, с. 9].

Эпоха 1960-х на Западе имеет четко сформированный образ, выраженный в борьбе за идеи свободы, равенства, напоминающие девиз Великой французской революции «Свобода. Равенство. Братство». Идеология как основополагающий фактор институционального типа дискурса формирует соответствующее отношение к анализируемым феноменам в различных сферах человеческого бытия [3; 21; 22]. Одно из таких явлений – мода как социокультурный объект, рассматриваемый в пространстве институционального дискурса.

Символично, что такие работы, как «Система моды» (1967) Ролана Барта и «Система вещей» (1968) Жана Бодрийера были написаны именно

в 60-е гг. XX столетия. Данный факт говорит об общих тенденциях при изучении интегративных социокультурных процессов, нашедших выражение в междисциплинарных исследованиях по философии, истории, культурологии, социологии, психологии, антропологии, экономике, филологическим наукам, объединенных идеями структурализма. Цель структурализма – поиск единой структуры для разных семиотических явлений в одном историческом контексте. Таков путь Р. Барта, ищущего, по образцу К. Леви-Строса [11], соответствия между культурными и коммуникативными структурами применительно к современному обществу. В частности, в рамках семиотики моды он предлагает понятие «вестиментарного кода», состоящего из трех основных систем («три одежды»): «одежда-образ», «одежда-описание» и «реальная одежда». Барт отводит описанию (слову) «властную функцию», слово «делает выбор вместо глаза. Образ запечатлевает множество возможностей; слово фиксирует одну-единственную определенность» [1, с. 47]. Тем самым, согласно Барту, происходит формирование приверженцев Моды, новых читателей модных журналов, что указывает на воздействующую силу рекламы. Мода служит цели «ускорить обновление одежды, которое шло бы слишком медленно, если бы зависело только от износа» [1, с. 332].

Такая постановка вопроса развивала проблемы общества потребления в различных сферах человеческой жизнедеятельности, в пространстве которой дискурс моды занимает значительное место [2]. Будучи в некотором смысле отголоском «Системы моды» Ролана Барта, «Система вещей» Жана Бодрийера, однако, явилась критикой структурализма. Подход Бодрийера включает анализ отчуждения личности, понимаемого как результат процессов не только в сфере товарного производства, но и в сфере потребления. Так рождается понятие «симулякр» как условный знак, заместитель, актуализируемый в визуальных знаках-образах, занимающих доминирующее положение в семиотике. Система вещей рассматривалась как «функциональная система» («дискурс объекта»), которая интерпретировалась через определенные «структуры расстановки». Эти структуры включают как вещи, так и человека в природе и обществе, анализируемые в контексте различных понятий из областей культурологии, социологии, истории, психологии, экономики, этики, эстетики. Это такие понятия, как «среда», «интерьер», «материалы», «стилистика», «игра», «модель», «серийность», «подлинность», «маргинальность», «раритет», «уникальность», «дефицит» (относительно стиля и технического выражения). Среди них также «идеология моделей», «классовая рознь», «кредит», «гуманизм», «реклама» как «дискурс о вещах и дискурс-вещь», «потребление» [2].

Дискурс моды может рассматриваться в едином пространстве таких семиотик, как Семиотика социальной коммуникации и управления, Семиотика поведения и социальной репрезентации, Семиотика языка и Семиотика искусства [о типологии различных семиотик см.: 13, с. 19]. К примеру, Семиотика поведения и социальной репрезентации в дискурсе моды актуализирует такие понятия, как «придворный этикет», «дипломатический протокол». Сферы «Поведение», «Одежда», «Этикет» наряду с естественными языками и другими семиотиками (как естественные, но не врожденные семиотики) и примеры искусственных семиотик отнесены Н. Б. Мечковской к культурным семиотикам, которые «являются плодом социальной истории человечества» [13, с. 231]. В современном дискурсе понятие «дресс-код» соотносимо с понятием «язык социального статуса» [10]; данные понятия, в свою очередь, объединены фактором институциональности.

Существование семиотик моды. Эпоха 1960-х гг. – время перемен, неоднозначных явлений, которое «считают самым важным десятилетием XX в.» [9, с. 126]. В мировой истории этот период ознаменовался распадом колониальной системы в Африке, возведением «Берлинской стены», войной во Вьетнаме, различными политическими и военными противостояниями и проч. [9, с. 126]. За рубежом данная эпоха стала временем, отмеченным свободой, временем новых ценностей – «секса, наркотиков и рок-н-ролла», сексуальной и культурной революций. В нашей стране это было время научных достижений, космических полетов, а также пятилеток, ставивших своими целями экономическое развитие СССР и повышение благосостояния народа.

Различный социокультурный и идеологический фон формирует различную актуализацию дискурса моды (ДМ). ДМ в подобном контексте представляет картину сосуществования семиотик в направлениях, условно определяемых нами по двум критериям – идеологическому и институциональному. Идеологический критерий сформирован на базе оппозиции «свое (наше) / чужое (их)»: отечественная / советская / социалистическая (включая страны СЭВ) приемлемая мода противопоставлялась зарубежной / буржуазной / капиталистической / «растлевающей» неприемлемой моде. Институциональный критерий образован на основе следующего противопоставления: «официальная» / отечественная / приемлемая мода // «маргинальная» / заимствованная / неприемлемая мода. Дискурс моды анализируемого периода формировался на пересечении всех обозначенных направлений, время от времени превращаясь в поле некоторых культурных столкновений, когда, к примеру, «маргинальная» (альтернативная молодежная) мода, приемлемая за рубежом, оказывалась неприемлемой, даже идеологически вредной, на территории нашей страны.

Период 60-х гг. XX столетия представляет собой панораму различных направлений альтернативной моды, сформировавшихся на основе стилей непримиримых молодежных субкультур (моды, рокеры, скинхеды, хиппи). В крупных городах нашей страны широкое распространение получила субкультура «стиляги» (также имело место более узкое понятие «штатники», определявшее представителей стиляг, являвшихся приверженцами исключительно американских марок). На Западе взаимовлияние направлений (официального и альтернативного) сказывалось продуктивно на развитии новых тенденций моды, порождая появление новых стилей и форм. Так, например, стиль жизни модов, выраженный в принципе минимализма «Меньше значит больше», был подхвачен дизайнерами [подробнее см.: 8; 9]. В настоящей статье мы ограничиваемся анализом официальной (приемлемой) моды в нашей стране, поскольку молодежная антимода 60-х гг. прошлого века, характеризующаяся полистилизмом, требует отдельного рассмотрения. Официальная мода имеет четкие контуры. Это направление отечественной моды освещалось на страницах журналов и газет – «Работница», «Крестьянка», «Советская культура»; последнее издание также уделяло внимание обсуждению, анализу и критике новомодных явлений вестиментарной культуры, пришедших к нам с Запада.

В качестве материала для анализа официальной моды в наших первых изысканиях мы выбрали несколько номеров советского журнала «Работница» за 1963 г. (№№ 1, 3, 4, 6, 8). ДМ разворачивается на последних страницах журнала и выражается в разных формах. Это краткие заметки в специальных рубриках «Моды», «Дома моделей предлагают», а также статьи в рубрике «Зарубежная мода» и др. Статьи и заметки посвящены в целом культуре одежды (к примеру, «Как одеваться на работе и дома»), а также отдельным видам одежды («Удобные фартуки»). В данных материалах найдено множество полезных советов.

В целом вестиментарный код в советском дискурсе моды актуализируется следующим образом: к каждому вербальному коду («одежда-описание») прилагается невербальный код («одежда-образ»), представляющий собой не фотоизображение, а рисунок с обозначением силуэта предлагаемой модели. Эскиз модели в большинстве случаев не передает фактуру полотна, но условно обозначает рисунок ткани. Таким образом, в исследованных нами статьях и заметках доминанту вестиментарного кода составляет описание модели (вербальный код).

Проанализируем в рамках настоящего исследования два текста из номеров журнала «Работница» за 1963 г. – статью «Семь раз примерь...» [16] и заметку «Моды» [4], иллюстрации к которой расположены отдельно (под заголовком «Из клетчатых тканей») и занимают всю соседнюю страницу.

В самом заголовке статьи «Семь раз примерь...» содержится игра слов на основе русской поговорки «Семь раз отмерь, один раз отрежь» (у В. И. Даля находим следующие варианты данной поговорки: «Десять раз примерь, один раз отрежь» и «Десятью примерь, однава отрежь» [6, с. 51] в разделе «Много – Мало» [6, с. 45–52], а также «Десятью примерь, однава отрежь!» [6, с. 144] и «Семь раз примерь, один раз отрежь!» [6, с. 145] в разделе «Осторожность» [6, с. 142–147]). Информация в тексте статьи изложена в виде сценария как одной из форм представления знания в когнитивной лингвистике. Сценарий, в свою очередь, состоит из множества этапов, которые можно рассматривать в качестве фреймов.

В зачине текста задается основной тезис в виде задачи /1/, которую необходимо решать на следующих этапах /2/, /3/, /4/, п...:

/1/ «Хорошо одеваться – это своего рода творческая задача»;

/2/ «Решение ее начинается с покупки ткани» (первый этап в реализации сценария в виде фрейма);

/3/ «Прежде всего определите, идет ли вам цвет ткани» (составная часть фрейма (слот), изложенного в предложении /2/);

/4/ «Дать тут совет очень трудно, это связано с цветом вашей кожи, волос, глаз».

В высказывании /4/ содержится отступление в виде совета, который связан с некоторыми трудностями. Совет эксплицируется в перечислении необходимых позиций, на которые стоит обращать внимание при покупке ткани.

Далее дается совет относительно соответствия выбранной ткани назначению и функциям проектируемого изделия:

/5/ «Выбирая ткань, надо всегда учитывать, насколько подходит она для той одежды, которую вы собираетесь сшить».

Следующие этапы построены в виде фреймов, содержащих характеристики тканей для конкретных видов одежды в зависимости от времени года и времени суток: «костюм для улицы», «демисезонное пальто», «повседневные платья», «домашняя одежда».

Первым представлен фрейм «пальто» с перечислением характеристик (силуэт, отделка, цвет и др.):

/6/ «Начнем с пальто. Сейчас модны пальто простые, прямые или слегка расширенные книзу от линии бедер. <...> Имейте в виду, что входит в моду синий цвет...».

Далее следует фрейм «легкий костюм для лета», который раскрывается как «практичная и удобная одежда»:

/7/ «Прохладным утром и вечером его носят с жакетом, а когда становится жарко, остаются в юбке с блузкой».

Текст изложен простым доступным языком в научно-популярном стиле в жанре инструкции и развивает тему основных аспектов создания одежды:

«Когда вы ищете сочетания гладкой и набивной ткани для отделки или подбираете материал на блузку к костюму, посмотрите на обе ткани на некотором расстоянии. Только так можно определить общий тон набивной ткани и решить, сочетается ли он с гладкой тканью».

Совет исключает морализаторство, тактично выражен в речевом акте предостережения. Автор статьи Н. Поливода, старший искусствовед отдела мод ГУМа, делится своими профессиональными знаниями и мнением:

«Особенно осмотрительно выбирайте материал для вечерних платьев. Продается множество разнообразных тканей под названием “тафта”. Они, бесспорно, красивы, но фасон надо выбирать очень простой и строгий».

Далее предлагается определенный фасон к выбранной ткани. При этом внимание уделяется также аксессуарам. Немаловажная задача – привить хороший вкус:

«Лучше шить из тафты платье-костюм прямой формы. Жакет может быть без воротника. Если надеть к костюму хорошо подобранные бусы, то туалет получится элегантный».

Перечисление этапов свидетельствует о том, что выбор того, во что одеваться, есть творческая задача. В заключение автор статьи дает очередной совет, приобщая тем самым читателей журнала «Работница» к науке комбинаторики в одежде:

«...при выборе ткани на платье, костюм или пальто помните об имеющихся у вас туфлях, шляпе, перчатках, сумочке. Важно, чтобы они подходили по цвету к вашей новой вещи».

Ценностный аспект заключается в непосредственном учете адресата. Отметим, что в рассматриваемые годы в СССР молодежной моды как таковой не существовало. В анализируемой статье внимание к ней присутствует:

«Красивы платья из кружевного полотна и капрона на чехле. Их можно рекомендовать молодежи».

Текст представляет собой обращение к советской женщине любой профессии. В описаниях-советах присутствуют виды одежды, выполненные в различных материалах и предназначенные для различных случаев: модели для выхода в свет (в театр, на танцевальные вечеринки), для работы, для дома и проч.

В следующем фрагменте обнаруживаем совокупное решение творческой задачи с учетом некоторых характеристик одежды («интересно, модно, дешево»). В описании модного пальто

вырисовывается образ стилиста из 60-х, хотя официальный идеологический дискурс его никак не поддерживал:

«<...> Но интересней, моднее и дешевле обойдется пальто, если вы выберете что-нибудь из пестротканых, ворсистых, буклированных материалов или тканей в крупную клетку».

Ценностный аспект речевого жанра совета (основного жанра как данного текста, так и в целом многих других текстов из отечественного ДМ 60-х гг.) формируется на базе изложенных характеристик вкупе с тоном текста, которому присуща трогательная забота о советской женщине.

Обратимся к следующему примеру, в котором понятие «Моды» эксплицировано не только в заголовке, но и в зачине текста заметки Н. Голиковой в двух первых предложениях: «Клетчатые ткани почти никогда не выходили из моды. И вот сейчас клетка опять модна, причем самая разнообразная – мелкая и крупная, яркая и почти однотонная». Следующее, третье предложение образует причинно-следственную связь с предыдущим, подтверждая приоритет не моды, а заботы о женщине, любой женщине: «Поэтому женщины любой комплекции и возраста могут подобрать для себя подходящую клетчатую ткань».

В данном тексте, как и в предыдущем, актуальны информирующая и инструктирующая функции, речевой жанр «совет» и заботливый тон, которые нацелены на проявление творчества, формирование вкуса у советской женщины. Вторая часть текста предваряется обобщающим высказыванием, к которому приводится множество примеров: «На нашей странице мод мы предлагаем модели повседневных удобных туалетов из клетчатых тканей». Подчеркнем, что далее понятие «модно» теряет свою актуальность в пространстве вестиментарности. Черно-белые эскизы с введением лишь одного дополнительного цвета (невербальный код) в журнале даются с соответствующими комментариями (вербальный код). В перечисляемых вариантах «модной клетки» акцент делается прежде всего на красоту, удобство, цельность, сочетаемость, комбинаторность, элегантность одежды для любого случая:

«1. Клетчатая юбка из шерстяной ткани всегда хорошо сочетается с однотонными блузками. Эту блузку-джемпер дополняет галстук из ткани юбки, что придает цельность всему костюму. 2. Легкий костюм из клетчатой полушерстяной или плотной штапельной ткани отделан беечкой-кантом из гладкокрашеной ткани. Из ткани отделки сделан также воротник и блузка под костюм. Вместо блузки может быть надет тонкий гладкий свитер. <...> 4. Жакет от клетчатого костюма можно носить и с гладкой юбкой или надевать его поверх однотонного платья, если этот жакет прямой формы. 5. Если это платье сделать из фланели, оно будет уютным домашним платьем. Сделанное из плотной штапельной ткани, оно станет скромным и

удобным платьем для службы. А выполненное из мягкой клетчатой шерстяной ткани, оно превратится в нарядное, элегантное платье».

Неформальная забота особо подчеркнута в комментарии к модели 3. Во второй части этого фрагмента адресатность («те, кто») выражается в большей степени:

«3. Это платье со свободным лифом и прямой юбкой может быть выполнено из шерстяной, буклированной ткани или из ошерстненного штапельного полотна. Те, кто не носит платьев без воротников, могут сделать к нему маленький воротник «хомутик», или отложной, или просто повязать однотонный (не набивной) шейный платочек. Платье дополнено поясом».

В качестве заключения отметим, что ценностный аспект дискурса моды 1960-х на материале анализа статей и заметок из журнала «Работница» определяется различными характеристиками одежды как объекта эстетики и экономики (сюда же отнесем рассмотрение в журнальных текстах таких вопросов, как процесс производства и благосостояние адресата). Это такие характеристики, как красота, элегантность, функциональность одежды, ее простота, комфорт и гигиеничность (выраженные в выборе преимущественно натуральных тканей – шерсти, хлопка, шелка и их разновидностей), а также экономное использование ресурсов при создании моделей. Дискурс реализуется в речевом жанре совета. Тон текста – уважительный, выражается в заботе о советской женщине, о ее внешнем виде и комфорте в различных жизненных ситуациях.

Эстетика быта, в пространстве которого вестиментарная культура занимает важное место, в целом является одной из проблем институционального дискурса 1960-х гг., рассматриваемых в идеологическом ключе. При этом роль вербальной составляющей вестиментарного кода в ДМ анализируемой эпохи в нашей стране является доминирующей. При выборе одежды советская женщина, не ставя себе целью лоск и блеск, прежде всего решает творческую задачу. Женщина одежду не столько покупает, сколько создает, включая в процесс своего творчества все названные этапы проанализированного нами сценария. Так в отечественном ДМ складывается парадоксальная ситуация, когда в данной сфере креативность как компетенция, необходимая художникам, модельерам, конструкторам, технологам, портным, проецируется на личность «женщины-потребителя», отлично с этой ролью справляющуюся. Таким образом, в ДМ 1960-х гг. в нашей стране креативность как компетенция репрезентируется как ценность, выражающая и утверждающая личностные способности и возможности советской женщины, связывающая материальную и духовную стороны культуры.

Литература

1. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. и сопровод. ст. С. Н. Зенкина. М.: Рудомино, 1999. 224 с.
3. Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук / сост., ред., библиогр., примеч. и указ. Д. А. Юнова; вступ. ст. Н. Л. Васильева. СПб.: Аста-пресс Ltd., 1995. 388 с. (Для научных библиотек. Круг Бахтина).
4. Голикова Н. Моды // Работница: Общественно-политический и литературно-художественный журнал. 1963. №1 (Январь). С. 32.
5. Гофман А. Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.: Наука, 1994. 161 с.: ил.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. Т. 2 / послесл. В. Аникина; Худож. Г. Клодт. М.: Художественная литература, 1984. 399 с.: ил.
7. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь: Около 50000 слов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
8. Демшина А. Ю. Мода в контексте визуальной культуры: вторая половина XX – начало XXI вв. СПб.: Астерион, 2009. 105 с.
9. Ермилова Д.Ю. История домов моды: Учеб. пособие для высш. учебн. заведений. М.: Academia, 2003. 288 с.: ил. (Высшее образование).
10. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Гнозис, 2002. 333 с.
11. Леви-Строс К. Структурная антропология / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 512 с. (Психология без границ).
12. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / под общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с. (Язык. Семиотика. Культура).
13. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций: Учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений. М.: Academia, 2004. 432 с. (Высшее профессиональное образование).
14. Нестеренко Е. В. Мода как способ символизации социальных изменений и тенденции ее институционализации в современном обществе (на примере моды на женскую одежду): автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2005. 19 с.
15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1993. 960 с.
16. Поливода Н. Семь раз примерь... // Работница: Общественно-политический и литературно-художественный журнал. 1963. №6 (Июнь). С. 31.
17. Словарь иностранных слов. 14-е изд., испр. М.: Русский язык, 1987. 608 с.
18. Словарь по этике / под. ред. И.С. Кона. 5-е изд. М.: Политиздат, 1983. 445 с.
19. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров; редкол.: А. А. Гусев и др. 4-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1987. 1600 с.: ил.
20. Степанов Ю. С. Язык и Метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с. (Язык. Семиотика. Культура).
21. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. М.: Касталь, 1996. 448 с.
22. Fairclough N. Language and Power. London: Longman, 1989. 259 p.
23. Nouveau dictionnaire étymologique et historique / par A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand. 4-ième édition revue et corrigée. Paris: Librairie Larousse, 1978. 805 p.

References

1. Bart R. Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury (The Fashion System. Essays on the Semiology of Culture) / translated and compiled by S. N. Zenkin. Moscow: Sabashnikovy Publ., 2003. 512 p. (In Russian).
2. Bodriyar Zh. Sistema veshchei (The System of Objects) / translated by S. N. Zenkin. Moscow: Rudomino, 1999. 224 p. (In Russian).
3. Voloshinov V. N. Filosofiya i sotsiologiya gumanitarnykh nauk (Philosophy and Sociology of the Humanities). St. Petersburg: Asta-press Ltd., 1995. 388 p. (In Russian).
4. Golikova N. Mody (Fashions) // Rabotnitsa: Obshchestvenno-politicheskii i literaturno-khudozhestvennyi zhurnal (Workwoman: Sociopolitical and Literary-Artistic Magazine). 1963. No.1 (January). P. 32. (In Russian).
5. Gofman A. B. Moda i lyudi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya (Fashion and People. A New Theory of Fashion and Fashion Behaviour). Moscow: Nauka, 1994. 161 p.: il. (In Russian).
6. Dal' V. I. Poslovitsy russkogo naroda: Sbornik (Proverbs of the Russian People: Collection). In 2 Vols. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1984. 399 p.: il. (In Russian).
7. Dvoretiskii I. Kh. Latinsko-russkii slovar': Okolo 50000 slov (Latin-Russian Dictionary: About 50,000 Words). Moscow: Russkii yazyk, 1976. 1096 p. (In Russian).
8. Demshina A. Yu. Moda v kontekste vizual'noi kul'tury: vtoraya polovina XX – nachalo XXI vv. (Fashion in the Context of Visual Culture: the Second Half of the 20th – the Beginning of the 21st Centuries). St. Petersburg: Asterion, 2009. 105 p. (In Russian).
9. Ernilova D. Yu. Istoriya domov mody: Ucheb. posobie dlya vyssh. uchebn. zavedenii (The History of Fashion Houses: Textbook for Higher Education Institutions). Moscow: Academia, 2003. 288 p.: il. (In Russian).
10. Karasik V. I. Yazyk sotsial'nogo statusa (Social Status Language). Moscow: Gnozis, 2002. 333 p. (In Russian).
11. Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya (Structural Anthropology) / translated by Vyach. Vs. Ivanov. Moscow: Eksmo-Press, 2001. 512 p. (In Russian).

12. Mamardashvili M. K., Pyatigorskii A. M. Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simvolike i yazyke (Symbol and Consciousness. Metaphysical Reasoning about Consciousness, Symbolism and Language) / under the general editorship of Yu. P. Senokosov. Moscow: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", 1997. 224 p. (In Russian).
13. Mechkovskaya N. B. Semiotika: Yazyk. Priroda. Kul'tura: Kurs lektsii: Ucheb. posobie dlya stud. filol., lingv. i perevodoved. fak. vyssh. ucheb. zavedenii (Semiotics: Language. Nature. Culture: Course of Lectures: Textbook for Students of Philological, Linguistic and Translation Faculties of Higher Education Institutions). Moscow: Academia, 2004. 432 p. (In Russian).
14. Nesterenko E. V. Moda kak sposob simvolizatsii sotsial'nykh izmenenii i tendentsii ee institutsializatsii v sovremennom obshchestve (na primere mody na zhenskuyu odezhdu) (Fashion as a Way of Symbolising Social Changes and the Tendencies of Its Institutionalisation in Modern Society (by the Example of Fashion for Women's Clothing)). Moscow, 2005. 19 p. (In Russian).
15. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovy slovar' russkogo yazyka: 72500 slov i 7500 frazeologicheskikh vyrazhenii (Explanatory Dictionary of the Russian Language: 72,500 Words and 7,500 Phraseological Expressions). Moscow: AZ, 1993. 960 p. (In Russian).
16. Polivoda N. Sem' raz primer'... (Try It On Seven Times...) // Rabotnitsa: Obshchestvenno-politicheskii i literaturno-khudozhestvennyi zhurnal (Workwoman: Sociopolitical and Literary-Artistic Magazine). 1963. No.6 (June). P. 31. (In Russian).
17. Slovar' inostrannykh slov (Dictionary of Foreign Words). Moscow: Russkii yazyk, 1987. 608 p. (In Russian).
18. Slovar' po etike (Dictionary of Ethics) / under the editorship of I. S. Kon. Moscow: Politizdat, 1983. 445 p. (In Russian).
19. Sovetskii entsiklopedicheskii slovar' (Soviet Encyclopedic Dictionary) / chief editor A. M. Prokhorov. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1987. 1600 p.: il. (In Russian).
20. Stepanov Yu. S. Yazyk i Metod. K sovremennoi filosofii yazyka (Language and Method. On Modern Philosophy of Language). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1998. 784 p. (In Russian).
21. Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let (The Will for Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. Works of Different Years) / compiled and translated by S. Tabachnikova. Moscow: Kastal', 1996. 448 p. (In Russian).
22. Fairclough N. Language and Power. London: Longman, 1989. 259 p.
23. Nouveau dictionnaire étymologique et historique / par A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand. 4-ième édition revue et corrigée. Paris: Librairie Larousse, 1978. 805 p.

Сведения об авторах

Манасян Лиана Юрьевна – соискатель кафедры французской филологии Кубанского государственного университета / li.manasyan@gmail.com

Адрес: д. 149, ул. Ставропольская, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация.

Грушевская Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой французской филологии Кубанского государственного университета / kff-kubsu@yandex.ru

Адрес: д. 149, ул. Ставропольская, 350040, г. Краснодар, Российская Федерация.

Information about the authors

Liana Yu. Manasyan – Applicant for PhD Degree, Chair of French Philology, Kuban State University (Krasnodar) / li.manasyan@gmail.com

The address: 149, st. Stavropolskaya, 350040, Krasnodar, Russian Federation.

Tatyana M. Grushevskaya – Doctor of Philology, Professor, Head, Chair of French Philology, Kuban State University / kff-kubsu@yandex.ru

The address: 149, st. Stavropolskaya, 350040, Krasnodar, Russian Federation.

УДК 81'32

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.20>

Е. А. Мирошникова

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ КАК МАРКЕР КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ

Настоящая статья посвящена исследованию прагматически и культурно значимых лексических особенностей рекламных текстов индустрии туризма на русском и английском языках. В статье поднимаются такие актуальные в современной лингвистике вопросы, как выявление лингвокультурной специфики англоязычного и русскоязычного рекламного текста, использование лексики с культурным компонентом значения для повышения прагматической силы и манипулятивного потенциала рекламного текста, способы воспроизведения незнакомых читателю лексических единиц, а также прагматически отмеченные специфические особенности лексики текстов русскоязычной и англоязычной туристической рекламы. Материалы статьи основываются на том факте, что лексические значения непосредственно связывают язык с укладом жизни и системой социальных взаимоотношений говорящего на нем сообщества, а полученная в ходе анализа языковых особенностей информация служит источником выявления лингвокультурной специфики текста.

Особый акцент сделан на различных типах реалий как знаков культуры, широко используемых в туристической рекламной коммуникации. В ходе анализа установлена взаимосвязь между используемыми в рекламных текстах лексическими единицами и этнокультурными особенностями

и аксиологическими приоритетами потребителя рекламы туристического характера как представителя соответствующей лингвокультуры, изучена функциональная нагрузка прагматически значимых языковых средств, проанализированы особенности воспроизведения безэквивалентной лексики и слов, содержащих этнокультурный компонент значения, в целях обеспечения общедоступности восприятия информации.

Статья не оставляет без внимания тот факт, что основной задачей любого рекламного текста является повышение уровня продаж рекламируемого товара (в данном случае – туристической поездки). Таким образом, в круг интересов настоящего исследования входит прагматический аспект функционирования рекламного текста, а также воздействующий потенциал используемых в текстах лексических конструкций.

Ключевые слова: лингвокультурология, туристическая реклама, лексический состав рекламных текстов, фоновая информация, манипулятивное воздействие, прагматика высказывания.

Для цитирования: Мирошникова Е. А. Лексические особенности рекламных текстов как маркер культурной специфики // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 159–165. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.20

Elena A. Miroshnikova

LEXICAL PECULIARITIES OF ADVERTISING TEXTS AS A MARKER OF CULTURAL SPECIFICITY

The article studies pragmatic and culturally significant lexical features of advertising texts of the tourism industry in Russian and English. The article raises such topical issues as identifying the linguistic and cultural specifics of the advertising text in English and Russian, increasing the pragmatic power of the advertising text using vocabulary with a cultural component, ways of translating lexical units unfamiliar to the reader, as well as pragmatically marked specific features of the vocabulary of tourist advertising texts in English and Russian. The article is based on the fact that lexical meanings connect the language with the way of life and the system of social relationships of the community speaking it, and the information received during the analysis of linguistic features is a source of identifying the linguistic and cultural specifics of the text.

Special emphasis is placed on various types of realities as cultural signs widely used in tourist advertising communication. The analysis established the relationship between the lexical units used in advertising texts and the

ethnocultural characteristics of the consumer of tourist advertising. In addition, the function of pragmatically significant linguistic means is studied, the features of the reproduction of non-equivalent vocabulary and words containing an ethno-cultural component of meaning are analyzed.

The article does not ignore the fact that the main task of any advertising text is to increase the level of sales of the advertised product (in this article, of a tourist trip). Thus, the present study focuses on the pragmatic aspect of the advertising text and the impact of the lexicon on the perception of the advertising text.

Key words: linguistic culturology, tourist advertising, vocabulary of advertising texts, background information, manipulative influence, pragmatics.

For citation: Miroshnikova E. A. Lexical peculiarities of advertising texts as a marker of cultural specificity // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 159–165 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.20

Глобальные процессы, характерные для развития мировой экономики и культуры, стимулируют рост как внутреннего, так и международного туризма, что неминуемо приводит к усилению конкуренции между туристическими фирмами,

а, следовательно, вынуждает их для продвижения своего бизнеса пользоваться услугами рекламных агентств. Таким образом, перед любым агентством занимающимся предоставлением туристических услуг, возникает задача выделиться

на фоне других фирм и привлечь максимальное количество клиентов, что может быть затруднительно ввиду растущей конкуренции в отрасли. В таких случаях яркая и привлекательная рекламная кампания становится обязательной частью конкурентной борьбы, а запоминающийся и эмоциональный текст – неотъемлемой частью рекламной кампании. В фокусе исследования данной статьи находятся лингвокультурные особенности англо- и русскоязычных рекламных туристических текстов, проявляющиеся наиболее отчетливо в лексической составляющей разноязычных текстов рекламных сообщений.

Лексические значения, формируя и нюансируя языковую картину мира, непосредственно связывают язык с укладом жизни говорящего на нем сообщества, его бытом, системой ценностей и социального взаимодействия, а информация, полученная в ходе анализа семантики языковых знаков, является источником выявления лингво- и этнокультурной специфики текста. Таким образом, в круг наших задач входит изучение наиболее типичных и предпочтительных лексических единиц и структур, содержащих в своем значении этнокультурный компонент, выявление взаимосвязи между используемыми в рекламных текстах языковыми употреблениями и культурными особенностями потребителя рекламы. Необходимо отметить, что при изучении национальной специфики текстов особое значение имеет рассмотрение семантики языковых структур, так как именно в семантике слова заложены отношения между действительностью и ее языковым выражением, что наиболее полно проявляется в лексике с этнокультурным компонентом значения, в состав которой принято включать безэквивалентные, коннотативные и фоновые слова.

Лексика с культурным компонентом значения широко распространена в рекламных туристических текстах, так как именно она формирует привлекательный и притягательный имидж принимающей страны, обладая значительным прагматическим потенциалом. Особое место в ряду культурно-маркированных слов занимает безэквивалентная лексика, под которой принято понимать «лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [3, с. 94], виду отсутствия в других культурах соответствующих понятий.

Отметим, что при составлении туристических рекламных текстов именно безэквивалентная лексика создает необходимый национальный колорит, выполняя интригующе-аттрактивную функцию. Однако ее использование в тексте несет для автора определенные сложности, так как при составлении рекламного текста необходимо не только подобрать необходимые аналоги слова, но и раскрыть его национально-культурное свое-

образие, описать этнокультурный фон, т. е. передать весь тот пласт сопутствующей информации, существующей в массовом сознании носителей данного языка и зачастую неизвестных за пределами данной культуры [18, с. 7]. В большинстве случаев, исследователи сходятся во мнении, что к безэквивалентным относятся слова, принадлежащие к таким категориям, как географические, этнографические, общественно-политические реалии, а также антропонимы, которые мы рассмотрим далее, исходя их частотности их использования в текстах туристической рекламы.

В рекламных туристических текстах достаточно широко распространены географические реалии, номинирующие различные туристические локации. Аксиоматично, что лексика, имеющая отношение к отличительным характеристикам местности, природы и климата, национально специфична. Рассмотрим в качестве примера ряд терминов физической географии и их функционирование в русских и английских рекламных текстах: Африканская саванна – African savanna, Русская степь – Russian steppe, норвежский фьорд – the Norwegian fjord, Американская прерия – the American Prairie. Особой экзотичностью отличаются в этом плане эндемики: секвойя – sequoia, баобаб – baobab, кенгуру – kangaroo. И. С. Алексеева отмечает, что реалии, усвоенные языком, являются «их приблизительным воспроизведением в языке, откуда заимствованы» [1, с. 181]. Таким образом, в большинстве случаев лексика такого рода вводится в принимающий язык посредством транскрибирования, увеличивающего ее экзотический магнетизм и воздействующую силу, а также уменьшающего «когнитивный диссонанс, порождающий психологический дискомфорт» адресата [15, с. 138].

Сложившиеся традиции и особенности быта носителей языка накладывают на лексику своеобразный отпечаток, что объясняет широкое распространение безэквивалентной лексики среди этнографических реалий. Достаточно широко распространены ситуации, когда упоминание о предметах быта, обычаях и реалиях принимающей страны в рекламе туристической поездки вызывает сложности при восприятии реципиентом, что в конечном итоге обуславливает необходимость снабдить текст этнографическим комментарием. Как показал анализ, этнографические реалии обычно маркируют национальную одежду: кимоно – kimono, пончо – poncho; национальные архитектурные строения: вигвам – wigwam, иглу – igloo; мифологических персонажей: тролль – troll, валькирия – valkyrie; национальные обычаи и игры: вендетта – vendetta, лапта – lapta, тамада – tamada (toastmaster). Последний пример достаточно специфичен за счет возможности перевода слова «тамада» двумя способами – транскрибированием и описательным переводом, способным раскрыть все нюансы значения.

Важное место в исследуемых текстах занимают общественно-политические реалии и иные лексические единицы, обозначающие особенности политического строя, государственные учреждения или социальные реалии этноса (ср., например: канцлер – *chancellor*, брахмин – *brahmin*). Однако в ряде случаев при трансляции таких единиц в другую лингвокультуру необходимо производить различные синтаксические трансформации, подыскивать устоявшиеся в языке перевода соответствия [4, с. 24]. В качестве примера можно рассмотреть обозначение титула руководителя Туркмении, на туркменском языке звучащего как Туркменбаши (*Türkmenbaşy* – глава туркмен), которое при переводе на русский и английский языки реализуется более привычным номинацией «президент».

Прагматическим потенциалом обладают упоминания значимых для конкретной культуры личностей, представленные в текстах туристической рекламы антропонимами. С. Влахов и С. Флорин выделяют их в отдельный класс безэквивалентной лексики, имеющий свою специфику переводческой трансляции, предполагающую определенные фоновые знания [6, с. 212] с целью сохранения их национального своеобразия, призванного привлечь внимание туриста к культурным и административным реалиям целевой страны: Рамзес II – *Ramses II*, Будда – *Buddha*, Марадона – *Maradona*, кардинал Ришелье – *cardinal Richelieu*. Общепринятым способом передачи безэквивалентной лексики выступает межъязыковая транскрипция, позволяющая сохранить национальный колорит текста посредством использования в рекламном тексте звуковых подобиий иностранной речи, значительно повышающих экспрессию рекламного сообщения.

При этом важно отметить, что под влиянием происходящих в обществе социокультурных процессов, интеграции и взаимодействия культур в современном обществе значительно возросла степень понимания безэквивалентных слов. Слова, несущие в себе национальную специфику, активно употребляются в средствах массовой информации, что облегчает их восприятие, как, например, произошло с русским словом «матрешка». Топонимы также в большинстве случаев не нуждаются в переводе: *There are now direct flights into the coastal Sihanoukville airport via Ho Chi Minh City* [20]. В тех случаях, когда слово не известно адресату, его значение в туристическом тексте раскрывает контекст (в Казахстане дети любят играть в байгу) [10] или культурологический комментарий (Теночтитлаан – ацтекский город-государство, находившийся на месте современного города Мехико) [17].

Значительным прагматическим потенциалом обладает коннотативная лексика, относящаяся к разряду слов с культурным компонентом значе-

ния и представленная единицами, служащими не просто для указания на предмет, но и для оценочной номинации его свойств. Сам термин «коннотация» получил широкое распространение вслед за В. Н. Телия, постулировавшей, что содержание культурной коннотации представляет собой отношение между значениями, закрепленными в языке, и культурными кодами [16, с. 222]. Анализ показал, что коннотативная лексика выражает не только эмоциональный компонент значения, но и нередко дополняет предметно-понятийное, в том числе и обусловленное культурой, значение слова. Как отмечает Г. Ф. Ковалев, современная реклама «способна работать лишь в том случае, если построена из узнаваемых элементов прецедентного текста», а также на том, что хорошо известно и понятно адресату рекламного текста [11, с. 273]. В том случае, если текст не является хорошо известным читателю, то есть прецедентным, то согласно мнению Е. А. Земской, возникает «минус-эффект коммуникации» [9, с. 137]. Коннотативная лексика, широко представленная в текстах туристической рекламы, обеспечивает экспрессивность и манипулятивное воздействие сообщения.

К коннотативной лексике аллюзивного характера можно отнести некоторые имена собственные, когда они не только указывают на личность человека, но и обозначают ряд отличительных свойств, присущих ему. По этим залитым солнцем полянам, гуляли еще, кажется, Адам и Ева [13]. В данном примере указание на имена библейских персонажей эксплицирует обещание нетронутой человеком природы, сохранившейся с самых древних времен. Статья, посвященная достопримечательностям Египта, озаглавлена *The country, mysterious as the Sphinx* [8], что вызывает ассоциации с «загадками Сфинкса» и другими легендами, посвященными Египту. Однако часто коннотация содержится в национально-самобытных ассоциациях. Так, например, в тексте, рекламирующем поездки в Канаду и ориентированном на русскоязычную аудиторию, можно встретить следующее, по сути, парадоксальное высказывание: *Посетите канадские леса – погуляйте среди русских березок* [14]. Для русскоязычного читателя очевидны укоренившиеся в сознании ассоциации между березой как частью типичной флоры русского леса и как символом России, что приводит к тому, что вне зависимости от места, где произрастает береза, она вызывает положительные эмоции.

Достаточно широк в текстах туристической рекламы круг имен нарицательных, также содержащих культурные коннотации. В качестве примера рассмотрим заголовок статьи «Как не прошляпить отпуск, или советы для неленивого туриста» [7]. Как известно, в русском языке просторечный глагол прошляпить восходит к существительному

шляпа, которое, помимо своего прямого употребления имеет и переносно-метафорическое: ленивый, нез энергичный невнимательный человек, тяжелый на подъем. В других европейских языках это понятие выражено сходным образом, но при помощи других выражений. Так, например, в немецком языке эквивалентом слова «шляпа» будет слово Schlappschwanz, в дословном переводе означающее «ленивый хвост», во французском языке la poule mouillée (мокрая курица), а в английском milksop (размокший в молоке хлеб).

В текстах туристической рекламы встречается не только безэквивалентная и коннотативная, но и фоновая лексика, подразумевающая некоторые знания, необходимые для интенционально заданного декодирования имеющейся в тексте информации. По определению В. С. Виноградова, к фоновой информации относятся «социокультурные сведения характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке» [5, с. 37]. Следовательно, фоновая лексика представлена словами или выражениями, в большинстве случаев понятными реципиенту, но содержащими дополнительную информацию о внеязыковой действительности и имеющими сопутствующие основному значению этнокультурные, семантические или стилистические оттенки, известные представителям языкового сообщества.

Рассуждая о фоновой лексике, Е. И. Шумагер отмечает, что фоновые слова содержат ценную страноведческую информацию, позволяют «через слово» заглянуть в жизнь другого народа, увидеть в слове отражение многочисленных конкретных материальных, общественных и духовных процессов, происходящих в обществе [19, с. 129]. К примеру, упоминание в тексте рекламы «леди в шляпке как на Роял Эскот» [7] у человека, далекого от британского спорта, не встретит необходимого автору понимания. Только обратившись к дополнительным источникам информации, не обладающий необходимыми фоновыми знаниями человек сможет выяснить, что Роял Эскот (Royal Ascot) представляет собой традиционные королевские скачки, уже более трехсот лет остающиеся одной из главных спортивных традиций Англии. Отличительной особенностью мероприятия является дресс-код, а именно обязательные для дам шляпки, ставшие одним из его негласных символов. Для неподготовленного читателя будет также проблематично соотнести название города Нью-Йорк с его неофициальным прозвищем, укоренившимся в разговорном английском языке – «Большое Яблоко» (the Big Apple), и поставить между ними знак равенства. Таким образом, без наличия определенных фоновых знаний рекламное предложение «Come and bite the Big Apple!» [25] не вызовет желания посетить Нью-Йорк.

Англоязычные рекламные тексты также могут содержать лексические единицы, требующие пояснения для читателя, не знакомого с местными традициями и обычаями: Shawarma is a popular snack, made as a wrap with meat such as chicken or lamb, tomato, cucumber, hummus and pickles [21]. В таких случаях необходимость дополнять рекламный текст пояснениями позволяет автору включить в комментарий дополнительную манипулятивную нагрузку в виде прилагательных положительной семантики traditional, popular и т.д. Следующий пример рассчитан на человека, не знакомого с культурой кавказского региона: There are also man-made monuments left behind by the mountain people of the region, particularly their fortress-like stone “auls” [23]. Так, если русскоязычному читателю будет знакомо и понятно слово «аул», то для иностранного адресата используется культурологический комментарий man-made monuments / left behind by the mountain people / fortress-like / stone. Здесь можно отметить, что приведенный комментарий также усиливает манипулятивный потенциал высказывания, добавляя ему дополнительный экзотический колорит.

Помимо лексики с культурным компонентом значения в рекламных туристических текстах встречаются и другие единицы, выполняющие различные функции. Так, например, в рекламе туризма, как и в любой другой узкоспециальной отрасли, широко распространена специфическая терминология, используемая «для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [2, с. 474] и, несомненно, повышающая достоверность информации. Большинство из встречающихся в тексте рекламы слов уже прочно вошло в повседневную речь и не вызывает трудностей при восприятии как у англоязычных так и у русскоговорящих адресатов, как, например, номинации туроператор – travel operator, турагент – travel agent, виза – visa, менеджер – manager, бизнес-класс – business class и мн. др. Такие слова получили статус универсальной лексики международного туризма, упрощая взаимопонимание между стороной, предоставляющей услуги, и приобретающим их лицом. Однако в ряде случаев лексика русскоязычной туристической рекламы носит явные признаки заимствования. Как правило, это происходит с теми лексемами, которые появились в обиходе не так давно и не успели ассимилироваться в русском языке: трансфер, тэкс-фри, кейтеринг. При использовании такой лексики автор рекламного текста часто дает пояснение используемого термина: кейтеринг (обеспечение питания).

Кроме того, наблюдается тенденция использования англоязычной лексики в русскоязычных рекламных текстах вместо привычных русских слов для придания повседневным предметам и явлениям «экзотического звучания» и своего

рода «престижности». Так, в описаниях туристических поездок можно встретить большое количество таких единиц, как например, прайс-лист вместо слова «прейскурант», шопинг вместо «поход за покупками», такси-кэб вместо слова «такси», ски-тур вместо «горнолыжный тур», словом сервис заменяют общепринятое «обслуживание». В ряде рекламных текстов отмечены такие лексемы, как дансинг вместо «танцы», фишинг вместо «рыбалка» или трекинг как аналог слова «поход». Используя вышеперечисленные слова и выражения, адресант стремится создать ощущение иностранной экзотики и множества отличий от российской действительности [12 с. 138–140].

Тем не менее, несправедливо утверждать, что использование явных заимствований в текстах туристической рекламы является исключительно приемом манипуляции. Важной причиной является растущая распространенность английского языка, с которой необходимо считаться, учитывая тот факт, что в силу самых разных причин английский язык признается основным языком межкультурной коммуникации, и значительная доля международного общения осуществляется с его использованием. Здесь необходимо отметить, что англоязычные рекламные тексты не испытывают необходимости в использовании заимствований такого рода, однако процент заимствованной лексики и в английской языке достаточно высок, и многие слова, имеющие отношение к туристической индустрии и используемые в рекламных текстах, имеют иностранное происхождение: *street, port* (латинский), *yacht, rock, landscape* (голландский), *umbrella, balcony* (итальянский), *barbecue, canyon, chocolate* (испанский). Кроме того, при написании англоязычных рекламных текстов, заимствованная лексика также способствует созданию экзотического звучания: *In 1974, while digging a well in the city of Xi'an, Chinese farmers discovered an underground tomb filled with 8,000 statues of ancient Chinese warriors* [24].

В связи с набирающей популярность тенденцией совмещения курортного отдыха с лечением и спа-процедурами в рекламных туристических текстах как на русском, так и на английском языках активно используется медицинская терминология: *хирургия, нейрохирургия, аллергология, неврология, surgery, cure, medication, medical supplies* или терминология, имеющая отношение к спа и индустрии красоты: *лимфатический дренаж, прессотерапия, телассотерапия, миостимуляция, инъекции, lymphatic drainage, hydromassage bath, mineral water spring*.

Кроме того, в рекламных туристических текстах значительный прагматический потенциал обнаруживают числительные, привлекаемые для описания конкретных объектов. Использование конкретных чисел не только дает представление об описываемом объекте, но и в связи с тем, что

люди неосознанно предпочитают доверять конкретным данным, вызывает у читателя чувство уверенности, повышая воздействующую силу информационной составляющей рекламного текста: *Our 60-berth marina welcomes pleasure crafts and tournament fishing boats from 30 to 75 feet all the way up to superyachts of 500 feet or more* [22].

Рекламные тексты туристического характера выдержаны преимущественно в достаточно строгом публицистическом стиле, так как именно этот стиль одинаково эффективен для любой аудитории. Однако в некоторых случаях в рекламных текстах встречается эмотивная или даже разговорная лексика, также отличающаяся лингвокультурным содержанием. Чаще всего эмотивная лексика укладывается в рамки публицистического стиля, не нарушая достаточно строгий стиль повествования, что характерно для суперлативов: *восхитительный сервис, бесподобный отель, превосходная кухня, the finest restaurants, atmosphere of luxury and contemporary elegance*, однако в некоторых случаях, использование таких лексических сочетаний, как *крутой ресторан, классный пляж, coolest food, enormous yacht*, приближают рекламный текст к разговорному стилю. Употребление же разговорных слов, таких как *офигенный отпуск, потрясная кухня, кайфовый вечер, damn good, awesome dance*, приветствуется, как правило, только в рекламе, рассчитанной на более молодую аудиторию.

Рассмотренные выше примеры имеют непосредственное отношение в основном к области туризма и культурологии. Однако в силу специфики рекламных текстов нельзя не отметить присутствие в них терминологии из области продаж и коммерции. Так, в рассмотренных текстах широко представлены слова и выражения, подчеркивающие выгоду, которую покупатель получает при заключении сделки с конкретным поставщиком услуг: *скидки, преимущества, индивидуальный подход, распродажа, качество*. Приведенные слова и выражения распространены также и в англоязычных рекламных текстах: *advantage, benefit, privilege, lower cost, reduced price, high quality*. Воздействующим потенциалом наделена лексика, подчеркивающая качество предоставляемых услуг, не характерная для повседневного общения: *изысканный, люксовый, комфортабельный, exquisite, elegant, beautiful*. Часто встречающиеся прилагательные в превосходной степени сравнения: *лучший, несравненный, превосходящий аналоги, top, high, superior* значительно повышают повышает экспрессивность и воздействующую силу рекламного сообщения, тем самым способствуя увеличению объема продаж.

В заключение можно отметить, что национальное своеобразие рекламных текстов туристического характера, функционирующих в рекламной коммуникации как на русском, так и на английском языке, может находить свое отражение

в разнообразной лексике с культурным компонентом значения, придающей тексту специфический национальный колорит, однако зачастую затрудняющей восприятие информации не обладающим достаточными фоновыми знаниями людям. Кроме того, рекламные туристические тексты содержат лексемы разной степени культурной и экспрессивной нагруженности, воздействующие на потенциального потребителя и склоняющие его к приобретению рекламируемого тура. Таким образом, можно констатировать, что тексты туристической рекламы характеризуется не только лексико-стилистическим своеобразием, но и

собственным набором специфической лексики, характерной для разных областей знания, но имеющей непосредственное отношение к области туризма и рекламной коммуникации в целом. В тех случаях, когда приводимое в тексте понятие не знакомо адресату и может быть неправильно интерпретировано, используется транскрибирование, описательный перевод или приводится культурологический комментарий. Однако в современной рекламе туризма, ориентированной на русскоязычного читателя, иностранная лексика часто используется для «украшения» текста и придания ему экзотического звучания.

Литература

1. Алексеева И. С. Введение в перевод. М.: Академия, 2004. 352 с.
2. Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка. М.: Русский язык, 2004. 608 с.
3. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990. 246 с.
5. Виноградов В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы. М.: КДУ, 2004. 240 с.
6. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 176 с.
7. Европа 2015–2016. Франция-Австрия-Германия-Великобритания: Каталог. Coral Travel, 2015. 174 с.
8. Египет–Таиланд–ОАЭ–Бали–Вьетнам: Каталог. Coral Travel, 2016. 163 с.
9. Земская Е. А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур. М.: Наука, 1996. С. 157–168.
10. Знакомьтесь, мир! Каталог. Pegas-Touristik, 2015. 159 с.
11. Ковалев Г. Ф. Прецедентное имя собственное в тексте рекламы // Феномен прецедентности и преемственность культур. Воронеж: ВГУ, 2004. С. 273–289.
12. Маршалл Н. Лексические инновации в сфере туристической рекламы // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: ВГТУ, 2002. Вып. 2. С. 137–142.
13. Пляжный отдых 2016: Каталог. PacGroup, 2015. 125 с.
14. Северная Америка: Каталог. Lanta-Tur, 2013. 153 с.
15. Серебрякова С. В. Когнитивный диссонанс как интерпретационная рамка межличностных отношений персонажей // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1 (54). С. 137–143.
16. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
17. Теночтитлан – столица ацтекского народа. URL: <http://chydesa-mira.ru/tenochtitlan/> (Дата обращения: 20.11.2022)
18. Томахин Г. Д. Лингвострановедческий словарь. М.: Астель, 2001. 272 с.
19. Шумагер Е. И. Фоновая лексика, ее своеобразие и связь с культурой. Тверь: ТГУ, 1990. 456 с.
20. 50 Best Places to Travel in 2017. URL: <http://www.travelandleisure.com/trip-ideas/best-places-to-travel-in-2017#cambodia-alila-villas> (Дата обращения: 17.11.2022)
21. Food and drink. URL: <http://www.lastminute.com/flights/dubai.html> (Дата обращения: 17.11.2022)
22. Leisure and Luxury: Каталог. Pegas Touristic & Hotels, 2015. 120 с.
23. North Caucasus. URL: https://en.wikivoyage.org/wiki/North_Caucasus (Дата обращения: 10.11.2022)
24. Seven Wonders of China Explore Ancient Marvels in Modern Times. URL: <http://www.travelchannel.com/interests/hot-topics/articles/seven-wonders-of-china> (Дата обращения: 11.11.2022)
25. Visit USA: Каталог. ICS-Group, 2015. 132 с.

References

1. Alekseeva I. S. Vvedenie v perevod (Introduction to translation). Moscow: Akademia, 2004. 352 p. (In Russian).
2. Ahmanova O. S. Slovar' omonimov russkogo jazyka (Dictionary of homonyms of the Russian language). Moscow: Russkiy yazyk, 2004. 608 p. (In Russian).
3. Barhudarov L. S. Jazyk i perevod. Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda (Language and translation. Questions of general and particular theory of translation). Moscow: LKI publ., 2008. 240 p. (In Russian).
4. Vereshhagin E. M., Kostomarov V. G. Jazyk i kul'tura. Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo (Language and culture. Linguistics in teaching Russian as a foreign language). Moscow: Russkiy yazyk, 1990. 246 p. (In Russian).
5. Vinogradov V. S. Perevod: Obshhie i leksicheskie voprosy (Translation: General and lexical questions). Moscow: KDU publ., 2004. 240 p. (In Russian).
6. Vlahov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode (Untranslatable in translation). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. 176 p. (In Russian).
7. Evropa 2015–2016. Francija-Avstrija-Germanija-Velikobritanija: Katalog. (Europe 2015–2016. France-Austria-Germania-Great Britain: Catalog) Coral Travel, 2015. 174 p. (In Russian).

8. Egipet-Tailand-OAJe-Bali-V'etnam: Katalog. (Egypt-Thailand-UAE-Bali-Vietnam) Coral Travel, 2016. 163 p. (In Russian)
9. Zemskaja E. A. Citacija i vidy ee transformacii v zagolovkah sovremennyh gazet (Citation and types of its transformation in the headlines of modern newspapers) // Pojetika. Stilistika. Jazyk i kul'tura. Pamjati T.G. Vinokur. Moscow: Nauka, 1996. P.157–168. (In Russian)
10. Znakom'tes', mir! Katalog. (Meet the world! Catalog) Pegas-Touristik, 2015. 159 p. (In Russian)
11. Kovalev, G. F. Precedentnoe imja sobstvennoe v tekste reklamy (Precedent proper name in the ad text) // Fenomen precedentnosti i preemstvennost' kul'tur. Voronezh: VSU publ, 2004. P. 273–289. (In Russian)
12. Marshall N. Leksicheskie innovacii v sfere turisticheckoj reklamy (Lexical innovations in the field of tourism advertising) // Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda. Voronezh: VSTU publ., 2002. Issue.2. P. 137–142. (In Russian)
13. Pljazhnyj otdyh 2016: Katalog. (Beach holidays 2016: Catalog) PacGroup, 2015. 125 p. (In Russian)
14. Severnaja Amerika: Katalog. (North America: Catalog) Lanta-Tur, 2013. 153 p. (In Russian)
15. Serebriakova S. V. Kognitivnyj dissonans kak interpretacionnaya ramka mezhlčnostnyh otnoshenij personazhej (Cognitive dissonance as an interpretive framework of interpersonal relationships of characters) // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2018. No. 1 (54). P.137–143. (In Russian).
16. Telija V.N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologičeskij aspekty (Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1996. 288 p. (In Russian).
17. Tenochtitlan – stolica acetskogo naroda (Tenochtitlan – the capital of Aztec). URL: <http://chydesa-mira.ru/tenochtitlan/> (Accesses: 20.11.2022) (In Russian).
18. Tomahin G. D. Lingvostranovedčeskij slovar' (Linguistic and Cultural dictionary). Moscow: Astel', 2001. 272 p. (In Russian).
19. Shumager E. I. Fonovaja leksika, ee svoeobrazie i svjaz' s kul'turoj (Background vocabulary, its originality and connection with culture)/ Tver': TSU publ., 1990. 456 s. (In Russian).
20. 50 Best Places to Travel in 2017. URL: <http://www.travelandleisure.com/trip-ideas/best-places-to-travel-in-2017#cambodia-alila-villas> (Accessed: 17.11.2022)
21. Food and drink. URL: <http://www.lastminute.com/flights/dubai.html> (Accessed: 17.11.2022).
22. Leisure and Luxury: Catalog. Pegas Touristic & Hotels, 2015. 120 p.
23. North Caucasus. URL: https://en.wikivoyage.org/wiki/North_Caucasus (Accessed: 10.11.2022).
24. Seven Wonders of China Explore Ancient Marvels in Modern Times. URL: <http://www.travelchannel.com/interests/hot-topics/articles/seven-wonders-of-china> (Accesses: 11.11.2022).
25. Visit USA: Katalog. ICS-Group, 2015. 132 p.

Сведения об авторе

Мирошникова Елена Алексеевна – соискатель кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета / miroshnikova.elena@mail.ru
 Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the author

Elena A. Miroshnikova – Post-graduate student, Chair of Theory and Practice of Translation, North-Caucasus Federal University / miroshnikova.elena@mail.ru
 The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

УДК 81'33

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.21>С. В. Серебрякова
О. Г. Суетина

ТИПЫ АРГУМЕНТАТИВНЫХ ФРЕЙМОВ, СТРУКТУРИРУЮЩИХ ТЕКСТЫ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ

Одним из актуальных аспектов лингвокогнитивного анализа на современном этапе является осмысление специфики судебной аргументации, образующей ядро юридического судебного дискурса. Исследование рассматриваемой проблематики позволяет описать профессионально обусловленную специфику аргументации в кодифицированных жанрах институционального дискурса. Судебное решение выделяется при этом в качестве специального объекта анализа, что продиктовано его когнитивно-дискурсивной природой. На материале текстов решений Верховного суда США в статье исследуются типы аргументативных фреймовых структур, репрезентирующих диктумные и модусные функции в текстах судебных решений. Проведенный в ходе исследования анализ основан на идее фреймового структурирования информации, на представлении о фрейме как о когнитивной модели, лежащей в основе ментальной обработки стереотипных ситуаций, как структуре, обеспечивающей конвенциональность языка. Разработка метаязыка для описания слотов аргументативных фреймов детерминирована необходимостью интерпретации аргументативных структур судебного дискурса. Принципиально важным представляется при этом обращение к категориям диктумных (содержательных) и модусных (операциональных) функций, дистрибуцию

кластеров которых воплощает в себе судебный дискурс. Аспект субъективизации, коррелирующий с понятиями диктума и модуса, приобретает особое значение в связи с вариативностью развертывания аргументации в тексте судебного решения.

Описание аргументативных фреймов, структурирующих тексты судебных решений, способствует дифференциации стандартов реализации категории модуса, отражаемой в сознании носителей языка как объективной реальности, искажение которой свидетельствует о различиях в коммуникативных установках продуцента и реципиента. Проведенный на основе фреймового подхода анализ исследуемого корпуса текстов позволил расширить имеющиеся в науке представления о типах аргументативных фреймов, способствующих интерпретации текстов судебных решений на базе специфического метаязыка.

Ключевые слова: судебный дискурс, судебное решение, аргументативные фреймы, диктумные и модусные функции.

Для цитирования: Серебрякова С. В., Суетина О. Г. Типы аргументативных фреймов, структурирующих тексты судебных решений // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 166–172. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.21

Svetlana V. Serebriakova
Olesya G. Suetina

TYPES OF ARGUMENTATIVE FRAMES STRUCTURING THE TEXTS OF COURT DECISIONS

One of the relevant aspects of linguocognitive analysis at the present stage is the comprehension of the specifics of judicial argumentation, which is the core of legal judicial discourse. The study of the issues under consideration allows us to describe the ethno-conditioned traditions of argumentation in codified genres of institutional discourse. The court decision, at the same time, stands out as a special object of analysis, which is dictated by its cognitive-discursive specifics. The article examines the types of argumentative frame structures representing dictum and modus functions in the texts of court decisions based on the texts of decisions of the Supreme Court of the United States. The analysis carried out in the course of the study is based on the idea of frame structuring of information, on the idea of the frame as a cognitive model underlying the mental processing of stereotyped situations, a structure that ensures the conventionality of language. The development of a metalanguage for describing argumentative frame slots is determined by the need to interpret argumentative structures of judicial discourse. It is fundamentally important, at the same time, to address the categories of dictum (content) and modus (operational)

functions, the distribution of clusters of which embodies judicial discourse. The aspect of subjectivization, which correlates with the concepts of dictum and modus, acquires special importance due to the variability of the deployment of argumentation in the text of the court decision.

The description of argumentative frames structuring the texts of court decisions contributes to the differentiation of standards for the implementation of the mode category, reflected in the minds of native speakers as an objective reality, the distortion of which indicates differences in the communicative attitudes of the producer and the recipient. The analysis of the corpus of texts under study, carried out on the basis of the frame approach, made it possible to expand the ideas available in science about the types of argumentative frames that contribute to the interpretation of the texts of court decisions based on the specific metalanguage.

Key words: judicial discourse, judicial decision, argumentative frames, dictum and modus functions.

For citation: Serebriakova S. V., Suetina O. G. Types of argumentative frames structuring the texts of court decisions // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 166–172 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.21

Антропоцентрически ориентированная парадигма знаний обусловила особый интерес современной лингвистики к проблемам гармонизации общения в различных сферах жизнедеятельности человека. Изучение феномена аргументации как одного из средств речевого воздействия в таком жанре судебного дискурса, как судебное решение, представляется актуальным, поскольку позволяет исследовать характер когнитивных структур репрезентации специализированных знаний, а также процессов продуцирования и перцепции единиц речи в акте аргументации как стратегии профессионально-деловой коммуникации.

В данном исследовании мы исходим из широкой трактовки речевого воздействия: «речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности» [4, с. 21]. Актуальность исследования данного аспекта коммуникации определяется важностью обеспечения эффективного взаимодействия России с зарубежными странами в области правового сотрудничества, в связи с чем перед отечественными лингвистами возникает задача осмысления лингвопрагматических особенностей аргументативной составляющей юридического дискурса.

Аргументация представляет собой комплексное явление, многомерное междисциплинарное пространство, выступающее объектом исследования таких наук, как логика, социальная психология, культурология, психолингвистика, лингвопрагматика и др., демонстрирующих разные аспекты коммуникативно-прагматической обусловленности характера аргументации. Аргументативный процесс изучается в рамках формально-логического, тактического, риторического, социально-психологического, социокультурного, психолингвистического подходов [2, с. 17]. Исследование феномена аргументации как средства речевого воздействия приобретает особую актуальность в таком жанре судебного дискурса, как судебное решение, поскольку позволяет описать характер функционирования когнитивных структур репрезентации профессиональных знаний, а также процессов производства и восприятия единиц речи в акте аргументации в рамках профессионально ориентированной коммуникации [10, с. 131].

Судебный дискурс представляет собой многомерный феномен, объединяющий систему кодифицированных жанров, центральным из которых является судебное решение. Тексты решений Верховного суда США попадают в фокус нашего исследовательского интереса, поскольку, являясь продуктом англо-саксонской системы права, предполагают существенную долю свободы в возможности высказывания судьями мнения относительно правовых вопросов, а, следовательно, и вариативность развертывания конкретной аргументативной стратегии.

Разделяя идею Г. Г. Матвеевой о том, что «текст может рассматриваться как своеобразная копия, оттиск, модель действительности, и как некоторая проекция индивидуальной языковой системы, корректируемая условиями данной коммуникативной ситуации» [7, с. 35], полагаем целесообразным использование когнитивного подхода для интерпретации структур сознания участников коммуникации через анализ аргументативных фреймов дискурса. В настоящей статье мы используем фреймовый подход к интерпретации текстов судебных решений с целью получить развернутое представление о структурах, составляющих ядро судебной аргументации. Задачей статьи является, таким образом, описание типов аргументативных фреймов, способствующее интерпретации текстов судебных решений на базе специфического метаязыка.

Необходимо отметить существующее в современной лингвистике разнообразие подходов к определению понятия «фрейм». Впервые термин был употреблен М. Минским, представившим его в виде сети смысловых узлов и связей между ними, являющейся, по сути, «структурой данных для представления стереотипной ситуации» [8, с. 7]. По мнению Ч. Филлмора, фрейм является системой выбора грамматических правил, лексических единиц, языковых категорий, структурированных в соответствии с мотивирующим контекстом [13, р. 124]. В отличие от Ч. Филлмора, Т. А. ван Дейк полагает, что фреймы, являясь элементами социальной памяти, оторваны от контекста и содержат типическую и потенциально возможную информацию, ассоциированную с существующими концептами [3, с. 16]. В рамках психологического подхода фрейм рассматривается как воплощенная в тексте, абстрагированная от поведения отдельной личности «схема смысловых опор» [5, с. 192].

Несмотря на разнообразие подходов к трактовке описываемого понятия, все они обнаруживают определенную общность, а именно, понимание фрейма как «структуры для представления стереотипных ситуаций» [9, с. 61]. При этом важно отметить, что стереотипность смысловых компонентов (узлов) фрейма не ведет к стереотипности его структуры, поскольку на базе одного и того же смыслового каркаса концептуальное наполнение когнитивной единицы персонифицировано в зависимости от прагматически значимых для носителя языка факторов (ситуации, менталитета, этнической и социальной принадлежности и др.). Полагаем правомерным также согласиться с Е. В. Петрушовой, подразделяющей, согласно принципу репрезентации знаний, структуру фрейма на статичную (ячейка схематизированного опыта человека) и динамичную (отражающую индивидуальный опыт индивида) [9, с. 61].

Судебное решение, будучи завершённым структурированным продуктом официально-деловой коммуникации, является аргументативным по своей природе, что проявляется прежде всего в обязательности его конструирования на базе верифицируемых утверждений. В связи с возможностью выбора стратегий развертывания аргументации крайне важным для текста судебного решения является аспект субъективизации, тесно связанный с категориями диктума и модуса.

В работах некоторых отечественных ученых предложен метаязык для описания наполнения слотов аргументативных фреймов судебного дискурса [1, 2, 6]. Так, рассматривая устойчивые дискурсные структуры,

Л. Ю. Луцковская, опираясь на исследования Н. Хомского, подразделяет их на содержательные (диктумные) и операциональные (модусные). При этом для интерпретации этих структур автор предлагает использовать метаязык описания наполнения слотов аргументативных фреймов судебного дискурса, реализующих как диктумные, так и модусные функции. Отметим, что под диктумной функцией понимается функция репрезентации безоценочной объективной информации, не зависящей от интерпретации, а под модусной – актуализация объективных данных к конкретной коммуникативной ситуации. Судебный дискурс являет собой при этом дистрибуцию классов двух функций. Важно также отметить, что функцией метакатегории модуса является квалификация факта через «синтез объективных (т. е. законодательно обоснованных) и субъективных (к которым относятся позиция суда, судьи) составляющих аргументативного фрейма» [6, с. 115].

Принимая за основу метаязык описания слотов аргументативных фреймов, предложенный Л. Ю. Луцковской, в нашем исследовании мы попытаемся расширить имеющиеся представления о его элементах. По мнению автора, к аргументативным фреймам в структуре судебного дискурса относятся:

- репрезентующие диктумные функции – факт, презентация факта;
- репрезентующие модусные функции – классификация факта, условия существования факта, утверждение о компетенции источника факта, определение границ верификации факта, утверждение о наличии цели, утверждение о наличии/отсутствии возможности существования факта, степень уверенности и оценка [6, с. 115].

Проиллюстрируем на примерах характер наполнения некоторых слотов аргументативных фреймов, репрезентующих диктумные и модусные функции. Для этого подробнее рассмотрим некоторые текстовые фрагменты решений Верховного суда США:

- *In March 2020, Congress passed the Coronavirus Aid, Relief, and Economic Security Act to alleviate burdens caused by the*

burgeoning COVID-19 pandemic [11]. – В марте 2020 года Конгресс принял Закон о содействии, помощи и экономической безопасности в связи с коронавирусом, чтобы облегчить бремя, обусловленное растущей пандемией COVID-19.

Приведенный фрагмент иллюстрирует наполнение аргументативного фрейма «факт», реализующего диктумную функцию благодаря ссылке на конкретный факт принятия Конгрессом законодательного акта в связи с растущей пандемией COVID-19.

Важно подчеркнуть ключевую роль аргументативного фрейма «факт» в реализации принципа обоснованности судебного решения, поскольку в основу принятия судом мотивированного решения могут быть положены именно фактологические данные, релевантные конкретно-модусной судебной разбирательству. При этом для англо-саксонской системы права характерны, помимо описания фактической стороны дела, также ссылки на прецеденты, являющие собой базовый источник права, статуты, правовые принципы, отсылки к которым свидетельствуют о высокой степени уверенности суда в сообщаемом.

- *No one doubts that Article II guarantees the independence of the Executive Branch [15]. – Никто не сомневается в том, что статья II гарантирует независимость исполнительной власти.*

В данном фрагменте в аргументативном фрейме «презентация факта» реализуется диктумная функция, при этом высокая степень уверенности автора текста обеспечивается не только посредством ссылки на конституционное положение (факт), но и в плане языкового оформления маркируется оценочным клише *no one doubts*.

- *We deal here not with an ordinary election, but with an election for the President of the United States [12]. – Здесь мы имеем дело не с обычными выборами, а с выборами президента Соединенных Штатов.*

Данный фрагмент является примером репрезентации модусной функции «классификация факта», подчеркивающей особый статус выборов, ставших предметом настоящего судебного разбирательства. Иллокутивный эффект высказывания создается при этом благодаря отрицанию *not ... ordinary*, которое позволяет акцентировать и обозначить место данных выборов среди прочих.

- *Importantly, the legislature has delegated the authority to run the elections and to oversee election disputes to the Secretary of State [12]. – Важно отметить, что законодательный орган делегировал полномочия по проведению выборов и надзору за избирательными спорами Государственному секретарю.*

Приведенный фрагмент демонстрирует характер функционирования аргументативного фрейма модусной функции «утверждение о ком-

петенции источника факта». В плане языкового оформления в отношении полномочий по проведению выборов используется предикат *has delegated*, сочетание которого с дискурсным маркером *importantly* подчеркивает важность данного факта для анализа правовой ситуации.

- *...the Court requested argument on two additional questions: whether the United States' agreement with Windsor's legal position precludes further review and whether BLAG has standing to appeal the case [14]. – ...суд запросил аргументы по двум дополнительным вопросам: исключает ли согласие Соединенных Штатов с правовой позицией Виндзора дальнейший пересмотр и имеет ли ДЮКГ право обжаловать это дело.*

В приведенном отрывке репрезентирован аргументативный фрейм модусной функции «определение границ верификации». Данная конструкция демонстрирует характер очерчивания границ верификации, определяющей круг рассматриваемых судом вопросов, что в данном фрагменте выражено эксплицитно.

- *This could frustrate the identification, investigation, and indictment of third parties (for whom applicable statutes of limitations might lapse). More troubling, it could prejudice the innocent by depriving the grand jury of exculpatory evidence [15]. – Это может помешать выявлению, расследованию и предъявлению обвинений третьим лицам (для которых могут истечь сроки давности). Что еще более тревожно, это может нанести ущерб невиновным, лишив жюри присяжных оправдательных доказательств.*

Языковое оформление аргументативного фрейма модусной функции «наличие возможности существования факта» включает модальный глагол *could*, сочетание которого с негативной оценкой *more troubling* усиливает модусность высказывания, заключающуюся в опасениях суда относительно потенциальной возможности лишения жюри присяжных оправдательных доказательств.

- *To be sure, the consequences for a President's public standing will likely increase if he is the one under investigation [15]. – Безусловно, последствия для общественного имиджа президента, скорее всего, возрастут, если он окажется под следствием.*

План выражения аргументативного фрейма «условие существования факта» модусной функции в данном примере маркируется подчинительным союзом *if*. Высказывание интерпретируется как возможность перемен в имидже президента при условии нахождения его под следствием. При этом использование в одном предложении сочетания *to be sure* и *likely* создает иллюзивный эффект высокой степени уверенности в сообщаемом.

- *... longstanding rules of grand jury secrecy aim to prevent the very stigma the President anticipates [15]. – ... давно существующие правила конфиденциальности для жюри присяжных направлены на то, чтобы предотвратить то самое клеймо позора, которого ожидает президент.*

В данном фрагменте языковое наполнение аргументативного фрейма «утверждение о наличии цели» выражено предикатом *aim*, реализующим функцию направленности действий на предотвращение нежелательных последствий.

Проведенный анализ текстов судебных решений Верховного суда США позволил установить и описать также и другие типы аргументативных фреймов, структурирующих тексты судебных решений, к которым нами были отнесены:

- 1) Утверждение об отсутствии оснований:

In effect, they argue that even if federal subpoenas to a President are warranted whenever evidence is material, state subpoenas are warranted "only when [the] evidence is essential." ... But that double standard has no basis in law [15]. – По сути, они утверждают, что, хотя федеральные повестки для президента оправданы всякий раз, когда доказательства являются вещественными, повестки штатов оправданы "только тогда, когда [доказательства] являются существенными". ... Но этот двойной стандарт не имеет юридической основы.

Важнейшей составляющей судебной аргументации является оппозиция «аргумент-контраргумент», при этом для достижения эффекта убедительности в правильности избранной позиции прагматически важной является оценка представленных сторонами доводов. В приведенном выше примере план выражения аргументативного фрейма «утверждение об отсутствии оснований» модусной функции маркируется помимо эксплицитно выраженного указания на отсутствие правовых оснований, также и оценочным дискурсным маркером *double standard*, что свидетельствует о том, что представленный стороной аргумент не будет принят судом во внимание.

- 2) Утверждение об искажении фактов/понятий/интерпретаций:

We disagreed with that rationale, explaining that the "dominant concern" in Fitzgerald was not distraction but the distortion of the Executive's "decision making process" [15]. – Мы не согласились с этим обоснованием, объяснив, что «главнейшим опасением» в деле Фицджеральда было не отвлечение внимания, а искажение фактов в «процессе принятия решения».

В данном отрывке в аргументативном фрейме «утверждение об искажении фактов/понятий/интерпретаций», реализующем модусную функцию, автор указывает на аберрацию в интерпретации прецедента, что прагматически значимо в связи с необходимостью объективной оценки судом

доводов сторон судебного спора. Языковое наполнение фрейма выражено в данном контексте сочетанием частицы *not* с союзом *but*.

► 3) Презентация аналогии права/закона:

We instead drew a careful analogy to the common law absolute immunity of judges and prosecutors, concluding that a President, like those officials, must "deal fearlessly and impartially with the duties of his office" [15]. – Вместо этого мы провели тщательную аналогию с абсолютным иммунитетом судей и прокуроров в общем праве, заключив, что президент, как и эти должностные лица, должен «бесстрашно и беспристрастно исполнять свои служебные обязанности».

С учетом результатов анализа считаем существенно важным подчеркнуть, что аргументация в судебном процессе базируется не только на законах формальной логики, но и в равной степени на правоприменительной технике, базисом которой выступают правовые принципы, нормы, доктрина. Так, одним из важнейших правовых принципов, используемых при обосновании правовой позиции, является аналогия в праве, представляющая собой способ преодоления пробелов в законодательстве. Репрезентацию данного правового принципа мы видим в приведенном выше фрагменте.

Всякое решение суда обязано отвечать принципу обоснованности. В отсутствии конкретной правовой нормы либо схожего прецедента, который мог бы быть положен в основу при принятии решения, суд вправе прибегнуть к аналогии права/закона. С точки зрения фреймового подхода аргументативный фрейм «презентация аналогии права/закона», реализующий диктумную функцию, эксплицитно выражен на лексическом уровне существительным *analogy*, а также предикатом *drew*. При этом иллокутивный эффект высокой степени уверенности в сказанном несут наречие *careful* и модальный глагол *must*.

► 4) Факт – наличие противоречий:

The President next claims that the stigma of being subpoenaed will undermine his leadership at home and abroad. ... But, again, the President concedes that such investigations are permitted under Article II and the Supremacy Clause, and receipt of a subpoena would not seem to categorically magnify the harm to the President's reputation [15]. – Далее президент заявляет, что клеймо позора, вызванное повесткой в суд, подорвет его авторитет внутри страны и за рубежом... Но вновь Президент опять признает, что такие расследования разрешены в соответствии со статьей II и положением о верховенстве, и получение повестки в суд, по-видимому, не будет категорически увеличивать ущерб репутации президента.

Как было отмечено выше, чрезвычайно важным в процессе развертывания аргументации в суде является разрушение логических опор в

доводах оппонента (либо стороны, доводы которой оспариваются, если речь идет о решении суда). Именно такой процесс представлен в настоящем примере. В аргументативном фрейме «факт – наличие противоречий», реализующем диктумную функцию, автор указывает на очевидный конфликт в рамках аргументации одной из сторон. С одной стороны, в защиту своей позиции президент утверждает, что явка по повестке в суд подорвет его авторитет как внутри страны, так и за ее пределами, с другой – признает, что такие действия не запрещены в соответствии с законом. Подобное разночтение может быть истолковано судом как неуверенность стороны в собственных доводах. На лексическом уровне наполнение описываемого фрейма репрезентуется последовательностью предикатов *claims* и *concedes* в отношении одного и того же субъекта, по одному и тому же поводу. Кроме того, о наличии противоречий внутри аргументации свидетельствует союз *but*, выражающий контраст или противопоставление.

► 5) Факт – недостаточность представленных доказательств:

... neither the Solicitor General nor JUSTICE ALITO has established that heightened protection against state subpoenas is necessary for the Executive to fulfill his Article II functions [15]. – ... ни Генеральный прокурор, ни СУДЬЯ АЛИТО не доказали, что усиленная защита от повесток штата необходима исполнительной власти для выполнения своих функций по статье II.

В данном фрагменте языковое наполнение аргументативного фрейма «факт – недостаточность представленных доказательств» выражено оборотом *neither ... nor ... has established*, позволяющим реализовать диктумную функцию констатации факта непредоставления достаточных доказательств для аргументированного обоснования правовой позиции.

Таким образом, проведенный на основе фреймового подхода анализ текстов решений Верховного суда США позволил, с одной стороны, описать характер языкового наполнения исследованных в науке аргументативных фреймов, структурирующих тексты судебных решений, с другой – расширить имеющиеся в науке представления о типах аргументативных фреймов, способствующих адекватной интерпретации текстов судебных решений на базе специфического метаязыка. Так, на наш взгляд, метаязык описания аргументативных фреймов может быть расширен за счет включения таких фреймов как:

- «презентация аналогии права/закона», «факт – наличие противоречий», «факт – недостаточность представленных доказательств», реализующих диктумные функции;
- «утверждение об отсутствии оснований», «утверждение об искажении фактов/понятий/интерпретаций», реализующих модусные функции.

Полагаем также важным отметить открытый характер метаязыка описания аргументативных фреймов судебного дискурса, возможность его дальнейшего наполнения, что, несомненно,

обуславливает перспективность исследования данной проблематики на материале как судебных решений, так и иных жанров судебного дискурса.

Литература

1. Атабекова А. А., Василенко Л. Ю. Аргументация в тексте судебного решения: лингвокогнитивный анализ // Вестник ЧелГУ. 2011. № 25. С. 19–21.
2. Василенко Л. Ю. Лингвокогнитивный анализ аргументации в тексте судебного решения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 19 с.
3. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ. М.: Прогресс, 1989. 308 с.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2003. 284 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
6. Луцковская Л. Ю. Особенности интерпретации текста судебного решения США // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2015. №3. С. 113–120.
7. Матвеева Г. Г. Актуализация прагматического аспекта научного текста. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1984. 132 с.
8. Минский М. Фреймы для представления знаний: пер с англ. / под ред. Ф. М. Кулакова. М.: Энергия, 1979. 151 с.
9. Петрушова Е. В. Фреймовый подход к организации и репрезентации знаний // Культурная жизнь Юга России. 2012. №2. С. 60–62.
10. Суетина О. Г., Серебрякова С. В. Речевые стратегии и тактики как способ реализации категории аргументации в текстах судебных решений // Вестник Пятигорского государственного университета. 2021. №3. С. 131–135.
11. Alabama Association of Realtors v. Department Of Health And Human Services // United States Supreme Court, 2021. URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/20pdf/21a23_ap6c.pdf (Accessed 02.03.2022).
12. Bush v. Gore // Supreme Court of the United States. 2020. URL: <https://tile.loc.gov/storage-services/service/ll/usrep/usrep531/usrep531098/usrep531098.pdf> (Accessed 02.03.2022).
13. Fillmore Ch. J. An Alternative to checklist theories of meaning // Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkley Linguistic Society. 1975. Vol. 1. P. 123-131.
14. United States v. Windsor // Supreme Court of the United States. 2013. URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/12pdf/12-307_6j37.pdf (Accessed 02.03.2022).
15. Trump v. Vance // Supreme Court of the United States. 2020. URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/19pdf/19-635_o7jq.pdf (Accessed 02.03.2022).

References

1. Atabekova A. A. Argumentatsiya v tekste sudebnogo resheniya: lingvokognitivnyi analiz (Argumentation in the text of the judgment: linguocognitive analysis) // Vestnik ChelGU. 2011. No. 25. P. 19–21. (In Russian).
2. Vasilenko L. Yu. Lingvokognitivnyi analiz argumentatsii v tekste sudebnogo resheniya (Linguocognitive analysis of argumentation in the text of a court decision): abstract thesis. Moscow, 2011. 19 p. (In Russian).
3. Deik T. A. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya: sbornik rabot (Language. Cognition. Communication: collection of works). Moscow: Progress, 1989. 308 p. (In Russian).
4. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi (Communicative strategies and tactics of Russian speech). Moscow: URSS, 2003. 284 p. (In Russian).
5. Karaulov Yu. N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost' (Russian language and language personality). Moscow: LKI, 2010. 264 p. (In Russian).
6. Lutskovskaya L.Yu. Osobennosti interpretatsii teksta sudebnogo resheniya SShA (Features of interpretation of the text of the US court decision) // Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika. 2015. No. P. 113–120. (In Russian).
7. Matveeva G. G. Aktualizatsiya pragmaticheskogo aspekta nauchnogo teksta (Actualization of the pragmatic aspect of the scientific text). Rostov-on-Don: RSU, 1984. 132 p. (In Russian).
8. Minskii M. Freimy dlya predstavleniya znaniy: per s angl. (Frames for the representation of knowledge: translated from English). Moscow: Energiya, 1979. 151 s. (In Russian).
9. Petrushova E. V. Freimovyi podkhod k organizatsii i reprezentatsii znaniy (Frame approach to the organization and representation of knowledge) // Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii. 2012. No. 2. P. 60–62. (In Russian).
10. Suetina O. G., Serebryakova S. V. Rechevye strategii i taktiki kak sposob realizatsii kategorii argumentatsii v tekstakh sudebnykh reshenii (Speech strategies and tactics as a way to implement the category of argumentation in the texts of court decisions) // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. No. 3. P. 131 – 135. (In Russian).
11. Alabama Association of Realtors v. Department Of Health And Human Services // United States Supreme Court, 2021. – URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/20pdf/21a23_ap6c.pdf (Accessed: 02.03.2022).
12. Bush v. Gore // Supreme Court of the United States. – 2020. URL: <https://tile.loc.gov/storage-services/service/ll/usrep/usrep531/usrep531098/usrep531098.pdf> (Accessed: 02.03.2022).
13. Fillmore, Ch. J. An Alternative to checklist theories of meaning // Proceedings of the First Annual Meeting of the Berkley Linguistic Society. 1975. Vol. 1. P. 123–131.
14. United States v. Windsor [Electronic resource] // Supreme Court of the United States. – 2013. URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/12pdf/12-307_6j37.pdf (Accessed 02.03.2022).
15. Trump v. Vance // Supreme Court of the United States. – 2020. URL: https://www.supremecourt.gov/opinions/19pdf/19-635_o7jq.pdf (Accessed: 02.03.2022).

Сведения об авторах

Серебрякова Светлана Васильевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода Северо-Кавказского федерального университета / svetla.na@mail.ru

Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Суетина Олеся Геннадьевна – аспирант кафедры теории и практики перевода Северо-Кавказский федеральный университет / redy85@mail.ru

Адрес: д.1, ул. Пушкина, 355017, Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the authors

Svetlana V. Serebriakova – Doctor of Philology, Professor, Chair of Theory and Practice of Translation, North-Caucasus Federal University / svetla.na@mail.ru

The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

Olesya G. Suetina – Postgraduate student, Chair of Theory and Practice of Translation, North-Caucasus Federal University / redy85@mail.ru

The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

Том 10, № 1 (2023)

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал /
гл. ред. И. В. Крючков. – 2023. – Т. 10. – № 1. – 173 с.

– Свободная цена –

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка И. В. Бушманова

Дизайн обложки С. Томицкая

Подписано к печати 22.04.2023

Дата выхода в свет 29.04.2023

Формат 60x84 1/8

Усл. п. л. 20,23

Уч.-изд. л. 19,67

Бумага офсетная

Заказ 12

Тираж 500 экз.

Отпечатано в дизайн-бюро Школы креативных индустрий
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2